

ВЕРОНИКА
РОТ

ЗНАК

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА ДИВЕРГЕНТ

Annotation

В мире, где властвует Ток, у каждого есть дар. Одни способны овладеть Токодаром. Другие становятся его прислужниками. Мой дар – причинять боль. Я, Кайра, сестра жестокого тирана, иду против своего народа, чтобы помочь врагу. Моему другу. Кто из нас прав? Будем ли мы заодно? Как сила определит наше будущее?

- [Вероника Рот](#)
  -
  -
  - [Часть первая](#)
    - [1. Акос](#)
    - [2. Акос](#)
  - [Часть вторая](#)
    - [3. Кайра](#)
    - [4. Кайра](#)
    - [5. Кайра](#)
    - [6. Кайра](#)
    - [7. Кайра](#)
    - [8. Кайра](#)
    - [9. Кайра](#)
    - [10. Кайра](#)
    - [11. Кайра](#)
    - [12. Кайра](#)
    - [13. Кайра](#)
    - [14. Кайра](#)
  - [Часть третья](#)
    - [15. Акос](#)
    - [16. Кайра](#)
    - [17. Акос](#)
    - [18. Кайра](#)
    - [19. Акос](#)
    - [20. Кайра](#)
    - [21. Акос](#)
    - [22. Кайра](#)
    - [23. Акос](#)

- [24. Кайра](#)
  - [25. Кайра](#)
  - [Часть четвертая](#)
    - [26. Акос](#)
    - [27. Акос](#)
    - [28. Акос](#)
    - [29. Кайра](#)
    - [30. Акос](#)
    - [31. Кайра](#)
    - [32. Акос](#)
    - [33. Кайра](#)
    - [34. Акос](#)
    - [35. Кайра](#)
    - [36. Акос](#)
    - [37. Кайра](#)
    - [38. Акос](#)
    - [39. Кайра](#)
    - [40. Акос](#)
    - [41. Кайра](#)
    - [42. Акос](#)
  - [Глоссарий](#)
  - [Благодарности](#)
-

Вероника Рот

Знак

Veronica Roth
Carve the Mark

Copyright © 2017 by Veronica Roth

Map © 2017 by Veronica Roth. All rights reserved

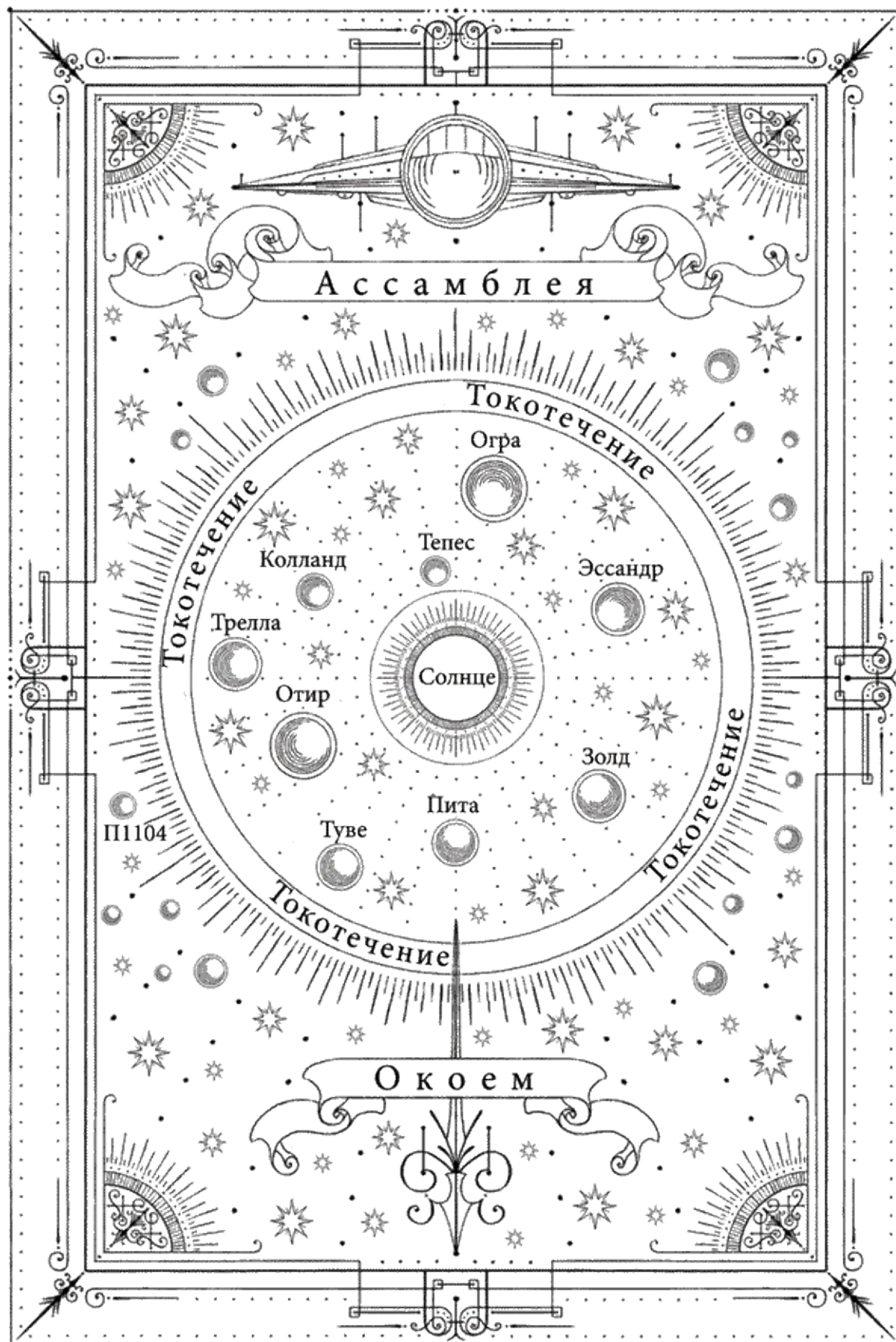
© Резник С., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

* * *

*Посвящается Ингрид и Карлу, которых люблю во
всех их проявлениях*

Часть первая

1. Акос

Тихоцвет всегда распускался в самую длинную ночь.

Когда тугой «кулачок» лепестков раскрывался, вспыхивая ярко-алым, весь город праздновал это событие. Тихоцвет был истинной кровью народа, а кроме того, по мысли Акоса, позволял не сойти с ума от холода.

В канун ритуала Цветения Акос, запарившись в своей кухлянке, решил подождать родичей во внутреннем дворе. Дом Керезетов был выстроен вокруг очага, и его внутренние и внешние стены плавно изгибались. Предполагалось, что круг приносит удачу.

Стоило открыть дверь, как от мороза защипало глаза. Акос опустил защитные очки, стекла тут же запотели. Рукой в варежке потянулся за кочергой, пошуровал ею под колпаком очага. Горюч-камни, выглядевшие черными комьями, от трения замерцали, рассыпая разноцветные искры – оттенок их зависел от того, чем именно были присыпаны осколки камней.

Теперь они вспыхнули ясным, кровавым огнем. Камни горели здесь не для света или тепла, а как напоминание о Токе. Впрочем, Акосу хватало и постоянного гула в собственном теле. Ток протекал сквозь каждое живое существо, а в небе проявлялся разноцветными сполохами. Точь-в-точь как россыпь горюч-камней. Или фонари «поплавков», сновавших над дорогой в город. Или летающие тарелки, которые проносились над этой покрытой снегом планетой: пришельцы не решались высадиться на ее промерзлую поверхность.

Во двор выглянул Айджа – старший брат Акоса.

– Ты же заледенеешь! Возвращайся, мама почти готова!

Обычно мама долго возилась, собираясь в храм. Как-никак, а она – прорицательница. Глаза всех присутствующих будут обращены на нее.

Акос бросил кочергу и шмыгнул в дом, на ходу стаскивая защитные очки и маску.

Отец и Сизи, старшая сестра Акоса, уже топтались у входной двери, нахлобучив на головы капюшоны: оба в самых теплых кухлянках из меха кутяха. Шерсть этого зверя не поддавалась окраске, оставаясь серебристо-седой.

– Все в сборе? Отлично, – сказала мама, застегивая кухлянку.

Она неодобрительно покосилась на старые унты мужа.

– Прах твоего отца содрогается, видя, как грязна твоя обувь, Оуса.

– Надеюсь. Потому-то я и постарался запачкать ее как следует, –

улыбнулся отец.

– Прекрасно, – ответила мать нарочито милым голоском. – А знаешь, мне нравится.

– Тебе нравится все, что не нравилось моему батюшке.

– Просто потому, что твоему батюшке никогда ничего не нравилось.

– Может, пойдем наконец в поплавок, а? Пока он совсем не остыл? – жалобно напомнил Айджа. – Ори, наверное, скучает у алтаря.

Мама одернула рукава кухлянки и натянула на лицо маску, после чего все Керезеты – в мехах, защитных очках и плотных перчатках – заторопились на стоянку.

Приплюснутый, круглый корабль парил над снегом на высоте колен взрослого человека. Мать коснулась двери, та открылась, и они гурьбой полезли внутрь. Айджа и Сизи протянули руки Акосу, еще слишком маленькому, чтобы забираться в поплавок самостоятельно. Пристегиваться никто не стал.

– К храму! – крикнул отец, вздев кулак.

Он всегда так делал, когда они отправлялись в храм. Подбадривал своих детей, как будто им предстояло выслушать нудный урок или толкаться в очереди вместе с родителями в день голосования.

– Разлить бы твой энтузиазм по бутылкам да раздать тувенцам! Большинство прихожан я вижу раз в сезон, и то лишь потому, что их ждет еда и выпивка, – пошутила мать.

– Ты сама так решила, – напомнил Айджа. – Тогда приманивай их жратвой весь сезон.

– Устами младенца, – пробормотала мать, нажимая кнопку зажигания.

Поплавок взмыл вверх и так рванул вперед, что они повалились друг на друга. Айджа со смехом отпихнул Акосу.

Вдалеке помаргивали огни Гессы. Город располагался вокруг холма, вершину которого венчал храм, а у подножия находилась военная база. Остальным строениям тоже места хватало. Храм был массивным каменным зданием, с куполом из сотен разноцветных стеклянных панелей. В лучах заходящего солнца рукотворный пик Гессы должен был светиться оранжево-красным. Но вечернее небо часто заволакивали тучи, из чего следовало, что не светился он почти никогда.

Поплавок полетел над улицами Гессы. Город был древним, как и сама планета Туве.

Гесса... Так называли ее все, кроме врагов: казалось, что это слово застряло у подлых пришельцев как кость в горле. Опустевшие дома утопали в глубоких сугробах. Сегодня жители Гессы собрались в храме.

– Видела что-нибудь интересное? – спросил у матери отец, направляя поплавок в обход высокого анемометра, протыкающего небо.

Пропеллер анемометра бешено вращался.

По отцовскому тону Акос догадался, что речь идет о видениях. На каждой планете было по три провидца: один назывался «восходящим», второй – «восседающим» – такой являлась мама Акоса, – а третий – «нисходящим». Акос не знал точно, что означает «восседающий», но понимал, что Ток нашептывает матери сведения о будущем.

Многие восторгались ее даром.

– На днях я заметила твою сестру... – начала мама, но осеклась. – Сомневаюсь, что ей захочется это услышать.

– Она считает, что к будущему, учитывая его важность, нужно подходить с должным уважением.

Глаза матери сверкнули, и она по очереди оглядела детей.

– Вот что получается, когда выходишь за военного, – произнесла она. – Они хотят, чтобы мир был упорядочен, в том числе и мой токодар.

– Но я, вопреки семейной традиции, сделался фермером, а не солдатом. А моя сестра наверняка нервничает, поэтому не думай, что она захочет тебе нагрубить.

– Ну-ну, – хмыкнула мама.

Сизи принялась вполголоса что-то напевать. Мелодия была знакома Акосу, но откуда – он не помнил. Сестра смотрела в окно, игнорируя перепалку родителей. Однако до ссоры дело не дошло, и тишину нарушало только мурлыканье Сизи. Как говаривал отец, к реальности у нее имелся свой подходец. Этакая легкость.

Храм был освещен и снаружи, и изнутри: арочный вход украшали гирлянды фонариков, каждый размером с кулак Акоса. Повсюду парили поплавки, пухлые «брюшки» которых озарялись разноцветными зигзагами. Часть поплавков прихожане припарковали на склоне холма, другие еще кружили вокруг купола: их владельцы пытались найти стоянку. Мать, знающая самые потайные закоулки храмовой территории, указала отцу на небольшой участок возле трапезной. Там они и высадились, а мать быстро провела их к тяжелой боковой двери, которую ей пришлось открывать обеими руками.

В каменном коридоре царил полумрак. Ковры были такими потертыми, что сквозь них просвечивал пол.

Они миновали низкий алтарь, на котором теплились свечи. Их зажигали в честь тувенцев, павших во время шотетского нашествия еще до рождения Акоса.

Он засмотрелся на мерцающие огоньки. Айджа обхватил его сзади за плечи, и Акос испуганно ойкнул. И смутился, сообразив, что это просто-напросто брат. Айджа расхохотался, тыча пальцем ему в щеку:

– Я даже в темноте вижу, как ты покраснел!

– Заткнись! – обиделся Акос.

– Айджа, не дразни брата, – пристыдила мать своего старшего сына.

Ей постоянно приходилось заступаться за Акоса, который заливался краской по любому поводу.

– Я же пошутил, мам...

Они добрались до центра храма. Здесь, вокруг Зала Предсказаний, собралась толпа прихожан. Люди стягивали кухлянки и унты, оставаясь в легких ботинках, поправляли примятые капюшонами волосы, дышали на замерзшие пальцы. Кerezеты тоже сняли унты, кухлянки, маски и рукавицы, свалив свое добро в каменной нише, прямо под окном. Акос уставился на вытравленный на фиолетовом стекле тувенский символ Тока.

Когда Кerezеты собирались войти в Зал, Акос услышал звонкий голос:

– Айджа!

В коридор влетела Ори Реднэлис, лучшая подруга Айджы. Она была долговязой и нескладной, сплошные локти, коленки и взъерошенная шевелюра. Прежде Акос никогда не видел Ори в платье: наряд, сшитый из фиолетово-красной ткани, застегивался на плече, как военная форма.

Костяшки пальцев у Ори покраснели от холода. Одним прыжком подскочив к Айджэ, Ори затараторила:

– Вот ты где! А я чуть не лопнула, слушая разглагольствования тетушки об Ассамблее.

Акосу однажды посчастливилось внимать напыщенным рассуждениям этой женщины. Тетка Ори любила поговорить о галактическом правительстве. По ее словам, Ассамблея ценила Туве исключительно за посевы ледотравья и не придавала значения шотетскому вторжению, именуя его «гражданскими разногласиями». Какой-то смысл в ее речах имелся, но Акос всегда чувствовал себя неловко, слушая разговоры взрослых.

Если бы они его о чем-то спросили, он бы, наверное, онемел.

– Привет, Оуса, Сифа, Сизи, Акос! – выпалила Ори. – Счастливого вам Дня Цветения! Поздравляю! – быстро добавила она. – Пойдем, Айджа!

Айджа вопросительно взглянул на отца, и тот махнул рукой:

– Ладно! Позже увидимся.

– Но если застукаем тебя с трубкой во рту, как в прошлом сезоне, заставим съесть ее содержимое, – добавила мать.

Айджа выгнул бровь. Брат никогда не смущался и не краснел. Даже когда другие школьники дразнили его за слишком высокий для мальчишки голос или за богатство родителей, – обстоятельство, отнюдь не добавлявшее тебе популярности в Гессе.

И Айджа никогда не огрызался на насмешки. Он умел отгораживаться от подобных вещей, замечая их только тогда, когда ему действительно хотелось.

Айджа схватил Акоса за локоть и потащил за собой. Сизи, как всегда, осталась с родителями, а братья, вслед за Ори, потопали в Зал Предсказаний.

Ори ахнула, и Акос, увидев внутреннее убранство, эхом повторил ее вздох. Тувенцы, прислуживающие в храме, развесили тут сотни фонариков и присыпали горюч-камни тихоцветом, отчего те прямо-таки пылали. Красные огни – куда ни глянь, от вершины купола до самого пола! Зрелище завораживало. Акос как будто оказался под сияющим пологом.

Айджа улыбнулся Акосу, и на его зубах заиграли алые отсветы.

В центре просторного зала находилась громадная льдина. В прозрачной глыбе виднелось несколько дюжин побегов тихоцвета с готовыми вот-вот раскрыться бутонами.

Льдину окружали небольшие, размером с палец Акоса, фонарики с горюч-каменьями, от которых исходило ровное сияние. Теперь каждый тувенец мог вдоволь полюбоваться неискаженным оттенком тихоцветов – куда более насыщенным, чем любой светильник. Глубоким, как кровь, так утверждали некоторые.

Вокруг столпились прихожане, облаченные в церемониальные мантии свободного покроя. Эти одеяния скрывали все, кроме головы и рук, и скреплялись искусно сделанными стеклянными пуговицами. Кроме того, мужчины щеголяли в длинных, до колен, жилетах, отороченных мягкой кожей ильта, и в шарфах, дважды обернутых вокруг шеи. Наряды прихожан, в отличие от повседневных кухлянок, не были ни серыми, ни белыми.

Зеленый жилет Акоса достался ему в наследство от Айджи и оказался широковат в плечах. Сам Айджа был в коричневом.

Ори ринулась к столу с угощением, где уже торчала ее тетушка с кислой физиономией. Племянницу она не заметила. У Акоса вообще сложилось впечатление, что Ори не жалуется тетку с дядей, поэтому частенько гостит в доме Керезетов. Что случилось с родителями Ори, он не знал.

Айджа сунул в рот целую булочку и поперхнулся крошками.

– Осторожно! – воскликнул Акос. – Мало славы погибнуть, подавившись горбушкой!

– По крайней мере, помру за любимым занятием, – ответил брат, чавкая и с нежностью озирая еду.

Акос захихикал. Ори приобняла Айджу за шею и притянула поближе к себе.

– Не оглядывайся. Там много любопытных.

– Ну и что? – фыркнул, разбрасывая крошки, Айджа.

Зато Акос почувствовал расплывшийся по затылку жар. Он покосился налево, где стояла группка тувенцев. Прихожане действительно молча буравили их взглядами.

– Тебе пора понемногу начать приспосабливаться, Акос, – сказал Айджа. – Не впервой ведь, в конце концов.

– А тебе пора сообразить, что они хотят приспособить нас, – повзрослому парировал Акос. – Мы живем здесь всю жизнь, и у нас есть свои судьбы. Чего пялиться-то?

«Будущее будущим, но судьбу углядишь далеко не у каждого», – так обычно говорила мама.

Акос задумался. Он знал, что некоторые представители «благословенных» семей имеют судьбы, увиденные в час их рождения всеми предсказателями на всех планетах одновременно. Подобные видения настолько сильны, призналась ему мама, что буквально оглушают тебя и сбивают с ног. В такие моменты ты чувствуешь только Ток.

У Айджи, Сизи и Акоса были судьбы. Правда, никто из детей не ведал, что их ожидает, а мать по какой-то причине предпочитала избегать бесед на столь серьезную тему.

Она лишь повторяла, что ей не нужно ничего им рассказывать. Вселенной предстояло сделать это за нее.

Их судьбы должны управлять ходом миров. Когда Акос размышлял о подобных высоких материях слишком долго, его начинало тошнить.

– Моя тетя говорит, что в последнее время Ассамблея на новостном канале всю критикует предсказателей. Похоже, сейчас у людей одно на уме, – пожала плечами Ори.

– Критикует? – удивился Акос. – А почему?

– Идемте! – перебил их Айджа. – Надо отыскать хорошее местечко.

– Точно! – просияла Ори. – Не хочу опять любоваться чужими задками, как в прошлый раз.

– По-моему, ты за этот сезон немного подросла, – заметил Айджа. – Может, дотянешься до середины чьей-нибудь спины.

– Прекрасно! – Ори закатила глаза. – Я ведь надела платье по настоянию тетушки именно для того, чтобы уткнуться носом в чью-то спину.

Акос первым скользнул в толпу. Он подныривал под столики с бокалами вина и протискивался между животами прихожан, пока не выбрался в первый ряд, прямо к льдине с бутонами тихоцветов. Мать была уже там. Несмотря на холод, она сняла обувь. Мама всегда утверждала, что предсказания «идут» легче, если стоять босиком.

Айджа склонился к уху брата и прошептал:

– Чувствуешь? Ток гудит как сумасшедший. У меня аж внутренности вибрируют.

Прежде Акос не обращал на это внимания, но Айджа был прав: сердце в груди так сильно трепыхалось, что, казалось, пела сама кровь. Не успел он ответить, как заговорила их мать. Негромко, но кричать и не требовалось, прихожане знали слова наизусть.

– Ток течет сквозь планеты нашей галактики, даруя нам свет как свидетельство своей силы...

Люди как по команде посмотрели вверх, на токотечение, слабо просвечивающее сквозь красный купол храма. В это время года оно почти всегда оставалось багряным, точь-в-точь как лепестки тихоцвета или стекло крыши. Токотечение было истинным признаком Тока – Тока, который струился сквозь тело каждого живого существа и пронизывал галактику, связывая всех воедино, словно нить бусины.

– Ток струится сквозь все живое, – продолжала Сифа, – создавая пространство для процветания жизни. Он затрагивает каждого, но проявляется по-разному, просеиваясь сквозь сито мозга. Он течет сквозь каждый цветок, выросший во льду.

Не только Акос, Айджа и Ори, но и остальные прихожане придвинулись друг к другу поближе, встав плечом к плечу, чтобы лучше видеть льдину и тихоцветы.

– Ток течет сквозь каждый цветок, выросший во льду, – повторила Сифа, – давая ему возможность распуститься в полной мгле. Ток дарует силу тихоцвету – нашему символу, цветку нашей гибели и нашего возрождения.

Воцарилась тишина, которая могла лишь показаться странной, хотя таковой и не являлась. Прихожане мысленно запели хором гулкую песню, ощущая прилив извечной энергии, которая управляла вселенной, так же как трение частиц управляло горюч-камнями.

Вдруг во льду что-то шевельнулось. Дрогнул один лепесток.

Скрипнула трещинка. Дрожь пробежала по тихоцветам. Никто из зрителей не издавал ни звука.

Акос бросил быстрый взгляд вверх, на красный стеклянный купол, и едва не пропустил момент, когда все бутоны раскрылись. Алые лепестки развернулись, продемонстрировав яркую серединку и окутав стебли. Лыдина расцвела огнями.

Люди ахнули и заплодировали. Акос тоже хлопал, пока не заболели ладони. Отец подошел к маме, взял ее за руки и поцеловал. Для прочих она была неприкасаемой Сифой Керезет, предсказательницей, которой Ток даровал власть провидеть будущее. Но запрет не распространялся на ее мужа. Он мог прижимать кончик пальца к ямочке на ее щеке или заправлять выбившуюся из узла волос прядку, оставляя на ее плече желтое пятнышко муки, если в этот момент он замешивал хлеб.

Отец будущего не видел, зато он умел чинить сломанные вещи вроде разбитой тарелки, треснувшего настенного экрана или изношенного подола старой рубахи. Иногда Акос думал, что он может «починить» людей, попади они в беду.

Поэтому, когда отец подошел к Акосу и подхватил его на руки, тот не смутился.

– Мой маленький сынок! – воскликнул он, сажая Акоса себе на плечи. – Ох, не такой он и маленький, если честно. Тяжеленок как никогда.

– И вовсе я не тяжелый, просто ты постарел, – вякнул Акос.

– От кого я это слышу? От собственного ребенка? Хм-м, и какого же наказания заслуживает столь острый язычок?

– Не надо, пап...

Но было поздно. Оуса передернул плечами, Акос съехал по отцовской спине и повис вниз головой. Отец держал его за лодыжки. Акос, прижимая к животу задравшийся жилет, громко хохотал. Когда он окончательно сполз на пол, отец отпустил его ноги.

– Пусть это послужит тебе уроком, нахаленок! – заявил Оуса, склоняясь над сыном.

– А что, от нахальства у тебя кровь приливает к голове? – невинно заморгал Акос.

– Именно, – улыбнулся Оуса. – Счастливого Дня Цветения.

– И тебе, пап, – отозвался Акос.

В ту ночь они так долго бодрствовали, что Айджа и Ори уснули прямо за кухонным столом. Сифа отнесла Ори на диван в гостиной, где девочка с некоторых пор проводила добрую половину ночей, а отец уложил Айджу в спальне. В итоге на кухне остались только мать с Акосом. Они всегда

задерживались допоздна.

Мама включила экран. Забормотал выпуск новостей Ассамблеи. Членами галактического правительства являлись девять планет – самых больших или наиболее важных. Формально каждая из них сохраняла независимость, однако Ассамблея регулировала торговлю, армию, договоры, полеты, а также обеспечивала соблюдение законов в нейтральном космосе. Заседания Ассамблеи проходили на всех девяти планетах по очереди. На сей раз обсуждались засуха на Тепесе, медицинские разработки Отира, пираты, взявшие на абордаж корабль на орбите Питы...

Мама принялась открывать банки с сушеными травами. Сначала Акос решил, что она собирается сделать успокаивающий отвар, который поможет им обоим уснуть, но мать вышла в коридор и достала с верхней полки чулана кувшин с тихоцветами.

– По-моему, сейчас самое подходящее время для особенного урока, – вымолвила Сифа.

Обычно, когда она рассказывала ему о ледоцветах, Акос думал о ней как о «Сифе», а не как о «маме». Два сезона назад она стала в шутку называть их ночные занятия «уроками зельеварения», но сегодня ее голос звучал серьезно. Впрочем, с такой матерью ничего нельзя было сказать наверняка.

– Возьми разделочную доску и нарежь мне корня гарвы, – приказала она, натягивая перчатки. – Мы ведь с тобой и раньше использовали тихоцвет, верно?

– Да, для сонного эликсира, – кивнул Акос.

Он встал слева от матери, приготовив доску, нож и чуть-чуть пыльный корень гарвы. Посмотрел на белесый корешок, покрытым легким пушком.

– А еще мы брали его для успокаивающего отвара, – напомнила Сифа. – Если не ошибаюсь, я тебе тогда говорила, что он пригодится и для вечеринок. Когда ты станешь старше, разумеется.

– Ага. Так и сказала. «Вот когда станешь постарше, тогда...»

Уголки ее губ приподнялись. За редким исключением, большего веселья ожидать от нее не приходилось.

– Ингредиенты, которые ты, повзрослев, будешь использовать для успокоительного, пригодны и для приготовления яда, – продолжила Сифа, помрачнев. – Достаточно лишь удвоить дозу тихоцвета и корня гарвы. Понял?

– А зачем... – начал Акос, но она быстро сменила тему.

– Итак, – произнесла Сифа, кладя на разделочную доску сморщенный

алый лепесток тихоцвета длиной в половину ладони. – Что занимало твои мысли нынче вечером?

– Ничто. В храме люди пилились на нас.

– Всех очаровывают судьбоносные. Хотелось бы мне сказать, что однажды они прекратят таращиться, но... – мать вздохнула. – Боюсь, на тебя они будут смотреть всегда.

Акосу захотелось спросить, почему она подчеркнула это «на тебя», однако он прикусил язык, зная, что одно неосторожное слово, и мама закончит урок столь же внезапно, как начала. Зато, если задать правильный вопрос, можно вывести у нее много такого, чего и знать-то ему не положено.

– Как насчет тебя? – спросил он. – Что занимало твои мысли?

– Ну... – мать принялась нарезать лепесток.

Нож тихонько постукивал по доске. Акос делал успехи, хотя иногда нарезанные кусочки корня и получались кривоватыми.

– Меня изводят мысли о семействе Ноавеков.

Пальцы ее обнаженных ног – ног предсказательницы – скрючились от холода.

– Они правят землями шотетов, наших заклятых врагов.

У шотетов не было родной планеты, и они славились жестокостью и свирепостью. Убивая очередного врага, они наносили себе на руку татуировку в виде линии, и даже их дети обучены были искусству войны. Как и семья Акоса, шотеты жили на Туве, в ковыльных степях, однако они никогда не называли планету Туве, а себя – тувенцами.

А сейчас замерзшие метелки ковыль-травы как раз скреблись в окно в доме Акоса.

Отец рассказывал, что его мать, бабушка Акоса, погибла, защищаясь хлебным ножом во время шотетского набега. Гесса до сих пор несла на себе шрамы шотетского неистовства: имена убитых, вырезанные на низких каменных стенах, выбитые окна, заложенные на скорую руку.

Надо лишь пройти через ковыли. Порой Акос думал, что шотеты находятся на расстоянии вытянутой руки.

– Род Ноавеков – судьбоносный, – продолжала мать. – Они такие же, как ты и твои брат с сестрой. Прежде предсказатели никогда не отмечали рождения таких младенцев среди Ноавеков, это случилось только на моем веку. Поэтому Ноавеки получили рычаги давления на шотетское правительство и заодно – неслыханную доселе власть.

– Странно, что такое возможно! В смысле, чтобы судьбу вдруг обретала новая семья.

– Мы, предсказатели, не контролируем тех, кто обретает судьбу. Мы видим сотни вариантов грядущего развития событий. Но судьба – это то, что повторяется с неким человеком в каждом из возможных вариантов его будущего, хотя подобное случается крайне редко. Судьбы определяют, кто становится их носителем, а не наоборот.

Акос никогда не задумывался о судьбе в таком ключе. Люди всегда утверждали, что предсказатели раздают судьбы как подарки, предпочитая важных «шишек». А если послушать его мать, выходило иначе: именно судьбы и делали «шишек» – «шишками».

– То есть ты увидела судьбы Ноавеков?

– Да, – кивнула она. – Их сына и дочери. Ризека и Кайры. Он – постарше, она – твоя ровесница.

Акос уже слышал про Ризека и Кайру. Люди плели про род Ноавеков всякое. Местные судачили о том, что у них якобы идет пена изо рта, в кувшинах хранятся глаза их кровных врагов, а татуировки на руках Ноавеков тянутся от запястий до плеч. Вполне вероятно, что последнее было правдой.

– Иногда легко понять, почему человек стал таким, а не иным, – тихо произнесла мать. – Ризек и Кайра – дети тирана. Их отец, Лазмет, сын женщины, убившей собственных братьев и сестер. Колена их рода заражены насилием. – Сифа начала раскачиваться взад и вперед. – И я вижу их всех...

Акос схватил ее за руку.

– Прости, Акос, – прошептала мама.

Акос не понял, извиняется ли она за то, что разоткровенничалась перед ним, или просит прощения за что-то другое. Впрочем, это было неважно.

Они стояли, обнявшись, слушая бормотание диктора, а темная ночь за окном стала еще темнее.

2. Акос

– Все произошло глубокой ночью, – говорил Осно, раздуваясь от гордости. – У меня на коленке была царапина, даже нарывать начала. Но когда утром я вылез из-под одеял, она исчезла.

Одна из стен класса была полукруглой, а две других – прямыми. Посередине располагался широкий очаг с горюч-камнями. Учительница, объясняя урок, всегда ходила вокруг него. Пол привычно поскрипывал под ее ботинками. Иногда Акос принимался подсчитывать круги, и число всегда было внушительным.

Вокруг очага расположились металлические стулья. Напротив них вместо столешниц находились закрепленные под углом стеклянные экраны, на которых демонстрировались материалы по теме урока.

Они уже включились, но учительница пока еще не пришла.

– Лучше покажи! – потребовала Риа.

Как истинная патриотка, Риа всегда носила шарфы с вышитой картой Туве и никогда никому не верила на слово. Выслушав очередную историю, она, наморщив веснушчатый носик, тотчас требовала доказательств.

Осно вытащил перочинный ножик и полоснул лезвием по пальцу. Из пореза выступила кровь – но даже Акос, сидевший дальше всех, увидел, что рана прямо на глазах начала затягиваться. Она как будто застегивалась на молнию.

В определенном возрасте каждый обретал свой токодар.

Акосу, несмотря на его целых четырнадцать сезонов, еще предстояло подождать. Иногда токодар передавался по наследству, иногда – нет. Временами он был полезен, а порой – совершенно никчем. Дар Осно оказался чрезвычайно полезным.

– Здорово! – похвалила Риа. – Дождаться не могу, когда обрету свой. А ты-то сам догадывался, какой дар получишь?

Осно был самым высоким в классе. Разговаривая с кем-нибудь, он всегда старался подойти к собеседнику поближе и горделиво выпрямлялся во весь рост. С Акосом он последний раз общался еще в прошлом сезоне. Мать Осно тогда мимоходом бросила сыну: «Какой-то он невзрачный для судьбоносного, правда?»

Осно возразил: «Нет, он славный малый».

Вряд ли Акос действительно был «славным», но именно так обычно называют тихонь.

– Мой отец говорит, – Осно убрал со лба темные волосы и вальяжно перекинул руку через спинку стула, – что чем лучше ты познаешь самого себя, тем меньше удивления вызывает обретенный дар.

Риа согласно кивнула, и ее коса подпрыгнула на спине. Акос мог поспорить с кем угодно, что еще до конца сезона Риа и Осно начнут встречаться.

Что бы там ни собиралась сказать Риа, она не успела даже и рот открыть. Экран у двери моргнул и потемнел. Сразу же погасли и лампы в классе, а судя по отсутствию светлой полосы под дверью, и в коридоре. Оттуда донесся громкий возглас. Акос вскочил, ножки стула взвизгнули.

– Керезет! – предупреждающе прошипел Осно, но Акос не обратил внимания.

Что, собственно, страшного произошло в коридоре? Чудовище, готовое накинуться и проглотить, что ли?

Акос приоткрыл дверь и выглянул. Здание школы, как и большинство строений в Гессе, было круглым: учительская – в центре, классы – по периметру, между ними – узкий темный коридор.

Горели только оранжевые аварийные лампы над лестницами.

– В чем дело? – спросил девичий голос.

Акос узнал Ори. Вскоре в оранжевой лужице света появилась и она сама. Рядом с Ори стояла ее тетка Бадха. Акос никогда не видел ту настолько взъерошенной: выбившиеся из пучка волос пряди торчали в разные стороны, пуговицы на кофте были застегнуты вкривь и вкось.

– Тебе грозит опасность! – запричитала Бадха. – Помнишь, как мы делали на учениях?

– А что случилось-то? – требовательно спросила Ори. – Являешься в школу, выдергиваешь меня с занятий, даже вещи собрать не даешь...

– Судьбоносные в опасности, понимаешь? Ты находишься под ударом. Тебе надо бежать.

– А Керезеты? Разве им не грозит опасность?

– Не такая, как тебе, – Бадха схватила Ори за локоть и потянула ее к лестнице, ведущей в восточное крыло.

В полумраке Акос не мог разглядеть лица Ори, однако, прежде чем свернуть за угол, девочка обернулась. Волосы Ори разметались, из-под перекошенного свитера выглядывала ключица. Акос почти не сомневался, что в широко распахнутых глазах Ори плескался страх, но голову бы на отсечение не дал.

Но вдруг его кто-то окликнул. Из учительской выбежала Сизи в теплом сером платье и черных ботинках. Губы плотно сжаты.

– Нас вызывают к директору, – сказала она. – Папа сейчас прилетит, а мы пока подождем его в кабинете.

– Что... – залепетал Акос.

Сестра, похоже, его не услышала.

– Давай пошевеливайся, – и Сизи захлопнула дверь учительской.

В голове у Акоса воцарился хаос. Ори оказалась судьбоносной, свет потух, отец летит в школу. Ори – в опасности, как и он сам.

Сизи тащила его по сумрачному коридору. Наконец впереди показался дверной проем. В помещении горела лампа. Кто-то, уже находившийся в кабинете, обернулся на их шаги... неужели Айджа?

Напротив брата сидел директор. Акос не знал его имени, ученики и преподаватели просто называли его «директор».

Акос лишь изредка видел руководителя школы: только когда тот делал объявления или шел мимо класса Акоса. Поэтому сейчас Акос не обратил на него особого внимания.

– Что случилось? – спросил Акос у Айджи.

– Никто ничего не говорит, – брат покосился на директора.

– Школьная администрация полагает, что разрешение подобных ситуаций следует оставить на усмотрение родителей, – уклончиво ответил тот.

Среди школьников ходили упорные слухи, будто директор – вообще не человек, а машина, и если разрезать ему живот, то вместо внутренностей обнаружишь моток проводов. Насчет внутренностей Акос уверен не был, зато голос у директора звучал механически.

– И вы не можете объяснить, что стряслось-то? – осведомился Айджа.

Он мастерски скопировал материнские интонации.

А кстати, где мама? Акос встрепнулся. Папа, наверное, прилетит с минуты на минуту, но о маме речь не шла.

– Айджа, – прошептала Сизи.

Акос внезапно успокоился. Ее еле слышный голос вторил гудению тока внутри него, усмиряя тревогу. Волшебство не закончилось. Директор, Айджа, Сизи и Акос замолчали.

– Становится холодно, – наконец произнес Айджа.

Акос заметил, что от двери по ногам ползет ледяная струйка.

– Да, – кивнул директор. – Я выключил энергоснабжение. Включу, когда вы покинете школу.

– Вы из-за нас обесточили здание? Но зачем? – мягко поинтересовалась Сизи.

Таким же вкрадчивым тоном она говорила, когда не хотела

отправляться спать или желала получить конфету. С родителями ее уловка не срабатывала, зато директор мигом растаял как свеча. Акосу в голову пришла глупая мысль, что директор вот-вот расплавится, точно свечной воск.

– Это единственный способ одновременно отключить все экраны после тревоги, объявленной Ассамблеей, – охотно объяснил директор.

– Значит, была объявлена тревога, – сладким голосом продолжила Сизи.

– Да. Самим руководителем Ассамблеи.

Айджа с Акосом переглянулись. Сизи сидела, скромно сложив руки на коленях, и улыбалась. Кудрявые волосы картинно обрамляли ее личико. В тусклом свете лампы она выглядела истинной дочерью Оуса. Отец тоже умел добиваться своего, улыбкой завоевывая сердца людей, а смехом – улаживая любую проблему.

От риска растаять директора спас настойчивый стук в дверь. С последним ударом круглая ручка вывалилась, а металлическая пластина, к которой она крепилась, треснула пополам. Акос понял, что отец на взводе. Оуса плохо умел контролировать свой нрав, а его токодар часто усугублял ситуацию. Отец прекрасно чинил всякие вещи, правда, половину из них он сам же предварительно и ломал.

– Извините, – пробормотал Оуса, врываясь в кабинет.

Поднял отвалившуюся ручку, провел пальцем по трещине. Пластина срослась немного неровно, но в целом выглядела как новенькая. Сифа утверждала, что отец не всегда исправляет поломанное идеально, а в доказательство предъявляла кривоватые тарелки и чашки с неровностями на ободках.

– Мистер Керезет! – воскликнул директор.

– Спасибо за то, что отреагировали так быстро, – поблагодарил отец.

На его губах не было ни тени улыбки, серьезность отцовского лица испугала Акоса больше, чем темные коридоры, суровость Бадхи или сжатые губы Сизи.

Отец улыбался всегда, в том числе когда это было совершенно неуместно. Мама называла его улыбку лучшей защитой.

– Идите за мной, старшее дитя, среднее дитя и младшее дитя, – безрадостно сказал Оуса. – Мы отправляемся домой.

И тогда они разом поднялись и послушно потопали в школьную раздевалку. Отыскали среди одинаковых серых кухлянок свои, на воротниках которых красовалась вышитая нитками фамилия «Керезет».

Сизи с Акосом умудрились их впопыхах перепутать, и им пришлось

обменяться: кухлянка Акоса жала Сизи в плечах, а ее собственная верхняя одежда оказалась слишком длинной для Акоса.

Поплавок с приоткрытой дверью ждал их снаружи. Он был чуть больше обычного, хотя тоже круглым и приплюснутым. Блестящие металлические бока запачкала грязь.

Они забрались в кабину. Настенный экран, настроенный на новостной канал, был выключен. Так же, как и навигационный экран. Оуса, управляя поплавком, орудовал рычагами и кнопками без голосовых подсказок навигатора. Ремни безопасности пристегивать не стали, Акос чувствовал, что это будет пустой тратой времени.

– Пап! – окликнул отца Айджа.

– Сегодня утром Ассамблея сочла себя обязанной сообщить о жребиях одаренных родов, – проворчал отец. – Оракулы приватно, в качестве жеста доброй воли, поделились данной информацией с Ассамблеей пару лет назад. Судьбы-то держат в секрете до тех пор, пока человек не умрет. О них знают только семьи и носители, но теперь... – отец по очереди посмотрел детям в глаза. – Теперь все узнали о ваших судьбах.

– А в чем они заключаются? – испугался Акос.

– А почему это опасно? – перебила его Сизи.

Отец, разумеется, ответил на вопрос дочери:

– Нельзя сказать, что разглашение опасно для каждого из судьбоносных... лишь для некоторых.

Акос припомнил, как тетка за локоть тащила Ори к лестнице: «Ты находишься под ударом. Тебе надо бежать». Выходит, и Ори – носительница судьбы. Однако Акос не помнил фамилии Реднэлис в списке судьбоносных родов. Значит, Реднэлис – не настоящая фамилия Ори.

– Так в чем заключаются наши судьбы? – переспросил Айджа, и Акос в который раз позавидовал его звонкому голосу.

Иногда, когда не хотелось спать, и они с братом начинали болтать, на «шепот» Айджи тотчас прибежали родители. Акос был совсем не таким. И секреты он умел хранить как никто другой. Вот и сейчас молчал о том, что узнал об Ори.

Поплавок летел над полями ледотравья. Они тянулись на мили и мили, разделенные невысокими сетчатыми заборами: желтые «цветы ревности», белые чистоцветы, зеленые лозы гарвы, бурая листва сендеса и, наконец, алые тихоцветы в проволочных клетках, по которым пропущен ток. Раньше – еще до клеток – люди частенько кидались в заросли и погибали среди красных лепестков: достаточно было глубоко вдохнуть их ароматный яд, и человек засыпал навеки. Акосу всегда представлялось, что это не слишком

плохой конец: умереть в окружении багряных цветов, растущих под белесым небом Туве.

– Когда будем в безопасности, я вам расскажу, – произнес отец нарочито бодрым тоном.

– А мама где? – не удержался Акос.

– Ваша мать... – Оуса сжал зубы, и вдруг возле его кресла в полу образовалась дыра, словно треснула корка на подрумянившемся каравае в печи.

Отец выругался и протянул руку, чтобы залатать прореху. Акосу стало очень страшно. Что могло настолько сильно рассердить отца?

– В общем, понятия не имею, где она. Но уверен, что она в порядке.

– Она не предупредила тебя о том, что готовится? – продолжал допытываться Акос.

– Думаю, она могла и не знать, – предположила Сизи.

Однако они понимали, что это попросту невозможно. Сифа знала все. Причем всегда.

– У вашей матери есть веские причины для того, чтобы поступать так, как она считает нужным. Просто иногда она не делится с нами... некоторыми вещами, – вымолвил Оуса. – Но мы должны ей доверять, пусть это и нелегко.

Акос посмотрел на отца. Похоже, Оуса пытался себя в чем-то убедить, но у него не очень-то и получалось.

Поплавок приземлился на лужайке, ломая крапчатые хохолки ковыль-травы, простиравшейся за домом насколько хватало глаз. Временами в травянистых зарослях происходили странные вещи. Люди слышали шепоты или видели темные силуэты. Говорили, что те, кто сходил с троп, тонули в снегу, после чего их поглощала земля. Всякое болтали. Еще с поплавка кто-нибудь нет-нет да и замечал скелет.

Но Акос научился не обращать внимания на лица, появляющиеся в высокой траве, и он никогда не откликался на голоса, зовущие его по имени. Кое-какие тени иногда можно было даже опознать: умерших бабушку с дедушкой, мать и отца с гнилыми трупными пятнами на щеках, школьных недоброжелателей.

Однако сегодня, выпрыгнув из поплавка и дотронувшись до пушистых метелок, Акос понял, что ему ничего не мерещится. Задержавшись, он оглядел поле в поисках привычных галлюцинаций. Их не было.

– Акос! – зашипел Айджа.

Подозрительно как-то, подумал Акос и побежал за братом. Он нагнал его у входной двери.

Оуса отпер замок. Они ввалились в прихожую, принялись стягивать куртки. Тяжело вздохнув, Акос вдруг обнаружил, что в доме пахнет как-то неправильно. Не хлебом, приправленным пряностями, который отец любил печь зимой, а едким потом и моторным маслом. Внутри у Акоса все сжалось.

– Папа! – позвал он.

Оуса протянул руку к выключателю и зажег свет.

Айджа завопил. Сизи ахнула. Акос окаменел.

В гостиной находились трое мужчин. Первый – высок и худ, второй – еще выше, зато широк в кости, третий – толстый коротышка. Троица была облачена в темно-синюю броню: та поблескивала в желтоватом свете горюч-каменей и казалась черной. В руках мужчины держали ток-ножи, связанные с телами своих хозяев «усиками» тоководов, обвивавших запястья. Акос видел такое оружие у солдат, патрулировавших Гессу. В доме Керезетов ток-ножей не имелось. Для чего они предсказательнице и фермеру?

И вдруг Акос догадался, кто к ним пожаловал. К ним в дом вломились шотеты. Враги тувенцев и Керезетов. Люди, повинные в каждой свече, загоравшейся на алтаре в память о погибших во время шотетского нашествия. Те, кто разрушил дома, разбил стекла, в осколках которых теперь отражались обломки былого величия. Те, кто отнял у тувенцев храбрейших и сильнейших сынов и дочерей, погрузив их семьи в траур. Среди павших была, по словам отца, и бабушка Акоса с ее хлебным ножиком.

– Что это значит? – напряженно спросил Оуса.

В остальном гостиная выглядела как обычно: вокруг низкого стола лежали подушки, рядом с очагом – меховое одеяло, брошенное Сизи, которая всегда читала у огня. В очаге еще тлели угли, но в доме было холодно. Отец широко расставил ноги, прикрывая собой детей.

– Женщины нет, – сказал один из шотетов своим товарищам. – Кстати, где она?

– Предсказательница, – пожал плечами другой. – Нелегко будет ее изловить.

– Вы умеете говорить на нашем языке, – сурово произнес Оуса. – Прекратите делать вид, что не понимаете меня.

Акос нахмурился. Неужели отец не слышал, что они интересуются мамой?

– Надо же, как раздухарился, – хмыкнул самый высокий с желтыми, как расплавленное золото, глазами. – А как там его зовут?

– Оуса, – ответил коротышка. Его лицо испещряло множество рубцов, причем самый длинный перетягивал кожу у глаза.

Имя отца прозвучало в его устах невнятно.

– Оуса Керезет, – раздельно произнес золотоглазый. – А мое имя – Вас Кузар.

На сей раз его голос прозвучал как-то иначе. Как если бы шотет внезапно начал изъясняться с сильным акцентом, хотя еще секунду назад никакого акцента Акос не слышал. Как такое возможно?

– Я в курсе, кто ты, – процедил Оуса. – На память пока не жалуюсь, можешь поверить.

– Взять его! – рявкнул человек, назвавшийся Васом.

Коротышка кинулся на отца. Сизи и Акос отшатнулись в стороны, а шотетский солдат сцепился с Оусой. Последний только сжал зубы. Зеркало в гостиной разлетелось градом острых осколков. Рамка свадебной фотографии родителей на каминной полке треснула. Тем не менее шотет сграбастал Оусу, повалил его на пол и выволок на середину комнаты.

Айджа, Сизи и Акос остались лицом к лицу с двумя другими шотетами.

Коротышка приставил ток-нож к горлу Оусы, принудив его встать на колени.

– Смотри, чтобы дети не удрали! – приказал Вас высокому.

Но Акос наконец-то вспомнил, что стоит у двери. Потянулся к ручке, повернул металлический шар, но едва успел приоткрыть створку, как его грубо схватили за плечо. Здоровенный шотет легко поднял мальчика одной рукой. Боль прожгла мышцы. Акос попытался лягнуть врага, но тот громко загоготал.

– Ишь, какой неженка! – гаркнул солдат. – Лучше бы тебе сразу смириться, как и всему вашему плюгавому племени.

– Никакие мы не плюгавые! – крикнул Акос.

Прозвучало глупо. Точно у малыша, который не понимает, как выиграть спор. Но почему-то слова Акоса заставили всех замереть и уставиться на Акоса. Не только дылду, державшего его за плечо, но и Сизи, Айджу и даже отца.

Они смотрели на него, и Акос в ужасе почувствовал, что не просто покраснел, а зарделся как тихоцвет.

Вас Кузар расхохотался.

– Твой младшенький, да? – спросил он у Оусы. – Ты знал, что он говорит по-шотетски?

– Я не говорю по-шотетски, – пробормотал Акос.

– А только что говорил, – возразил Вас. – Похоже, в роду Керезетов завелся сынок шотетской крови. Любопытно.

– Акос?.. – удивленно прошептал Айджа.

– Нет во мне шотетской крови! – заорал Акос, и трое шотетов заржали в голос.

Неожиданно до Акоса дошло, что он понимает значение издаваемых ими грубых звуков, отрывистых и гортанных. Он говорил на шотетском языке, который никогда прежде не слышал. Шотетский сильно отличался от благозвучного тувенского: последний напоминал ветерок, подхватывающий легкие снежинки.

Выходит, что Акос действительно заговорил на шотетском. Его собственные слова звучали точь-в-точь как окрики солдат. Но ведь Акос никогда не изучал шотетский!

– Где твоя жена, Оуса? – произнес Вас, поигрывая ток-ножом, чьи «усики» с готовностью елозили по коже шотета. – Мы бы спросили у нее, завела ли она интрижку с шотетским мужчиной или в ее собственных жилах течет шотетская кровь, о чем твоя женушка забыла тебе доложить. Кому как не предсказательнице знать, откуда у ее младшенького столь глубокие языковые познания?

– Моей жены здесь нет, – резко ответил Оуса. – Как вы, наверное, успели заметить.

– Тувенец решил, что он – самый умный, да? – хмыкнул Вас. – Умничать с врагами опасно для жизни.

– Мне все равно, что за глупости вертятся в ваших головах! – воскликнул Оуса, и, несмотря на то, что он стоял на коленях, Акосу показалось, что отец смотрит на шотета сверху вниз. – Прихвостни Ноавеков! Вы – сродни грязи из-под моих ногтей.

Вас наклонился и дал ему пощечину. Оуса повалился на бок, задев низкий столик. Айджа завопил и кинулся к отцу, но его остановил тот же солдат, что держал Акоса. Дылда без труда справлялся с двумя братьями, будто это ему ничего не стоило, хотя Айджа – ему исполнилось уже шестнадцать сезонов – ростом был со взрослого мужчину.

Столик в гостинной треснул пополам и развалился. В угол покатались деревянные чурбачки, из которых отец собирался что-то выстрогать, на пол слетели старая кружка и книга.

– На твоём месте, Оуса, – пробасил Вас, – я бы придерживал свой токодар в узде.

Отец на миг прикрыл лицо ладонями, а затем бросился на коротышку, схватил его за запястье и крутанул, заставляя выпустить ток-нож. Отобрав

клинок, Оуса наставил его на изумленного врага.

– Давай, бей, не стесняйся! – ухмыльнулся Вас. – У меня таких – несколько дюжин, а у тебя количество детей весьма ограничено.

Оуса слизнул кровь, сочащуюся из опухшей, разбитой губы, и оглянулся через плечо на Васа.

– Не представляю, где моя жена, – сказал он. – Вам стоило наведаться в храм. Если она предвидела ваш визит, то вряд ли объявится дома.

Вас с улыбкой разглядывал ток-нож в своей руке.

– Ничего, и так сойдет, – произнес он, переходя на шотетский, солдату, державшему одной рукой Акоса, а другой прижимавшего к стене Айджу. – Наша главная цель – ребенок.

– Мы знаем, кто из них младший, – ответил дылда – тоже на шотетском. – Но который средний? – добавил он, встряхивая Акоса.

– Пап! – в отчаянии заверещал Акос. – Они ищут среднее дитя! Папа!..

Солдат отпустил Акоса, но лишь для того, чтобы двинуть по скуле. Акос врезался в стену. Сизи ринулась к брату и принялась, рыдая, ощупывать его лицо.

Сдавленно закричав, Оуса с размаха вонзил ток-нож под броню Васа. Шотет не дрогнул. Криво усмехнувшись, он взялся за рукоятку и вытащил лезвие. Оуса смотрел на него как зачарованный. Из раны побежала кровь, пропитывая темную ткань штанов Васа.

– Ты оплошал, Оуса. Забыл, с кем связался и что это – мой токодар? – спокойно сказал шотет. – Я не чувствую боли.

И, сграбастав Оусу за локоть, шотет полоснул его лезвием по предплечью. Еще никогда в жизни Акос не слышал, чтобы отец так кричал. На пол полилась кровь. Айджа вновь завопил и забился, лицо Сизи перекошилось, но она не издавала ни звука.

Акос больше не мог терпеть. Он вскочил на ноги. Голова еще гудела после удара, и он не понимал, что собирается делать. Да и что сейчас вообще можно предпринять?

– Айджа, беги, – шепнул он и кинулся на Васа, чтобы погрузить пальцы в рану, глубоко-глубоко, и вцепиться в его кости, вырвать его сердце.

Звуки потасовки, крики, рыдания... Все это слилось в нестройный вой. Акос ударил кулаком в броню шотета, руку пронзила страшная боль. Солдат с шрамами бросился на Акоса и повалил его, как мешок с мукой. Наступил грязным ботинком ему на скулу.

– Папа! – завизжал Айджа. – Папа!

Акос даже не мог повернуть голову. Скопив глаза, он увидел отца,

лежащего на полу. Его локоть оказался вывернут под неестественным углом. Вокруг черепа, точно нимб, растекалась красная лужа. Над отцом склонилась Сизи, пытаясь дрожащими руками зажать рану на его горле. Рядом стоял Вас с окровавленным ножом.

Внезапно силы оставили Акоса.

– Подними его, Сузао, – приказал Вас.

Ботинок исчез, и солдат поставил Акоса на ноги. Акос не мог отвести взгляда от отцовского тела, изломанного, как столик в гостиной, и от красно-бурой лужи.

Сколько же крови в одном человеке? – мелькнула мысль.

Вас продолжал сжимать нож. Его руки тоже были в крови.

– Все понял, Кальмев? – спросил Вас у самого высокого.

Тот рыкнул в ответ, схватил Айджу и защелкнул на его запястьях наручники. Айджа не сопротивлялся, он просто оцепенел, глядя на своего отца.

– Спасибо тебе. Ты дал ответ на мой вопрос, – сказал Вас, обратившись к Акосу. – Но, думаю, вы пригодитесь нам оба, благодаря вашим судьбам.

Сузао и Вас нависли над Акосом и подтолкнули к двери. В последнюю секунду ему удалось вырваться, он упал на колени возле отца и дотронулся до его щеки. Кожа оказалась теплой и липкой. Глаза Оусы были открыты, но жизнь по капле утекала из него, будто вода из треснувшего сосуда. Отец перевел взгляд на Айджу, которого подтаскивали к входной двери.

– Я верну Айджу домой, – прошептал Акос, слегка поворачивая голову отцу, чтобы тот мог его видеть. – Обещаю.

Когда жизнь окончательно покинула Оусу, Акос уже был в ковылях, в руках врагов.

Часть вторая

3. Кайра

Мне было всего шесть сезонов от роду, когда я совершила свою первую Побывку.

Выйдя из дома, я ожидала увидеть солнечный свет, но сразу же угодила в тень нашего корабля. Он висел над столицей шотетов, как тяжелая дождевая туча. Корабль был длинным, с заостренным носом, над которым виднелся экран из небьющегося стекла. За несколько десятилетий космических путешествий металлическое брюхо побили метеориты, то там, то сям блестели новенькие заплатки. Нам предстояло подняться на борт и оказаться в утробе этого гигантского зверя. На корме, рядом с соплами, зиял зев терминала, через который можно было попасть внутрь.

Большинство шотетских ребятишек отправляется на Побывку в возрасте восьми сезонов. Но мой отец – владыка шотетов Лазмет Ноавек, поэтому меня подготовили к прохождению нашего главного обряда на два сезона раньше. Нам предстояло облететь всю галактику, следуя токотечению, пока оно не станет темно-синим, затем спуститься на поверхность какой-нибудь планеты и хорошенько ее обыскать.

По традиции владыке и его семье полагалось взойти на борт прежде других. По крайней мере, подобный обычай сложился во время правления моей бабушки, ставшей первой владычицей шотетов из рода Ноавеков.

– У меня ужасно голова зудит. Что с моими волосами? – пожаловалась я матери, пытаюсь просунуть кончики пальцев сквозь слишком туго, чтобы ни одна прядь не выбилась, заплетенные косички.

Та лишь улыбнулась. На ней было платье, сотканное из ковыль-травы. Пушистые стебли, крест-накрест закрепленные на лифе, обрамляли мамино лицо. Отега, моя гувернантка, объяснила мне, что мы посеяли целый океан ковыль-травы, чтобы отметить границу между нами и нашими врагами-тувенцами и не позволить им захватить шотетские земли. Материнский наряд был символом, напоминающим народу о том славном деянии.

Все, что делала моя мама, всегда становилось отзвуком нашей истории.

– Сегодня, – сказала она, – на тебя будут впервые устремлены глаза большинства шотетов – и не только шотетов. Вся галактика увидит тебя. Так что незачем людям таращиться на твои волосы. Поэтому мы и сделали косички невидимыми.

Я ничего не поняла, но расспрашивать не стала, а принялась

рассматривать прическу матери. Ее волосы были темными, как и мои, но до того кудрявыми, что в них застревали гребни, а вот мои – куда более гладкими.

– Вся галактика? – повторила я.

В принципе, я знала, что галактика огромна. Она включала в себя девять главных планет и бесчисленное число солнечных систем, не говоря уже о станциях на бесплодных каменных обломках лун, а также – космических кораблях (некоторые достигали столь огромных размеров, что вполне могли потягаться и с планетами). Однако в ту пору разница между планетой и нашим домом, где я провела почти всю свою жизнь, была для меня невелика.

– Твой отец распорядился отослать запись Процессии главному новостному каналу, который смотрят на планетах Ассамблеи, – объяснила мама. – Каждый, кто интересуется нашими ритуалами, сможет понаблюдать за нынешним событием.

Даже в столь юном возрасте я знала, что другие планеты не похожи на нашу. Мы – единственные, кто пересекает галактику, следуя за током течением, а наше обособленное местоположение, вдали от богатых обитаемых миров – уникально. Ничего удивительного, что мы вызываем интерес у остальных. А то, чего доброго, и зависть.

Мы, шотеты, отправляемся на Побывку каждый сезон с незапамятных времен. Отега мне объяснила, что Побывка – это давняя традиция, а охота за сокровищами – нововведение, поэтому в одном ритуале прошлое встречается с будущим. Но однажды я услышала, как отец с горечью заметил, что мы «кое-как выживаем, роясь в планетарных отбросах». Мой папа – известный мастер срывать красивые покровы.

Он, мой отец, Лазмет Ноавек, шествовал во главе процессии. Первым вышел за ворота нашего поместья, перед которыми раскинулся Воа, и приветственно воздел руку. Толпа, собравшаяся спозаранку, радостно взревела. Люди стояли вплотную друг к другу, и я не могла разглядеть ни малейшего просвета между ними. Какофония криков, кажется, заглушала даже мои собственные мысли. Здесь, в самом центре Воа, в нескольких кварталах от амфитеатра, где устраивали бои, улицы были чистыми, а бульжники мостовой – гладкими. Новые дома соседствовали со старыми, а простая каменная кладка и высокие узкие двери – со стеклом и металлом. Для меня подобная эклектика была столь же естественной, как собственное тело. Наш народ ценил живописность древности и красоту новизны, не отказываясь ни от того, ни от другого.

Однако самые громкие возгласы достались не отцу, а моей матери. Она

благосклонно улыбалась и дотрагивалась кончиками пальцев до рук, которые тянулись к ней со всех сторон. Я в недоумении смотрела на нее – стройную, гордую, но приветливую, – слушала восторженный рев толпы, выкрикивающей: «Илира! Илира! Илира!», и чувствовала, что к глазам подступают слезы. Мама выдернула из полы своей юбки стебелек ковыля и заправила его за ухо маленькой девочке.

– Илира! Илира! Илира!

Я побежала вперед, вдогонку за братом. Ризек на целых десять сезонов старше меня. На нем была броня (конечно, не настоящая – из кожи Панцырника, такую брат пока не заслужил, а искусная имитация). Однако и в этой броне брат казался мощнее, чем обычно. Видимо, именно поэтому он ее и нацепил. Ризек у нас высокий, но тощий, как стебель ковыль-травы.

– Почему они выкрикивают мамино имя? – спросила я у брата, вприпрыжку семена рядом.

– Народ ее любит, – ответил Риз. – Так же, как и мы.

– Но они ее совсем не знают.

– Верно. Но они думают иначе, а этого им вполне хватает.

Подушечки маминых пальцев запачкались синим от прикосновений ко множеству разрисованных рук. Я решила, что мне вряд ли понравилось бы перетрогать такое количество людей.

Нас окружали вооруженные солдаты, которые прокладывали нам узкий проход в толпе. Впрочем, то было совершенно излишне: толпа послушно расступалась перед моим отцом, он рассекал ее, точно острый нож. Может, люди и не выкрикивали его имя, зато склоняли перед ним головы и отводили глаза. Впервые в жизни я наглядно убедилась, до чего тонка грань между любовью и страхом, между обожанием и почитанием. Грань эта пролежала между моими родителями.

– Кайра! – позвал меня отец и, видя, что я застыла на месте, протянул руку.

Я, пусть и нехотя, сжала его ладонь. Отец – не из тех, кому можно не подчиниться.

Быстрым, сильным движением он подхватил меня и левой рукой – словно я ничего не весила – прижал к своей закованной в броню груди. От отца пахло гарью и травами, его борода покалывала мне щеку. Он – владыка Лазмет, но мама зовет его Лазом, когда думает, что ее никто не слышит, и разговаривает с ним стихами.

– Мне пришло в голову, что ты хочешь посмотреть на свой народ, – вымолвил отец, подбрасывая меня на локте.

Его правую руку от плеча до запястья покрывали шрамы, специально

окрашенные в темный цвет, чтобы их было лучше видно. Как-то раз отец сказал мне, что каждый из шрамов – воспоминания о чьей-то жизни. Я не поняла, что он имел в виду. У мамы тоже имелись шрамы, хотя их количество не дотягивало и до половины отцовских.

– Люди жаждут сильных правителей, – добавил мой отец. – И мы – я, твоя мать и твой брат – оправдываем их ожидания. В один прекрасный день ты тоже сможешь стать такой, да?

– Да, – прошептала я, хотя и не представляла, о чем он говорит.

– Вот и славно. А теперь помаши им!

Немного волнуясь, я подняла руку, стараясь подражать отцу, и с удивлением увидела, что толпа мне отвечает.

– Ризек! – откликнулся отец брата.

– Иди ко мне, малышка Ноавек, – произнес тот одними губами, моментально догадавшись, чего от него хочет отец.

Я перебралась на спину брату и обняла его за шею, просунув ноги в ремешки брони. На прыщавой щеке Ризека появилась ямочка, – он улыбнулся.

– Побежали? – громко спросил он, перекрывая шум толпы.

– Куда? – Я прижалась к нему поплотнее.

Вместо ответа он крепче обхватил мои коленки и, хохоча, поскакал между двумя рядами гвардейцев. Прыжки Ризека заставили захихикать и меня, и людей – нашу толпу, мой народ!

Лица вокруг нас засияли еще ярче.

Увидев чью-то протянутую руку, я, в точности как моя мать, коснулась чужих пальцев. Они оказались потными, но, к моему изумлению, мне не стало противно. Напротив, мое сердце ликовало.

4. Кайра

В нашем поместье имелось множество потайных ходов, сооруженных для того, чтобы слуги могли беспрепятственно передвигаться по дому, не доставляя хлопот ни нам, ни нашим гостям. Я нередко пользовалась тайными тропами, изучая путевые знаки, вырезанные на стенах у перекрестков и лестничных площадок. Отега иногда отчитывала меня за то, что я являлась на урок в одежде, покрытой пылью и паутиной, но, в общем-то, никого не заботило, как я провожу свободное время. Главное – чтобы не досаждала отцу.

Когда мне исполнилось семь сезонов, моя непоседливость завела меня в секретный ход за стеной отцовского кабинета. Сначала я пошла просто на шум, однако, услышав папин голос, звеневший от ярости, замерла, присев на корточки.

С минуту я раздумывала, не лучше ли будет поскорее вернуться в свою комнату: когда отец говорил таким тоном, ничего хорошего это никому не сулило. Только матери было под силу его успокоить, но даже она не могла предотвратить его гнев.

В конце концов я прижала ухо к стене.

– Говори! – донесся до меня отцовский рык. – Передай как можно точнее, что именно ты ему сказал!

– Я... я думал, что...

Голос брата дрожал, похоже, тот едва сдерживался, чтобы не зареветь. Плохо дело. Папа ненавидел слезы.

– Я думал, что если его готовят мне в стюарды, ему можно доверять...

– Отвечай сейчас же, что ты ему сказал!

– Что... моя судьба, по словам оракулов, – пасть от руки кого-то из тувенского рода Бенезитов. Все...

Я отшатнулась от стены. К моему уху прилипла паутинка.

Так вот в чем заключалась судьба Ризека! Родители поделились с ним этой информацией в тот день, когда их судьбоносный сын обрел свой токодар. Через несколько сезонов и я должна была получить свой. Знать, что судьба Ризека – погибнуть от руки неких загадочных Бенезитов, даже непонятно, где проживающих, – являлось редким везением. А может, и тяжким бременем.

– Все? – презрительно передразнил Риза отец. – Болван. Кем ты себя возомнил, ты, обладатель столь презренной судьбы? Ты был обязан

помалкивать! Ты ведь не хочешь погибнуть от собственной глупости!

– Простите, отец, – хрипло пробормотал Ризек. – Впредь я никогда не повторю своей ошибки.

– Верно. Ты ее уже не повторишь, – невыразительно произнес отец, что всегда наводило ужас на окружающих. – И нам придется усердно потрудиться, чтобы найти выход из этого тупика. Среди сотен вариантов будущего нам предстоит найти такой, в котором ты не будешь напрасной обузой. А тебе надлежит сделать все, чтобы казаться как можно более сильным, даже в глазах твоего ближайшего окружения. Ясно тебе?

– Да, сэр.

– Хорошо.

Скрючившись у стены, я вслушивалась в их голоса, пока в носу не зачесалось от пыли.

Мне всегда не терпелось узнать, какова моя собственная судьба: приведет ли она меня к возвышению или к гибели. Однако теперь страх пересилил любопытство. Завоевать Туве – вот чего желал мой отец, а Ризек оказался обречен на провал самой судьбой.

Он был осужден. Он мог обмануть ожидания отца.

Опасно сердить владыку, особенно если ты ничего не можешь исправить.

Возвращаясь по туннелям в спальню, я тревожилась за Риза. И продолжала беспокоиться за брата, пока не разобралась что к чему.

5. Кайра

Сезон спустя, когда мне было восемь, брат ввалился в мою комнату, запыхавшийся и промокший под дождем. Я только что закончила расставлять на ковре у кровати куколок, которые были собраны во время прошлой Побывки на Отире (население Отира питало слабость к мелким, бесполезным вещицам). Брат повалил несколько фигурок, и я закричала, что он разрушил строй моих войск.

– Кайра, – произнес Ризек, садясь на пол рядом со мной.

Ему уже исполнилось восемнадцать, у него были длинные руки-ноги, прыщи на лбу, но сейчас он был испуган и казался гораздо младше. Я погладила Ризека по плечу.

– Что случилось?

– Слушай, отец не брал тебя с собой?.. Ничего тебе не показывал?

– Нет.

Лазмет Ноавек никогда и никуда меня не брал и по-моему, даже не замечал. Чему я нисколько не огорчилась, понимая, что в отцовском внимании ничего хорошего нет.

– Как-то это нечестно, – нервно пробормотал Риз. – Мы – его дети, и относиться к нам нужно одинаково, правда, Кайра?

– Наверное. А что стряслось-то?

Риз дотронулся до моей щеки. Спальня вместе с тяжелыми синими шторами и деревянными панелями исчезла.

– Сегодня, Ризек, – произносит отцовский голос, – ты должен отдать приказ.

Я стою перед широким окном в сумрачном помещении с каменными стенами. Рядом отец. Он почему-то стал ниже ростом: обычно я едва достаю ему до подмышки, а сейчас смотрю прямо в глаза. Мои руки с тонкими пальцами сложены на груди.

– Вы хотите... – я дышу часто и неглубоко, – чтобы я...

– Соберись, – рычит отец, хватая меня за броню и подталкивает к окну.

За окном – другая комната, в которой я вижу седого, изможденного старика с потухшими глазами. Его запястья скованы наручниками. Отец кивает, и к узнику приближаются стражники. Один из них хватается за плечи и держит, а другой накидывает на шею веревку и завязывает узел.

Старик не протестует. Любые движения слишком тяжелы для него, словно вместо крови в его жилах течет свинец.

Я начинаю дрожать.

– Этот человек – предатель, – продолжает отец. – Он строил козни против нашего рода. Распространял лживые слухи, что мы якобы крадем иностранную материальную помощь, направляемую голодающим и больным шотетам. Людей, которые плохо отзываются о нашей семье, надлежит не просто казнить. Их надо убивать очень медленно. И ты должен быть готов не только отдавать подобные приказы, но и сам приводить их в исполнение. Впрочем, такой урок тебе еще предстоит.

Страх, точно червь, скручивается у меня в животе.

Разочарованно хмыкнув, отец берет меня за руку и кладет что-то мне на ладонь. Я опускаю взгляд и вижу запечатанный воском пузырек.

– Если ты не в состоянии успокоиться, он тебе поможет, – говорит отец. – Так или иначе, а ты сделаешь то, что я тебе приказываю.

Сковырнув восковую нащепку, я выливаю содержимое пузырька в рот. Успокаивающая настойка обжигает горло, спустя мгновение сердце начинает биться ровнее, паника отступает.

Я киваю отцу, и тот включает переговорное устройство. Мне требуется какое-то время, чтобы собраться с мыслями и подыскать нужные слова.

– Казнить его, – произношу я чужим голосом.

Один из стражников делает шаг назад и тянет за конец веревки, которая пропущена через металлическое кольцо в потолке, как нитка в игольное ушко. Он тянет, пока ступни узника не отрываются от пола и не начинают подергиваться. Лицо старика краснеет, потом синееет. Он бьется в судорогах. Мне хочется отвернуться, но я не смею.

– Иногда от такой келейной казни проку больше, чем от публичной, – объясняет отец, предварительно выключив коммуникатор. – Стражники начнут шептаться, как ты обходишься с теми, кто клеветает на твой род, а те, кому они это расскажут, растреплют все своим приятелям. О твоей силе и власти узнают все шотеты.

В моей груди зарождается крик, я с трудом сдерживаю его в глотке. Он как откушенный кусок хлеба, слишком большой, чтобы его проглотить.

Полутемное помещение исчезло столь же внезапно, как и появилось.

Я стою на солнечной, запруженной людьми улице и обнимаю мать за ноги. В воздухе клубится пыль. Мы находимся в столице планеты Золд, в

городе с «оригинальным» названием Золдия, который мы посетили во время моей первой Побывки. Сейчас здесь – сезон ветров, все покрыто слоем тончайшей серой пыли. Она летит не с земли, а с бесконечных цветочных полей, раскинувшихся на востоке. Я сразу узнаю и место, и время. Это одно из моих самых любимых воспоминаний.

Мама, ероша мои волосы, склоняет голову перед человеком, встретившим нас на улице.

– Благодарю, ваша светлость, за то, что вы любезно разрешили нам провести наши поиски, – говорит она. – Со своей стороны могу вас заверить, что мы возьмем только ненужное вам.

– Уж, пожалуйста, сделайте одолжение! У меня есть информация о том, что в прошлую свою Побывку шотетские солдаты попросту занялись грабежами. И разбойничали они в больницах, – грубо отвечает мужчина.

Цветочная пыльца на коже мужчины сверкает на солнце. Я удивленно рассматриваю нашего собеседника. В своей серой мантии он похож на статую.

– Поведение солдат непростительно, и они сурово наказаны, – твердо отвечает мать и поворачивается ко мне: – Кайра, поздоровайся с бургомистром Золдии. Ваша светлость, позвольте представить вам мою дочь Кайру.

– Мне нравится ваша пыльца, – говорю я. – А в глаза она вам не лезет?

– Еще как лезет, – смеется бургомистр. – Поэтому если мы не принимаем посетителей, всегда надеваем очки.

Он достает из кармана очки с бледно-зелеными линзами и протягивает мне. Я тотчас их надеваю, но они чересчур мне велики и съезжают с носа, поэтому мне приходится придерживать их за дужки. Мама весело, беззаботно хохочет, и бургомистр вторит ей.

– Мы сделаем все возможное, чтобы уважить ваш обычай, – обращается он к матери. – Хотя, признаюсь вам, не понимаю я его.

– Суть в том, что мы стремимся к обновлению, – поясняет мать. – И среди мусора отыскиваем то, чему можно дать вторую жизнь. Ничто и никогда не следует расточать попусту. Думаю, вы со мной согласитесь.

Ее слова вдруг зазвучали в обратном порядке, очки скользнули вверх к моей переносице и опять оказались в руках губернатора. Моя первая Побывка сворачивалась в моем сознании. Воспоминание вернулось в начальную точку и исчезло.

Я опять очутилась в своей спальне, в окружении кукол. Я знала, что когда-то побывала на Золде и встретилась с бургомистром, но почему-то не могла вызвать в памяти давние образы. Их место занял узник с удавкой на шее, а в ушах звучал отцовский бас.

Риз обменял свое воспоминание на мое.

Я и раньше видела, как он проделывал подобные штуки: первый раз – с Васом, его товарищем и слугой, а второй – с мамой. И все это случилось после того, как Риз в растерзанных чувствах возвращался от отца. Дотрагивался до человека, и через секунду плечи брата распрямлялись, глаза высыхали, он начинал выглядеть более-менее спокойным.

А Вас и мама становились... опустошенными. Точно утратили что-то.

– Кайра, – произнес Риз, и по его щекам потекли слезы. – Ты сама согласилась, что будет честно, если мы поровну разделим бремя.

Он потянулся ко мне. Во мне что-то вспыхнуло. Едва его ладонь дотронулась до моего подбородка, под моей кожей зашевелились синеватые вены, точно паутина из мрака или мокрицы. Они двигались, ползли по моим рукам, разнося жар. И боль.

Я завизжала так громко, как никогда в жизни. Мне вторил голос Риза, звуча с моим почти в унисон. Темные вены принесли с собой физическую боль.

Теперь я сама стала болью. Я погружалась в нее, растворялась в ней.

Риз отдернул руку, но тени и мучительная боль остались. Мой токодар проснулся слишком рано.

В комнату вбежала мама в кое-как застегнутой рубашке и с влажным лицом, которое она не успела вытереть. Увидев черные пятна на моей коже, кинулась ко мне, схватила за плечи, но сразу отшатнулась, как будто обожглась. Она почувствовала то же самое, что и я.

И я опять завизжала, вцепившись ногтями в черную паутину.

Мама дала мне лекарство. С тех пор Риз, не выносивший боли, избегал прикасаться ко мне. Как и все прочие.

6. Кайра

– Куда мы направляемся?

Я следовала за матерью по бесконечным коридорам, мой силуэт отражался в отполированном до блеска паркете. Мама шла впереди, с прямой спиной, поддерживая свои юбки. Она всегда выглядела очень элегантно. Сегодня лиф ее платья был отделан вставками из кожи Панцырника, вшитыми так, что они казались прозрачными и невесомыми, будто воздух. Она умела настолько идеально подвести глаза, что стрелки в уголках выглядели как настоящие ресницы. Однажды я попыталась повторить сей подвиг, но рука у меня дрожала, и каждые несколько секунд приходилось замирать, задыхаясь от боли. В итоге я решила, что предпочитаю естественную красоту. Впрочем, я привыкла к непритязательному стилю: я носила свободную одежду, обувь без шнурков, шаровары на резинках и объемные свитера с рукавами, достающими до кончиков пальцев. Хотя мне еще не исполнилось девять сезонов, я уже лишилась последних остатков детского легкомыслия.

Боль стала частью моей жизни. Самые обыденные занятия требовали в два раза больше времени: мне приходилось часто делать перерыв, чтобы просто перевести дух. Никто не мог ко мне прикоснуться, и поневоле я была вынуждена все делать сама. Лекарства и зелья, доставляемые с других планет, которые я глотала в тщетной надежде ослабить мой дар, вызывали тошноту.

– Тс-с-с, – шепнула мама, прижав палец к губам, и открыла дверь, ведущую на крышу.

Мы вышли на посадочную площадку, где нас ждал летательный аппарат, похожий на птицу, присевшую передохнуть. Его дверцы были распахнуты. Быстро оглядевшись, мама взяла меня за руку, прикрытую толстым шерстяным рукавом, чтобы я не могла причинить ей боль, и потянула за собой в кабину.

Усадив меня в кресло, она пристегнула ремни безопасности и объявила:

– Мы отправляемся к человеку, который, вероятно, поможет тебе, Кайра.

Его звали Дакс Фадлан. А табличка на двери гласила: «Доктор Дакс Фадлан».

Врач попросил меня называть его Даксом, но я использовала только

официальное «доктор Фадлан». Мои родители приучили меня уважительно обращаться к людям, у которых была надо мною власть.

Моя мама была высокой женщиной и часто вытягивала вперед свою изящную длинную шею, замирая в полупоклоне. Я видела, как на ее горле пульсировала натянувшая жилка.

Взгляд врача скользнул по шрамам на ее руке. Мама никогда не скрывала свои метки, свидетельствующие о совершенных ею убийствах, но даже они выглядели прекрасно, а отнюдь не отталкивающе: ровные, нанесенные через одинаковые интервалы. Вряд ли доктору Фадлану, жившему на планете Отир, попадались пациенты из народа шотетов.

Вообще это было странное место. Когда я пришла, меня отвели в комнату с кучей игрушек. Выбрав несколько куколок, я затеяла игру, в которой давным-давно принимал участие и Ризек: выстроила их в боевом порядке и приказала «сражаться» с огромным плюшевым зверем, сидевшим в углу. Примерно через час явился доктор Фадлан и позвал меня, заявив, что обследование закончено, чему я сильно удивилась, поскольку со мной ничего не делали.

– Восемь сезонов, – сказал доктор моей маме: – Рановато, конечно, но ваша Кайра – далеко не единственная, кто обрел токодар в столь нежном возрасте.

Я почувствовала, что боль вновь обострилась, и попыталась усмирить ее с помощью дыхательной гимнастики, которой обучают шотетских солдат на случай, если придется зашивать рану, а обезболивающего под рукой не окажется. Я научилась этой технике по видеозаписям.

– Обычно, – продолжал доктор, – подобное случается в экстремальных обстоятельствах, в качестве защитной меры. Вам известно, не произошло ли чего-нибудь особенного с Кайрой? Тогда мы и сможем понять, каким образом возник столь необычный дар.

– К сожалению, я не знаю, – ответила мама.

Она врала. Я рассказала ей, что со мной сделал Ризек.

Но теперь я сообразила, что не стоит выводить ее на чистую воду. Если мать лжет, значит, у нее есть на то причины.

– Мне крайне неприятно сообщать вам об этом, но Кайра не просто созрела и получила дар, – добавил доктор Фадлан. – Похоже, что дар отвечает ее собственному устремлению, поэтому последствия меня несколько тревожат.

– Что вы имеете в виду? – резко спросила мать, выпрямившись на стуле в струну.

– Поток течет сквозь каждого из нас, – меланхолично вымолвил доктор

Фадлан. – Он заполняет нашу плоть, как жидкий металл – формы для литья – опоки, в каждом случае принимая иные очертания и проявляясь по-разному. По мере развития человек меняется. Любые трансформации затрагивают и форму, которую принимает поток, поэтому и дар со временем тоже может преобразоваться. Впрочем, люди редко меняются на фундаментальном уровне.

Хотя я не увидела на руках доктора Фадлана ни единого шрама и он не говорил на откровенном языке, он внушил мне доверие. В уголках его рта и глаз залегли глубокие морщины, и они становились еще заметнее, когда доктор Фадлан смотрел на меня. Кожа его была того же оттенка, что и у моей матери. Между ними явно имелось отдаленное родство, что, в общем-то, неудивительно: в жилах многих шотетов течет чужая кровь.

Моя кожа довольно смуглая, почти золотистая – при определенном освещении.

– Дар вашей дочери причиняет физическую боль не только ей самой, но и другим людям, что свидетельствует о неких процессах, происходящих в глубине ее личности, – пояснил доктор Фадлан. – Чтобы узнать точнее, потребуются дополнительные исследования. Но пока все выглядит так, будто девочка считает, что она это заслужила. И сейчас она просто пытается нести непосильную ношу на своих плечах...

– Вы утверждаете, что моя дочь виновата в своем даре? – Жилка на шее матери лихорадочно забилась. – Что она хочет такой быть?

Доктор Фадлан подался вперед и в упор посмотрел на меня:

– Кайра, твой дар исходит именно от тебя. Изменишься ты, изменится и он.

– Она же ребенок! – Мама вскочила с перекошенным лицом. – Она ни в чем не виновата, и ей не за что себя наказывать. Мне жаль, что мы впустую потратили наше и ваше время, доктор. Кайра!..

Она протянула мне затянутую в перчатку руку. Я сжала ее пальцы. Никогда не видела свою мать настолько взволнованной. Паутина теней под моей кожей заворочалась.

– Как вы наверняка заметили, – произнес доктор Фадлан, – когда Кайра нервничает, ситуация ухудшается.

– Замолчите вы! – рявкнула мама. – Я не позволю вам смущать ее разум!

– Боюсь, в вашей семье она уже навидалась достаточно, чтобы ее разум смутился, – парировал доктор нам вслед.

Мама ураганом протащила меня по коридорам к взлетной площадке. Добравшись до корабля, мы обнаружили, что он окружен отирианскими

солдатами. Их оружие – тонкие стержни, увитые темными нитями тока, призванное оглушать, а не убивать, – показалось мне смехотворным. Как и пухлые бронежилеты из синтетики, оставлявшие бока открытыми.

Мама приказала мне забраться в корабль, а сама остановилась поговорить с солдатами. Я неторопливо зашагала к дверце, надеясь что-нибудь услышать.

– Мы здесь для того, чтобы проконтролировать ваш отлет с нашей планеты, – сказал один солдат.

– Я – супруга владыки шотетов! Обращаясь ко мне, вы должны добавлять слово «госпожа», – прошипела моя мать.

– Мои извинения, мэм, но Ассамблея девяти планет не признает шотетское государство, а значит, для нас нет и никаких владык. Если вы незамедлительно покинете Отир, мы не доставим вам никаких неприятностей.

– Не признают они шотетского государства! – Мама усмехнулась. – Вы еще об этом пожалеете!

И, подхватив свои юбки, она гордо направилась к кораблю. Я уже залезла в кабину и сидела в кресле. Мама устроилась в соседнем. Дверь закрылась, пилот подал сигнал о взлете. Мне пришлось самой затягивать ремни безопасности, поскольку у мамы тряслись руки.

Тогда я, разумеется, не знала, но тот сезон стал нашим последним общим сезоном. Мама покинула нас после следующей Побывки, когда мне было девять.

Мы разожгли на центральной площади Воа погребальный костер, после чего корабль унес ее прах в космос. Наша семья погрузилась в траур, и вместе с нами скорбел и наш народ.

– Илира Ноавек отправилась на свою вечную Побывку, следуя токотечению, – провозгласил священник, провожая корабль. – И оно станет для нее истинной тропой подвигов.

А я еще долго не могла произнести ее имя вслух. К тому же вина в смерти матери лежала на мне.

7. Кайра

Братьев Керезет я впервые увидела из коридора для слуг – как раз напротив оружейной. Я была подростком, стоящим на пороге взрослой жизни.

Через несколько сезонов после смерти матери папа воссоединился с ней на Вечной Побывке. Он погиб в сражении на одной из планет. Мой брат, Ризек, уверенно шел по дороге, проторенной для него отцом. Ризек намеревался добиться полной независимости шотетов, а то и господства над всей планетой.

О Керезетах рассказала мне Отега, бывшая моя гувернантка. Слуги, включая младших поварят, всюду шептались о братьях, и она поделилась со мной сплетнями.

– Их захватил Вас, стюард вашего брата, – заявила Отега, проверяя мое сочинение.

Она продолжала учить меня литературе и естествознанию, по прочим предметам я ее превзошла и занималась самостоятельно, что позволяло Отеге хозяйничать на кухне.

– Я думала, Ризек отправил солдат захватить предсказательницу. Какую-то старуху.

– Так и есть. Но она покончила жизнь самоубийством и избежала плена. Впрочем, Васу и его людям давно было поручено поймать братьев Керезет. Говорят, когда их, брыкающихся и вопящих, тащили через Рубеж, младший, Акос, умудрился освободиться от наручников, украсть нож и убить одного из солдат Васа.

– И кого же? – заинтересовалась я.

Я знала солдат, отправившихся с Васом: один обожал карамельки, у другого было травмировано левое плечо, а третий выдрессировал свою птицу брат еду прямо у него изо рта. Полезно знать такие вещи о своих подчиненных. На всякий случай.

– Кальмева Радикса.

Ага, сластену, значит.

Я нахмурилась. Кальмев Радикс был опытейшим воином моего брата. И его прирезал обычный тувенский мальчишка? Позорная смерть.

– А зачем Ризеку понадобились братья? – спросила я Отегу.

– Все из-за их судеб, – Отега многозначительно поиграла бровями. – Вроде бы. А поскольку об их судьбах известно одному только Ризеку, то,

полагаю, это правда.

Я пожалала плечами. Я тоже ничего не знала ни о судьбах Керезетов, ни о чьих-либо других, исключая свою собственную и брата. Неделю назад мы с ним смотрели новости, и Ризек выключил экран через несколько секунд после появления руководителя Ассамблеи, заговорившего на отирианском. У нас уже более десяти сезонов подряд было запрещено изучать любой другой язык, кроме шотетского. А слуги могли слышать отирианский... так что лучше было не рисковать.

Отец поведал мне о моей судьбе в ходе скромной церемонии по случаю пробуждения токодара: «Второе дитя рода Ноавеков пересечет Рубеж». Странный удел для судьбоносной дочери, именно потому, что донельзя тривиальный.

Я давненько не хаживала потайными коридорами: в доме часто происходило много таких вещей, которые мне не хотелось и видеть. Но хоть мельком взглянуть на братьев Керезетов... Да, для этого можно сделать исключение.

Что я знала о тувенцах, кроме очевидного факта, что они – наши враги? Почти ничего существенного. У них – тонкая кожа, которую легко пропороть ножом, и они злоупотребляют ледоцветами, ставшими основной доходной статьей их экономики.

По настоянию матери я выучила их язык, – шотетская аристократия была, конечно же, свободна от отцовского запрета. Произношение давалось мне с трудом, слишком сильно отличались суровые, властные звуки моего родного языка от шелестящей, порывистой речи тувенцев.

Скорее всего, Ризек отвел Керезетов в оружейную. Едва я, пройдя потайными коридорами, присела в нише и слегка сдвинула панель в стене, чтобы заглянуть в щелку, как послышались шаги.

Оружейный зал ничем не отличался от других помещений в поместье Ноавеков: стены и пол обшиты темным деревом, отполированным с таким тщанием, что они казались покрытыми наледью. С высокого потолка свисала затейливо выкованная люстра с круглыми стеклянными плафонами, внутри которых мельтешили светлячки фензу, отбрасывая тревожные, дрожащие блики. Зал практически пустовал. Бежевые подушки, разложенные на деревянных скамьях, запылились и посерели. Прежде родители часто устраивали здесь балы, но Ризек водил в оружейную только тех, кого хотел запугать.

Первым, кого я увидела, был Вас, стюард моего брата. Кожа на одной половине его черепа покраснела от тщательного бритья, тогда как волосы на второй половине висели сальными прядями. Вместе с Васом в зал,

волоча ноги, вошел мальчик. Он был в синяках и гораздо ниже меня ростом. Узкоплечий, худосочный и бледный.

Сделав несколько шагов, мальчик напрягся в ожидании самого худшего.

Раздались сдавленные всхлипывания, и порог оружейной переступил другой мальчик с густыми, кудрявыми волосами. Он оказался выше ростом и плотнее первого, но до того съезжился, что выглядел невзрачным и маленьким.

Передо мной были братья Керезеты. Обласканные Судьбой дети своего поколения. Не очень-то впечатляющее зрелище.

Ризек развалился на ступенях помоста у противоположной стены зала. Мой брат уже облачился в броню, которая, однако, не прикрывала его руки. Люди могли видеть татуированные шрамы на предплечьях Ризека, свидетельствующие о числе убийств. Эти смерти были заслугой нашего отца, который таким образом постарался пресечь все слухи о слабости своего сына. Правой рукой Ризек подкидывал ток-нож, всякий раз ловя его за рукоятку. В голубоватом свете фензу брат выглядел бледным, как труп.

Увидев пленных тувенцев, он осклабился. Улыбка всегда украшала его, даже если несла вам верную гибель.

Ризек откинулся назад, опершись на локти, и склонил голову набок.

– Ну и ну! – произнес он низким голосом, до того хриплым, будто Ризек кричал целую ночь напролет. – И это те, о ком я слышал столько замечательных историй? – продолжил он, тщательно выговаривая тувенские слова, и кивком указал на избитого Керезета. – Значит, тувенский молокосос умудрился заработать отметину еще до того, как его погрузили на наш корабль? – захохотал он.

Я покосилась на руку мальчишки и увидела глубокий порез возле локтя. Засохшая струйка крови доходила до костяшек пальцев. Знак совершенного убийства, как он есть, разве что незаконченный. Совсем свежий, символизирующий смерть Кальмева Радикса. Следовательно, это – Акос, а хнычущий хлюпик – Айджа.

– Акос Керезет, третье дитя рода Керезетов, – Ризек поднялся, ловко крутя нож в пальцах, и спустился по ступеням.

Ризек был выше Васа. Глядя на Ризека, можно было подумать, что мужчину среднего телосложения взяли и растянули в длину. Плечи и бедра Ризека были столь узкими, что казалось, он вот-вот переломится под собственным весом.

Я тоже была высокой, но на этом наше сходство с братом заканчивалось. Из-за смешения различных кровей подобное нередко в

шотетских семьях, но мы с Ризеком были совершенно не похожи друг на друга.

Акос поднял глаза на Ризека. Впервые имя «Акос» я встретила в учебнике по истории. Так звали одного из шотетских священников, который предпочел покончить с собой, нежели осквернить Ток, прикоснувшись к ток-ножу. Значит, у мальчишки шотетское имя. Неужели его родители не знали? Или решили почтить таким образом память далекого предка?

– Зачем мы здесь? – хрипло спросил Акос по-шотетски.

Ризек ухмыльнулся и ответил, тоже переходя на шотетский.

– Ага, слухи не врут. Ты действительно говоришь на откровенном языке. Занятный казус. Но почему в твоих жилах течет шотетская кровь? – добавил он, ткнув пальцем в синяк под глазом Акоса.

Мальчишка вздрогнул.

– А тебя хорошо наказали за убийство моего воина. Похоже, и ребра сломали, – сказал Ризек и поморщился.

Почти незаметно для посторонних, но не для меня. Ризек ненавидел чужую боль. Не из сопереживания страдальцу, а потому, что это напоминало Ризеку о самом существовании боли, и о том, что он, Ризек, уязвим, как и любой другой человек.

– Пришлось тащить его на собственном горбу, – проворчал Вас. – Да еще и в корабль на руках заносить.

– А ведь мало кому удастся выжить, совершив столь дерзкий поступок, как убийство моего солдата, – Ризек говорил с Акосом, будто с нашкодившим малышом. – Но твоя судьба – умереть, служа роду Ноавеков, в частности мне, Ризеку Ноавеку. Так что пару сезонов я попользуюсь твоими услугами.

В этот момент вся ледяная твердость Акоса растаяла, превратив его в обычного напуганного ребенка. Пальцы Акоса скрючились. Не сжались в кулаки, нет, их скрутило точно в кошмарном сне. Похоже, он не ведал своей судьбы.

– Неправда, – прошептал Акос, глядя на Ризека так, словно надеялся, что мой брат развеет его страхи.

Меня пронзил острый приступ боли, и я прижала ладони к животу.

– И, уверяю тебя, это чистая правда. Прочитать тебе отрывок из стенограммы правительственного коммюнике? – Ризек вытащил из заднего кармана штанов листок бумаги и развернул его.

Разумеется, мой брат заранее подготовился к встрече, намереваясь морально раздавить своих пленников. Акос задрожал.

– «Третье дитя рода Керезетов умрет, служа роду Ноавеков», – начал Ризек на отирианском языке, самом распространенном в галактике.

Почему-то предсказание, прозвучавшее на отирианском, стало для меня совершенно непреложным. Оно буквально обрело плоть и кровь. Но почувствовал ли Акос то же, что и я?..

Ризек уронил листок на пол. Акос схватил его так порывисто, что едва не разорвал. Сидя на корточках, он внимательно перечитывал отрывок. Может, молился о том, что предсказание рано или поздно изменится и его смерть во славу рода Ноавеков не была predetermined изначально.

– Нет, – наконец твердо произнес он, вставая. – Я скорее умру, чем...

– А теперь, пожалуй, я тебе не поверю, – сказал Ризек, понизив голос до шепота и склонившись к лицу окаменевшего Акоса, чьи пальцы судорожно комкали бумажку. – Я-то знаю, как ведут себя люди, которые жаждут смерти. Я много раз доводил их до такого состояния. А ты, напротив, хочешь выжить.

Акос вздохнул, его взгляд стал жестким. Он продолжал смотреть на Ризека в упор.

– Мой брат не имеет к этому никакого отношения. Он тебе не нужен. Отпусти его, и я... Я не доставлю никаких хлопот.

– А ты сделал несколько ошибочных выводов насчет причин вашего пребывания здесь, – произнес Ризек. – Ты вообразил, что мы пересекли Рубеж, дабы подстегнуть твою судьбу, а твой братец просто подвернулся нам под руку? Нет, подвернулся как раз ты. А отправлялись мы именно за ним.

– Лично ты никакого Рубежа не пересекал, – огрызнулся Акос. – Отсиживался тут, пока твои лакеи делали грязную работу.

Ризек повернулся и взошел на помост. Стена перед ним была увешана разнообразным оружием, в основном ток-кинками длиной с мою руку. Ризек выбрал широкий, тяжелый нож с крепкой рукоятью, похожий на мясницкий тесак.

– Судьба твоего брата весьма примечательна, – пробормотал Ризек, взвешивая нож. – Но ты даже не представляешь, что ожидает его в будущем, верно? И ты не можешь ничего сказать о своей собственной участи.

И Ризек хитро улыбнулся, как улыбался всегда, когда знал скрытую от других тайну.

– «Провидеть будущее галактики», – процитировал Ризек на шотетском. – То есть стать следующим оракулом.

Акос молчал.

Я отодвинулась от щели и закрыла глаза. Привалившись к стене, я погрузилась в размышления.

Для отца и брата смысл всех наших Побывок заключался в поисках оракула. Пока что никакого успеха в этом деле мы не достигли. Невозможно изловить того, кто понимает, что за ним придут, и готов кинуться на нож, лишь бы не быть схваченным, как поступила предсказательница во время охоты на Керезетов.

Но, похоже, Ризек кое-что сообразил, отправив людей сразу за двумя оракулами. И если женщина покончила с собой, то второй оракул, Айджа Керезет, до сих пор оставался в неведении. Сейчас он уподобился мягкой и податливой глине, из которой жесткая рука Ризека могла вылепить все, что заблагорассудится.

Я вновь прижалась к щели и увидела, как кудрявый Айджа, утерев нос тыльной стороной ладони, спрашивает на скользком тувенском наречии:

– Что он говорит, Акос?

– Что они приходили на Туве не за мной. Им нужен ты, – произнес Акос, даже не оглянувшись.

Странно слушать, как один и тот же человек столь идеально, без малейшего акцента изъясняется на двух языках. Мне стало даже завидно.

– Я?..

Глаза Айджи оказались необычного, светло-зеленого оттенка вроде радужных крылышек насекомых или токотечения после Мертвящего часа. Они почти светились на фоне смуглой, цвета топленого молока кожи, напомнившей мне о земле планеты Золд, когда та была присыпана цветочной пылью.

– Но для чего?

– Ты – новый оракул нашей планеты, – ответил Ризек на тувенском, спускаясь со ступеней с тесаком в руке. – Ты увидишь будущее во множестве его вариантов. И в реализации одного из них я крайне заинтересован.

Тень, будто червь, скользнула под моей кожей, и костяшки пальцев зазвенели от токодара. Я с трудом подавила стон. Я уже догадалась, какого будущего жаждет Ризек: сокрушить врагов и стать признанным Ассамблеей вождем не только шотетов, но и всей планеты. Однако судьба довлекла над ним почти так же, как и над Акосом, предрекая Ризеку капитуляцию перед врагом, а не возвышение и победу. Если Ризек хотел избежать своего жребия, ему требовался свой личный оракул. И теперь он у него был.

Я тоже хотела, чтобы шотеты стали признанным народом, а не кучкой презренных мятежников.

Но почему постоянная боль от моего токодара росла с каждой секундой?

– Я... – Айджа неотрывно смотрел на тесак Ризека. – Я – не оракул. У меня никогда не бывало видений, и я не могу... правда...

Мне опять пришлось прижать руки к животу.

Ризек подкинул нож-тесак. Тот перевернулся, описывая круг в воздухе.

Нет, нет, нет! – мелькнула у меня в голове неожиданная мысль.

Между Ризеком и Айджей встал Акос, точно лишь он мог остановить моего брата. Ризек двигался прямо к Айдже, глядя на вращающийся нож.

– Значит, надо сделать так, чтобы видения посетили тебя уже сегодня, – хмыкнул он. – Я хочу, чтобы ты нашел будущее, которое меня устроит, и сказал мне, что я должен сделать, чтобы его заполучить. Почему бы нам не начать с того варианта, при котором шотеты, а не тувенцы получают власть над планетой?

Брат кивнул Васу, и тот принудил Айджу опуститься на колени. Ризек поймал нож и ткнул острием лезвия в участок над ухом тувенца.

– Я не умею! – заскулил Айджа. – Я не могу вызывать видения, не могу...

И вдруг Акос ударил моего брата в бок. Мальчик был слишком легким, чтобы повалить Ризека, но ему удалось застать того врасплох. Ризек пошатнулся и упал. Акос размахнулся – *глупец!* – но Ризек был достаточно быстр. Он пнул Акоса ногами в живот, вскочил, схватил младшего Керезета за волосы, оттянул ему голову назад и сделал надрез на скуле, от уха до подбородка. Акос завизжал.

Ризек обожал кромсать людей именно таким образом. Он любил оставлять на их коже заметные шрамы. Броские, осязаемые.

– Пожалуйста, – канючил Айджа, – я не сумею сделать то, что вам от меня нужно! Прошу вас, не мучьте ни его, ни меня, пожалуйста...

Ризек посмотрел сверху вниз на Акоса, зажимавшего рану. По шее мальчика текла кровь.

– Я даже не представляю, как будет «пожалуйста» по-тувенски, – произнес Ризек.

Поздно ночью я услышала крик, эхом разнесшийся по коридорам поместья Ноавеков. Это был не Акос. Ризек отправил его к нашему кузену Вакрезу. Чтобы «шкура малость задубела», как выразился брат. Я узнала голос Айджи, вопившего от боли, в то время как Ризек пытался вырвать у него предсказание своего будущего.

Крики Айджи еще долго преследовали меня в ночных кошмарах.

8. Кайра

Я со стоном открыла глаза. Кто-то стучал в дверь.

Моя спальня смахивала на комнату для гостей: никаких милых сердцу безделушек, все вещи, включая одежду, аккуратно убраны в шкафы и комоды. Наш продуваемый ветрами особняк с его полированным паркетом и коваными канделябрами был до отказа забит плохими тошнотворными воспоминаниями, как пузо обжоры – плотным обедом. И сегодня ночью меня посетило одно из них: эпизод двухсезонной давности о крови, текущей по шее Акоса Керезета.

Не хотелось мне пускать корни в таком месте.

Я села в постели и вытерла слезы тыльной стороной ладони. Никакой это был не плач: обычная бессознательная реакция на чересчур сильный болевой приступ.

Пригладив волосы, я поковыляла к двери, за которой стоял Вас.

– Чего тебе? – неприветливо буркнула я и принялась ходить туда-сюда по комнате.

Иногда ходьба меня успокаивала, вводя в некое подобие транса.

– Рад застать тебя в прекрасном расположении духа, – осклабился Вас. – Ты спала? Вообще-то уже за полдень перевалило.

– Тебе этого не понять, – отрезала я.

Вас был единственным существом, который благодаря своему дару не чувствовать боли мог дотрагиваться до меня голыми руками. О чем он не забывал регулярно мне напоминать. «Вот станешь постарше, малышка Кайра, – любил говаривать он, когда поблизости не было Ризека, – оценишь тогда мои прикосновения». Я всегда отвечала, что предпочту умереть в одиночестве. И я не врала.

Вас не чувствовал боли, а значит, ничего не знал и о сером мареве, которое клубилось в голове и делало жизнь переносимой.

– Куда уж мне! – хмыкнул он. – Кстати, твой брат и его ближайшие соратники приглашают тебя отужинать с ними нынче вечером. Оденься поэлегантней.

– У меня нет настроения вести светские беседы, – прошипела я сквозь зубы. – Передай брату мои извинения.

– Наверное, я выразился неточно. Я сказал «приглашают», а Ризек употребил слово «требую».

Зажмурившись, я замерла на месте. Иногда Ризек нуждался в моем

обществе, чтобы нагнать страху на своих гостей, даже если обедал с друзьями. Шотетская поговорка гласит: «Хороший воин и на дружескую пирушку приходит с оружием».

Оружием Ризека была я.

– Я явился не с пустыми руками, – Вас вытащил из кармана пузырек без этикетки, запечатанный воском.

Вас, конечно, принес мне то самое единственное обезболивающее, приняв которое я становилась пригодной для общения. Ну, более или менее.

– И как я буду ужинать, накачавшись твоей дрянью? Меня вырвет прямо на гостей, – спросила я, подумав, что кое-кому это пойдет на пользу.

– А ты не ешь, – пожал плечами Вас. – Но без лекарства толку от тебя чуть, верно?

Выхватив пузырек, я с силой захлопнула дверь у Васа перед носом.

Я до самого вечера просидела в ванне, надеясь, что горячая вода расслабит сведенные судорогой мышцы. Тщетно. Выбора не оставалось.

Раскупорив пузырек, я выпила содержимое.

В качестве мести, к столу я спустилась в одном из материнских платьев: длинном, голубом, с лифом, расшитым геометрическим узором, который напоминал крест-накрест положенные перья.

Я понимала, что брату будет неприятно видеть меня в одежде матери, но сказать он ничего не посмеет. В конце концов, оделась я элегантно, как он и велел.

Пуговицы я застегивала десять минут – настолько пальцы онемели от болеутоляющего. Идя по коридорам, я держалась рукой за стену. Мир стал зыбким и ненадежным. Туфли я несла в другой руке, собираясь надеть их перед входом в столовую, – боялась поскользнуться на натертом паркете.

Тени расплзались по обнаженным рукам, от плеч до запястий. Истончаясь, они обвивали пальцы и густо синели под ногтями. Они обжигали болью, немного притупленной лекарством. Кивком головы я удержала стражника, собиравшегося распахнуть двери столовой, и обулась.

– Теперь открывай, – сказала я, и он послушно надавил на дверную ручку.

В просторном зале было тепло: на столе мерцали свечи, а в камине потрескивал огонь.

Ризек, озаренный пламенем, крутил в пальцах бокал. Справа от него маячила Има Зетсивис – жена Узула Зетсивиса, который входил в ближний круг нашей матери.

Я посмотрела на Иму. Еще молода, по крайней мере, гораздо моложе

мужа, но волосы уже белые как снег, подумала я. А еще у Имы оказались изумительные синие глаза и не сходящая с губ улыбка.

Прочие присутствующие не представляли для меня особого интереса. Слева от брата стоял Вас, куда же без этого типа. Его двоюродный брат, Сузао Кузар, подобострастно хохотал над какой-то шуткой Ризека. Рядом околачивался наш кузен Вакрез, специалист по муштровке солдат, жадно допивавший вино, его супруга Малан и Лети – взрослая дочь Зетсивисов. И, наконец, Зег Радикс, которого я лишь однажды видела на похоронах его брата Кальмева – солдата, которого убил Акос Керезет.

– Наконец-то! – Ризек махнул мне рукой. – Все знакомы с моей сестрой Кайрой?

– А на тебе платье твоей матери, – заметила Има. – Как изысканно!

– Мой брат попросил меня одеться элегантно, – старательно выговорила я онемевшими губами. – А моя мать славилась своим вкусом по части нарядов.

Ризек метнул на меня злобный взгляд и поднял бокал:

– За Илиру Ноавек! – провозгласил он. – Да проведет ее Ток по тропе подвигов!

Все дружно осушили бокалы. Лакей безмолвно предложил поднос с напитками, но я отказалась: горло заледенело, и я вряд ли смогла бы проглотить хоть каплю. Ризек намеренно повторил слова священника, сказанные на похоронах нашей матери, дескать, не забудь их, сестричка.

– Иди сюда, малышка Кайра. Дай-ка я на тебя погляжу, – произнесла Има. – Впрочем, не такая уж ты и малышка. Сколько тебе исполнилось?

– За моими плечами десять Побывок, – ответила я стандартной формулой, показывающей, сколько сезонов человеку удалось выжить, а не сколько он прожил вообще. – Однако я начала рано, следовательно, мне... да, через несколько дней будет шестнадцать, – уточнила я.

– Ах, как чудесно быть юной и считать дни! – рассмеялась Има. – В общем, ты еще сущее дитя, хотя и весьма долговязое.

Има обладала не столь редким, но настоящим талантом исподтишка уколоть собеседника. Назвать меня «дитя» было самой безобидной шпилькой из ее арсенала.

Улыбнувшись, я направилась к камину.

– Лети, ты ведь знакома с Кайрой, не так ли? – спросила Има у своей дочери.

Лети Зетсивис оказалась на голову ниже меня, но старше на несколько сезонов. На шее у нее висел кулон: жучок-фензу в стеклянном шарике. Мертвое насекомое до сих пор светилось.

– Нет, – ответила Лети. – Я бы пожала тебе руку, Кайра, но...

Она дернула плечиком. Словно в ответ тени метнулись к моему горлу. Я подавила стон.

– Будем надеяться, что ты никогда не заслужишь подобной чести, – холодно вымолвила я.

Лети вытаращила глаза, и в зале вдруг сделалось тихо. А я сообразила, что сыграла на руку Ризеку: он хотел запугать своих приближенных с моей «помощью».

И у него это получилось.

– У твоей сестры острые зубки, – сказала Има, взглянув на Ризека. – Не позавидуешь твоим врагам.

– Как и друзьям, – заметил Ризек. – Я пока не успел объяснить ей, в каких случаях не надо кусаться.

Я нахмурилась, но прежде чем мне удалось «укусить» кого-нибудь снова, они уже сменили тему разговора.

– Как поживает последняя партия новобранцев? – осведомился Вас у Вакреза.

Кузен был высоким и красивым, но в уголках его глаз уже появились морщины, сохранявшиеся даже тогда, когда он не улыбался. Глубокий шрам в форме полумесяца темнел на его щеке.

– Сносно, – ответил Вакрез. – А пройдут первый раунд, станет еще лучше.

– Ты поэтому собрался нас навестить? – спросила Има.

Армия разбила лагерь около Рубежа, в нескольких часах пути от Воа.

– Нет. Доставил сюда Керезета, – Вакрез кивнул на Ризека. – Младшего, я имею в виду.

– А его шкурка хоть немного задубела? – спросил Сузао, грубый, как кожа Панцырника, коротышка, испещренный шрамами. – Когда мы его поймали, он был неженкой, чуть тронешь – оставишь синяк!

Присутствующие рассмеялись. Я вспомнила, как выглядел Акос и его всхлипывающий, коленопреклоненный брат. И запекшуюся кровь на руке Акоса – первый знак совершенного убийства. Мне он слабаком не показался.

– Не таким уж он был и слюнтяем, – недовольно возразил Зег Радикс. – Иначе как бы он одолел моего брата?

Сузао отвернулся.

– Уверен, что никто не хотел оскорбить память Кальмева, Зег, – вступился Ризек. – Мой отец тоже погиб от руки недостойного, – он отхлебнул из бокала. – А теперь, прежде чем мы сядем за стол, я предлагаю

хорошенько повеселиться.

Я недоверчиво посмотрела на открывающиеся двери. Что бы Ризек ни подразумевал, вряд ли это окажется действительно весело.

В зал вошла женщина, от шеи до лодыжек затянутая в темный облегающий костюм, подчеркивающий каждый мускул и сустав. Ее глаза и губы были обведены чем-то вроде пастели вульгарных тонов.

– Мы с сестрами приветствуем шотетов от имени планеты Огра! – произнесла она скрипучим голосом. – И мы для вас станцуем.

Женщина хлопнула в ладоши. Все огни, включая светлячков-фензу и пламя в камине, разом потухли, зал погрузился в темноту. Огра, покрытая вечной тенью, была самой загадочной планетой галактики. Ее жители очень редко допускали к себе чужаков, и даже хитроумные следящие устройства не могли проникнуть в огрианскую атмосферу. Самое большее, что могли получить любопытные, это спектакль вроде нынешнего. В кои-то веки я была благодарна Ризеку за его стремление предаваться инопланетным удовольствиям, запретным для остальных шотетов. Если бы не двоемыслие брата, мне бы никогда в жизни не удалось насладиться таким зрелищем.

Я ждала, привстав на цыпочки от нетерпения. Меж пальцами танцовщицы, продолжавшей хлопать в ладоши, зазмеились тонкие завитки света. Она развела руки в стороны. На одной ладони заплясали оранжевые язычки пламени, на другой – синеватые горошины фензу. Пастель, которой были обведены глаза и губы танцовщицы, замерцала. Женщина улыбнулась, ее зубы сверкнули в темноте как клыки дикого зверя.

В зал вплыли еще две огрианки и встали позади первой. Они оставались неподвижны целую минуту, после чего начали извиваться – плавно, медленно и еле заметно. Танцовщица слева принялась легонько постукивать себя в грудь, но звук получался настолько громким, будто женщина била в толстопузый барабан. Другая задвигалась, подчиняясь рваному ритму: ее живот втянулся, спина выгнулась, плечи сгорбились. Она изогнулась, и вдруг мерцающий свет проник в ее тело, осветив все ее позвонки, которые превратились в мигающую гирлянду.

Многие, в том числе я, ахнули.

Первая танцовщица скрестила руки: язычки пламени замелькали вокруг фензу. Складывалось впечатление, что она искусно плела ковер из огней. В их свечении пальцы и запястья женщины совершали сложные, почти механические движения. «Барабанщица» изменила ритм, и повелительница огня присоединилась к обладательнице светящегося скелета. Они закружились в порывистом, дерганом танце. Мне стало не по

себе. Я не знала, восхищает меня их пляска или тревожит. Каждую секунду ждала, что одна из них потеряет равновесие и рухнет на пол. Однако танцовщицам всякий раз удавалось подхватить друг друга. Они вращались, крутились, склонялись и выпрямлялись, озаренные разноцветным заревом.

Когда представление закончилось, я уже почти не дышала. Ризек громко зааплодировал, остальные гости последовали его примеру. Я тоже неохотно присоединилась, чувствуя, что подобная благодарность несоразмерна увиденному.

Первая женщина вернула огонь в камин, а фензу – в плафоны. Вся троица поклонилась, взявшись за руки, а потом танцовщицы улыбнулись, не размыкая губ.

Мне захотелось поговорить с ними, хотя я не понимала, о чем, но женщины уже уходили из зала.

Последняя, проплывая мимо, вдруг схватила меня за подол юбки, зажав ткань между большим и указательным пальцами.

Ее «сестры» тотчас застыли и посмотрели на меня. В их взглядах таилась ошеломляющая сила. Черные радужки глаз были настолько крупными, что практически скрывали белки. Я поняла, что с удовольствием провалилась бы сквозь землю.

– Она сама – как маленькая Огра, – произнесла третья танцовщица, и костяшки ее пальцев замерцали, точь-в-точь как «браслеты» моих теней на руках. – Облаченная во тьму.

– У нее есть дар, – сказала повелительница огня.

– Дар, – эхом повторила «барабанщица».

Мне было сложно с ними согласиться.

В камине тлели угли. Моя тарелка была доверху наполнена деликатесами: кусками зажаренного орнитомортуса, квашеными солефрутами, листиками салата, приправленного специями. Голова гудела. Отщипывая кусочки хлеба, я вполуха слушала, как Узул Зетсивис хвастается своим богатством.

Уже более ста сезонов семья Зетсивисов занималась сбором и разведением фензу в северных лесах. В отличие от остальной галактики, мы, шотеты, привыкли использовать не ток-лампы, а именно светлячков. Это – отголосок нашей религии, теперь почти утраченной: надо сказать, что самые суровые ортодоксы до сих пор наотрез отказываются от утилитарного использования Тока вообще.

Возможно, что семейный бизнес Зетсивисов как раз и провоцировал их рьяную религиозность. Они напрочь отвергали препараты из ледоцветов даже в качестве лекарства, что на практике означало отказ от многих

медикаментов. Зетсивисы утверждали, что Ток оскверняет любое вещество, нарушающее «естественное состояние организма», хотя речь могла идти о самой простой анестезии. И они чурались транспортных средств с током двигателями, считая это слишком «легкомысленным применением» энергии Тока. Исключение делалось лишь для побывочных кораблей, служивших религиозному обряду. Вот и сейчас в их бокалах плескалась чистая вода, а не ковыльное вино.

– Да, трудный сезон, что и говорить, – бубнил Узул. – В этой точке орбиты планета не получает тепла, и фензу плохо растут! Нам пришлось задействовать передвижные системы отопления...

Справа от меня Сузао и Вакрез затеяли жаркую дискуссию об оружии.

– А я тебе говорю, ток-лезвий не хватает для боевых действий, что бы там ни плели наши предки. Вот в дальнем бою или космическом сражении...

– Любой дурак способен стрелять из ток-бластера! – кипятился Сузао. – Ты хочешь, чтобы мы отложили в сторону ток-ножи и мало-помалу повторили судьбу изнеженного населения других планет Ассамблей?

– Не такие они и неженки, – возразил Вакрез. – Малан переводит новости с отирианского на шотетский, он показывал мне рапорты.

Большая часть присутствующих, будучи родовой шотетской аристократией, изъяснялась на иностранных языках, что было строжайше запрещено всем остальным.

– Между оракулами и Ассамблеей нарастает напряженность. Говорят, что планеты встают на ту или другую сторону. В отдельных случаях, они готовы развязать такую войну, которая нам и не снилась. И кто знает, что они еще успеют изобрести к тому времени, когда разразится конфликт. Ты хочешь, чтобы мы оказались на обочине истории?

– «Говорят», – передразнил Сузао. – Ты слишком падок на сомнительные слухи, Вакрез, ты всегда таким был.

– Полагаешь, Ризек заинтересован в союзе с питайцами, поскольку ему нравятся морские виды? – хмыкнул Вакрез. – Нет, у них имеется то, что нам нужно.

– А я считаю, что нам хватает нашей шотетской доблести.

– Тогда скажи это Ризеку. Уверен, он к тебе прислушается.

Сидящая напротив меня Лети не сводила глаз с темных нитей на моей коже. Паутина постоянно переползала то на локоть, то на ключицу, то на скулу...

– Что ты чувствуешь? – спросила она, перехватив мой взгляд.

– А что, по-твоему, обычно чувствуют другие одаренные? –

огрызнулась я.

– Я помню всякое событие. Ничего не забываю, – ответила она. – И ощущаю дар... как звон в ушах или энергию.

– Да, пожалуй, термин «энергия» подходит.

Энергия? А может, агония?

Я отхлебнула глоток ковыльного вина. Личико Лети превратилось в неподвижную булавочную головку, вокруг которой вращалась столовая.

Я попыталась сфокусировать взгляд на Лети и сразу пролила вино.

– Твое любоп... – я запнулась.

Любопытство – чересчур сложное слово для того, в чьих жилах циркулирует сильнейшее обезболивающее.

– Твой интерес к моему дару кажется мне несколько странным, – заявила я.

– Тебя боятся, – произнесла Лети. – Поэтому я сейчас и пытаюсь разобраться, не стоит ли и мне тоже начать бояться тебя, Кайра.

Я не успела ответить. Ризек, который сидел во главе стола, поднялся и обхватил своими длинными пальцами пустой бокал, подавая тем самым знак, что ужин окончен. Гости потянулись к выходу: сначала Сузао, за ним Зег, потом Вакрез и Малан. Когда к двери направился Узул, мой брат его остановил.

– Мне бы хотелось побеседовать с вами и вашей семьей, Узул.

Я встала, придерживаясь за столешницу. В этот момент Вас просунул в дверные ручки засов, запирая нас. Точнее, их – вместе со мной.

– Кстати, Узул, – весело произнес Ризек, – подозреваю, у нас с вами будет нелегкий разговор. Ваша жена поведала мне кое-что интересное.

Узул покосился на Иму. Ее неизменная улыбка исчезла: теперь женщина выглядела испуганной и не на шутку встревоженной. И я готова была спорить на что угодно – страшилась Има не мужа. Во внешности заводчика не было ничего пугающего: круглый животик богатея, косолапая походка.

– Има? – слабым голосом переспросил Узул.

– У меня не было выбора, – пролепетала та. – Я искала один сетевой адрес и нечаянно увидела историю твоих контактов. Там были координаты, и я вспомнила, как ты разглагольствовал о колонии диссидентов...

Понятно. Когда я была маленькой, история о людях, вызвавших недовольство моего отца и от греха подальше переселившихся на другую планету, была, скорее, анекдотом. Когда я повзрослела, анекдот еще продолжали передавать из уст в уста, обрастая подробностями. И все это имело под собой почву: простого упоминания о колонии хватило, чтобы

Ризек принялся с такой силой скрежетать зубами, будто жевал кусок полусырого мяса. Он считал диссидентов врагами не только нашего отца и бабушки, но также и серьезнейшей угрозой для своей собственной персоны. Шотеты должны были находиться под его контролем, иначе Ризек не чувствовал себя в безопасности. Если Узул контактировал с диссидентами, это однозначно являлось предательством.

Ризек пододвинул стул и кивком указал на него заводчику:

– Присаживайтесь.

Узул подчинился.

– Кайра, – ласково позвал меня Ризек, – подойди-ка к нам.

Я не могла сдвинуться с места. Стояла у стола, сжимая бокал с вином. Пришлось крепко сцепить зубы, потому что мое тело наполнялось тенями, точно черной кровью из лопнувших сосудов.

– Кайра, – тихо повторил Ризек.

Ему не нужно было мне угрожать. Сейчас я отставлю бокал и сделаю все, что он мне прикажет. Так будет всегда, пока мы живы. Иначе Ризек расскажет присутствующим о том, что я сотворила с нашей матерью. Это воспоминание камнем лежало у меня на сердце.

И я отставила бокал. Подошла к Ризеку. Он велел мне возложить ладони на голову Узула Зетсивиса и не отнимать их до тех пор, пока тот не сделает чистосердечное признание. Так я и поступила.

Между мной и Узулом мгновенно возникла связь. Я ощутила страстное желание загнать в Узула все свои тени, окрасить его нутро в черный цвет космической пустоты и положить конец своим страданиям. Я могла бы убить его одним прикосновением: такое уже случалось. Мне требовалось лишь повторить это, чтобы избавиться от жуткой силы, разъедавшей мои нервы, как кислота...

Всхлипывающие Има и Лети обнялись. Има удержала дочь, когда та попыталась кинуться на меня. Наши глаза встретились в ту секунду, когда я направила в плоть ее отца чернильную темноту, несущую боль. Во взгляде Имы горела ненависть.

Узул завизжал. Он вопил долго и громко. Я почти оглохла.

– Хватит! – взмолился он наконец.

Ризек прищурился. Я сняла ладони с головы Узула и пошатнулась. Перед глазами замелькали пятна. Вас придержал меня за плечи, не давая упасть.

– Я действительно пытался разыскать диссидентов, – прохрипел Узул: по его лицу градом катился пот. – Думал сбежать отсюда и поселиться вдали от... тирании. Говорят, они живут на Золде, но мой контакт сорвался.

А больше никто ничего не знал. И мне пришлось отказаться от этой затеи.

Лети всхлипывала, Има молча обнимала дочь.

– Я вам верю, – вымолвил Ризек. – Вы прославились своей честностью. Однако Кайра вас накажет.

Я мечтала о том, чтобы тени утекли из моего тела, как вытекает вода из отжимаемой ткани. Я богохульно желала, чтобы Ток покинул меня и никогда не возвращался. Но моя воля была ограничена. Под пристальным взглядом Ризека паутина стала расползаться, словно она слушалась именно его, а не меня. Не исключено, что так оно и было.

Я не стала ждать повторных приказаний. Вновь дотронулась до Узула Зетсивиса и не отнимала рук, пока его крики не заполнили всю мою душу. Пока Ризек не приказал мне остановиться.

9. Кайра

Я плохо понимала, где нахожусь. Видела гладкую ступеньку под ступней, – туфля потерялась где-то в столовой. Колеблющиеся отблески фензу на половицах. Паутину, переползающую вверх-вниз по предплечью. Пальцы – скрюченные, точно переломанные веточки, я цеплялась ими за пустоту, как временами впивалась ногтями в собственные ладони.

Откуда-то из недр поместья доносились чьи-то крики. Я подумала, что слышу Айджу Керезета, хотя тот не подавал голоса уже несколько месяцев.

Хотя Айджу не выпускали из нашего особняка, я встретила его лишь однажды.

Случайно столкнулась с ним в коридоре рядом с кабинетом Ризека. Айджа похудел, а его взгляд – помертвел. Какой-то солдат протащил злосчастного оракула мимо: мне бросились в глаза глубокие впадины над ключицами. Одно из двух: либо у Айджи была железная воля, либо он действительно не знал, как пользоваться токодаром, что и утверждал с самого начала. Лично я поставила бы на второе...

– Пошли за ним кого-нибудь, Вас, – донесся до меня голос Ризека. – Он нужен мне именно на такой случай.

Оказывается, мой брат находился здесь, как и я.

Я дернулась и поскользнулась на полированном дереве. Вас, единственный, кто мог ко мне прикасаться, поволок меня в мою комнату.

– За кем он тебя послал? – неразборчиво пробормотала я, но боль обрушилась на меня волной, и я забилась в руках Васа, как будто это могло мне помочь.

Разумеется, не помогло.

Отодрав мои пальцы от своей одежды, Вас позволил мне упасть на пол.

Теперь я стояла на четвереньках в собственной спальне. С кончика носа скатилась капля пота. Или слеза.

– Кто... – прошептала я. – Кто кричал?

– Узул Зетсивис. Твой дар, похоже, обладает долговременным эффектом, – ответил Вас.

Я уткнулась лбом в прохладный пол.

Узул Зетсивис коллекционировал фензу. Однажды он показал мне самую ценную часть коллекции: разноцветных жучков, приколотых к доске в его кабинете. На этикетках обозначался сезон сбора. Фензу переливались

так, словно их крылышки отражали токотечение. Узул смотрел на них как на величайшую драгоценность, хотя дом его ломился от богатств.

Какой милый дядька, а я... заставила его орать и корчиться от боли.

Не знаю, сколько прошло времени, но когда распахнулась дверь, я увидела ботинки Ризека – черные и начищенные до блеска. Попыталась сесть, но тело мне не повиновалось. В конце концов я сумела как-то изловчиться: повернув голову, я посмотрела на брата.

А в коридоре маячил кто-то еще – смутно мне знакомый, словно виденный во сне.

Он сделал шаг вперед и замер позади Ризека.

Высокий, ростом почти с Ризека. Стоял он по-солдатски прямо и казался весьма самоуверенным. Несмотря на это, он был худ, если не изможден: под глазами залегли тени, а лицо покрывали синяки и царапины. Тонкий шрам прочертил скулу от уха до подбородка, на правой руке белела повязка, наверняка скрывавшая еще не заживший знак убийства.

Его серые глаза встретились с моими. Я узнала юношу именно по этой особенной настороженности во взгляде. Акос Кerezет, третье дитя рода Кerezетов, теперь почти взрослый.

Боль, скопившаяся внутри, разом нахлынула на меня. Я схватилась за голову, едва подавляя крик. Слезы застилали глаза, мешая разглядеть брата: лишь каким-то чудом мне удавалось сфокусироваться на бледном, как у трупа, лице Ризека.

Среди шотетов и тувенцев обо мне ходило множество слухов, поощряемых Ризеком. Вероятно, они уже расползлись и по всей звездной системе. Люди вообще любят перемывать косточки судьбоносным родам. Болтали, что мои ладони обжигают огнем, а руки от запястий до плеч покрыты знаками убийств. Говорили и о том, что мой разум давно помутился. Меня боялись и ненавидели. Однако вряд ли образ всхлипывающей, беспомощно ползающей по полу девушки соответствовал этим легендам.

Мои щеки заалели от унижения. Никто не имел права видеть меня в столь жалком состоянии! Как Ризек только посмел привести сюда Акоса? Брату прекрасно известно, что я обычно чувствую после... в общем, после наихудшего кошмара.

– Почему он здесь? – спросила я, постаравшись, чтобы Ризек не услышал гнева в моем голосе.

– Не будем терять ни минуты, – произнес Ризек, поманив Акоса.

Они оба переступили порог моей спальни.

Кerezет демонстрировал полное подчинение Ризеку, но я заметила, что

он все же старался держаться на расстоянии. Он был на пределе.

– Кайра, познакомься с Акосом Керезетом. Акос – третье дитя рода Керезетов и наш... – Ризек ухмыльнулся, – наш верный слуга.

Он намекал на то, что Акосу судьбою предначертано умереть за нашу семью. Погибнуть, служа нам, как еще два сезона назад объявила Ассамблея.

Губы Акоса искривились.

– У Акоса – уникальный токодар, который, думаю, тебя заинтересует, – продолжил Ризек и кивнул Керезету.

Тот присел на корточки и протянул мне руку. Я тупо уставилась на его ладонь. Я ничего не понимала. Ризек хочет, чтобы я причинила ему боль? Зачем?

– Давай, сестренка, тебе понравится, – произнес Ризек.

Я потянулась к ладони Акоса. Тьма расползалась под кожей, как чернильная клякса.

Я дотронулась до руки Акоса, приготовившись услышать крик. Но тени внезапно отпрянули и исчезли, а вместе с ними ушла и боль.

Это было совсем не похоже на действие лекарства, которое я принимала прежде. От препаратов меня мутило, в лучшем случае они одурманивали, притупляя чувства. А сейчас я словно вернулась в прошлое, в те дни, когда еще не проснулся мой дар. Впрочем, даже тогда я не ощущала такого умиротворения.

Неужели Акос подарил мне покой?

– Что это? – спросила я.

Кожа Акоса была теплой, шершавой и сухой, как галька, не слишком добросовестно обкатанная морем. Я уставилась на наши сцепленные руки.

– Я отсек Ток. – Голос Акоса оказался на удивление глубоким, хотя и ломким, как у любого мальчишки его возраста. – И неважно, какой дар он несет.

– У моей сестры – очень важный дар, – перебил его Ризек. – Но с некоторых пор от него нет толку, потому что он постоянно выводит Кайру из строя. Так что теперь именно ты сможешь сослужить нам службу... Но не забывай, кто тут хозяин, – тихо проговорил Ризек, склонившись к уху Акоса.

Тот не шевельнулся, но на его лице мелькнула гримаса отвращения.

Я села на пятки, продолжая ощущать прикосновение его ладони. Но я уже не глядела на него. Я сгорала от стыда. Можно было подумать, что он застал меня за переодеванием, увидев больше, чем дозволено чужим.

Я поднялась, и он встал вместе со мной. Несмотря на мой высокий

рост, Акос оказался выше меня на полголовы.

– Значит, мы будем везде ходить с ним за ручку? – спросила я. – Что о нас подумают люди?

– Подумают, что он – наш слуга, – ответил Ризек. – Так оно и есть.

Брат шагнул ко мне. Я отпрянула, выдернув ладонь из руки Акоса. Черная паутина мигом вернулась на место.

– А где благодарность? – произнес Ризек. – Ты не оценила огромные усилия, которые я прилагаю для обеспечения твоего комфорта, приставляя к тебе столь одаренного слугу?

– Оценила. Спасибо, Ризек, – вымолвила я, не решаясь его провоцировать.

Я не хотела, чтобы брат опять заменил мои воспоминания своими.

– Не за что! – улыбнулся он. – Я пойду на все, лишь бы мои генералы жили в хороших условиях.

Никаким генералом он меня, разумеется, не считал. Солдаты прозвали меня «Плетью Ризека», инструментом для наказания, который Ризек использовал, когда ему было нужно. Ризек воспринимал меня как свое собственное, весьма впечатляющее оружие. Я была для него еще одним клинком.

Когда мой брат покинул спальню, мы с Акосом остались наедине. Я принялась ходить по комнате. От стола к изножью кровати и от закрытого шифоньера – обратно к кровати. Мне не нравилось, с каким любопытством Акос разглядывает обстановку, будто лапая все вокруг.

– И давно ты так живешь? – спросил он.

– Как «так»? – резко бросила я.

В тот момент я могла думать лишь о том, в каком виде он меня застал: лежащей на полу, в поту и слезах...

Я чувствовала себя зверем, пойманным в западню.

– Скрывая свои страдания, – в его голосе отчетливо прозвучала жалость.

Жалость – презрение в обертке доброты. Ее требовалось пресечь сразу, иначе потом общение сделается невозможным. Так меня учил отец.

– Я обрела дар, когда мне было восемь сезонов. К вящей радости отца и брата. Мы договорились, что я буду скрывать боль ради блага рода Ноаеков. И ради шотетов.

Акос хмыкнул. По крайней мере, с жалостью, он завязал. Вот и хорошо.

– Вытяни руку, – тихо приказала я.

Моя мать, когда злилась, всегда говорила еле слышно. Утверждала, что таким образом заставляет людей себя слушать. Мне недоставало ее элегантной изощренности. Я обладала изяществом кулака, метящего в лицо. Однако Акос повиновался. Он протянул мне руку ладонью вверх и вздохнул, словно искренне желал облегчить мои страдания.

Я быстро сжала его предплечье и резко дернула Акоса на себя. Похоже на танец: скрещенные руки, перенос веса.

Теперь я находилась позади Акоса, а он, согнувшись, стоял с заломленной за спину рукой.

– Может, я и мучаюсь, зато сил у меня хватает, – прошипела я, ощущая, как напрягаются мышцы Акоса. – Ты полезен, но свет клином на тебе не сошелся. Ясно?

Не дожидаясь ответа, я отпустила Акоса. Токодар вернулся и резанул меня болью, от которой защипало глаза.

– В соседней комнате есть кровать, – процедила я. – Убирайся.

Он послушался. Я с закрытыми глазами прислонилась к спинке своего ложа.

На самом деле мне хотелось совсем не такого окончания разговора.

10. Кайра

Я не ожидала, что Акос Керезет вернется по доброй воле. Однако на следующее утро он постучал в мою дверь. В нескольких шагах позади него топталась стражница. Акос держал флакон с пурпурной жидкостью.

– Доброе утро, моя госпожа, – насмешливо произнес он. – Поскольку никто из нас не заинтересован в постоянном физическом контакте, вы можете попробовать это снадобье. Последний пузырек из моих запасов, между прочим.

Я выпрямилась. Когда боль делалась непереносимой и я превращалась в мешок костей и мяса, каждый мускул напрягался, заставляя меня держаться прямо. Отбросив за спину распущенные волосы, я сообразила, что наверняка выгляжу странно, разгуливая в полдень в ночной сорочке, да еще и с левой рукой, от запястья до локтя покрытой наручами из кожи Панцырника.

– Очередная микстура? – кисло улыбнулась я. – Они или вовсе не помогают, или от них вреда больше, чем пользы.

– Вряд ли ты когда-нибудь пробовала обезболивающее из тихоцветов, – сказал Акос, выгнув бровь. – Насколько мне известно, ваш народ не жалуется на наши проверенные средства.

– Пробовала, – возразила я. – Лучшие отирианские лекарства.

– Отирианские, – он цокнул языком. – Они хороши для обыкновенных болезней, но твоя проблема – особенная.

– Боль есть боль.

– Советую тебе его принять, – он чуть не насильно вложил мне в руку пузырек. – Снадобье, конечно, не снимет боль полностью, но заметно ослабит. К тому же у него почти нет побочных эффектов.

Я прищурилась и подозвала стражницу, которая маячила в коридоре. Та подбежала ко мне и по уставу поклонилась.

– Выпей эту настойку, – приказала я женщине.

– Думаешь, я собираюсь тебя отравить? – спросил Акос.

– Не исключено.

Стражница, вытаращив глаза от страха, взяла пузырек.

– Не бойся, яда здесь нет, – сказал Акос.

Женщина сделала глоток и вытерла губы тыльной стороной ладони. Несколько секунд мы с ней неподвижно стояли и ждали. Падать замертво она вроде бы не собиралась. Я забрала у нее флакон. Тени метнулись в

кончики пальцев, вызвав покалывание. Стражница стремительно вернулась на свой пост, словно я была Панцырником.

Снадобье воняло гнилью и солодом. Я залпом осушила пузырек, ожидая, что вкус окажется столь же мерзким, как и запах. Ничего подобного, послевкусие было цветочно-пряным. Лекарство обволокло горло и осело в желудке странной тяжестью.

– Подействует через две минуты, – заметил Акос. – Ты надеваешь это на ночь? – Он показал на мою руку, покрытую поцарапанной броней. – Нападения боишься?

Броня была сильно изрезана острым ножом. Я снимала ее, только когда купалась.

– Нет, – буркнула я и сунула флакон Акосу.

– Значит, прикрываешь знаки убийства. – Акос нахмурился. – И почему Плеть Ризека прячет свои знаки?

– Не смей называть меня так. Никогда.

Я почувствовала какое-то давление в голове, будто кто-то сжал виски. По телу, откуда-то из глубины, пополз озноб, и моя кровь словно превратилась в лед. Сначала я решила, что виной тому – злость и раздражение, но ощущения были слишком физическими... и безболезненными. Я взглянула на руки. Тени никуда не делись, они темнели под кожей, но двигались медленно, заторможенно.

– Сработало, верно? – спросил Акос.

Боль не исчезла, она продолжала отзываться на течение Тока, но теперь она мне не мешала. Меня охватила приятная сонливость. Неужели мне удастся спокойно поспать?

– В каком-то смысле, – призналась я.

– Я знал, что снадобье подействует. А сейчас я хочу предложить тебе сделку.

– Ты считаешь, что в твоём положении можно предлагать сделки?

– Ага. Сколько бы ты ни твердила, что тебе не требуется моя помощь, в действительности это не так. Ты лукавишь. Поэтому ты можешь либо каждый раз принуждать меня оказывать тебе помощь, либо обращаться со мной как с человеком и получать лекарство без всяких проблем. Выбор за тобой, *моя госпожа*.

Думать, глядя ему в глаза, было затруднительно, поэтому я уставилась на просветы в жалюзи, сквозь которые в комнату проникали солнечные лучи. За оградой поместья Ноавеков люди ходили по улицам, наслаждаясь теплым сезоном. Пыль, наверное, стояла столбом...

В момент нашего знакомства Акос увидел меня в самом невыгодном

для меня свете. Я была уязвимой, слабой и валялась на полу у его ног. Потом-то я попыталась отыгаться, показав Акосу то, на что я способна, но проку вышло – чуть. Мою темную паутину нельзя ни стереть, ни уничтожить, а чем больше я испытываю физических страданий, тем сложнее мне жить достойной жизнью.

Может, Акос – мой единственный шанс?

– Я слушаю тебя, – произнесла я.

– Прекрасно, – он провел пальцами по густым, темным волосам. – Прошлой ночью ты... показала мне болевой прием. Ты умеешь сражаться.

– Еще как.

– И ты сможешь меня обучить, если я попрошу?

– Зачем? Ты издеваешься надо мной? Ты хочешь... убить Ризека? У тебя ничего не получится.

– Ты полагаешь, что я хочу его убить?

– А разве нет?

Он помолчал.

– Я хочу забрать домой брата, поэтому мне необходимо выжить и, следовательно, я должен уметь драться, – осторожно произнес Акос.

А я уже подзабыла, что такое настоящая братская любовь. Насколько мне представлялось, размазня и слюнтяй Айджа не достоин такого. Но Акос, по-солдатски уверенный в себе, выглядел очень решительным.

– А ты не обучен рукопашному бою? – поинтересовалась я. – Зачем же Ризек посылал тебя на два сезона к Вакрезу?

– Я обучен. Но мне нужно кое-что еще.

– Мне тоже, – я скрестила руки на груди.

– В обмен на твои уроки я научу тебя делать снадобье. И ты не будешь зависеть ни от меня, ни от кого другого.

Он словно читал в моем сердце, безошибочно выбрав самое соблазнительное для меня предложение. Ведь я жаждала не избавления от боли, но независимости. И Акос преподносил ее мне – в стеклянном флаконе с настойкой алого тихоцвета.

– Ладно, – согласилась я. – Я сделаю то, о чем ты просишь.

Вскоре после нашего разговора я привела Акоса к запертой двери, за которой скрывалась небольшая комната. Это крыло поместья не модернизировали, и замки здесь отпирались не прикосновением пальца хозяина (как в кабинете и в спальне Ризека), а по старинке.

Я вытащила из кармана ключ. Сегодня на мне были свободные брюки и свитер.

В комнате имелся длинный стол, а стены были увешаны полками: на

них теснились пузырьки, колбы, ножи, мерные ложки и разделочные доски. Там же выстроился ряд банок. Судя по этикеткам на шотетском, в емкостях хранились различные виды ледоцветов. У нас был небольшой их запас, хотя тувенцы не торгуют с шотетами уже в течение двадцати сезонов. Тихоцветы попадали к нам через третьи руки, среди прочей добычи, привезенной из Побывок. Металлические тигли всех оттенков оранжево-красного свисали с крючков над горелками. Самый крупный – размером с мою голову, а самый маленький – с ладонь.

Акос выбрал тигель и поставил его на горелку.

– Зачем ты училась рукопашному бою, если ты можешь причинить боль с помощью простого прикосновения? – спросил он, наполняя стакан водой из-под крана.

Вылил в тигель, зажег огонь, взял нож и разделочную доску.

– Это часть шотетского образования, нас обучают боевым искусствам с детства. И мне это нравилось, – добавила я, помедлив.

– Где тихоцветы? – осведомился он, водя пальцем по банкам.

– В верхней – справа.

– Но ведь шотеты не используют ледоцветы.

– Шотеты не используют, – ответила я. – Но мы – исключение. У нас есть все. Перчатки найдешь под горелками.

– Что же, госпожа Исключительность, – фыркнул он, – тебе надо будет изыскать способ добывать еще и еще. Нам понадобится много.

– Понятно, – сказала я и на миг умолкла. – А читать тебя в армии не обучили?

Я полагала, что Вакрез должен был научить его не только драться. Но и писать, к примеру. «Откровенный язык» – это язык разговорный, а не письменный, детям приходилось учиться писать и читать.

– Подобные материи их не интересовали, – ответил Акос. – Мне командовали «Бегом марш!», и я бежал. Вот и все.

– Тувенскому мальчишке не пристало жаловаться на то, что его превратили в сильного шотетского мужчину, – заявила я.

– Я не превратился в шотета. Я – тувенец и всегда им останусь.

– То, что ты беседуешь со мной на шотетском, свидетельствует о другом.

– То, что я беседую с тобой на шотетском, является дурацким генетическим вывертом! – рявкнул он.

Я не стала спорить. Но чувствовала, что со временем Акос изменит свое мнение.

Акос извлек из банки с тихоцветами бутон, оторвал лепесток и сунул в

рот. Я зачарованно смотрела на Акоса. Такая доза должна была мгновенно свалить его с ног. Акос проглотил лепесток, на секунду прикрыл глаза и как ни в чем не бывало вернулся к разделочной доске.

– У тебя к ним иммунитет? Как к моему токодари?

– Нет. Но они воздействуют на меня слабее, чем на других.

И каким образом он это обнаружил?

Акос положил бутон на доску и плашмя надавил ножом на цветоложе. Бутон раскрылся. Провел острием по каждому лепестку, быстро расправляя их. Это было похоже на волшебство.

Я наблюдала, как пузырится зелье из тихоцветов, сначала – красное, затем, после добавления засахаренных солефрутов – оранжевое... Когда Акос прибавил стебли сендеса, предварительно срезав с них листья, варево стало коричневым. За сендесом последовала щепотка порошка из «цветов ревности», и жидкость вновь покраснела. Как странно. Да и невозможно.

Акос снял тигель с огня, переставил на соседнюю горелку, чтобы остудить, и повернулся ко мне.

– Это весьма сложное искусство, – произнес он, широким жестом обводя комнату с ее полками, на которых стояли колбы, пузырьки и банки с ледоцветами. – А с обезболивающим на тихоцвете будет еще труднее. Ошибись хоть чуточку и приготовишь себе яд. Надеюсь, ты умеешь быть не только жестокой, но и аккуратной.

Он легонько коснулся тигля кончиком пальца и сразу же его отдернул. Я невольно залюбовалась его быстрыми движениями и поняла, к какой боевой школе он принадлежит. Зиватахак, «путь сердца».

– Ты знаешь о моей жестокости лишь понаслышке, – заметила я. – А хочешь я тебе скажу, что я слышала о тебе? Ты – неженка, трус и дурак. Слухи верны, как считаешь?

– Ты из Ноавеков, – упрямо буркнул он, скрещивая руки на груди. – Беспощадность в вашей крови.

– Я не выбирала кровь в своих венах, – возразила я. – Как и ты не выбирал свою судьбу. Мы с тобой стали тем, кем должны были стать.

Я развернулась и покинула комнату, задев дверной косяк закованной в броню рукой.

Я проснулась на рассвете, когда перестало действовать снадобье. За окном начиналось бледное утро. Как всегда медленно, по-старушечьи, я сползла с кровати, то и дело останавливаясь, чтобы передохнуть. Натянула легкий и просторный тренировочный костюм из синтетической ткани, сшитый на Тепесе. Никто лучше тепессаров не умел создавать одежду, сохраняющую прохладу: их планета была настолько жаркой, что люди не

выходили из дома без термозащиты.

Прижавшись лбом к стене, я зажмурилась и на ощупь принялась заплетать волосы. Мне давно не доводилось расчесывать свои густые темные волосы, как я расчесывала их в детстве, надеясь завить в тугие кудри. Боль лишила меня и этого удовольствия.

Закончив, я достала из ящика стола свой ток-нож. Он был выключен, черные усики Тока не обвивались вокруг лезвия. Прихватив клинок с собой, я вошла в провизорскую, куда Акос перетащил свою кровать, – иногда он ночевал именно здесь.

Подкравшись, я прижала лезвие к шее Акоса.

Он открыл глаза, его зрачки тут же расширились. Парень попытался встать, но я слегка надавила на нож. Акос замер, а я ухмыльнулась.

– Ты спятила? – спросил он хриплым со сна голосом.

– Вижу, слухи обо мне распространяются быстро, – весело сказала я. – Но гораздо существеннее, не спятил ли ты, раз позволяешь себе спокойно дрыхнуть в логове врага, даже не потрудившись запереть дверь на засов. Если это не признак безумия, значит, идиотизма, выбирай сам.

Он попытался пнуть меня в бок коленом. Я заблокировала удар локтем. Лезвие уперлось ему в живот.

– Ты проиграл прежде, чем проснулся, – заявила я. – Первый урок: если хочешь победить в сражении, постарайся избежать драки. А если твой враг – глупый соня, проще всего – перерезать ему глотку во сне. Если он мягкосердечен, обратись к его состраданию. Если он хочет пить, отрави его воду. Усек?

– А как же честь? Плюнуть и растереть?

– Честь! – фыркнула я. – Когда речь идет о выживании, для чести нет места.

Я процитировала строки из прочитанной однажды огрианской книги. Разумеется, в переводе на шотетский, кто здесь будет разбирать огрианский? Мои слова мигом прогнали сон из глаз Акоса: куда там ток-ножу!..

– Вставай, – приказала я, сунула клинок в ножны на пояснице и покинула комнату, чтобы Акос мог переодеться.

Когда мы закончили завтракать, солнце уже встало. В потайных коридорах бегали слуги, разнося по спальням чистое белье. Скрытые ходы тянулись с запада на восток параллельно обычным коридорам. Особняк построили таким образом, чтобы отделить хозяев от подчиненных. По такому же принципу возведен и сам Воа: в центре – дом Ноавеков, окруженный жилищами влиятельных и богатых, все остальные обретаются

во внешнем круге, борясь за то, чтобы войти во внутренний.

Тренажерный зал, располагавшийся неподалеку от моей спальни, был просторным и светлым. Одну его стену занимало широкое окно, вдоль другой тянулось зеркало. С потолка свисала позолоченная люстра: изящный светильник контрастировал с черным полом, беспорядочными грудками матов и учебного оружия. Это было единственное помещение, которое позволила перестроить моя мама. Она считала, что поместье необходимо сохранять во всей его «исторической целостности», включая трубы, из которых иногда пованивало гнилью, и потускневшие дверные ручки.

Я любила тренироваться. Не только потому, что занятия увеличивали мою силу, хотя это являлось приятным бонусом. Мне нравилось ощущение физической активности: разогретого тела, быстрого пульса, приятного поднывания утомленных мышц. Вот такая боль была мне по душе: ведь я выбирала ее сама. Как-то раз я попыталась побороться с солдатами Ризека, как делал он сам в часы тренировок, но чернильные тени Тока причиняли моим спарринг-партнерам нешуточные страдания, и от идеи совместных тренировок пришлось отказаться.

Весь последний сезон я читала шотетские книги о древнем боевом искусстве – эльметахаке, «пути разума». Как и многое в нашей культуре, приемы этой школы были изучены во время наших Побывок. В эльметахаке буквально сплелись между собой огрианская свирепость, отирианская логика и наша шотетская изобретательность.

Когда мы с Акосом очутились в спортзале, я сразу же схватила оставленную там накануне книгу «Принципы эльметахака: основополагающая философия и практические навыки» и раскрыла ее на главе «Стратегия, ориентированная на противника».

– В армии ты изучал зиватахак, верно?

Акос непонимающе уставился на меня.

– Альтетахак еще называют «путь руки», зиватахак – это «путь сердца», а эльметахак – «путь разума», – объяснила я. – Твои наставники не говорили тебе, по принципам какой школы тебя тренируют?

– Они вообще не удосуживались информировать меня о чем бы то ни было, – пожал плечами Акос.

– Судя по тому, как ты двигаешься, я с уверенностью могу заключить, что тебя учили зиватахаку.

Акос вроде бы удивился.

– Судя по тому, как я двигаюсь, да?

– Мне не кажется логичным, что тувенец совершенно не знает самого

себя.

– Знать, как ты дерешься, вовсе не означает знать самого себя, – возразил Акос. – Если ты – представитель миролюбивого народа, сражаться вовсе не обязательно.

– Неужели? И где же обитает сей дивный народ? А может, твои воображаемые друзья живут в твоей голове? – усмехнулась я. – Люди агрессивны. Просто кто-то умеет сдерживаться, а кто-то – нет. Лучше это признать и использовать в качестве точки доступа к своему подсознанию, а не продолжать тешить себя ложью.

– Я себя не обманываю, – он запнулся и вздохнул. – Ладно, неважно. О какой точке доступа ты толкуешь?

– Возьмем, к примеру, тебя, – продолжила я.

Акос со мной был явно не согласен, однако не спорил. Значит, лед тронулся.

– Ты быстр, но не особенно силен. Порывист и постоянно ждешь нападения. Скорость – вот краеугольный камень пути сердца, – я постучала себя по груди. – Но данное качество требует выносливости. Поэтому сердце должно быть выносливым. Мы переняли эту философию у воинов-аскетов Золда. Тогда как альтетахак, «путь руки», опирается исключительно на силу. Альтетахак, по сути, является адаптацией стиля наемников с границ галактики. И, наконец, эльметахак. Он основан на стратегии. Большинство шотетов давно оставили этот путь. Эльметахак – настоящее лоскутное одеяло из различных стилей разнообразного происхождения.

– И какой из них изучаешь ты?

– Все – и каждый по отдельности, – я отложила книгу и встала. – Начнем, пожалуй.

У дальней стены стоял древний деревянный комод. Потянув за разболтанную позеленевшую ручку, я со скрипом выдвинула ящик, в котором хранились учебные клинки из современного синтетического материала, прочные и гибкие. От них могли оставаться синяки, но порезаться было затруднительно. Я бросила один Акосу, второй взяла себе и встала в стойку, направив клинок в сторону.

Акос скопировал мои движения. Я видела, как он подстраивается, сгибает колени, переносит вес, чтобы в точности воспроизвести мою позу. Было немного странно наблюдать за человеком, так жаждущим учиться и понимающим, что его выживание зависит от того, насколько он усвоит урок. Я почувствовала себя нужной.

И нанесла первый удар, целя Акосу в голову. Прежде чем клинок

коснулся его плоти, я отдернула руку и рявкнула:

– Тебя заворожила неземная красота собственных ладоней?

– Чего? Нет, конечно.

– Тогда прекращай на них пялиться и смотри на противника.

Акос поднял кулак к щеке, затем нанес мне боковой удар. Я прыгнула направо, развернулась и шлепнула Акоса рукоятью ножа по щеке. Акос нахмурился, крутанулся, пытаясь достать меня клинком, и моментально утратил равновесие. Я поймала его руку и сжала кисть Акоса, останавливая атаку.

– Мне уже известно, как тебя победить, – сказала я. – Ты знаешь, что я превосхожу тебя, однако продолжаешь стоять здесь, – я обвела рукой пространство перед собой. – Этот участок – часть меня, самое опасное место. Здесь все мои удары потенциально смертельны, но мое внимание сосредоточено в определенных границах. Ты должен заставлять меня двигаться. Выгони меня из «зоны комфорта», выйди за пределы досягаемости моего правого локтя, и тогда я не смогу заблокировать твои удары. И не стой столбом, ожидая, пока я вспорю тебе брюхо.

Акос послушно кивнул и вновь вскинул руки. Я сделала очередной выпад, и он успел уклониться. Я улыбнулась краешком рта.

Теперь мы кружили друг напротив друга, нападая и обороняясь.

Я заметила, что Акос запыхался.

– Расскажи-ка мне о своих знаках, – предложила я.

В конце концов, моя книга открыта на главе «Стратегия, ориентированная на противника». А нет никого, более достойного этого звания, чем тот воин, память о котором осталась в виде зарубки на твоей собственной руке.

– Зачем? – Акос машинально дотронулся до левого запястья.

Повязки уже не было. У локтя темнел старый шрам. Я видела его пару сезонов назад в Оружейном зале. Сейчас он выглядел завершенным: в рану, согласно ритуалу, ввели иссиня-черную тушь. А рядом появился новый, совсем свежий шрам.

Две метки убийства на руке тувенского мальчишки. Необычное зрелище.

– Затем, что выработка стратегии начинается со знакомства с врагом, – ответила я. – А ты, судя по шрамам, уже встречался со своими противниками лицом к лицу.

Акос хмуро уставился на отметины и произнес нараспев:

– Первым стал один из тех, кто напал на мою семью. Я убил его, когда они тащили нас с братом через ковыли.

– Его звали Кальмев, – добавила я.

Кальмев Радикс был капитаном побывочного судна и политическим переводчиком, говорившим на четырех языках, включая тувенский.

– Ты его знала? – смущенно спросил Акос.

– Да. Он был другом моих родителей. Я помню его с детства... Его вдова рыдала на тризне по покойному мужу, – я склонила голову, задумавшись о прошлом.

Кальмев слыл суровым воином, но в его карманах всегда лежали карамельки.

Он украдкой кидал их в рот во время придворных обедов. Но я нисколько не скорбела о нем. Ведь для меня он был никем.

– А второй знак?

– Второй...

Акос напрягся. Вопрос явно смутил его. Вот и хорошо.

– Вторым оказался Панцырником. Его кожа мне понадобилась в соответствии со статусом.

Я заработала себе броню три сезона назад. До вечера просидела в засаде в густой траве неподалеку от военного лагеря, а ночью отправилась на охоту. Подползла к спящей твари и вонзила нож в мягкое подбрюшье. Спустя несколько часов Панцырник сдох от потери крови. Его душераздирающие стоны навечно поселились в моих кошмарах. Но мне и в голову не приходило нанести в память о нем знак убийства.

– Метки только для людей, – произнесла я.

– Тот Панцырник ничем от них не отличался, – тихо проговорил Акос. – Я заглянул ему в глаза. Он знал, кто я такой. Потом я накормил зверя отравой, и он заснул от моего прикосновения. Поверь, я скорбел по нему гораздо сильнее, нежели по человеку, лишившему мою сестру отца и обоих братьев.

А у него имелась еще и сестра! Я с трудом припомнила слова Ризека, рассказывавшего о ее судьбе: «Первое дитя рода Керезетов падет жертвой клинка». Мрачное пророчество. Почти столь же трагическое, как судьба Ризека. Или Акоса.

– Тогда тебе надо нанести на знак особую риску, – подсказала я. – Сверху наискось. Шрам будет означать не убийство, а потерю. Так делают после выкидышей или в память о супруге, унесенном болезнью. Еще о пропавших без вести. В общем, о всяком крупном горе.

Акос взглянул на меня с любопытством и одновременно с яростью.

– Мой отец...

– У Васа уже есть знак, связанный с твоим отцом. Нельзя поминать

одну и ту же жертву дважды.

– Жертву?.. Вас просто гордится своей меткой об убийстве, – пробормотал Акос. – Преднамеренном убийстве.

– Вовсе нет. Ты ошибаешься. На самом деле, это память об утрате. О потере, а не о победе, – я невольно обхватила рукой левое предплечье, прикрытое наручами. – И неважно, что тебе сболтнет иной раз какой-нибудь глупый шотет.

Тугие бутоны тихоцветов лежали передо мной на разделочной доске. Я провела острием ножа по лепестку. Перчатки мешали, но прикасаться к тихоцветам голой рукой, как делал Акос, я не могла, не всем же везет.

Лепесток и не подумал распрямляться.

– Ты должна попасть точно по центральной прожилке. Найди самую темную полосу, – посоветовал Акос.

– Не вижу я никаких полосок, красный он и есть красный. Ты галлюцинациями не страдаешь, часом?

– Попробуй снова, – вымолвил Акос.

Именно так он говорил всегда, когда я теряла терпение. «Попробуй снова». Мне хотелось его ударить.

Уже несколько недель мы каждый вечер приходили в провизорскую, где Акос учил меня готовить отвар из тихоцветов. Здесь было тепло и спокойно, побулькивала кипящая вода, тихонько постукивал нож о разделочную доску. Кровать Акоса была аккуратно застелена, выцветшие простыни туго обтягивали матрас. Он спал без подушки, зашвыривая ее в угол, где она собирала пыль.

Ледоцвет полагалось резать особым манером: тихоцветы требовалось ухитриться расплющить, цветы ревности – нарезать так, чтобы порошок не разлетелся в стороны, а лист гарвы – освободить от мякоти, оставив лишь твердые, волокнистые прожилки, и только потом – оторвать от стебля.

– Дергай не сильно, но и не слабо, – пояснял Акос, пока я наблюдала за его действиями.

С ножом я обращаться умела, но мне не хватало терпения и аккуратности, а мой нюх оставлял желать лучшего. Зато в спортзале мы менялись ролями. Акоса бесило, когда я принималась читать ему лекции по теории сражения и философии, которую считала основой основ. Он был быстр и ловок при проведении контактных приемов, но безрассуден и не склонен изучать противника. Зато когда мы касались друг друга, я лучше справлялась с болью.

Я провела кончиком ножа по следующему лепестку, он сразу развернулся и распрямился. Я довольно хмыкнула. Наши с Акосом плечи

соприкоснулись, и я отшатнулась. У меня не было привычки к прикосновениям, и я сомневалась в том, что когда-нибудь ее приобрету.

– Неплохо, – похвалил Акос, опуская в воду пучок сухих листьев гарвы. – Теперь повтори это сто раз, и сама не заметишь, как научишься.

– Всего-то? Было бы о чем говорить, – я украдкой покосилась на Акоса, но тот не стал ни закатывать глаза, ни огрызаться.

Он просто слегка улыбнулся.

– Долг платежом красен. Сто лепестков тихоцвета за сто отжиманий.

– Когда-нибудь ты меня еще за них поблаговаришь, – я указала на его мускулы испачканным в соке тихоцвета ножом.

– Я?.. Поблагодарю Ноавека?.. Никогда.

В моей шутке, конечно, была доля правды. Я – Ноавек, он – Керезет. Я – хозяйка, он – пленник. Кажущаяся легкость нашего общения балансировала на игнорировании этих фактов.

Наши улыбки мигом исчезли, мы вернулись к занятиям.

Когда я уже расправилась с четырьмя цветками, – оставалось каких-то девяносто шесть! – в коридоре послышались шаги, быстрые и решительные, совсем не похожие на вальяжную походку стражников. Я отложила нож и стянула перчатки.

– Что случилось? – спросил Акос.

– Сюда идут. Нельзя, чтобы кто-то пронюхал, чем мы занимаемся.

Акос не успел спросить – почему. Дверь распахнулась, в комнату ввалился Вас, за ним следом – какой-то юноша. Я узнала троюродного племянника Васа Йорека Кузара, сына Сузао. Смуглый парень был невысок, худ, с жиденькой бороденкой на подбородке. Я почти не знала Йорека. Он решил не идти по стопам отца и не пожелал становиться ни солдатом, ни переводчиком, чем вызвал подозрительное недовольство Ризека. С точки зрения моего брата, любой, кто не рвался сломя голову к нему на службу, выглядел подозрительно.

Йорек поклонился, приветствуя меня. Я едва обратила на него внимание. При одном взгляде на Васа чернильные тени под моей кожей набрякли болью. Заложив руки за спину, Вас с интересом оглядел провизорскую. Внимательно уставился на испачканные зеленым соком пальцы Акоса и на тигель, булькающий на горелке.

– Что привело тебя к нам в дом, Кузар? – спросила я Йорека, прежде чем Вас раскрыл рот. – Неужто решил навестить своего троюродного дядюшку? Не могу представить человека, которому подобный визит доставил бы удовольствие.

Йорек переводил взгляд с неприязненно смотрящего Васа на меня, а

потом – на Акоса. Ну а сам Акос упорно рассматривал свои пальцы, вцепившиеся в край столешницы. А парень сильно занервничал с появлением Васа. Мускулы на руках вздулись, натянув ткань рубашки.

– Мой отец прибыл на встречу с владыкой, – ответил Йорек. – Он заявил, что пока будет общаться с Ризеком, Вас сумеет вправить мне мозги и наставить на путь истинный.

– Ну и как успехи? – засмеялась я.

– Кайра обладает множеством полезных достоинств, но «разум» в их число не входит, – изрек Вас. – На твоём месте, Йорек, я бы не доверял мнению Кайры обо мне.

– Я, конечно, в восторге от нашей милой болтовни, Вас, – оборвала его я, – но почему бы тебе не перейти к делу?

– Что это вы тут химичите? Обезболивающее? Я думал, что твоё лучшее лекарство – потные лапы Керезета, – ухмыльнулся Вас.

– Что тебе надо? – сухо повторила я.

– Полагаю, моя госпожа помнит, что завтра начинается Празднование Побывки. Риз желает, чтобы его сестра была рядом с ним на открытии боев. Прежде чем ты откажешься, он просил меня напомнить тебе, что Керезет был передан тебе ещё и для того, чтобы ты могла вернуться в строй и посещать публичные мероприятия.

Бои на арене. Я отказывалась посещать их уже много сезонов, ссылаясь на плохое самочувствие, хотя в действительности просто не желала смотреть, как люди убивают друг друга из-за денег, мести или социального положения. Дуэль являлась законным и даже вполне респектабельным способом, но мне не хотелось приумножать картины насилия в собственной памяти. Один только вид оплывающего оскала Узула Зетсивиса чего стоил!

– Увы, я пока не готова «вернуться в строй», – ответила я. – Прошу прощения.

– Ладно. – Вас пожал плечами. – Тебе надо научить Керезета расслабляться, а то в следующий раз при встрече со мной он получит растяжение мышц.

Я оглянулась на Акоса, сгорбившегося над столом.

– Я обдумаю твой совет.

В тот же день в межпланетных новостях промелькнул сюжет, посвященный нашей планете. В частности, там сообщалось: «Видный шотетский заводчик фензу Узул Зетсивис найден мертвым в собственном особняке. Причиной смерти, по предварительным данным, является самоубийство через повешение». Субтитры на шотетском гласили:

«Шотетский народ скорбит о безвременной кончине всеми любимого зрителя фензу Узула Зетсивиса. Согласно расследованию, в его гибели виновны подлые тувенские убийцы, стремящиеся подорвать основы шотетской экономики». Ну, разумеется.

Субтитры всегда лгали, а изучать иностранные языки и знать правду было позволено лишь ближайшим сторонникам Ризека. На кого, как не на тувенцев, мой брат мог свалить смерть Узула? Не на себя же, в конце концов!

И не на меня.

Через несколько часов стражник принес записку.

Она гласила: «Помни о моем отце. Его смерть на твоей совести. Лети Зетсивис».

Ризек мог сколько угодно обвинять тувенцев, но дочь Узула понимала, кто убил ее отца. Я – Кайра Ноавек. Его кровь – на моих руках.

Мой токодар продолжал воздействовать на людей еще долго после того, как я снимала с очередного несчастного свою руку. И чем дольше длилось мое прикосновение, тем продолжительнее были последующие мучения, от которых мог спасти разве что тихоцвет. Но семья Зетсивисов была чересчур религиозна, чтобы прибегнуть к помощи тувенских зелий. Некоторые люди, поставленные перед выбором смерть или боль, выбирают смерть. Узул Зетсивис – верующий до мозга костей – оказался из их числа.

Я сожгла записку Лети и вырезала на своей руке знак в память об Узуле. Смазала свежую рану тушью из корня ковыль-травы. Порез защищал, а на глаза навернулись слезы. Я, не осмелившись полностью прочитать ритуальную молитву, только прошептала его имя.

Ночью мне приснился Узул. Я слышала его крики, видела налившиеся кровью глаза, вылезшие из орбит. Он гонялся за мной по лесу, освещенному мерцающими фензу, пока не загнал в пещеру, где уже поджидал Ризек, чьи зубы были острыми, как кинжалы.

Я проснулась от собственного крика – вся в поту и почувствовала руку Акоса на своем плече. Он низко склонялся надо мной, его волосы были взъерошены. Акос глядел на меня серьезно, настороженно и вопросительно.

– Я услышал твой крик, – произнес он.

Сквозь тонкую ткань сорочки я ощутила тепло его руки. Кончики его пальцев проникли под воротник и коснулись обнаженного горла. Легкого прикосновения оказалось достаточно, чтобы отсечь Ток и унять боль. Когда он убрал пальцы, я чуть не заорала, наплевав на гордость и достоинство, однако Акос тут же нашел мою руку.

– Пойдем, – шепнул он мне на ухо. – Я научу тебя избавляться от кошмаров.

В тот момент, когда наши пальцы переплелись, Акос мог попросить меня о чем угодно. Наверное, я бы сделала все, что было в моих силах – и даже больше.

Кивнув, я выпростала ноги из-под перекрутившихся простыней.

Вскоре мы уже были в провизорской.

Акос зажег светильники, и мы с ним, бок о бок, встали у стола.

Банки на верхней полке теперь были подписаны на тувенском.

– Как и почти все микстуры, – сказал Акос, – эта начинается с тихоцвета.

11. Кайра

На рассвете традиционный бой барабанов возвестил о начале праздника. Первые звуки донеслись из амфитеатра в центре города. Грохот разрастался, по мере того как присоединялись новые исполнители. Барабаны символизировали Начала: самые первые удары наших сердец, первые ростки жизни, расцветшие нашим нынешним могуществом. Мы праздновали Начала целую неделю, затем все трудоспособное население грузилось на побывочный корабль и следовало за Током по галактике. Лететь полагалось до тех пор, пока токотечение не изменит цвет на синий, после чего – приземлиться на указанную Током планету, забрать причитающуюся добычу и вернуться домой.

Мне всегда нравились эти звуки, потому что они означали скорый отлет. В космосе я чувствовала себя свободнее, чем на планете. Но сейчас в бое барабанов мне мерещился стук умирающего сердца Узула Зетсивиса.

В дверном проеме появился Акос. Темные патлы парня торчали в разные стороны, глаза расширились от изумления.

– Что еще за тарарам? – спросил он, привалившись к косяку.

Несмотря на боль, я не могла удержаться от смеха. Никогда прежде не видела его таким растрепанным: пижамные штаны измяты, на щеке краснеет отпечаток простыни.

– Просто начало Праздника Побывки, – объяснила я. – Расслабься. И штаны поправь.

Он зарделся и быстро поправил пижаму.

– А мне-то откуда было знать? – буркнул он. – Ты не могла бы предупредить меня заранее, что начнется концерт, напоминающий бой военных барабанов?

– И лишить себя такого удовольствия? Надо же когда-нибудь развлекаться!

– Ваши шотетские «развлечения» заставляют меня думать, что я нахожусь в смертельной опасности.

Усмехнувшись, я подошла к окну. Улицы были запружены народом. Пыль поднималась до небес, люди топали к центру Воа, чтобы принять участие в празднике. Многие облачились в синее – любимый шотетский цвет, другие – в фиолетовое и зеленое. Но все – в броне и во всеоружии, с разрисованными лицами, со сверкающей бижутерией на шеях и запястьях, кое-кто – в венках из нежных только что срезанных цветов. Здесь, у

экватора, от растений не требовалось силы и выносливости ледотравья.

Наши цветы – хрупки, они рассыпаются от грубого прикосновения, оставляя тонкий сладкий аромат.

Будут сражения на арене и театрализованные представления, посвященные важнейшим моментам шотетской истории, прилетят гости с других планет, а команда побывочного корабля займется наведением лоска после ремонта. В последний день мы с Ризеком покинем поместье и возглавим процессию, направляющуюся на звездолет, который заберет нас на Побывку. Первыми взойдем по трапу, после чего на борт поднимутся остальные.

Ритуал я знала назубок и даже любила, несмотря на то, что с нами больше не было родителей, обучивших нас с братом соблюдать шотетские традиции.

– Моя семья лишь с недавних пор правит шотетами, – задумчиво произнесла я. – Когда я родилась, наш народ уже изменился под руководством моего отца. По крайней мере, так написано в книгах, которые я читала.

– А ты много читаешь? – поинтересовался Акос.

– Да.

Я любила читать на ходу: таким образом я отвлекалась от боли.

– По-моему, – продолжила я, – именно в неделю Побывки мы становимся... настоящими. Сам праздник, барабаны, корабль...

Вдоль ограды, взявшись за руки, пробежали хохочущие ребяташки. Компания взрослых горожан приостановилась, чтобы посмотреть на наше поместье.

– В прошлом шотеты были космическими скитальцами, а не...

– Не убийцами и ворами?

Я схватилась за левую руку, броня прогнулась под моими пальцами.

– Если тебе нравится праздник, почему ты отказалась пойти?

– И до полуночи торчать рядом с Ризеком? – фыркнула я. – Нет уж, спасибо!

Акос стоял совсем близко, тоже глядя в окно. По улице прошаркала старуха, поправляя неуклюжими артритными пальцами растрепавшийся в давке яркий шарф. Ее догнал юноша с охапкой цветочных венков и водрузил один ей на голову, прямо поверх шарфа.

– Побывка, поиск добычи... Не понимаю я ваших традиций. А как вы решаете, куда надо лететь? – спросил Акос.

Барабаны продолжали бить в ритме шотетских сердец, перекрывая музыку и отдаленный рев толпы. Звуки сливались в странный гулкий

аккорд.

– Если хочешь, я тебе покажу, – предложила я. – Начало совсем скоро.

Я приотворила потайную дверь спальни, поманила Акоса за собой, и мы нырнули в скрытые переходы дома Ноавеков. Над моей головой путеводной звездой мерцал шар с фензу, но я ступала с осторожностью: половицы были старыми и рассохшимися, а из опорных балок в самых неожиданных местах торчали кривые гвозди. Притормозив перед развилкой, я ощупала балку в поисках вырезанных на ней знаков. Зарубка слева показывала, что коридор ведет на первый этаж. Нащупав рубашку Акоса, я потащила парня к левому ответвлению. Он поймал меня за запястье, и мы, сцепив пальцы, зашагали вперед. Я надеялась, что скрип дерева заглушит мое порывистое дыхание.

Мы приблизились к комнате Изыскателей неподалеку от Оружейной, где я когда-то впервые увидела Керезетов. Нажав на панель, я сдвинула ее так, чтобы мы могли протиснуться в щель. В комнате царил полумрак, и окруженные голограммами Изыскатели, стоявшие в ее центре, нас не заметили. Кое-кто измерял расстояние с помощью тонких световых рулеток, а кто-то диктовал координаты, сверяясь с экранчиками на запястьях.

Тем не менее я из гордости выпустила руку Акоса.

Изыскатели были заняты калибровкой модели галактики. После аккуратной сверки их ждала новая задача: анализ движения Тока. Его отливы и приливы указали место очередных раскопок.

– Это модель галактики, – прошептала я.

– Галактики? Но здесь – только наша Солнечная система.

– Не забывай, мы, шотеты, – странники. Мы летали далеко за пределы нашей системы, но не нашли там планет, пригодных для обитания, только звезды. Насколько нам известно, эта Солнечная система – единственная в галактике.

Модель представляла собой громадную голограмму. В центре сияло Солнце, по краям плыли осколки Луны. Модель выглядела вполне материальной, до тех пор, пока кто-нибудь из Изыскателей не пересекал ее насквозь, чтобы сделать какой-нибудь замер, в результате чего голограмма плавно изменялась. Передо мной проплыла наша «планета» – она напоминала пузырь, заполненный густым белым паром. Ближе всех к Солнцу вращалась станция Ассамблеи: корабль, гораздо крупнее нашего побывочного судна, политический центр галактики.

– После того как будет уточнен апоцентр Отира, модель можно считать завершенной, – внезапно произнес тощий Изыскатель. – Еще один-два

изита.

У него были сутулые плечи, словно он пытался свернуться в шар, тем самым защитив сердце.

Изит, сокращенно – ИЗ, – единица измерения, равная примерно ширине моего мизинца. Иногда, когда под рукой не было лучевой рулетки, я измеряла предметы собственными пальцами.

– Потрясающая точность, – отозвался коротышка с круглым, подрагивающим животиком. – Один-два изита, значит? Ты серьезно? Это все равно что сказать «одна-две планеты».

– Одна тысяча четыреста шестьдесят семь изитов, – сказал тощий. – Как будто для Тока есть разница.

– Ты никогда не мог понять тонкости нашего искусства, – заметила женщина, широкими шагами направляясь прямо к «Солнцу».

Я поняла, что она хочет измерить расстояние до Отира, – планеты, ближе других расположенной к центру галактики.

Женщина являла собой воплощение строгости – от жесткой линии коротких волос, обрамлявших лицо, до накрахмаленного воротничка блузки. Изыскательница вошла в «Солнце», и ее на мгновение окутал золотистый свет.

– Но это – искусство, хотя кое-кто считает его ремеслом. Мисс Ноавек, какая честь для нас! Вы к нам с... приятелем?

Обратившись ко мне, женщина даже не посмотрела в мою сторону, она слегка наклонилась и ткнула лучом рулетки в какую-то точку на экваторе Отира.

Другие Изыскатели наконец-то заметили меня. Некоторые из них подпрыгнули на месте и дружно попятились, хотя находились уже дальше некуда. Если бы они знали, чего мне стоило не вопить от боли, катаясь по полу, они бы, наверное, не стали дергаться и волноваться.

– Я здесь со слугой, – ответила я. – Продолжайте, мне просто нравится за вами наблюдать.

Изыскатели вернулись к своей работе, но непринужденная болтовня прекратилась. Прислонившись к стене, я сцепила руки за спиной, вонзив ногти в ладони. Однако едва Изыскатели активировали голограмму Тока, я напрочь забыла о паутине, натягивающейся под моей кожей.

«Ток» заструился среди «планет» подобно туманному змею. Коснувшись каждой из них – и входивших в Ассамблею, и расположенных у края, – он уплотнился и образовал нечто вроде ленты, опоясывающей Солнечную систему. Его свет мерцал, местами он делался столь ярким, что на него больно было смотреть, местами – тусклым, как сизая дымка.

Когда я была маленькой, Отега приводила меня сюда, чтобы рассказать о подготовке к Побывке. Изыскатели проводили тут дни и ночи, изучая малейшие колебания Тока.

– Рядом с нашей планетой яркость и цвет токотечения всегда насыщеннее, – объяснила я Акосу. – Шотетские легенды гласят, что он трижды обвиняет планету, именно поэтому наши предки и решили поселиться именно здесь. У других планет интенсивность Тока колеблется, причем четкой закономерности не просматривается. Каждый сезон мы, следуя его указаниям, находим определенную планету, приземляемся там и копаемся в мусоре.

– Зачем? – прошептал Акос.

«Мы собираем мудрость планеты и присваиваем ее себе, – вещала Отега, присев рядом со мной на корточки во время наших уроков. – Вот так все и обстоит, Кайра. Мы находим объекты – ценные и достойные нашего внимания. И раскрываем другим людям глаза... на них самих».

И вдруг – как в ответ на воспоминание – тени Тока беспокойно зашевелились под моей кожей, накатывая и отступая. Точно так же накатывала и отступала боль.

– Обновление, – произнесла я. – Наши раскопки – сродни обновлению, – я не знала, как лучше ему объяснить, раньше мне никогда не приходилось этого делать. – Мы находим вещи, выброшенные другими, и даем им новую жизнь. Вот во что мы верим.

– В данном квадрате замечена некоторая активность, – произнес тощий Изыскатель, в три погибели склоняясь над планетой, которая расположилась у самого края голографической галактики.

Над планетой сверкало официальное название «П1104», а мужчина смахивал на дохлого фензу, свернувшегося в скорлупке. Изыскатель коснулся потемневшего завитка токотечения – зеленого с желтоватыми проблесками.

– Прямо как волна, которая готова обрушиться на берег, – промурлыкала угловатая женщина. – Может, созреет, а может, рассосется. На всякий случай, отметь участок для дальнейших наблюдений. Но я считаю, что самой перспективной для сбора является именно Огра.

«Сбор – сама доброта, – шепнула тогда Отега в мое детское ушко. – И для них, и для нас. Сбор – одна из обязанностей, возложенных на нас Током».

– Весьма своевременная догадка, – хмыкнул тощий. – Не ты ли говорила, что его светлость специально запросил информацию об активности Тока в районе Питы? Лично я не вижу там ни единого завитка,

но сомневаюсь, что для него это имеет значение.

– У его светлости всегда есть свои веские причины, и не нам их обсуждать, – женщина украдкой покосилась на меня.

Я кое-что слышала о планете Пита. Болтали, что в ее океанских глубинах, где нет сильных течений, спрятано оружие, подобного которому галактика еще не видывала. Ризеку, намеренному не только провозгласить шотетскую независимость, но и добиться тотального контроля над всем населением, такое оружие, конечно, пригодилось бы.

Под веками запульсировала боль. Так случалось всякий раз, когда мой токодар стремился поразить меня с удвоенной силой. Стоило лишь подумать о Ризеке, всерьез затевающим войну, и все – токодар жалил снова и снова.

– Нам пора, – бросила я Акосу и повернулась к Изыскателям. – Желаю вам удачи! Только не следует вводить нас в заблуждение, – добавила я, повинувшись порыву.

На обратном пути Акос не проронил ни слова. Он молчал всегда, когда не задавал мне вопросов. А интересовалась бы я сама теми, кого ненавидела?

Впрочем, вполне вероятно, сейчас он пытался решить, ненавидит ли он меня или нет.

Барабанный бой, как ему и было положено, постепенно стих. Наступившая тишина, казалось, подала Акосу знак. Он замер под лампой, в которой мерцал тусклым голубоватым светом крошечный фензу. Светлячок доживал свои последние дни. Донышко стеклянного шара было усыпано мертвыми насекомыми.

– Давай сходим на праздник, – произнес Акос. – Только ты и я, безо всяких Ризеков.

Я вдруг заметила, до чего он худ. Щеки ввалились, под глазами залегли глубокие тени, совершенно несвойственные его юному возрасту. Я зачарованно уставилась на протянутую ладонь.

Акос непринужденно подавал мне руку, наверное, не понимая, что для меня это – действительно редкость. Не понимая, какая редкость – он сам.

– Почему? – спросила я.

– В смысле?

– С некоторых пор ты со мной необычайно мил, – я нахмурилась. – Вот и сейчас – тоже. Но почему?

– Здешнее воспитание подпортило тебе нрав, верно?

– Здешнее воспитание позволяет мне видеть людей насквозь, – поправила я Акоса.

Акос вздохнул. Складывалось впечатление, что он остался при своем мнении, но спорить ему не хотелось. Он частенько так вздыхал.

– Мы много времени проводим вместе, Кайра. Думаю, быть милым – это вопрос выживания.

– Меня сразу узнают в городе. Может, мое лицо и незапоминающееся, зато о тенях ничего подобного не скажешь.

– Забудь о паутине, Кайра – ты ведь пойдешь со мной, – Акос склонил голову набок. – Или тебе противно до меня дотрагиваться?

А он меня провоцировал. И, наверное, хотел мной манипулировать.

Но я представила, что моя кожа остается нормальной в толпе, и горожане касаются меня и не вопят от боли... Я почувствовала запах чужого пота, вообразила, как затеряюсь среди праздничной суеты. Последний раз я приближалась к скоплению людей перед своей первой Побывкой, когда отец нес меня на руках. Пусть даже у Акоса имелись скрытые мотивы, может, мне стоило рискнуть и выйти наружу?

Я схватила его за руку.

Примерно через час мы опять вернулись в систему скрытых проходов, облаченные в праздничные одежды. Я была в пурпурном платье – уже не материнском, а в наряде попроще, которого не жаль. Для пущей маскировки нанесла на щеки и скулы широкую диагональную полосу краски, полностью покрывавшую один глаз и отчасти – другой. Волосы заколола в хвост, предварительно покрасив пряди в синий цвет.

Без обычных теней под кожей я больше не была Кайрой Ноавек, которую боялся весь Воа.

Акос оделся в черное и зеленое, но себя разрисовывать не стал: ему было не за чем.

Встретившись со мной взглядом, Акос остолбенел и сперва только молча пыхтел.

Мне прекрасно известно, как я выгляжу. Черты моего лица нельзя назвать мягкими или приятными. В общем, моя внешность – не такая, как у других, обыкновенных людей.

Мое теперешнее лицо является вызовом, сродни ослепляющему сиянию токотечения. Так что моя изначальная внешность не имеет принципиального значения именно в свете живых вен Тока.

Странно, что Акос сейчас обратил на меня внимание.

– Хватит таращиться, Керезет, – фыркнула я. – Где твои хорошие манеры? Постыдился бы!

Он взял меня под руку, и я повела Акоса в восточное крыло особняка – к лестницам. Ощупав балки в поисках меток, обнаружила круги,

означавшие потайной выход. Точь-в-точь такие же были неподалеку от кухни.

Вокруг дома росла ковыль-трава, и нам пришлось продираться сквозь заросли до калитки, запертой на кодовый замок. Комбинацию цифр я, разумеется, знала. День рождения матери. Все коды Ризека так или иначе связаны именно с ней: дата рождения и смерти, дата родительской свадьбы, «счастливые» материнские числа. Исключение составляли лишь двери в самом крыле Ризека. Те запирались кровью Ноавеков. Туда я, впрочем, никогда не ходила по собственной воле, проводя с братом ровно столько времени, сколько ему требовалось.

Я заметила, что Акос следил за тем, как я ввожу код. Но, в конце концов, это была просто калитка на заднем дворе.

Мы зашагали по аллее, которая вывела нас на оживленную улицу Воа.

Я напряглась, когда по моему лицу скользнул взгляд какого-то мужчины. Потом – женщины. И ребенка. Глаза встречных цеплялись за меня, на затем люди отворачивались.

– Вот!.. – зашипела я и прижалась к Акосу. – Меня уже узнали!

– Вовсе нет, – возразил он. – Они смотрят, потому что у тебя ярко-синее лицо.

Я аккуратно коснулась щеки там, где краска определенно подсохла. Кожа оказалась шершавой на ощупь. Я как-то не сообразила, что в такой день взгляды чужих не значат ничего.

– По-моему, у тебя развивается параноя, – предположил Акос.

– А у тебя – мания величия, если ты забыл, что регулярно огребаешь от меня в спортзале.

Он беззаботно рассмеялся:

– Куда пойдем?

– Есть идея, – ответила я.

И я ринулась налево, прочь от центра, туда, где улицы были не так запружены народом. В воздухе клубилась пыль, но по небу бежали фиолетовые тучи. Как только взлетит побывочный корабль, начнется гроза, которая очистит город, окрасив его синим.

Официальную, поощряемую правительством часть торжества организовали в амфитеатре в самом сердце Воа, но это было не единственное место, где шли гулянья. Кое-как уворачиваясь от локтей, мы шагали по узкой улочке. Дома здесь стояли тесно, точно прижавшиеся любовники, а горожане плясали и пели. Женщина, увешанная фальшивыми драгоценностями, остановила меня, схватив за руку, – роскошь, которую я никогда не могла себе позволить. С непривычки я едва не шарахнулась в

сторону. Но незнакомка с улыбкой надела мне на голову венок из цветов фензу, называемых так потому, что они были сизыми, как крылышки светляков.

Мы с Акосом свернули к шумной рыночной площади, уставленной шатрами и прилавками под яркими тентами. Посетители азартно торговались, девушки перебирали дорогие украшения и дешевые побрякушки. В толчее сновали солдаты в блестящих начищенных доспехах. В воздухе плыл аромат жареного мяса.

Я невольно рассмеялась и посмотрела на Акоса. На его физиономии застыло ошеломленное выражение. Акос показался мне смущенным. Наверное, шотеты, которых он увидел, не вписывались в его картину мира.

Мы глазели на прилавки и продолжали идти, не разнимая рук. Я остановилась рядом с торговцем, предлагавшем ножи с резными ручками. Обычные клинки, без особенных каналов, и ток не обвивал их лезвия.

– Госпожа умеет обращаться с такими ножами? – спросил меня старик-торговец, одетый в тяжелую серую рясу золданских священников с длинными, свободными рукавами.

Религиозные золданцы предпочитали простые ножи, считая ток-ножи недопустимо легкомысленным использованием Тока, с которым следует обращаться осторожно и уважительно. В этом их взгляды совпадали с воззрениями верующих шотетов. Но в отличие от наших священников, старик-торговец не использовал свои религиозные взгляды в повседневной жизни, он не стремился изменить окружающий мир. Был, скорее, аскетом, который всегда держался в сторонке.

– Умею. И получше вас, – ответила я ему на золданском языке.

Говорила я на нем, если честно, неважно, но была рада возможности попрактиковаться.

– Правда? – добродушно спросил торговец. – Между прочим, ваш акцент воистину ужасен!

– Эй, вы! – Рядом с нами возник солдат и наставил на старика острие ток-клинки, на который тот покосился с отвращением. – Говорить только на шотетском! Если она еще раз обратится к тебе на золданском... – солдат ухмыльнулся. – Тем хуже для нее.

Я понурилась, чтобы солдат не мог разглядеть мое лицо.

– Простите, это была моя вина, – с запинкой выговорил торговец на шотетском.

Солдат на секунду задержал свой клинок, гордо раздувая грудь, словно орнитомортус – перья в брачных играх, но все же убрал оружие в ножны и потопал дальше.

– Мои ножи, – теперь старик говорил деловым тоном, – самые сбалансированные, которые вы сможете отыскать на рынке...

Он принялся рассказывать, как их куют из металла, добытого на северном полюсе Золда, как вырезают рукояти из дерева от балок древних золдских домов. Я слушала вполуха, искоса наблюдая за Акосом: он продолжал пристально изучать рыночную площадь.

Купив у золданца крепкий кинжал с темным лезвием и толстой рукоятью, подходящей для длинных пальцев, я протянула его Акосу.

– Он – с Золда, – сказала я. – Странное местечко!.. Почти целиком засыпан цветочной пылью. Тебе понадобится какое-то время, чтобы привыкнуть к ножу, зато металл на редкость гибкий и прочный... Что с тобой? Что случилось?

– Эти вещи, – Акос обвел рукой рынок. – Они с других планет, да?

– Ага, – кивнула я, чувствуя, что моя ладонь в его ладони уже вспотела. – Инопланетянам дозволяется торговать в Воа в период Празднования Побывки. Некоторые безделушки были найдены в мусоре, иначе какие же мы шотеты? Обновление выброшенного, понимаешь?

Акос замер посреди людского водоворота и повернулся ко мне:

– А ты можешь определить, откуда та или иная вещь? Ты ведь побывала на всех планетах?

Я огляделась. Шотеты были с ног до головы закутаны в ткани: кто – в цветастые, кто – в блеклые. Некоторые щеголяли в приметных высоких колпаках. Кое-кто громко тараторил на шотетском, которого я почти не понимала из-за резкого акцента. Над прилавком в дальнем конце площади взметнулись в воздух и рассыпались искрами огни: да и сама торговка, казалось, светилась изнутри – настолько молочно-белой была ее кожа. Мой взгляд упал на прилавок, окруженный плотной тучей насекомых: силуэт хозяина-торговца едва просматривался за этим роем. Оставалось только гадать, какие там выставлены товары и для чего они вообще могут понадобиться.

– Да, я побывала на девяти планетах Ассамблеи. Сказать с ходу, откуда прибыли те или иные товары, не могу, но иногда это очевидно.

Я показала на прилавок, где красовался изящный музыкальный инструмент непонятной геометрической формы – он был сделан из множества перламутровых пластинок, то ли стеклянных, то ли кристаллических, закрепленных под разными углами.

– Синтетика, – пояснила я. – Как и все с Питы. Большую часть планеты занимает океан, поэтому питайцы импортируют материалы и комбинируют их по-своему.

Я постучала ногтем по перламутровой пластинке. Инструмент издал звук, похожий на гром. Пробежала пальцами по соседним пластинкам, и раздалась музыка, неуловимо напоминающая морские волны. Мелодия была нежной, как и мое прикосновение, но стоило задеть первую пластинку, и вновь слышался гром.

Каждая «клавиша» сияла собственным мягким свечением.

– Инструмент подражает звуку воды, видимо, для страдающих ностальгией путешественников, – сказала я Акосу.

Он нерешительно улыбнулся.

– Ты любишь далекие планеты и странные вещи, которые можно там обнаружить.

– Да, – согласилась я, хотя никогда прежде об этом не думала. – Ты прав.

– А как насчет Туве? Туве ты тоже любишь?

Он произнес название своей родины, легко справившись с певучими гласными, о которые я вечно спотыкалась. И я тут же вспомнила, что, несмотря на идеальный шотетский, Акос не был одним из нас. Он вырос во льдах, его дом обогревался горяч-камнями. Наверняка во сне он до сих пор говорит на тувенском.

– Туве, – повторила я. – Ледоцветы и дома из витражных стекол.

Я никогда не была на севере, но изучала тувенский язык и культуру, видела фотографии, фильмы. Тувенцы обожали сложные геометрические узоры и кричащие цвета, выделявшиеся на снегу.

– Летающие города и бесконечная белизна. Да, пожалуй, мне нравится Туве.

Лицо Акоса исказила болезненная гримаса. Неужели мои слова вызвали пресловутый приступ ностальгии? Акос принялся рассматривать подаренный кинжал. Проверил пальцем остроту клинка, сжал рукоять.

– Ты с такой беспечностью отдала мне оружие, – пробормотал он. – Но я могу использовать его против тебя, Кайра.

– Ты можешь разве что попытаться, – мирно поправила я. – Но не думаю, что станешь.

– По-моему, ты заблуждаешься относительно меня.

Это было правдой. Я часто забывала, что мальчишка – пленник в моем доме, а я – его хозяйка и, в каком-то смысле, стражница. Однако позволь я ему сейчас сбежать, чтобы попытаться выкрасть и увезти домой Айджу, моя жизнь вновь превратилась бы в нескончаемую агонию. Даже думать о таком не хотелось. Слишком много сезонов и Узулов Зетсивисов было у меня за плечами, слишком много завуалированных угроз от Ризека и

полупьяных вечеров в его обществе.

– Пора посетить Сказителя, – и я двинулась дальше.

Пока мой отец старательно превращал Ризека в чудовище, моим образованием занималась Отега. Иногда она наряжала меня в широкий плащ, чтобы скрыть тени, и отводила туда, куда родители никогда бы не позволили мне пойти.

Это место тоже относилось к числу «запретных». Оно находилось в беднейшем квартале Воа, где половина домов уже развалилась, а другая половина собиралась последовать их примеру.

Здесь имелись свои рынки, скорее – стихийные: товары, разложенные на покрывалах, чтобы в любой момент можно было связать ткань в узел (вместе с уловом, конечно же) и удрать.

Акос предупреждающе сжал мой локоть, когда мы бродили по небольшому базарчику. Я смотрела на фиолетовое одеяло с расставленными на нем белыми бутылочками. Этикетки были содраны, и к оставшемуся на стекле клею пристал фиолетовый пух.

– Это лекарства? – спросил Акос. – Выглядят как отирские.

Я кивнула, не решаясь заговорить вслух.

– От какой болезни?

– От тошнотурии, – ответила я. – Вирус поражает вестибулярный аппарат.

Официально эта хворь называлась Кью 900Х, и ею мог заболеть кто угодно.

Акос нахмурился. Мы остановились в переулке, сюда почти не доносились звуки праздника.

– Но ее можно предотвратить. Неужели вы не делаете прививок?

– У нас довольно бедная страна, не забыл? – Я тоже насупилась. – Мы ничего не экспортируем, а наших ресурсов еле-еле хватает на поддержание штанов. Некоторые планеты посылают нам гуманитарную помощь, тот же Отир, но она, увы, попадает не в те руки и распределяется в соответствии с социальным статусом, а не с нуждой.

– Я никогда... – Акос запнулся. – Никогда прежде об этом не думал.

– А зачем тебе беспокоиться о шотетах? Проблемы шотетов тувенцев не интересуют.

– Я тоже вырос в богатой семье, живущей в нищем городе. Так что мы с тобой похожи, – удивленно произнес Акос.

– Нельзя ли что-нибудь для них сделать? – Акос показал на жалкие лачуги. – Ты ведь сестра Ризека и могла бы...

– Он меня и слушать не станет! – запротестовала я.

– А ты пыталась?

– Полагаешь, мне легко уломать братца? – Я почувствовала, что мои щеки горят. – Попробуй-ка сам встретиться с Ризеком и уговорить его изменить всю систему. Тогда я на тебя и погляжу.

– Верно, но я просто сказал, что...

– Шотетская аристократия защищает Ризека от заговоров, – горячо зачастила я. – В обмен на преданность он обеспечивает им медицинское обслуживание, еду и предметы роскоши, о которых другие могут не мечтать! Если бы не подачки, Ризек давно был бы мертв. А с ним и я – как кровная родственница. Поэтому... нет, извини, не буду я взваливать на себя великую миссию по спасению сирых и убогих!

Мой голос звучал зло, но в глубине души мне было стыдно. Когда Отега впервые привела меня сюда, мы наткнулись на труп человека, явно умершего от голода. Меня едва не стошнило. Гувернантка прикрыла мне глаза ладонью, поэтому я мало что успела разглядеть. Да уж, ничего не скажешь: «Плеть Ризека», великая воительница, которую выворачивает наизнанку при виде мертвого тела.

– Не стоило болтать попусту, – вымолвил Акос, мягко сжав мои пальцы. – Давай навестим твоего... сказителя.

Я кивнула, и мы продолжили путь.

Выбравшись из лабиринта тесных улочек, мы добрались до хибары с приземистой дверью, украшенной синими узорами. Я постучала. Дверь со скрипом приоткрылась ровно настолько, чтобы выпустить наружу струйку белого дыма, пахнущего жженым сахаром.

Все выглядело зыбким, эфемерным, может быть даже священным. В каком-то смысле так оно и было. Именно сюда в первый день Праздника Побывки меня привела Отега – на урок шотетской истории.

На крыльцо вышел высокий бледный мужчина с чисто выбритой головой. Он всплеснул руками и улыбнулся.

– Малышка Ноавек! Не думал, что доведется увидеть тебя еще раз! Кого ты с собой привела?

– Его зовут Акосом. Акос, познакомься со Сказителем. По крайней мере, он предпочитает, чтобы его называли именно так.

Акос поздоровался. По его позе я заметила, что стойкий солдатик исчез, а на его место вернулся взволнованный мальчик. Улыбка Сказителя сделалась еще шире, он кивком пригласил нас внутрь.

Напоследок я вдохнула свежего прохладного воздуха (в жилище Сказителя всегда царила жара) и вошла в маленькую комнатку. Акос пригнулся, чтобы не задеть головой шар с яркими фензу – тот свисал с

куполообразного потолка.

У стены находилась ржавая железная печь с трубой, выходящей в единственное окошко. Я знала, что полы здесь земляные: еще в детстве я заглянула под простенькие тканые коврики, чьи жесткие нити искололи мне ноги.

Сказитель подвел нас к куче подушек, где мы и устроились, продолжая неловко держаться за руки. Стоило мне на секунду выпустить руку Акоса, чтобы поправить платье, как тени вновь засинели под кожей.

Сказитель прищурился.

– А они никуда не делись, – произнес он. – Без них я тебя едва узнал, малышка Ноавек.

Он поставил на стол металлический чайник и несколько разномастных керамических кружек. Стол по существу представлял собой два табурета, один – железный, другой – деревянный.

Я налила себе чая. Напиток был светло-бордовым, от него сладко пахло.

Сказитель устроился напротив нас.

Я посмотрела по сторонам. Белая краска на стенах облупилась, из-под нее проглядывала желтая. Однако и в этой камерке висел вездесущий новостной экран, кое-как прилаженный над печкой. Комнату заполняли предметы, добытые во время Побывок: темный металлический чайник явно прибыл с Тепеса, решетка на печке сделана из обломка питайского пола, а наряд Сказителя – из роскошного отирского шелка. В углу я заметила сломанное кресло неизвестного происхождения.

– От твоего приятеля... – Акоса, да? – пахнет тихоцветом, – Сказитель вдруг сурово наморщил лоб.

– Акос – тувенец, – пояснила я. – И тут нет никакого неуважения.

– Неуважения? – непонимающе переспросил Акос.

– Да, я не разрешаю входить в мой дом людям, принимавшим тихоцветы и любые другие вещества, изменяющие Ток, – ответил Сказитель. – Хотя они могут вернуться, когда действие зелий закончится. Я не склонен гнать гостей.

– Сказитель – наш священник, – объяснила я Акосу. – Обычно мы зовем их духовенством.

– Тувенец, значит... – Сказитель прикрыл глаза. – По-моему, ты что-то путаешь, господин. Ты говоришь на священном языке, как на родном.

– Мне лучше знать, где мой дом и кто я такой, – раздраженно буркнул Акос.

– Я не хотел тебя обидеть, но ведь Акос – шотетское имя,

неудивительно, что я ошибся. Зачем тувенцам давать ребенку имя, которое звучит для них столь чуждо? А как зовут твоих братьев и сестер?

– Айджа и Сизи, – ошеломленно произнес Акос.

Он выглядел испуганным. Я почувствовала, как он стиснул мою руку.

– Ладно, неважно, – отмахнулся Сказитель. – Вы ведь пришли ко мне не просто так, и времени, полагаю, у вас немного. Перейдем к делу и не будем ждать, когда разразится гроза. С чем ты ко мне пожаловала, малышка Ноавек?

– Поведайте Акосу историю, которую вы рассказывали мне. Вы же ее помните, да? Мне ее так хорошо никогда не пересказать.

– Хорошо, малышка Ноавек, – босоногий Сказитель обнял ладонями свою кружку.

– Что до истории, у нее нет начала. Тогда мы не понимали, что наш язык, язык откровений, передается с кровью. Мы, галактические странники, всегда держались вместе. У нас не было ни дома, ни стремления его обрести. Мы следовали за Током туда, куда бы он нас ни вел, и верили, что именно в этом заключается наша судьба.

Сказитель отхлебнул глоточек, отставил в сторону кружку и пошевелил пальцами. Когда я увидела этот жест много лет назад, то рассмеялась: настолько странным он показался. Теперь-то мне было известно, чего ждать.

В воздухе возникли призрачные фигуры. Силуэты не светились, как голограмма галактики, которую мы видели в комнате Изыскателей, но были сделаны по тому же принципу. Я понимала, что Сказитель активировал звездную карту.

Планеты вращались вокруг солнца, а вокруг них вилась белесая лента Тока.

Серые, дымчатые глаза Акоса расширились.

– Однажды некий оракул предсказал, что правители приведут нас туда, где мы обретем свою родину. И мы действительно обнаружили вроде бы необитаемую, холодную планету, получившую название Урек, что на шотетском означает «Пустая».

– Урек, – повторил Акос. – Так шотеты называют нашу планету?

– А ты думал, мы будем именовать ее по-тувенски? – хмыкнула я.

Конечно, в официальных документах планета, на которой жили и тувенцы, и шотеты, называлась Туве, однако мы не считали себя обязанными прибегать к названию, принятому в Ассамблее.

А звездная карта Сказителя уже изменилась, она сфокусировалась на одной тускло-сияющей планете.

– Течение Тока было здесь весьма мощным. Но мы не захотели забыть нашу историю и наше непостоянство, наше желание возвращать к жизни сломанное, поэтому начали летать на Побывки. Каждый сезон мы, шотеты, всходим на корабль, который столь долго носил нас по галактике, и следуем за токотечением.

Если бы Акос не держал меня за руку, я бы ощутила гул Тока в своем теле. Я редко об этом задумывалась, поскольку гул всегда сопровождала физическая боль, правда, в остальном я ничем не отличалась от других шотетов – да и от всех других людей галактики. За исключением Акоса, сидящего рядом. Мне вдруг стало интересно, помнит ли он гул Тока, скучает ли по нему.

– А затем в наш город Воа вторглись люди севера, – продолжил Сказитель сумрачным голосом. – Они называли себя тувенцами и выращивали ледоцветы. Войдя в город, они увидели детей, ждущих возвращения родителей из Побывки. Тувенцы похитили их, забрали прямо из колыбелей, из-за кухонных столов и с улиц. Они украли их, увезли к себе и превратили в рабов.

Пальцы Сказителя провели в воздухе черты, и я увидела призрачную улицу, по которой бежал совсем маленький мальчик. Его преследовал клуб дыма, который вскоре настиг ребенка и поглотил его.

– Вернувшись с Побывки, взрослые обнаружили исчезновение детей и начали войну за их возвращение. Но у шотетов не было военного опыта, многие, очень многие пали в битве. Они решили, что потеряли своих детей навсегда. Однако через поколение один из наших отрядов на планете Отир встретил девочку, заговорившую с ними на шотетском. Она оказалась дочерью тувенского слуги, покупавшего что-то для своих хозяев, и даже не понимала, что обратилась к ним на шотетском. Она была первой Возвращенной, вернувшейся к своему народу, – Сказитель склонил голову. – Постепенно мы совершенствовались. Мы стали храбрыми воинами, и никто уже не посмел нас обидеть.

Сказитель легонько дунул, и картинка истаяла в воздухе.

Барабаны в центре города в этот момент забили громче: к ним присоединились барабанщики из бедных кварталов. Они грохотали и рокотали, а я с открытым ртом смотрела на Сказителя.

– А вот и обещанная гроза, – произнес он. – Вовремя, потому что моя история близится к концу.

– Благодарю тебя, – произнесла я. – Извини, что...

– Ступай, малышка Ноавек, – криво улыбнулся Сказитель. – Не к чему пропускать столь восхитительное зрелище.

Крепко сжав руку Акоса, я вскочила, увлекая его за собой. Акос хмуро смотрел на Сказителя. К чаю парень даже не притронулся. Я потянула его на улицу, прочь из дома. Даже отсюда был прекрасно виден проплывающий над Воа корабль, чьи обводы я знала так же хорошо, как лицо собственной матери. Я отлично запомнила этот сужающийся к носу силуэт. Знала, из какой Побывки привезены те или иные листы обшивки, а по их оранжевому, синему или черному цвету – насколько они изношены. Наш лоскутный корабль. Он был так огромен, что его тень накрывала Воа.

Раздались радостные возгласы.

По привычке я подняла руку к небу. Оттуда, где находился погрузочный док, послышался громкий, сухой треск, напоминающий удар хлыста. Во все стороны протянулись синие прожилки, одни обвивали тучи, другие – создавали новые.словно в воду выплеснули чернила, и они постепенно смешивались с жидкостью, пока город не заволокло темным туманом. Это был дар корабля.

А потом на землю обрушился такой родной для меня синий дождь.

Я попыталась поймать на ладонь темно-синие капли. Попадая на кожу, они оставляли пятнышко краски. Люди пели и нетерпеливо подпрыгивали. Акос запрокинул голову, поглядел на пухлое брюхо корабля, перевел взгляд на собственную руку, испещренную синими точками. Затем его глаза встретились с моими. Я засмеялась.

– Синий – наш любимый цвет! – крикнула я. – Именно такого цвета становится токотечение там, где надо искать сокровища!

– В детстве я тоже любил этот цвет больше других, хотя тувенцы его ненавидят, – признался Акос.

Когда в моей ладони скопилась маленькая лужица, я выплеснула ее Акосу в лицо. Его щека посинела, Акос закашлялся и сплюнул. Выгнув бровь, я ожидала его реакции. Он молча сложил ладонь лодочкой, подставил ее под водосточный желоб и повернулся ко мне.

По-детски взвизгнув, я кинулась за угол, но успела получить свою порцию холодной воды. Я взяла Акоса за локоть, и мы понеслись по улице, а вокруг нас пели старики, плясали, обнявшись, мужчины, женщины и дети.

Недовольные инопланетные торговцы поспешно прятали свои товары. Промокшие до нитки, мы прыгали по ярко-синим лужам и хохотали. Впервые мы с ним смеялись одновременно.

12. Кайра

Вечером, стерев синюю краску с кожи и волос, я отправилась в провизорскую. Мы с Акосом условились сварить еще немного обезболивающего снадобья. Я не стала спрашивать, что он думает об истории, поведенной Сказителем, из которой следовало, что в неприязни между нашими народами повинны не шотеты, а тувенцы.

Акос помалкивал. Когда лекарство было готово, я забрала флакон и ушла к себе. Присела на кровать, выпила отвар. Это было последнее, что я запомнила в тот вечер.

Очнулась лежащей прямо поверх покрывала. Рядом валялся пузырек, остатки жидкости пролились, испачкав пурпурным ковер. За окном занималась заря, бледный свет сочился сквозь занавеси.

– Акос! – позвала я, попыталась встать и застонала.

Все мои мышцы задеревенели.

Похоже, отвар получился слишком сильным и вырубил меня мгновенно. Потерла ладонью лоб. Я помогала Акосу с зельем, может, я что-то напутала? Доковыляла до провизорской, постучала.

Нет, вряд ли дело в моей ошибке. Я занималась только стеблями сендеса. Остальное делал Акос.

Он специально меня опоил.

Из комнаты не отвечали. Толкнув дверь, я ввалилась в помещение. Провизорская оказалась пуста, все ящики выдвинуты, ни одежды, ни кинжала. Не зря его идея пойти на праздник вызвала у меня подозрения. Увязывая волосы в хвост, я вернулась к себе, надела ботинки, не потрудившись их зашнуровать.

Он меня опоил.

Метнувшись к стене, внимательно осмотрела потайную дверь, через которую мы накануне покидали дом. Створка чуть-чуть приоткрыта. Я скрипнула зубами. Акос нарочно подбил меня выбраться за пределы поместья. И он наверняка запомнил код. А я, ко всему прочему, еще и вооружила его, подарив кинжал. Не говоря уже о том, что доверила приготовить лекарство, и теперь расплачиваюсь.

«По-моему, ты заблуждаешься относительно меня», – заявил он вчера.

«Когда речь идет о выживании, для чести нет места», – сказала ему я еще раньше – на тренировке.

Я бросилась в коридор. Ко мне сразу же поспешил стражник. Я привалилась к двери. Что сейчас произойдет?

Я не могла понять, надеюсь ли на то, что Акос сбежал, или на то, что его схватили.

Стражник робко замер поодаль и склонил голову. Совсем еще мальчишка, невысокий, с детским лицом, но с хорошим клинком в руках. Один из тех, кто заворуженно таращится на темные жилы Тока под моей кожей.

– Что тут у вас? – требовательно спросила я сквозь зубы.

Боль нарастала с каждой секундой – прямо как после достопамятных издевательств над Узулом Зетсивисом.

– Господин стюард Вас Кузар просил передать госпоже, что нынешней ночью задержали ее слугу, пытавшегося бежать вместе со своим братом, – затараторил стражник. – В данный момент он находится под арестом, ожидая наказания. Вас Кузар просит госпожу прибыть на закрытое судебное заседание, которое состоится в Оружейном зале через два часа.

С братом, значит. Выходит, Акосу удалось его вытащить. Я припомнила вопли Айджи в тот день, когда он появился в нашем доме, и содрогнулась.

На «закрытое судебное заседание» я пришла с оружием и в броне. Ризек не стал раздвигать шторы, и полумрак зала разгонял только мерцающий свет фензу под потолком.

Мой брат стоял на помосте, заложив руки за спину, и разглядывал клинки, висящие на стене. Больше в Оружейной пока никого не было.

– А вот и мамин любимый, – произнес Ризек, услышав, как хлопнула за мной дверь, и коснулся ток-жезла, наискось укрепленного на стене.

Длинный, почти в мой рост, тонкий шест с лезвиями на обоих концах. В каждом лезвии имелся токопроводящий сердечник: стоило взять жезл в руку, и в нем просыпался ток, облекая оружие в темные тени.

– Изящная вещица, – продолжил, не оборачиваясь, Ризек. – Скорее для красоты, нежели для боя. Ты знала, что нашу мать сложно было назвать хорошим воином? Мне отец говорил. Зато у нее оказалось развито стратегическое мышление. Она отыскала способ избегать физического контакта с противником. И она умело скрывала свои недостатки.

Ризек повернулся ко мне:

– Думаю, в каком-то смысле ты на нее похожа, сестричка. Ты, конечно, отличный боец, но... – Ризек постучал пальцем по своей голове, – это, скажем так, не самое сильное твое место.

Паутина под моей кожей задвигалась быстрее, выдавая гнев. Однако я

промолчала.

– Ведь ты дала Керезету оружие, да? Ты показала ему проходы? – Ризек усмехнулся. – И проспала его побег?

– Он меня опоил, – огрызнулась я.

– Неужели? И каким образом? – с ухмылкой воскликнул брат. – Повалил на пол и силой влил отвар тебе в рот? Нет. Спорю на что угодно, ты его выпила добровольно. Доверчиво высосала зелье, приготовленное врагом.

– Ризек... – начала я, но он меня перебил.

– Твоя выходка чуть не стоила нам оракула! – рявкнул он. – А почему? Потому что ты – дура, мигом теряющая голову, едва поблизости появляется очередное обезболивающее.

Я не спорила. Ризек обшаривал галактику в поисках провидца. И сегодня мог из-за меня его потерять. Наверное, брат прав. Те крупницы доверия и симпатии, которые я испытывала к Акосу, возникли именно потому, что он предложил мне избавление от страданий. Я была так благодарна ему за освобождение от боли и от вынужденного домашнего ареста, что мое сердце смягчилось.

Я сглупила.

– Ты не можешь винить его за то, что он пытался спасти своего брата и бежать отсюда, – дрогнувшим голосом пролепетала я.

– Ты вообще ничего не соображаешь? – насмешливо сказал Ризек. – Враги всегда будут стремиться нас уничтожить, Кайра. Но это не значит, что мы должны закрывать глаза на их проступки, – он кивнул на противоположную стену. – Стой там и помалкивай. Я позвал тебя не просто так, сестричка. Скоро ты сама убедишься в том, что бывает, если не можешь удержать слуг в повиновении.

Меня бросило в жар. Руки выглядели так, будто я солнечным днем стояла в беседке, увитой лозами: кожа была расчерчена вязью узоров. Доковыляв до стены, я встала, обняв себя обеими руками.

Ризек приказал ввести арестованных.

Тяжелые двери в другом конце комнаты распахнулись. Вошел затянутый в броню Вас, прямой как палка. За ним, окруженный солдатами, тащился Акос Керезет. Его лицо покрывала запекшаяся кровь из рассеченной брови. Губы также были разбиты, физиономия опухла. Но, хотя избили его сильно, держался он неплохо.

За ним ковылял Айджа, тоже избитый и покрытый кровью, но он показался мне... Что ж, пожалуй, назвать его потерянным было бы чересчур смело. Подбородок и щеки Айджи заросли клочковатой бородой.

Худющий, он выглядел бледной тенью того юноши, за которым я тайно наблюдала два сезона назад.

До меня доносилось натужное, с присвистом дыхание Акоса. Но, увидев моего брата, он гордо выпрямился.

– Ну и видок у тебя, – произнес Ризек, неторопливо спускаясь с помоста. – Докуда он успел добежать, Вас? До ограды?

– Куда ему! Взяли еще в кухне, едва они показались из прохода.

– Давай-ка, Керезет, я тебе объясню, в чем твой просчет, – продолжил Ризек. – Моя матушка питала слабость к нашему старомодному особняку, но после ее смерти я оборудовал дом новейшими охранными системами. Включая датчики движения вокруг некоторых помещений, вроде комнаты твоего любезного братца.

– Зачем тебе Айджа? – процедил Акос. – У него хоть остался токодар? Или ты и его окончательно выбил?

Ленивым, небрежным движением Вас отвесил Акосу пощечину. Тот повалился на пол, схватившись за скулу.

– Акос, – едва слышно прошептал Айджа, – не надо.

– Почему бы тебе все ему не рассказать, Айджа? – спросил Ризек. – Можешь начать с того, что у тебя уже развился токодар.

Акос посмотрел на брата, не отнимая руки от лица. Айджа зажмурился, после открыл глаза и кивнул.

– Оракул восходящий, – вымолвил Акос на шотетском.

Я не знала точного смысла его слов: кроме того, мы этот термин не использовали. Однако тувенцы по-разному называли трех своих оракулов: нисходящим – того, чья активность близится к концу; восседающим – того, который проповедует в храме; и восходящим – того, кто только начинает входить в силу.

– Ты не ошибся, утверждая, что мне не удастся заставить Айджу использовать свой дар мне во благо, – произнес Ризек. – Поэтому сейчас я намереваюсь забрать его себе.

– Забрать? – воскликнул Акос, вслух повторив мою мысль.

Ризек подошел к нему и присел на корточки.

– Тебе известно, в чем заключается мой собственный дар? – негромко спросил Ризек.

Акос промолчал.

– Кайра, дорогая, расскажи ему, – обратился ко мне Ризек. – Ты ведь имела возможность близко познакомиться с моим даром.

Акос приподнялся на локте и взглянул на меня. Из его глаз текли слезы, смешиваясь с кровью.

– Мой брат может обмениваться воспоминаниями, – глухо пробормотала я, чувствуя нарастающую в груди пустоту. – Он забирает твои, а взамен отдает свои.

Акос продолжал молчать.

– Наш дар определяется особенностями нашей личности, – пустился в объяснения Ризек. – Которые, в свою очередь, во многом зависят от пережитого. Забери у человека его воспоминания и получишь то, что его сформировало. В том числе и его дар. А в итоге... – Ризек провел пальцами по щеке Акоса и растер его запекшуюся кровь с видом исследователя. – В итоге я смогу провидеть будущее, не полагаясь на кого бы то ни было...

Акос отшатнулся, а в следующую секунду бросился на Ризека. Он двигался так быстро, что солдаты не успели его остановить. Оскалившись, как дикий зверь, Акос зажал левой рукой горло Ризека, а правой – блокировал его руку.

Спустя миг над ним навис Вас. Схватив Акоса за воротник рубахи, Вас несколько раз саданул кулаком по ребрам. Вскоре Акос лежал на спине, а каблук Васа упирался в его шею.

– Один из моих солдат уже наступал тебе на горло, – заявил стюард. – После чего я убил твоего отца. Прием, похоже, эффективен. Не шевелись, иначе я раздавлю тебе трахею.

Акос поморщился, но дергаться перестал. Ризек, потирая горло, поднялся на ноги, отряхнул штаны от пыли и поправил ремешки брони. Затем приблизился к Айдже. Солдаты крепко держали парня, как будто в этом была хоть малейшая необходимость. Айджа выглядел заторможенным, и я засомневалась, не спит ли он на ходу.

Ризек поднял руки и возложил их на голову Айджи. Взгляд моего брата был сосредоточенным и изголодавшимся. Изголодавшимся по избавлению. Сначала ничего не происходило. Ризек не шевелился: стоял в той же позе и смотрел на оракула в упор.

Когда я впервые наблюдала, как Ризек использует свой токодар, я была еще ребенком и ничего не понимала. Однако я запомнила, что Ризеку понадобилось лишь крохотное мгновение. Воспоминания приходили и уходили словно вспышки, не занимая того времени, сколько бы его потребовалось на реальное событие. Даже странно, что нечто столь важное и значимое для человека может исчезнуть в мгновение ока.

Я затаила дыхание. Сделать я уже ничего не могла.

Когда мой брат отпустил Айджу, он выглядел сбитым с толку. Он отступил на шаг и в растерянности огляделся по сторонам. Ризек двигался так, точно не привык к собственному телу. Интересно, предполагал ли он,

во что ему обойдется обмен воспоминаниями, или считал, что его личность достаточно сильна, чтобы избежать последствий?

Айджа тоже разглядывал обстановку Оружейной. И складывалось впечатление, что он ее узнает. Уж не почудилось ли мне в его зрачках нечто знакомое, когда он смотрел на ступени, ведущие на помост?

Ризек кивком приказал Васу убрать ногу с шеи Акоса. Стюард повиновался. Лежащий Акос следил за Ризеком. Тот присел рядом.

– Ты краснеешь столь же легко, как в детстве? – мягко спросил он Акоса. – Или наконец перерос?

Акос скривился.

– Ты никогда не оскорбишь меня глупой попыткой сбежать, – добавил Ризек. – А в наказание за твою неудачную попытку, я буду кусок за куском забирать память твоего брата, пока он не перестанет быть тем, кого ты хочешь спасти.

Акос прижался лбом к полу и отвернулся.

И неудивительно. Айджи Кerezета, считай, больше не было.

13. Кайра

Я не приняла снадобье. Позволить Акосу приготовить отвар я не решилась, а в своем собственном умении уверена не была.

Вернувшись в комнату, я нашла подаренный Акосу кинжал. Он лежал на подушке. Наверное, Ризек оставил мне нож в качестве напоминания.

Акоса я заперла в его комнате.

После того случая в Оружейной мы с Акосом перестали разговаривать.

Праздник Побывки шел своим чередом, и я была вынуждена находиться рядом с братом, безмолвная, покрытая тенью. Акос тоже находился поблизости, его прикосновения были холодны и безразличны, а взгляд – отсутствующим. Каждый раз, чувствуя его руку, я вздрагивала: доверие исчезло.

Большую часть дня я проводила в амфитеатре, сидя бок о бок с братом. Публичные бои – наша давняя традиция. Раньше это были своего рода спортивные мероприятия, но шотеты, которые принимали в них участие, оттачивали и свои воинские навыки. В те времена мы считались слабаками, презируемыми обитателями галактики. Теперь, в период семидневного Праздника Побывки, бои стали законным способом бросить вызов любому человеку и драться – пока противник не сдастся или не погибнет.

Однако вызывать на поединок того, чей социальный статус выше, нельзя. Статус определялся Ризеком или его доверенным лицом. В результате люди, желая спровоцировать высокопоставленных врагов, нападали на их друзей или близких – тем просто приходилось принимать вызов.

Постепенно бои становились все беспощаднее и кровавее.

Мои сны наполнились смертью, и смертью же полнилась моя явь.

Следующий день, после того как мне исполнилось шестнадцать, был кануном отправки корабля на Побывку.

Ризек начал замещать воспоминания Айджи Керезета своими меньше недели назад, и тогда же Акос получил броню, заработанную им в армейском лагере.

Я закончила пробежку в спортзале и теперь ходила из угла в угол по комнате, успокаивая дыхание. По шее струился пот. В дверном проеме возник Вас, постучал ногтем о косяк, привлекая мое внимание. В руках он держал отполированную броню.

– Где Керезет? – спросил стюард.

Я провела его до комнаты Акоса, отперла замок. Акос сидел на кровати и, судя по мутному взгляду, опять накачался тихоцветами. Он прятал их в карманах и жрал сырыми, лепесток за лепестком.

Вас бросил Акосу броню. Тот поймал обеими руками и, держа так, словно она могла разбиться, осторожно погладил темно-синие пластины.

– Мне сказали, ты заработал доспехи во время учений в лагере Вакреза, – сообщил Вас.

– Как мой брат? – сипло спросил Акос.

– Отлично. Его можно не запирасть. Он торчит в своей комнате добровольно.

– Ложь. Этого не может быть.

– Уйди, Вас, – велела я.

Я нутром почуяла нарастающее напряжение и не хотела узнавать, во что оно выльется. Вас с любопытством покосился на меня, поклонился и убрался восвояси.

Акос поднес броню к свету. Ее сделали специально для Акоса, и она могла послужить парню в течение многих лет. В ней были продуманы мельчайшие детали, начиная от ремешков-фиксаторов и гибкой кирасы и заканчивая дополнительной накладкой на животе (правда, Акос всегда забывал про нее, когда мы тренировались). На правом плече имелись ножны, чтобы можно было извлечь оружие левой рукой.

Большая честь носить броню, особенно в столь юном возрасте.

– Ладно, сейчас я тебя запроу, – пробормотала я.

– Есть ли способ исправить то, что делает Ризек? – невпопад спросил Акос.

Казалось, ему не хватает сил даже на то, чтобы встать. Я помедлила, прежде чем решила ответить.

– Нет. Разве что попросишь Ризека вернуть обратно все воспоминания, и он окажет тебе любезность, вняв твоей просьбе.

Акос поднялся, надел броню через голову, попытался затянуть первый ремешок на груди, поморщился и помотал рукой в воздухе. Я знала, что жесткие ремешки сделаны из того же материала, что и броня, поэтому справиться с ними было совсем непросто.

Я взялась за ремешок и, подтянув Акоса поближе к себе, принялась застегивать броню. Мои пальцы привыкли к такой работе и огрубели.

– Я не хотел тебя в это втягивать, – тихо сказал Акос.

– Оставь свой фальшивый тон. Ты мной манипулировал. Чего-то такого я и ждала.

Покончив с фиксаторами, я отступила на шаг.

Ничего себе! – подумала я и посмотрела на Акоса – высокого, сильного и облаченного в доспехи. Броня еще сохраняла темно-синий цвет кожи зверя. Акос выглядел настоящим шотетским солдатом, мужчиной, которого я могла бы возжелать, если бы мы смогли найти способ доверять друг другу.

– Хорошо, – невыразительным голосом произнес Акос. – Я намеревался тебя использовать. Но не предполагал, что от этого мне будет настолько паршиво.

Я оторопела и чуть не поперхнулась. Но решила не обращать внимания.

– И теперь ты желаешь, чтобы я сняла камень с твоей души?

Прежде чем Акос открыл рот, чтобы ответить, я выскочила из комнаты и заперла за собой дверь.

Перед нами расстилались пыльные улицы Воа. За металлической оградой бурлила огромная, вопящая толпа. На крыльцо особняка вышел Ризек, приветственно взмахнул своей бледной рукой. Люди нестройно взревели.

Праздник Побывки завершался. Сегодня все совершеннолетние шотеты поднимутся на корабль, чтобы на время покинуть планету.

За Ризеком показался Вас, а за Васом – Айджа в чистой белой рубаше. Сегодня он выглядел более вменяемым, чем обычно. Спина прямая, шаг слишком широкий, как будто присущий более рослому человеку. Рот Айджи слегка кривился. Оракул из-за спины Ризека оглядел улицу за воротами поместья Ноавеков.

– Айджа! – ломким голосом произнес Акос.

На лице Айджи мелькнула тень узнавания, словно он заметил кого-то смутно знакомого.

Я повернулась к Акосу.

– Не здесь и не сейчас, ясно? – резко одернула я его, держа за броню.

Нельзя допускать, чтобы он потерял самообладание перед толпой шотетов. Потом я осторожно отпустила Акоса, следя, как двигается вверх-вниз его кадык. Под ухом у Акоса обнаружилась родинка, которую я прежде не замечала.

Не сводя взгляда с Айджи, он кивнул.

Ризек начал спускаться по ступеням, мы двинулись за ним.

В небе парил корабль, накрывший Воа своей гигантской тенью.

Наш город был создан именно благодаря Побывкам: вся эта мешанина древних каменных кладок, укрепленных глиной, и новых технологий,

заимствованных у иных народов галактики. Невысокие здания со стеклянными шпилями, казалось, еще сохранили свет далеких звезд, а немощные дороги отражались в блестящих корпусах поплавков, которые пролетали над крышами домов.

В толпе, конечно же, затесались вездесущие торговцы с своими тележками. Они продавали токопроводящие талисманы и экраны-импланты, которые вживлялись в кожу.

Утром, в промежутках между волнами боли, я подвела синей краской свои темные глаза, после чего нанесла на веки синие тени и заплела волосы в толстую косу. Надела добытую когда-то на Рубеже броню и наручи.

Я посмотрела на Акоса. Он, разумеется, тоже был в броне, в новых черных ботинках и серой рубаше с длинными рукавами, туго застегнутыми на запястьях. Выглядел Акос испуганным. Пока мы шли к воротам, он признался, что никогда не покидал нашей планеты. Ко всему прочему, прямо перед нами вышагивал разительно изменившийся Айджа.

В общем, Акосу было чего страшиться.

Мы вышли за ворота. Я кивнула Акосу, и он выпустил мою руку. Начиналась моя одиннадцатая процессия, и мне хотелось взойти на борт корабля без чьей-либо помощи.

Все было как в тумане. Крики, аплодисменты, цепкие пальцы Ризека, сжимающие протянутые ему ладони. Его смех, мое дыхание, дрожащие пальцы Акоса. Запахи готовящейся на лотках уличной еды, пыль в золотистом воздухе.

Наконец я очутилась внутри поплавок, где нас ждали Айджа с Васом. Айджа затягивал ремни безопасности с таким видом, словно проделывал это сотни раз. Я повела Акоса к креслам в конце салона, намереваясь держать его подальше от брата.

Толпа взревела: Ризек, остановившись у люка, помахал рукой.

Как только люк задраили, Айджа внезапно обвис в своих ремнях, его глаза расширились и лишились всякого выражения.

Ризек, затягивавший ремни, вновь расстегнул их и наклонился к лицу оракула.

– Что там? – спросил он.

– Вижу беду, – глухо ответил Айджа. – Акт неповиновения. Публичный.

– Предотвратимо?

Складывалось впечатление, что подобные беседы – привычное дело для них обоих.

Наверное, так оно и было.

– Да, но пусть все идет своим чередом, – Айджа очнулся и пристально посмотрел на Ризека. – Это можно использовать в твоих интересах. У меня есть план.

– Рассказывай, – прищурился Ризек.

– Расскажу, но наедине, – Айджа кивнул туда, где сидели мы с Акосом.

– Одни неудобства от твоего братца, верно? – Ризек поцокал языком.

Айджа не стал возражать. Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Поплавок взлетел.

Погрузочный док корабля был одним из самых любимых моих мест: этакий просторный металлический лабиринт. Нам открылся флот транспортных суденышек, готовых доставить пассажиров на поверхность любой планеты. Механики отполировали их корпуса до блеска, но когда корабли вернутся, они будут покрыты звездной пылью, копотью и заляпаны незнамо чем – в общем, на них останутся отметины самой галактики.

Кстати, грузовые суда – не круглые и плоские, как пассажирские полавки, но и не угловатые и неуклюжие, как сам побывочный корабль. Они – гладкие и юркие, как морские птицы, которые ныряют за рыбой, сложив крылья. Разноцветные, собранные из различных металлов, и довольно вместительные, рассчитанные на полдюжины – или даже больше – пассажиров.

Едва мы пристали, к нам поспешило множество механиков в темно-синих комбинезонах. Первым вышел Ризек: лихо спрыгнул на палубу, не дожидаясь трапа. Акос поднялся, его кулаки были сжаты с такой силой, что костяшки побелели.

– Ты еще здесь? – тихо спросил он у Айджи.

Тот вздохнул и провел одним ногтем под другим. Я уставилась на Айджу. Ризек помешан на чистоте: мой брат скорее оторвет себе ногтевую пластину, чем оставит под ней грязь. Был ли такой жест свойствен самому Айдже или это признак его трансформации в Ризека?

Что еще успел закачать мой братец в Айджу Керезета?

– Не понимаю, о чем ты, – еле слышно произнес Айджа.

– Еще как понимаешь, – Акос беззлобно ткнул кулаком в грудь Айджи, прижал брата к металлическому борту и склонился поближе. – Ты помнишь меня? Сизи? Отца?

– Я... – Айджа неуверенно моргнул и потряс головой. – Я помню твои секреты, – он поджал губы. – Как ты сидел с матерью на кухне, когда мы отправлялись спать. Как ты всюду хвостом ходил за мной, ища защиты у старшего брата. Ты об этом?

– Не совсем, – слезы застилали Акосу глаза. – Мы же кровные братья, Айджа! Мы... ты...

– Хватит! – к нам торопился Вас. – Он идет со мной, Керезет.

Кулаки Акоса сжимались и разжимались. Он был одного роста с Васом, но гораздо легче. Вас являлся машиной для убийств – настоящей горой мускулов. Я бы не смогла даже себе представить, как они дерутся. У меня получилось вообразить только Акоса, валяющегося без чувств на полу.

Акос двинулся на стюарда, я – за ним. Ладони Акоса тянулись к горлу Васа, но я тут же встала между задирами и оттолкнула их в разные стороны. Скорее от удивления, чем от моего толчка, они отступили друг от друга.

– За мной! – приказала я Акосу. – Без возражений.

– Лучше бы тебе послушаться, Керезет, – хохотнул Вас. – Поверь, под ее наручами скрываются отнюдь не татуировки розовых сердечек.

Вас сграбастал Айджу и потащил к выходу из поплавка. Когда их шаги стихли, я тоже поволокла Акоса к люку.

– Вас – один из лучших шотетских воинов, – произнесла я. – Не будь дураком.

– И не подумаю! – рявкнул Акос. – Кайра, ты когда-нибудь любила кого-то настолько сильно, чтобы возненавидеть того, кто отнял у тебя этого человека?

В памяти всплыло лицо матери с пульсирующей на лбу жилкой. Так было всегда, когда она сердилась, распекая Отегу за то, что та водила меня в опасные районы города, или за то, что я коротко обрезала волосы. Но даже в эти моменты я все равно любила ее!

Я знала, что в отличие от отца, никогда не смотревшего в мою сторону, я ей небезразлична.

– Кидаться на Васа за то, что произошло с твоим братом, глупо. Он тебе ноги переломает, да и мне ты навредишь. Поэтому жуй тихоцветы и держи себя в руках, ладно?

На секунду мне показалось, что Акос готов вспылить, но он сунул дрожащую руку в карман, достал лепесток и заложил за щеку.

– Вот и молодец.

Акос взял меня под локоть, и мы зашагали по коридорам побывочного корабля, пустым и металлически-гулким, где разносилось эхо отдаленных голосов.

Моя каюта не имела ничего общего с моей спальней в особняке. Там были отполированные полы, чистые белые стены и ничего, что напоминало

бы обо мне. Здесь же все заполнено различными предметами из иных миров. С потолка, как диковинные светильники, свисали экзотические растения, для сохранности залитые смолой. Вокруг них, жужжа, вились яркие искусственные насекомые. Ткани меняли цвет в зависимости от времени суток.

Имелась и плита в застарелых пятнах, и металлический холодильник, позволявший не посещать столовую.

У дальней стены, рядом с обеденным столиком, были свалены в кучу сотни старых дисков с голограммами танцев, боев и спортивных состязаний с разных планет. Мне нравилось подражать завораживающим, дерганым движениям танцовщиков с Огры или жестким, механическим ритуальным пляскам тепессаров. Это помогало забыть о боли. Кроме того, я хранила в каюте диски с уроками истории и ознакомительными фильмами о других планетах галактики, сухие учебные ролики по физике и лингвистике и записи новостей, которые давно стали архивной хроникой. А еще записи концертов. Я пересмотрела их все.

В углу, под иллюминатором, находилась койка, над которой свисала гирлянда фонариков с горюч-камнями. Одежда до сих пор остались смятыми с прошлой Побывки. Я никому, даже уборщикам, не позволяла входить в мою каюту.

Из потолочного люка свисал канат, по которому можно было подняться наверх, в спортзал. Я кашлянула, привлекая внимания Акоса.

– Ты будешь жить вон там, – сказала я, лавируя между вещами.

Я сдвинула неприметную дверцу, ведущую в смежное помещение, также с единственным иллюминатором.

– Раньше это была до неприличия обширная гардеробная. В те времена каюта принадлежала моей матери.

За моей непринужденной болтовней пряталось напряжение. Я не понимала, как общаться с Акосом. Слишком много всего навалилось: он отравил меня, воспользовавшись моей доверчивостью, а теперь почти потерял собственного брата, ради которого столь сильно рисковал.

А я не предприняла ничего, чтобы помешать такому развитию событий. Моя судьба – быть рядом с Ризеком, сеющим хаос и разрушения.

Акос задержался перед дверцей, глядя на доспехи, висевшие на стене. Они были не похожи на шотетскую броню, чересчур громоздкие и неуместно украшенные, но в оранжевом металле и оторочке из черной прочной ткани было свое очарование.

Затем Акос медленно вошел в свою каюту.

Она выглядела как и провизорская в нашем особняке: все необходимые

ингредиенты и оборудование для изготовления зелий аккуратно расположились на подвесных полках.

Еще за неделю до отлета я отправила на корабль фотографию провизорской с предписанием устроить все таким же точно образом. Была в каюте и койка с темно-серыми простынями. Большая часть шотетских тканей – синего цвета, поэтому разыскать серые оказалось непросто.

Горюч-камни в лампах, присыпанные порошком из «цветов ревности», горели ровным желтым светом. В книжном шкафу выстроились ряды книг по эльметахаку и шотетской истории. Я нажала на кнопку возле двери. В центре каюты вспыхнула голографическая карта-навигатор. Сейчас она показывала, что корабль находится над Воа.

– Нам придется быть соседями. Но я попыталась сделать наши каюты пригодными для... совместного житья.

– Значит, это твоих рук дело? – Акос повернулся ко мне.

На его лице появилось загадочное выражение. Я кивнула.

– Хотя ванная у нас будет одна на двоих, увы-увы... – меня, похоже, опять понесло. – К счастью, ненадолго...

– Кайра, – он прервал мою трескотню, – здесь нет ничего синего, даже одежды. И банки с ледоцветами подписаны на тувенском.

– Твой народ полагает синий цвет проклятым, а по-шотетски ты не читаешь, – тихо произнесла я.

Тени нервно задвигались под кожей, их отростки доползли даже до щек. В голове загудело, я сморгнула слезы.

– К сожалению, книги по эльметахаку – только на шотетском, но рядом с ними ты найдешь устройство для перевода. Достаточно приложить его к странице и...

– Но я так с тобой обошелся... – начал Акос.

– Я отдала распоряжения еще до того случая...

– Спасибо, – сказал он, присаживаясь на койку. – Извини меня за... в общем, за все. Я хотел спасти Айджу. Больше мне ничего не надо.

У Акоса были прямые, нависающие брови, и мне было сложно сообразить, грустит он или сердится. На подбородке краснел порез от бритвы.

– Кроме Айджи у меня никого не осталось, – прошептал он.

– Да, – согласилась я, хотя вряд ли действительно понимала, что он чувствует.

Я видела, как Ризек творит такое, от чего меня выворачивало наизнанку, но Акос должен был воспринимать выходки моего брата совсем иначе. Я хотя бы знала, что тоже способна на подобные ужасы.

Но Акос – он пока не понимал, во что постепенно превращается Айджа.

– Откуда ты берешь силы? – вдруг спросил он. – Силы продолжать, несмотря на то, что вокруг творится сплошной кошмар?

Что? Неужели моя жизнь – кошмар? Я никогда так не считала. В конце концов, боль – это своеобразный способ проводить время. Обычно я думала о следующей минуте или следующем часе. В моей голове не было места для того, чтобы совместить все части головоломки воедино.

Тем не менее я смогла ответить на вопрос Акоса.

– Постарайся найти другой смысл жизни, – произнесла я. – Необязательно хороший или благородный. Любой, лишь бы за смысл сгодился.

Мой мне был известен: внутренняя жажда. Она – посильнее боли и страха. Она продолжала меня точить даже тогда, когда сгорело все остальное. Она не дарила надежду и не окрыляла – она за шкуру тащила меня вперед, едва я останавливалась.

Но когда я выяснила, чем она является, оказалось, это просто-напросто жажда жизни.

Нынешней ночью Праздник Побывки завершался. Когда последнее транспортное судно сядет в погрузочный док, начнется пир. После недели праздников люди должны преисполниться решимости, уверенности и энтузиазма. Так повелось у шотетов.

Ревущая толпа потоком вынесла нас с Акосом к погрузочному доку. Я старалась ни до кого не дотрагиваться. Мне не хотелось причинять людям боль.

Мы добрались до помоста, на котором стоял Ризек, облокотившийся на перила. Справа от него виднелся Айджа.

А где же Вас?

Я была одета в длинное черное платье без рукавов и, конечно же, в свою начищенную до блеска броню.

Ризековы знаки смерти были выставлены напоказ: брат всегда держал руку так, чтобы шотеты могли видеть его татуировки. Вскоре ему придется начать второй ряд меток, как в свое время отцу.

Взглянув на меня, Ризек улыбнулся, и от его улыбки меня передернуло.

Я встала слева от Ризека. В моменты, подобные этому, я обязана продемонстрировать шотетам свои тени, напоминая, что несмотря на все очарование моего брата, с Ноавеками лучше не шутить. Мне следовало примириться с болью, принять ее так, как принимаешь ледяной ветер, который едва не сбивает тебя с ног, когда ты выходишь на улицу без теплой

одежды, но сосредоточиться было трудно.

Но внизу колыхалась взволнованная толпа, значит, я не должна даже морщиться.

«Терпи, терпи», – повторяла я.

В люке показались два последних транспортных судна, и я с облегчением вздохнула. При виде последней группы пилигримов народ взорвался аплодисментами. Ризек жестом призвал людей к спокойствию. Настал момент для его напутственной речи.

Но не успел он открыть рот, как от последней прилетевшей группы отделилась молодая женщина с длинными светлыми волосами. Крой ее наряда отличался большей сдержанностью, чем у остальных, а серебристо-серый оттенок с голубым отливом делал ее глаза еще ярче и выразительнее.

Такой цвет был в моде у шотетских богачей.

Лети Зетсивис, дочь Узула. Она воздела вверх ток-нож, темные усики тока обвивали запястье, прочно связывая клинок с телом.

– Первое дитя рода Ноавеков падет от руки одного из детей Керезетовых! – воскликнула она.

Да, в этом, собственно, и заключался удел Ризека.

– Такова твоя судьба, Ризек! – продолжала кричать Лети. – Ты погубишь нас и погибнешь сам!

Вас, протолкавшись сквозь толпу, с уверенностью бывалого воина схватил Лети за плечо. Вывернул руку, принуждая Лети рухнуть на колени. Ток-нож упал на палубу.

– А вот и Лети Зетсивис! – непринужденно произнес Ризек.

Было так тихо, что ему даже не потребовалось повышать голос. Он с улыбкой наблюдал, как Лети вырывается. Ее пальцы уже побелели.

– Так называемая «моя судьба» – грязная ложь, распространяемая нашими врагами, – добавил Ризек.

Айджа покачивал головой, как будто слушал хорошо знакомую песню. Наверняка именно благодаря ему Ризек безо всякого удивления смотрел на Лети, бьющуюся в отчаянии. Айджа предвидел грядущее. Используя дар оракула, Ризек обрел власть над своим будущим.

– Люди, которых страшит наша мощь, жаждут нас раздавить. Взять, к примеру, Ассамблею и Туве... Но кто заставил тебя поверить в эту гнусную ложь, Лети? Почему ты разделяешь взгляды тех, кто проник в твой дом и убил твоего отца?

Как же ловко выкрутился мой братец! Теперь, пытаясь открыть всем глаза на судьбу моего брата, Лети будет произносить якобы ту же ложь, что и наши враги-тувенцы.

Скоро Лети превратится в предательницу, если не пособницу убийц своего отца. Какая ирония: порой люди готовы поверить в любую чушь, которую вываливают на их бедные головы. Так вроде бы проще жить.

– Мой отец не был убит, – тихо произнесла Лети. – Он покончил с собой после твоих пыток. Ты истязал его с помощью той твари, которую называешь сестрой. Его свела с ума непереносимая боль.

Ризек снисходительно улыбнулся ей: дескать, ты бредишь, Лети, а затем обвел взглядом толпу, затаившую дыхание.

– Полюбуйтесь-ка, – сказал он, указывая на Лети. – Вот каким ядом наши враги жаждут нас напоить. Они хотят сокрушить нас изнутри, но они не сумеют сломить наш дух! Они изрыгают ложь, в надежде заставить нас обратиться друг против друга, против нашей родни и товарищей! Мы должны защищаться не только от вражеского оружия, но и от их мерзких речей. Когда-то мы были слабыми. Давайте же никогда не опускаться на колени.

По толпе пробежала дрожь. Целую неделю мы праздновали, вспоминая своих предков, пересекших галактику, наших похищенных детей, нашу всеми высмеиваемую веру в поиск и обновление. Сезон за сезоном мы учились защищаться. И хотя я понимала, что Ризеком движет эгоизм, а вовсе не желание защитить шотетов, даже меня увлекла эмоциональная сила его голоса. Он завораживал меня, Ризеку хотелось покориться...

– И нет более действенного средства подорвать наши силы, чем нанести удар по вождю великого народа! – Ризек удрученно покачал головой. – Поэтому нельзя позволить, чтобы яд распространился. Его необходимо выдавить из народного тела, каплю за каплей, прежде чем он отравит каждого из нас!

Лицо Лети исказилось от ненависти.

– Ты – дочь одного из самых почтенных родов, но, похоже, утратила разум от горя, посему я дам тебе шанс! Ты выйдешь на арену! А поскольку часть вины ты возлагаешь на мою сестру, именно она сразится с тобой, – заявил Ризек. – Надеюсь, ты оценила мое милосердие, – закончил он вполне будничным тоном.

Я так опешила, что не могла протестовать. К тому же следовало подумать и о вероятных последствиях протеста: о гневе Ризека, о том, что я буду выглядеть трусихой в глазах шотетов и потерю репутацию той, перед которой все трепещут.

Кроме того, правда насчет смерти нашей матери продолжала нависать тучей надо мной и Ризеком.

Я не забыла, как народ в унисон выкрикивал имя Илиры, когда мы шествовали по улицам Воа в день моей первой процессии. Шотеты обожали свою Илиру. Любили ее за то равновесие между силой и добросердечием, которое только она могла поддерживать. Если они узнают, что я виновна в ее смерти, то меня растерзают.

Я взглянула на Лети, и темные вены тока поползли под моей кожей. Лети, стиснув зубы, смотрела на меня. Она-то, конечно, убьет меня с удовольствием.

Вас рывком поднял Лети на ноги.

– Предательница! Лгунья! – заорали люди.

А я уже ничего не чувствовала. Мой страх улетучился. Я даже не ощущала прикосновение Акоса: он взял меня за руку, чтобы облегчить мою боль.

– Ты в порядке? – спросил Акос.

Я покачала головой.

Мы стояли в тамбуре перед ареной. Здесь царил полумрак: только Воа еще сиял в иллюминаторе, отражая свет солнца. Но через несколько часов исчезнет и он.

На стенах были развешаны портреты Ноавеков. Я посмотрела на картины в тяжелых деревянных рамах. Вот моя бабушка, Ласма Ноавек, убившая всех своих братьев и сестер, чтобы ее потомки стали судьбоносными. Мой отец, Лазмет Ноавек, выжегший всю доброту из сердца моего брата, чтобы обмануть его незавидную судьбу. И Ризек, еще бледный юнец, достойный продолжатель дела двух порочных поколений.

Моя смуглая кожа и крепкое телосложение достались мне от матери – от ветви Радиксов, дальним родственником которых являлся злополучный Кальмев Радикс, убитый Акосом.

Люди на портретах были облачены в богатые наряды, на их лицах застыли любезные улыбки.

Ризек и все, кто смог пробиться на трибуны арены, уже сидели на своих местах. До нас с Акосом доносились возбужденные голоса. Во время Побывки дуэли были запрещены, но арена для тренировок и представлений на корабле имелаась. Мой брат объявил, что поединок состоится сразу после его речи, но до начала пиршества.

В конце концов, ничто так не возбуждает аппетит шотетов, как дуэль со смертельным исходом.

– Та женщина сказала правду? – спросил Акос. – Насчет тебя и ее отца?

– Да, – ответила я, решив, что лучше не врать.

Но лучше мне не стало, скорее наоборот.

– Как Ризек заставляет тебя делать то, что тебе не по нраву? У него что-то есть против тебя, да?

Внезапно дверь распахнулась. Я вздрогнула, подумав, что мне пора выходить на арену, но поняла, что ошиблась. Сюда пожаловал Ризек.

Брат прикрыл за собой дверь и встал аккуратно под своим портретом.

Ризек на картине, круглощекий и прыщавый, совершенно не походил на Ризека нынешнего.

– Чего тебе нужно? – осведомилась я. – Ну, помимо публичной казни, которую ты организовал, не посоветовавшись со мной.

– А что бы изменилось, если бы я с тобой посоветовался? Мне бы пришлось выслушивать твои протесты и напоминать тебе о твоей глупой доверчивости, едва не стоившей мне оракула, – и Ризек кивнул на Акоса. – Затем я предложил бы тебе поединок на арене в качестве возмещения ущерба, и ты бы согласилась.

Я прикрыла глаза.

– И еще, сестричка... пожалуйста, не бери с собой нож.

– Не брать нож? – воскликнул Акос. – Но ее ведь зарежут в мгновение ока! Ты хочешь, чтобы она погибла?

«Нет, – подумала я. – Ризек хочет, чтобы я ее убила, но не ножом».

– Кайра сама знает, что к чему, – ответил Ризек. – И понимает, что случится, если я не получу желаемого. Удачи, сестренка.

И он удалился.

Ризек прав. Я уже разгадала его намерения. Мой брат стремился впечатлить шотетов. Пусть зрители увидят, что тени токодара могут не только причинять боль, но и убивать.

Скоро я стану не только Плетью Ризека, но и Топором Ризека.

– Помоги-ка снять броню, – пробормотала я.

– Что ты несешь?

– Хватит задавать вопросы! – рявкнула я. – Помоги мне!

– Ты собираешься драться без брони? Но тогда она с тебя шкуру спустит!

Я взялась за первый ремешок. Мои пальцы огрубели, но и ремешки оказались затянuty настолько туго, что мне пришлось нелегко. Я принялась лихорадочно дергать их туда-сюда, пытаясь ослабить. Акос накрыл мою ладонь своею.

– Нет, – ответила я. – Мне не нужны ни броня, ни нож.

На костяшках пальцев скопились тени.

Я приложила огромные усилия, чтобы никто не узнал о том, что

случилось с моей матерью и какова была моя роль.

Но Акос будет исключением из правил – ведь он уже и так пострадал. Пусть лучше он никогда не посмотрит на меня с симпатией, чем поверит в мою ложь.

– Рассказать, как умерла моя мать? – захохотала я. – Я дотронулась до нее, вогнав в ее тело весь свой свет и всю свою боль! Я разозлилась и не хотела идти к очередному докторишке с его очередными бессмысленными снадобьями от моего токодара. Она мечтала помочь мне, а я закатила истерику и убила ее, – я слегка сдвинула наручи на левой руке и показала свой первый знак смерти – кривой шрам пониже локтя. – Его мне вырезал отец. Он возненавидел меня, но... был горд, – я запнулась. – Теперь понимаешь, почему Ризек бывает настроен против меня? – Я опять рассмеялась, на сей раз – сквозь слезы.

Я наконец расстегнула последний ремешок, стянула броню и со всей силы швырнула ее о металлическую стенку. Грохот в тамбуре был оглушительным. Неповрежденная броня покатилась по полу. Даже форму не потеряла.

– Я отняла у брата его любимую матушку, и не только у него – у всех шотетов! – выкрикнула я. – Это я виновата, я! А заодно я отняла ее у себя!

Наверное, было бы проще, если бы Акос посмотрел на меня с презрением или отвращением. Однако он взял меня за обе руки, и его ладони уняли мою боль. Но я вырвалась и выбежала на арену. Не желала я никакого облегчения. Я все это заслужила.

При виде меня толпа взревела. Черный пол арены сверкал: его, похоже, специально натерли перед боем.

Я уставилась на отражение своих ботинок с расстегнутыми пряжками. Арену окружали ряды металлических скамей, плотно облепленных людьми. Лица шотетов сливались в полумраке. Лети, в броне и тяжелых ботинках с железными носами, потряхивала руками, разогревая мышцы.

Я сразу, как следует тому, кто предпочитает «путь разума», оценила противницу. Итак, она – на голову ниже меня, мускулистая, светлые волосы предусмотрительно увязаны в тугий пучок, явно идет по «пути сердца», а значит, будет быстра и ловка в те несколько секунд, что продлится наш бой.

– Ты не потрудилась надеть броню? – ухмыльнулась Лети. – Прекрасно!

Вот именно.

Она выхватила ток-нож, и руку тотчас обвили жилы Тока, по цвету – такие же, как мои тени. Только в ее случае Ток не касался кожи Лети, тогда как мой был заключен внутри меня самой.

Лети не двигалась, выжидая, когда и я достану оружие.

– Продолжай-продолжай, – кивнула я.

Толпа, кажется, вновь взревела, но я больше ничего не слышала. Полностью сосредоточилась на Лети, медленно, изит за изитом приближающейся ко мне. Лети пыталась угадать мою стратегию. Но я молча стояла, опустив руки и позволяя токодору расти в унисон с моим страхом.

Лети решила меня атаковать, но я разгадала ее намерение еще до того, как она пошевелилась. Я ушла от выпада, изогнувшись подобно танцовщице с Огры. Я застала Лети врасплох, она споткнулась и вынуждена была ухватиться за ограждение арены, чтобы не упасть.

Мои тени сделались настолько густыми и причиняли столько физических страданий, что мне трудно было различать окружающее. Ток гудел во мне, но я приветствовала боль с радостью. Перед внутренним взором возникла физиономия Узула Зетсивиса, перекошенная под моими темно-синими пальцами.

Я узнавала его черты в лице дочери, сосредоточенно хмуращей брови.

Лети сделала очередной выпад, целя мне под ребра. Я оттолкнула ее локтем и схватила за запястье. Сжала, принуждая склониться, и ударила коленкой в подбородок.

Брызнула кровь, Лети закричала. Но не от удара, а от моего прикосновения.

Ток-нож упал на арену. Не отпуская ее запястья, я толкнула Лети, заставив опуститься на колени, и встала позади нее. Нашла взглядом Ризека. Брат сидел на помосте, скрестив ноги. Он словно скучал на нудной университетской лекции, а не наблюдал за убийством.

Глядя ему в глаза, я усилием воли послала весь свой обжигающий Ток прямо в плоть Лети Зетсивис.

У меня, конечно же, получилось. Я на миг смежила веки, вслушиваясь в ее агонирующие вопли.

На какую-то секунду мир вокруг потускнел. Я отпустила обмякшее тело, развернулась и направилась к тамбуру. Толпа безмолвствовала. Дверь за мной закрылась.

Тени покинули меня. Впрочем, ненадолго. Они обязательно вернутся.

Акос кинулся ко мне и прижал к груди – неужели обнял? – и зашептал на языке наших врагов:

– Все закончилось, Кайра, – забормотал он по-тувенски.

Вечером я заперла дверцы в наши каюты на замок. Я не нуждалась в незваных гостях.

Акос простерилизовал нож на огне горелки, после чего остудил его под краном. Я положила руку на стол, расстегнула ремешки наручей. Они были жесткими и неподатливыми. Несмотря на подкладку, рука сильно вспотела.

Акос сел напротив, не сводя с меня глаз. Я не спрашивала, что он ожидает увидеть. Наверняка, подобно прочим, уверен, что под наручами скрываются вырезанные ряды знаков убийств. А скрываю я их только потому, что тайна делает меня страшнее. Я никогда не опровергала зловещих слухов. Но правда была гораздо хуже.

Да, мою руку от запястья до локтя действительно покрывали темные метки. Маленькие шрамы, аккуратные, расположенные через идеально равные промежутки. И каждый перечеркивала диагональная черта, превращающая, согласно шотетским обычаям, знак убийства в знак скорби.

Акос осторожно, двумя пальцами взял меня за руку, развернул и пробежался пальцем по меткам. Дойдя до конца, приложил к моей руке свою. Я вздрогнула, увидев его светлые пальцы на своей смуглой коже.

– Это не знаки убийств, – прошептал он.

– Я отметила только смерть своей матери, – тихо сказала я. – Не обольщайся, я отняла множество жизней, но после ее смерти перестала их считать. По крайней мере, до Узула Зетсивиса.

– Но ты помнишь о... чем? – спросил он. – В память о чем... все эти знаки?

– Смерть – благодать по сравнению с агонией, которую я вызываю. Я храню знаки боли, а не убийств. Каждый шрам – память о том, кого я замучила по приказу Ризека.

Сначала я считала метки и всегда точно помнила, сколько их. Тогда я еще не знала, как долго Ризек собирается использовать меня во время допросов. Потом бросила считать. От осознания их числа становится только хуже.

– Сколько тебе было лет, когда он заставил тебя сделать это впервые?

Я не понимала мягкость в тоне Акоса. Он увидел доказательства моей душевной гнили, но продолжал смотреть на меня с сочувствием, а не с осуждением. Наверное, ему требуется какое-то время. А может, он вообразил, что я вру или преувеличиваю.

– Достаточно, чтобы знать, что хорошо, а что плохо, – резко ответила я.

– Кайра, – продолжил он, – сколько?

– Десять, – призналась я, откидываясь на спинку стула. – Но начал как раз мой отец, а не Ризек.

Акос вздрогнул. Ткнул ножом в столешницу и принялся быстро вращать рукоять, оставляя выемку в дереве.

– В десять лет я еще не подозревал, какова моя судьба, – произнес он. – Собирался стать солдатом, вроде тех, что патрулировали поля тихоцветов моего отца. Мой-то отец был фермером. – Акос уперся подбородком в кулак и посмотрел на меня. – Однажды на поле проникли воры и попытались украсть часть урожая. Папа их заметил и хотел задержать до прихода солдат. Он вернулся домой с раной на щеке. Мама принялась кричать на него. – Акос засмеялся. – По-моему, выговаривать тому, кого ранили, очень глупо.

– Но она просто испугалась за него.

– Верно. Я – тоже... и ночью решил, что никаким солдатом уже быть не хочу, если их работа заключается в том, чтобы возвращаться домой, истекая кровью.

Я невольно рассмеялась.

– Да уж, – невесело усмехнулся он, – кто бы мог тогда представить, какой станет моя жизнь?

Акос постучал пальцами по столу, и я впервые заметила его неровные обгрызенные ногти и содранные кутикулы. Надо будет как-то излечить его от детской привычки.

– К чему я это тебе рассказываю? – продолжил он. – Когда мне стукнуло десять, я не мог выносить даже вида чужой боли. А тебе приказывали причинять ее снова и снова. Приказывал тот, кто был сильнее тебя. Тот, кто должен был тебя защищать.

На миг мне стало страшно от слов Акоса.

– Не пытайся снять с меня вину, – помимо моей воли голос прозвучал не сурово, а умоляюще, мне пришлось прокашляться. – Ты понял? Уже ничего не исправишь.

– Ладно.

– Ты знаком с ритуалом?

Он кивнул.

– Вырежи знак, – натянуто приказала я.

Протянула руку и показала на пустой участок кожи на запястье, сразу над косточкой. Акос приложил острое ножа, примерился и сделал надрез. Не слишком глубокий, но подходящий для введения туши из ковыль-травы.

Из моих глаз брызнули непрошеные слезы, из раны потекла кровь. Я пошарила в одном из ящиков и достала нужную бутылочку. Акос вытащил пробку, я обмакнула в жидкость тоненькую кисточку и смазала рану, произнеся вслух имя Лети Зетсивис.

Ранка будто вспыхнула огнем. Я всегда думала, что привыкла к этому жжению, но постоянно убеждалась в обратном. Экстракт ковыль-травы должен жечь, напоминая о потере, о том, что забрать чью-либо жизнь – не безделица.

– Больше ничего не надо говорить? – спросил Акос, имея в виду молитву окончания ритуала.

Я покачала головой.

Когда жжение стихло, Акос перевязал мне руку и закрепил повязку пластырем. Вытирать кровь со стола мы не стали. Наверняка она присохнет и придется соскабливать пятно ножом, но мне было все равно.

По канату мы взобрались наверх, мимо просмоленных растений, на которых сидели, подзаряжаясь, механические жуки.

Корабль вздрогнул: шла подготовка к тому, чтобы покинуть орбиту планеты. Потолок каюты покрывали экраны, показывавшие то, что в данный момент находится над нами. Сейчас они демонстрировали нам шотетское небо.

Вдоль бортов тянулись трубы и воздуховоды, так что нам было тесновато, но на дальней переборке располагались аварийные откидные сиденья.

Я отстегнула их, и мы с Акосом сели.

Я помогла ему затянуть ремни на груди и ногах, удерживающие во время запуска, и сунула в руки бумажный пакет, на случай если станет дурно. Пристегнулась сама.

Другие шотеты на корабле занимались сейчас тем же самым: откидывали кресла, помогали друг другу пристегнуться.

Слушая по интеркому обратный отсчет, мы с Акосом стали ждать запуска. Когда голос произнес: «Десять», Акос взял меня за руку.

Я сжимала его ладонь до тех пор, пока не прозвучало: «Один».

Облака вдруг рухнули вниз, нас с силой вдавило в сиденья. Акос застонал, я же не сводила взгляда с экрана, наблюдая, как синее небо сменяется звездной чернотой космоса.

– Ты понял? – спросила я у Акоса, вцепившись в его ладонь. – Понял, как это красиво?

14. Кайра

Ночью, когда я лежала в постели, уткнувшись лицом в подушку, в дверь постучали. С трудом поднявшись, я поплелась открывать. В коридоре стояли два солдата, мужчина и женщина, оба стройные и жилистые. Иногда путь, которым идет тот или иной человек, определяется с полувзгляда. Эти двое оказались последователями зиватахака: оба быстрые и смертельно опасные. И они меня боялись. Неудивительно.

Показался заспанный Акос. Солдаты переглянулись. Я припомнила слова Отеги о длинных шотетских языках. Избежать сплетен в любом случае не удалось бы: Акос жил в моей каюте: рано или поздно шотеты начнут болтать о том, чем мы якобы занимаемся за закрытыми дверями. Мне было без разницы. Лучше пусть сплетничают о любовных интрижках, чем об убийствах и истязаниях.

– Извините за беспокойство, мисс Ноавек, владыка требует вас к себе, – сказала женщина.

Кабинет Ризека на борту корабля был миниатюрной копией его же кабинета в особняке. Разумеется, и пол и стены были из ценного, полированного дерева, что характерно для шотетских интерьеров. Но древесины всегда хватало: экватор планеты покрывали густые леса, отделяя нас от тувенцев, которые обосновались на севере несколько веков назад. А фензу, которых мы держали в лампах, обитали на верхушках деревьев. Старые шотеты предпочитали именно такое освещение. Семья Зетсивисов, возглавляемая теперь Имой, прилагала все усилия, дабы выращенные фензу были доступны тем, кто мог заплатить за них немалую цену. Ризек был из их числа. Он утверждал, что свет фензу приятнее для глаз, чем сияние горюч-камней, хотя я особой разницы не замечала.

Когда я переступила порог его кабинета, Ризек застыл перед экраном, обычно спрятанным за сдвижной панелью. На экране был убористый текст, в котором я сразу же узнала перевод объявления Ассамблеи о судьбах людей. Всего девять строчек. Девять семей, разбросанных по галактике, путь которых неизбежно предопределен.

Вообще-то Ризек избегал всего, что напоминало о его «слабости». Так называл судьбу, преследующую сына с колыбели, наш отец: пасть от руки одного из Бенезитов.

Даже обсуждать нечто подобное шотетам запретили под страхом тюрьмы, а то и казни.

А сейчас Ризек читал о судьбах, следовательно, пребывал не в лучшем расположении духа. Я поняла, что надо вести себя осмотрительно. Но сегодня мне не было дела до всяких тонкостей.

Ризек скрестил руки на груди и, склонив голову набок, сказал:

– Ты не представляешь, насколько тебе повезло иметь столь неопределенную судьбу. «Второе дитя рода Ноавеков пересечет Рубеж». А с какой целью? – Он дернул плечом. – Неизвестно. И пророчество никого в принципе не волнует. Вот уж повезло так повезло.

– Действительно, – я засмеялась.

– Именно поэтому ты обязана мне помогать, – продолжал гнуть свое Ризек, не обращая внимания на мой смех. – Ты вполне можешь себе это позволить. Тебе не приходится бороться с ожиданиями целого мира.

Ризеку уже давно не давали покоя различия в наших жизнях. О том, что я испытывала постоянную боль, не могла ни к кому прикоснуться и потеряла в жизни гораздо больше, чем он, Ризек, похоже, не задумывался. Он знал лишь одно: наш отец, вместо того чтобы подвергать меня испытаниям, просто не замечал меня, и моя судьба никого не побуждала усомниться в моей силе.

С точки зрения Ризека, мое детство было счастливым, и спорить не имело смысла.

– Ризек, что случилось?

– Ты имеешь в виду, кроме того, что Лети Зетсивис напомнила всем шотетам о моей жалкой участи?

При звуках этого имени я невольно поежилась. Мне вспомнилась еще теплая кожа умершей Лети. Задрожав, я обхватила себя за плечи. Снадобье Акоса не могло полностью подавить тени, их заторможенное движение под кожей отдавалось тупой болью.

– Но ты же был готов к такому раскладу, – заметила я, отведя глаза. – И теперь никто не осмелится повторить того, что она говорила.

– Дело совсем в другом, – отмахнулся Ризек, и в его голосе мне почудилось что-то от прежнего Ризека, каким он был раньше, когда отец еще не вонзил в него зубы. – Взяв за отправную точку признание Узула, я отыскал заслуживающий доверия источник. Колония диссидентов существует и, возможно, их даже несколько. И среди нас есть их шпионы.

Мое сердце екнуло. Неужели слухи о колонии подтвердились? Впервые слово «колония» не испугало меня, а давало что-то вроде надежды.

– Демонстрация силы, конечно, неплохо, но нам требуется кое-что еще. Никто не должен усомниться в моей власти, как и в том, что мы

вернемся из Побывки еще более сильными, чем сейчас. – Ризек положил руку мне на плечо. – Мне нужна твоя помощь, Кайра.

Знаю я, чего тебе нужно, подумала я. Он хотел в зародыше подавить сомнения шотетов, пресечь любые тревожные шепотки.

А я стану его инструментом. Плетью Ризека.

На меня опять нахлынули воспоминания о Лети, и я на миг зажмурилась, избавляясь от них.

– Сядь, прошу тебя, – Ризек показал на одно из кресел перед экраном.

Это были старые кресла со стеганой обивкой из отцовского кабинета. Ковер шотетской работы, скорее – грубая циновка, сплетенная из травы. В комнате вообще не нашлось места для вещей, привезенных из Побывок. Отец ненавидел этот обычай, считая, что он унижает нас и со временем должен быть забыт. Ризек, вероятно, был с ним солидарен. Я – единственная в семье питала слабость к чужому мусору.

Я устроилась на краешке кресла. Строчки судеб не выходили из моей головы.

Ризек встал за соседним креслом, опершись о высокую спинку. Неторопливо закатал левый рукав, обнажая знаки. Ткнул согнутым пальцем в экран, увеличивая шрифт.

Судьбы рода Бенезитов следующие:

Первое дитя рода Бенезитов приведет своего двойника к власти.

Второе дитя рода Бенезитов будет править Туве.

– Я слышал, что второе тувенское дитя, – Ризек постучал по третьей строчке, костяшка его пальца коснулась слова «править», – скоро объявится. Я уже не могу игнорировать предсказания. Кем бы ни было дитя Бенезитов, она будет правительницей Туве, а потом станет причиной моей гибели.

Кусочки головоломки сложились воедино: судьба Ризека – пасть от руки одного из рода Бенезитов, а судьба Бенезитов – править Туве. Ничего странного, что он одержим Бенезитами, особенно сейчас, когда у него имелся свой личный оракул.

– Я собираюсь убить ее прежде, чем это случится, а оракул мне поможет, – добавил Ризек.

Я смотрела на экран. Меня всегда учили: судьбу не переспоришь, что ни делай, пытаясь ее изменить. А Ризек собирался скорректировать собственную судьбу, убив человека, который должен был убить его самого.

А еще мой брат обзавелся предсказателем, который советовал ему, как поступать.

– Быть такого не может! – вырвалось у меня.

– А почему, сестричка? – Ризек выгнул бровь. – Потому, что никто прежде не смог потягаться с судьбой? – Он вцепился в спинку кресла. – Ты сомневаешься во мне, Кайра? А ведь именно я обману свою собственную судьбу! Я, Кайра!

Он был в гневе.

– Да разве я в тебе сомневаюсь, Ризек? – заюлила я. – Просто никогда не слышала, чтобы такое кому-нибудь удавалось.

– Ничего, еще услышишь! – рявкнул он с перекошенным лицом. – И ты мне поможешь.

Мне вдруг припомнился Акос, благодарящий меня за то, что я обставила его каюту.

Он так спокойно держал меня за руку. И смеялся, когда мы гонялись друг за дружкой под синим дождем. Это были первые радостные минуты, которые я испытала после смерти матери. И мне хотелось, чтобы их было больше. А вот всей этой мерзости – меньше.

– Нет, – ответила я Ризеку. – Ничего подобного я не услышу.

Его угрозы рассказать шотетам об истинной причине смерти нашей матери, меня уже не пугали. Ризек допустил ошибку: признался, что ему нужна моя помощь. Я закинула ногу на ногу и сцепила руки на колене.

– Прежде чем ты примешься угрожать мне, Ризек, помолчи минутку-другую. Ты ведь не хочешь рисковать и потерять меня, правда? Ты же сделал все, чтобы меня боялись, верно? Не думаю, что ты будешь делать глупости...

Так вот в чем таился смысл нашей с Лети дуэли: демонстрация силы Ризека. Но в действительности сила принадлежала мне.

Ризек с детства учился подражать отцу, а тот прекрасно умел скрывать чувства. Считал, что выражение эмоций делает его уязвимым. Понимал, что, где бы он ни находился, за ним всегда наблюдают. За долгие годы Ризек существенно развил свое мастерство, но, разумеется, еще мог совершенствоваться.

Под моим пристальным взглядом его лицо искривилось в гримасе злобы... за которой легко просматривался страх.

– Ты мне не нужна, Кайра, – процедил Ризек.

– Ложь, – усмехнулась я, поднимаясь с кресла. – Впрочем, если бы это и было правдой, не забывай, что я могу сделать... по-сестрински пожав тебе руку.

Я показала ему свою ладонь, пожелав, чтобы тени поднялись на поверхность. В кои-то веки они послушались меня, рябью пробежали по телу и на мгновение, как черные нити, опутали каждый палец. Ризек

завороженно смотрел на мою кожу.

– Я продолжу играть роль верной сестры и одновременно – чудовища, но с одним условием. Я никогда и никому не буду причинять боль – я имею в виду по твоему приказу.

И я направилась к двери. Мое сердце колотилось.

– Будь осторожна, – прошипел Ризек мне вслед. – Как бы тебе не пришлось пожалеть о сказанном.

– Хватит тебе, – фыркнула я, не оборачиваясь. – Кого-кого, а меня болью не напугаешь.

– Как и меня, – дребезжащим голосом парировал Ризек.

– Неужто? – Я обернулась. – Тогда возьми меня за руку.

Я протянула ему исчерченную тенями ладонь, поморщившись от боли. Ризек не сдвинулся с места.

– Что и требовалось доказать, – хмыкнула я.

Вернувшись в каюту, я застала Акоса сидящим на кровати с книгой по эльметахаку. Между страницами светился синхропереводчик. Акос посмотрел на меня из-под нахмуренных бровей. Шрам, идеально обводящий скулу, еще не побелел окончательно. Со временем он сделается таким же блеклым, как светлая кожа Акоса.

Я прошла в ванную и, набрав в раковину воды, принялась умываться.

– Что он с тобой сделал? – спросил Акос, появившись у меня за спиной.

Я последний раз плеснула в лицо водой, низко склонившись над раковиной. Капли, стекая по векам и щекам, падали вниз. В воде дрожало мое отражение с широко распахнутыми глазами и сжатыми губами.

– Ничего, – сказала я с натянутой улыбкой, сняла со стойки полотенце и вытерла лицо. – Я ему не позволила. Он пытался припугнуть меня, а я припугнула его в ответ.

Паутина Тока сгустилась и смахивала на чернильные кляксы.

Я побрела в комнату, плюхнулась на стул и засмеялась. Смеялась от всего сердца, до тех пор, пока мне не стало жарко. Наконец-то я сумела постоять за себя. Я загнала Ризека в угол. Тугой клубочек стыда, поселившийся в моей груди, чуть-чуть ослаб. Я перестала быть покорной соучастницей.

– Ты о чем? Что это значит? – проговорил Акос, присаживаясь напротив.

– Ризек оставит нас в покое. Я... – произнесла я и осеклась, – не знаю, почему мне так...

– Ты только что угрожала самому могущественному человеку в

стране, – Акос поймал мои пальцы. – Любой бы на твоём месте спятил от страха.

Его кисти были ненамного больше моих, разве что суставы потолще, да на тыльной стороне ладоней отчетливо проступали сухожилия. Под кожей светились бледно-голубые вены. Слухи о тонкокожести тувенцев оказались правдивы, однако неженкой и трусом Акоса назвать было нельзя.

Я высвободила свои пальцы из руки Акоса. Теперь, когда Ризек убрался с дороги, а Акос, напротив, был здесь, я задумалась о том, как будут проходить наши дни. Я привыкла находиться в одиночестве во время Побывок. На плите еще оставались пятна с прошлого сезона, когда я по вечерам пыталась готовить еду, экспериментируя с инопланетными продуктами. Получалось у меня, если честно, неважно: повар из меня – никудышный.

Поэтому я чаще просматривала ролики про другие планеты, пытаюсь вообразить иную, не похожую на мою, жизнь.

Акос встал, взял из шкафа стакан и наполнил его водой из-под крана. Я, запрокинув голову, разглядывала растения в смоляных клетках. Некоторые светились в темноте, другие, несмотря на консервант, вскоре должны были увянуть, сверкнув напоследок ярким огнём. Я любовалась растениями уже три Побывки кряду.

Сделав глоток, Акос вытер рот.

– Я придумал, – вдруг заявил он. – Придумал причину продолжать, – пояснил он, сгибая в локте руку со знаками убийства.

– Точно?

– Ага, – он порывисто кивнул. – Мне не давали покоя слова Ризека, что он превратит Айджу в того, кого я сам не захочу спасти. Я решил, что это невозможно.

Я взглянула на него. Несколько дней назад он казался опустошённым, а теперь напоминал переполненную чашу.

– Я понял, что нет и не может быть такого Айджи, которого мне не захочется освободить от Ризека.

Акос не перестал меня удивлять. Он был готов на все.

Я вновь подумала о том, с какой нежностью и сочувствием он смотрел на меня, вместо того чтобы отвернуться с отвращением.

Что за безумие. Продолжать любить того, кто находится по ту сторону спасения и искупления, может только безумец.

– По-моему, в твоих речах нет никакого смысла, – возразила я. – Похоже, что чем больше всяких гадостей ты узнаешь о человеке, тем лучше к нему относишься. Попахивает мазохизмом.

– И это говорит та, которая изрезала себя в наказание за поступки, к которым ее принудили силой, – с сухой иронией заметил Акос.

В вещах, о которых мы обсуждали, не было ничего смешного. Вроде бы...

Но я улыбнулась, Акос тоже – новой, незнакомой мне улыбкой. В ней не было ни горделивости, ни язвительности – лишь мука и сумасшествие.

– Ты и впрямь не испытываешь ко мне ненависти?.. – и я приподняла левую руку.

– Нет, не испытываю.

Обычно люди реагировали на меня вполне понятным образом. Те, кому довелось пострадать от токодара, ненавидели меня. Те, кто опасался пострадать, боялись. Те, кто видел во мне полезный инструмент, кивали головами и ухмылялись.

Реакция Акоса озадачила меня. Он как будто действительно понимал меня.

– Ты совсем-совсем не испытываешь ко мне ненависти? – прошептала я, страшась услышать ответ.

– Не испытываю, – совершенно твердым голосом произнес Акос.

И я внезапно осознала, что давно перестала злиться на него за то, как он со мной обошелся, пытаюсь освободить брата. Его побуждало то же самое чувство, которое позволяло ему принимать меня такой, какая я есть. Разве его можно за это винить?

– Хорошо, – вздохнула я. – Будь готов к ранней пробудке. Нам придется изрядно попотеть, если ты собираешься вырвать брата из лап Ризека.

На стекле остались отпечатки его пальцев. Я забрала стакан у Акоса.

– Ты хочешь мне помочь? – недоверчиво спросил он. – После того, что я натворил?

– Ага, – я допила за ним воду и отставила стакан в сторону. – Именно это я и собираюсь сделать.

Часть третья

15. Акос

Акос не раз и не два прокручивал в памяти свой неудавшийся побег.

Как шел по коридорам за стенами поместья Ноавеков, останавливаясь на развилках и изучая зарубки, чтобы понять, куда двигаться, а вокруг были темнота и пыль, да и в пальцы постоянно впивались занозы.

Как добрался до комнаты, где содержали Айджу, и, как объяснил ему потом Ризек, угодил в сферу действия какого-то датчика. Как приложил руку к замку. Большая часть дверей особняка оказалась оборудована ток-замками, и Акос открывал их с помощью легкого прикосновения.

Наручники не стали исключением. Именно поэтому ему удалось убить Кальмева Радикса в ковыльных степях.

Айджа стоял у зарешеченного окна, откуда виднелась ограда с неприметной калиткой. За поместьем простиралось поле ковыль-травы, колышущейся на ветру. Акос спросил себя, что может мерещиться Айдже в ковылях? Лицо их убитого отца? Он не знал, как трава влияет на других... на него она уже не действовала.

Айджа обернулся. Брату потребовалось время, чтобы узнать Акоса. Прошло всего два сезона с тех пор, как они виделись в последний раз, но оба сильно изменились: Акос вырос и возмужал, Айджа похудел и осунулся, его кудрявые волосы свалились. Айджа пошатнулся, и Акос поддержал брата, чтобы тот не упал.

– Акос, – громко зашептал Айджа, – я не знаю, что мне делать, я...

– Не волнуйся, – произнес Акос, – все будет хорошо, не надо ничего говорить, я вытащу тебя отсюда.

– Ты... ты убил человека, который проник в наш дом...

– Да, – кивнул Акос, для которого имя Кальмева Радикса уже превратилось в шрам на руке.

– Как такое могло с нами случиться? – спросил Айджа ломким голосом, от которого у Акоса защемило сердце. – Почему наша мама ничего не предвидела?

Акос не стал говорить, что она-то наверняка и предвидела. Но он не хотел расстраивать Айджу.

– Ума не приложу, – ответил он. – Но я вытащу тебя отсюда, Айджа, клянусь тебе.

Поддерживая брата за плечи, Акос слегка подтолкнул его к выходу. Ему пришлось пригнуть голову Айджи, чтобы тот не ударился о низкую

дверцу, ведущую в тайные коридоры.

Айджа тяжело ступал по деревянному полу.

Акос боялся, что кто-нибудь их услышит.

– А ведь именно я должен был тебя спасти, – вдруг прошептал Айджа, вернее, попытался прошептать: голос у него по-прежнему оставался зычным.

– Где это написано? Небось в какой-нибудь инструкции по братскому поведению?

– Свою ты, конечно, не читал! – засмеялся Айджа.

Акос улыбнулся и толкнул дверь в конце коридора. Посреди кухни стоял, похрустывая пальцами, Вас Кузар.

Через неделю после того, как корабль покинул планету и лег на курс, следуя токотечению, Акос отправился в общественный спортзал. В общем-то, можно было заниматься на втором этаже каюты, но в последнее время там постоянно сидела Кайра и смотрела видео. Преимущественно о других планетах. Пару дней назад Акос случайно застукал ее стоящей на цыпочках и пытающейся подражать трепещущим движениям отирианского танца. Кайра мрачно глянула на него, и Акос больше не решался туда соваться.

Спортзал он нашел легко, ему даже не пришлось сверяться со схемой корабля, которую Кайра набросала для него на второй вечер Побывки.

Здесь было сумрачно и пусто, только в дальнем углу несколько человек занимались силовыми упражнениями. Вот и хорошо, подумал Акос. Все знали его как пленного тувенца, единственного, кому Плеть Ризека не способна повредить. К нему никто не цеплялся, вероятно, из страха перед Кайрой. Оно и к лучшему. Акос не любил, когда на него пялились. Он еще не разучился краснеть.

Однако едва он попытался сосредоточиться на наклонах вперед, как почувствовал на себе чей-то взгляд. Подняв голову, увидел Йорека Кузара, сына Сузао Кузара.

Они встречались лишь однажды, еще в особняке, когда Вас вместе с племянником заходил к Кайре. Худые руки Йорека были обнажены. Акос привычно поискал глазами знаки убийства, но не нашел ни одного. Парень перехватил взгляд Акоса и поскреб шею, оставив на ней красные отметины от ногтей.

– Чего тебе надо? – подчеркнуто недовольным тоном спросил Акос.

– Партнера для спарринга.

Йорек поднял с пола два синтетических тренировочных ножа, вроде тех, что имелись у Кайры. Акос хмыкнул. Неужели Йорек действительно полагает, что Акос все бросит и будет с ним тренироваться? С сыном того,

кто когда-то пнул Акоса сапогом в лицо?

– Мне пора, – буркнул Акос.

– Я понимаю, меня немудрено испугаться, – Йорек усмехнулся и обвел рукой свое тощее тело. – Но речь идет о простой тренировке, Кerezет.

Акос сомневался, что Йореку требуется спарринг-партнер. Впрочем, почему бы не выяснить, что этому типу надо на самом деле? Кроме того, семью не выбирают.

– Ладно, – сказал он.

Они вышли на одну из тренировочных арен. Светоотражающая краска, которой был очерчен круг, местами облупилась. В зале было жарковато из-за труб горячей воды, которые висели под потолком, и Акос быстро вспотел. Взял протянутый ему нож.

– В жизни не видел человека, который бы так боялся тренировочного боя, – съязвил Йорек.

Акос, не тратя времени на пикировку, сделал выпад, проверяя реакцию противника. Йорек шарахнулся в сторону. Проскользнув под первым ударом Йорека, Акос двинул его в спину. Йорек нырнул вперед, с трудом удержавшись на ногах, и развернулся, готовый ударить сам. Акос схватил его за локоть и потащил, опять чуть не повалив. Йорек скользнул вниз и коснулся острием ножа живота Акоса.

– Неважный результат, Кузар, – заметил Акос. – В настоящем бою на мне была бы броня.

– Я – Йорек, а не Кузар. А у тебя есть броня?

– Конечно.

Воспользовавшись тем, что противник отвлекся, Акос плашмя ударил его ножом по горлу. Йорек охнул, схватившись за шею.

– Ладно, – выдохнул он. – Будем считать, ответ на вопрос я получил.

– На какой вопрос? – Акос направился к границе круга. – Насчет брони?

– Нет. Проклятье, ну и удар у тебя! – Йорек массировал горло. – Я пришел сюда, чтобы посмотреть, чему ты выучился у Кайры. Мой отец говорит, что когда он увидел тебя впервые, ты не отличал ноги от руки.

Гнев Акоса созрел постепенно, как вода, превращающаяся в лед. Но когда это наконец происходило, противостоять ему было невозможно.

Как сейчас, например.

– Твой отец... – начал он.

Йорек его перебил:

– Да-да, отвратительный тип, я в курсе. Я бы поделился с тобой своими проблемами. Честно.

Акос крутил нож в руке, придумывая подходящий ответ и ожидая, что еще скажет Йорек. Но у Йорека, похоже, иссяк словарный запас.

Акос покосился на шотетов, которые занимались в углу зала силовыми упражнениями.

В их сторону они вроде бы не смотрели и к разговору не прислушивались.

– Я знаю, что мой отец сделал с тобой и твоей семьей, – выдавил Йорек. – Как и то, что ты убил шотетского солдата, – он кивнул на отмеченную знаками руку Акоса. – Я бы хотел тебя кое о чем попросить.

Акос слышал, что Йорек не ладил со своей семьей. Парень принадлежал к одному из знатных родов, но работал простым техником. Он и сейчас был перепачкан смазочным маслом.

– И о чем же? – поинтересовался Акос, в очередной раз подбрасывая нож.

– Чтобы ты убил моего отца, – ровным голосом произнес Йорек.

Нож упал на пол.

Воспоминание о Сузао Кузаре вплелось в память Акоса столь же прочно, как переплетаются две нити в гобелене. Этот человек занял место рядом с образом отца, лежащего в луже крови на полу гостиной. С наручниками, защелкивающимися на запястьях.

– Я не такой дурак, что бы вы там себе ни воображали о тувенцах! – рявкнул Акос, чувствуя, что заливается густой краской, и поднял с пола нож. – Неужели ты думаешь, что я сунусь в ловушку?

– Я рискую точно так же, – ответил Йорек. – Стоит тебе пошептаться с Кайрой, как обо всем станет известно Ризеку, а от него – моему папаше. Но я предпочитаю довериться твоей ненависти. А ты можешь довериться моей.

– Твоей ненависти? К собственному отцу? Но почему ты хочешь его смерти?

Йорек был на голову ниже Акоса, худосочный, как стебель ковыль-травы, и вообще слишком мелкий для своего возраста. Однако взгляд его был тверд.

– Моя мать в опасности, – признался Йорек. – А возможно, и сестра. Но я, как ты видишь, не в силах лично с ним сразиться.

– И ты решил нанять убийцу-тувенца? Что с вами не так, шотеты? – искренне удивился Акос. – Если твои родные в опасности, почему тебе не отослать их подальше? Ты ведь техник, а на посадочной площадке стоят сотни поплавков.

– Мать откажется улетать. Кроме того, пока он жив, опасность будет

сохраняться. Не хочу, чтобы мама и сестра прожили жизнь в бегах и вечном страхе. И не люблю рисковать понапрасну.

– А никто другой помочь тебе не может?

– Никто не может принудить к чему-либо Сузао Кузара, – хохотнул Йорек. – Разве что Ризек! Но угадай с трех раз, что ответит владыка шотетов на мою просьбу.

Акос потер шрамы на локте, думая о своей вынужденной жестокости.

«Какой-то он невзрачный для судьбоносного, правда?» – сказала однажды мать Осно, поглядев на Акоса.

А тот возразил: «Нет, он славный малый».

Им и в голову не могло прийти, что Акос теперь может вытворять ножом.

– Ты хочешь убить человека, – произнес Акос, пробуя идею на вкус.

– Человека, который тебя похитил.

– А я тебе должен помочь по доброте душевной? – Акос покачал головой и протянул Йореку нож рукоятью вперед. – Нет.

– Взамен я предлагаю тебе свободу, – вымолвил Йорек. – Как ты верно подметил, у нас здесь – сотни поплавков. Мне несложно будет помочь тебе заполучить один из них. Открыть дверцы. Отвлечь остальных техников.

Свобода. Йорек, кажется, не понимал, что это означает. Он говорил как человек, который имел право выбора.

А для Акоса теперь свободы не существовало. С того самого дня, когда он узнал, какова его судьба. А может, еще раньше, когда пообещал умирающему отцу вернуть Айджу домой.

– Нет, – Акос вновь покачал головой.

– Ты не хочешь вернуться домой?

– У меня здесь есть неоконченные дела. К которым мне надо сейчас же вернуться.

Йорек не собирался брать предложенный ему нож. Акос швырнул его на пол и направился к двери. Ему было жаль мать Йорека, и даже Йорека, но Акосу вполне хватало своих проблем, и знаки смерти его жизнь отнюдь не облегчали.

– А как насчет твоего брата? – крикнул ему вслед Йорек. – Того, который вдыхает, когда выдыхает Ризек?

Акос замер, стиснув зубы.

Сам виноват, подумал он, и почему я трепался о незаконченных делах?

Но толку в раскаянии было чуть.

– Я могу его вытащить, – продолжил Йорек. – И ты заберешь его домой, где ему вправят мозги.

Акос вспомнил об их неудавшемся побеге. В его голове вновь зазвучал надтреснутый голос брата, который спрашивал: «Как такое могло с нами случиться?»

Какие у Айджи были впалые щеки и пожелтевшая кожа! Айджа истаивал день за днем, сезон за сезоном. Скоро и спасать-то будет некого.

– Хорошо, – едва слышно ответил Акос, удивляясь своему шепоту.

– Хорошо? – переспросил Йорек. – Значит, ты согласен?

– Да, – выдавил Акос.

Ради Айджи он готов на все.

Пожимать по-тувенски руки, заключая сделку, они не стали. Для шотетов достаточно нескольких слов на своем языке, который они считали священным.

По мнению Акоса, стражник, вечно торчавший у входа в коридор, ведущий в каюту Кайры, был совершенно излишним. Никто на корабле не дрался лучше нее. К счастью, стражник тоже так думал и не стал проверять Акоса на наличие спрятанного оружия.

Кайра сторбилась над плитой. У ее ног в луже воды валялась кастрюля. На ладонях девушки виднелись красные отметины от ногтей, темные пятна испещряли кожу. Акос кинулся к ней, едва не поскользнувшись на мокром полу.

Взял за запястья, и полосы исчезли, как пересохшие ручейки.

Акос, конечно, ничего не почувствовал. Акос часто слышал разговоры о гуле Тока, о местах и временах, когда тот ослабевает, но для него все это было лишь далеким, смутным воспоминанием.

Кожа Кайры горела. Девушка подняла на Акоса глаза. Раньше Акос думал, что она не огорчается подобно другим людям, а просто либо сердится, либо нет. Но теперь, узнав ее лучше, он научился распознавать тоску, сочащуюся сквозь трещины в «броню».

– Думаешь о Лети? – спросил он, переплетая ее пальцы со своими.

– Кастрюлю уронила, – сразу ответила она.

Акос решил не мучить Кайру вопросами. Повинуясь внезапному порыву, он погладил ее по волосам, поправляя пряди. Они были густыми и волнистыми, ему иногда хотелось накрутить их на палец.

Малозначащий жест вызвал у него приступ вины. Он не должен поступать таким образом и поддаваться эмоциям. Нельзя с песнями маршировать навстречу своей судьбе. Его, Акоса, должны тащить волоком. Если бы любой тувенец увидел его сейчас, то счел бы предателем. Акос должен вести себя так, чтобы это не стало правдой.

Но иногда боль Кайры воспринималась им чересчур остро, и Акос не

мог противиться желанию облегчить ее – ради них обоих.

Кайра пожала его руку. Прикосновение было мягким и изучающим. Затем она оттолкнула Акоса прочь.

– Что-то ты слишком быстро вернулся, – буркнула Кайра, вытирая пол тряпкой.

Ноги Акоса промокли. Под кожей Кайры плясала паутина. Девушка морщилась от боли, но поскольку она не желала его помощи, он не стал настаивать.

– Ага, – ответил Акос. – На Йорека Кузара напоролся.

– И чего ему нужно? – Кайра потопталась по тряпке.

– Кайра...

– Что? – Она кинула мокрую тряпку в раковину.

– Как мне убить Сузао Кузара?

Кайра привычно поджала губы и задумалась. Акос занервничал: странно, что он задал такой вопрос как ни в чем не бывало. А какова будет реакция Кайры?

Вдруг Акос почувствовал себя еще более одиноким. Увидит ли он когда-нибудь свой дом?

– Убийство на арене было бы вполне законно, – сказала наконец Кайра. – Наверное, тебя бы это тоже устроило – ведь иначе тебе крышка. Но корабль уже покинул атмосферу, так что сейчас поединки запрещены. Тебе придется подождать, пока мы не вернемся. Таковы наши обычаи. Наследие нашей религии – и ничего тут не поделаешь. Однако ты не обладаешь необходимым статусом, чтобы вызвать Сузао лично, поэтому тебе остается попытаться спровоцировать его и заставить вызвать тебя на дуэль, – хмуро добавила она.

Складывалось впечатление, что Кайра уже раздумывала о чем-то подобном на досуге. Хотя Акос знал, что это не так.

В такие моменты Акос отчетливо понимал, почему люди держатся от Кайры на безопасном расстоянии. Они боялись бы ее, даже если бы у Кайры не было токодара.

– А я смогу его победить?

– Сузао – опытный воин, но и он – далеко не идеал. Ты, вероятно, сумел бы одержать победу: твое истинное преимущество в том, что он считает тебя мальчишкой.

– Ясно. – Акос кивнул. – Надо сделать так, чтобы он остался при своем мнении.

– Да.

Кайра взяла пустую кастрюлю и поставила под кран. Акос был не в

восторге от ее кулинарного искусства. Еда у Кайры почти всегда подгорала, наполняя каюту смрадом.

– Только прежде хорошенько подумай, – произнесла Кайра безапелляционным тоном. – Не хотелось бы наблюдать за тем, как ты превращаешься в мою копию.

Ее вера в собственную «кошмарность» была сродни религиозной. По крайней мере, другого сравнения Акосу в голову не приходило.

– Считаешь, я быстро скисну? – спросил Акос, подражая манере шотетского простонародья, которой нахватался в лагере.

Получилось неплохо.

Кайра скрутила волосы в хвост, стянула резинкой, которую носила на запястье, и посмотрела Акосу в глаза.

– По-моему, скиснуть может кто угодно.

Акос едва не рассмеялся, так забавно у нее это прозвучало.

– Знаешь, – наставительно сказал Акос, – состояние «скисания» или «кошмарности» – в общем, называй как хочешь – это не обязательно навсегда.

Кайра промолчала. Неужели она никогда не думала хоть о чем-то хорошем?

– Давай-ка лучше я займусь готовкой, – предложил он, забирая у Кайры многострадальную кастрюлю. – Я-то небось ничего не спалю.

– У меня еда пригорела только один раз! – возмутилась Кайра. – Или, по-твоему, я – ходячее несчастье?

Шутка – но всего лишь с долей шутки, пропитанной извечной горечью.

– Разумеется нет, – серьезно ответил Акос. – Поэтому именно ты будешь нарезать солефруты.

С кроткой задумчивостью, которая была ей совершенно несвойственна, Кайра достала из холодильника солефруты. А потом принялась кромсать их, склонившись над столом.

16. Кайра

Моя каюта находилась возле машинного отсека, поэтому путь из кабинета Ризека предстоял дальний. Брат вызывал меня, чтобы вручить маршрут Побывки. Заодно я должна была присутствовать на приеме для избранных, который Ризек устраивал перед приземлением: мне следовало помочь брату в переговорах с руководством Питы. Я согласилась, поскольку для этих дел не требовался мой токодар – лишь способность «заговаривать зубы».

Как и предсказывал тот циничный Изыскатель, которого мы с Акосом встретили еще в особняке, Ризек выбрал в качестве места Побывки именно Питу – водяную планету, известную своими развитым материаловедением и атмосфероустойчивой техникой. Это означало, что слухи о секретном питайском оружии были правдивы, и можно не сомневаться, – Айджа Керезет, зараженный воспоминаниями Ризека, их уже подтвердил. А если Айджа помог Ризеку отыскать самое мощное оружие Ассамблеи, мой брат скоро ринется в бой. Ризек развяжет вожделенную войну против тувенцев, чтобы подчинить себе Туве целиком и полностью.

Я была уже на полпути к своей каюте, но внезапно везде вырубился свет. Коридор погрузился в темноту. Гул из диспетчерской службы энергообеспечения корабля стих.

Вдруг я услышала ритмичное постукивание. Один удар, затем три и снова один. Один-три-один.

Обернулась, прижавшись спиной к стене.

Один-три-один.

Руки покрылись тенями. На полу засветились полосы аварийного освещения, в их тусклом свечении я разглядела бегущего ко мне человека. Присев, выставила вперед локоть. И зашипела, когда он ударился не в плоть, а в броню. Легко развернулась, – танцевальные движения, которые я разучивала ради удовольствия, превратились в рефлекс, – вытащила токовый нож и скрутила нападавшего, придавив его к переборке, а к горлу приставив клинок. Чужой нож упал к моим ногам.

Это оказалась женщина в одноглазой маске-балаклаве. Капюшон из плотной ткани накрывал голову незнакомки. Ростом нападавшая была мне по плечо и одета в броню из кожи Панцырника.

Почувствовав лезвие, женщина заскулила.

– Кто ты? – спросила я.

В этот момент ожил запасной интерком. Он был очень старым, полученным нами в наследство от первых Побывок, и голос звучал искаженно.

– Первое дитя рода Ноавеков падет от руки одного из детей Керезетовых, – продребезжал интерком. – Правду можно задушить, но уничтожить нельзя.

Я ждала продолжения, но треск стих, интерком замолчал, а привычный корабельный гул возобновился. Женщина негромко застонала.

– Мне следует тебя арестовать. Арестовать и отвести на допрос, – прошептала я, наклонившись к ней и не убирая лезвие ножа от ее горла. – Тебе известно, как мой брат допрашивает людей? Он пытается их с моей помощью. С помощью моего токодара, – усилием воли я толкнула тени в руку незнакомки, и женщина взвизгнула.

На миг мне показалось, что я слышу голос Лети Зетсивис и отпихнула от себя нападавшую. Наши тела подсвечивались аварийными полосами. Я сумела разглядеть единственный яркий глаз, уставившийся на меня.

Неожиданно вспыхнули лампы: одноглазая женщина кинулась прочь и исчезла за углом. Догонять ее я не стала.

Сжала кулаки, чтобы перестали трястись пальцы. Я не могла поверить в то, что сейчас натворила. Если Ризек будет в курсе, тогда мне несдобровать.

Подобрала чужой нож, хотя жалкий кусок металла ничем не напоминал холодное оружие шотетов. Зазубренное лезвие, заточенное вручную, с «рукоятью» из намотанной изоленты...

Я побрела дальше по коридору, особо не интересуясь, в правильном ли направлении я иду. Мне хотелось двигаться.

Меня не ранили, никаких следов нападения на мне не осталось.

Я надеялась на то, что полумрак не позволит службе безопасности разглядеть на видеозаписи, как я отпускаю нападавшую. Что же я наделала?

Я побежала. Мои шаги отдавались гулким эхом в пустом коридоре, однако спустя несколько секунд я врезалась в орущую толпу. Все вокруг заклокотало, вторя стуку моего сердца. Я натянула рукава пониже, чтобы ни до кого случайно не дотронуться. Возвращаться в каюту я теперь не собиралась, мне нужно было поскорее встретиться с Ризеком и убедить его, что я не имею к случившемуся никакого отношения. Отказаться мучить людей – это одно, а участвовать в перевороте – совсем другое. Нож незнакомки я сунула в карман, подальше от любопытных глаз.

Когда я добралась до отсека Ризека – он находился на

противоположном борту корабля, – меня обступили стражники и проводили до кабинета. Я постучала, сомневаясь, что брат меня впустит, но тот крикнул войти.

Ризек стоял в одиночестве, босой, отвернувшись к стене. В руке он зажал стакан с разведенным экстрактом тихоцвета. Броня лежала на кресле.

Когда Ризек обернулся, в его глазах я различила панику.

– Тебе чего? – рявкнул он.

– Я... – пробормотала я и почему-то испуганно запнулась. – Я хотела убедиться, что ты в порядке, Ризек.

– Разумеется, я в полном порядке. Вас убил двоих заговорщиков, попытавшихся проникнуть сюда. Они и пискнуть не успели.

Ризек отдернул занавеску, за которой скрывался огромный, высотой почти в его рост иллюминатор, и уставился на изумрудное токотечение. Еще немного – и Ток посинеет, указывая, что настало время раскопок и поиска, время исполнить ритуал наших предков.

– Неужто ты полагала, сестричка, что детский заговор может мне повредить?

– Когда на тебя нападают, Ризек, немудрено прийти в смятение, – я осторожно приблизилась к Ризеку, словно он был диким зверем.

– Я вовсе не в смятении! – заорал он, со стуком поставив стакан на столешницу.

Содержимое расплескалось. По белому ковру растеклись красные пятна.

Я посмотрела на брата, захваченная воспоминанием о его надежных руках, державших меня во время моей первой процессии, о том, как он с улыбкой поддразнивал меня, когда я нервничала. Не его вина, что он стал изощренным чудовищем.

Наш отец превратил Ризека в изверга. Оставив меня в покое, Лазмет Ноавек преподнес мне величайший подарок – дар, более щедрый, чем сама жизнь.

Я тоже приходила к Ризеку лишь с обвинениями, гневом, презрением, страхом. И никогда – с добротой. Отец целиком полагался на целенаправленные угрозы и пугающее молчание, мать же, с кинжальной ловкостью, пользовалась добротой. Так что пока я напоминала Лазмета, а не Илиру. Тем не менее все еще можно изменить.

– Я – твоя сестра. Тебе не обязательно от меня таиться, – мягко произнесла я.

Ризек уставился на испачканный красным манжет рубашки. Брат молчал, и я решила, что это добрый знак.

– Помнишь, как ты играл со мной в куклы? Как ты учил меня держать нож? Я норовила сжать его посильнее, и у меня немели пальцы, а ты показывал мне, как правильно.

Он нахмурился. Интересно, помнит ли он свои давние воспоминания или уже вкачал их в своего личного оракула?

А вдруг Ризеку передалась часть доброты Айджи? Полминуты – и обмен завершен...

– Мы с тобой не всегда были такими, как сейчас, – добавила я.

Ризек продолжал молчать, и меня охватила надежда, что отныне он будет смотреть на меня иначе и наши отношения изменятся. Только бы брату удалось победить свои комплексы! Ризек посмотрел мне в глаза: и мне почудилось, что я не ошиблась, я почти слышала его тихий голос...

Мы могли бы стать такими, какими прежде.

– Но ты убила нашу мать, – твердо проговорил Ризек. – Теперь мы имеем то, что имеем.

Меня словно ударили под дых. Но, признаюсь, на какую-то минуту меня дурманила надежда.

Я провела бессонную ночь, страшась того, что может устроить Ризек после нападения.

Ответ пришел утром. Пискнул сигнал новостного экрана. Вскочив с койки, я метнулась к стене и провела пальцем по сенсорной панели. На экране возникла тощая фигура Ризека. Отсветы брони бросали на его бледное лицо жутковатые блики.

– Вчера мы пережили... попытку раскола.

Его губы насмешливо изогнулись. Брат понимал, что чем меньше страха он выкажет, тем лучше будет его репутация славного шотетского правителя-воина.

– К счастью, преступники не смогли причинить нам вред и просто заглушили двигатели корабля. Но нам все же придется найти и искоренить ростки заговора, – его тон сделался зловещим. – С сегодняшнего дня мы начнем произвольно выбирать из базы данных людей, независимо от их возраста, которые будут обязаны отвечать на наши вопросы. С восьми вечера и до шести утра вводится комендантский час, касающийся всех нас и членов экипажа – кроме непосредственно занятых обслуживанием корабля. Он будет отменен только тогда, когда мы устраним проблему. Побывка откладывается до тех пор, пока я не удостоверюсь в безопасности полета.

– «Отвечать на наши вопросы» – это эвфемизм, означающий «допрос с пристрастием»? – спросил Акос у меня за спиной.

Я кивнула.

– Если кому-то известны имена тех, кто замешан в мерзкой выходке, – продолжил Ризек, – в ваших же интересах ввести нас в курс дела. Те, кого уличат в сокрытии информации или лжи в ходе дознания, будут сурово наказаны именем шотетского народа. Заверяю вас, что безопасность корабля и находящихся на нем людей – моя главнейшая забота.

Акос фыркнул.

– Если вам нечего скрывать, вам нечего и бояться, – подвел итог Ризек. – Продemonстрируем же галактике нашу мощь и единство!

Его лицо оставалось на экране еще несколько минут, после чего начались новости на отирианском, которым я владела вполне сносно. Рассказывалось о засухе на Тепесе, и шотетские субтитры в кои-то веки были правдивыми.

– «Продemonстрируем же галактике нашу мощь и единство», – повторила я себе под нос. – Вот в чем, значит, цель нынешней Побывки.

– А ты что думала?..

Я продолжала смотреть на экран. Через сорок дней Ассамблея должна была проголосовать за выдвижение дальнейших требований к оракулам на всех планетах. Шотетские субтитры гласили: «Ассамблея пытается установить жесткий контроль за оракулами, используя тиранический закон, который будет принят через сорок дней».

Перевод нельзя было назвать неточным, скорее – крайне предвзятым.

Известная шайка космических пиратов получила пятнадцать сезонов тюремного заключения. Перевод на шотетский утверждал: «Группа золданских повстанцев приговорена к пятнадцати сезонам тюрьмы за критику чрезмерных ограничений, вводимых Ассамблеей». А это уже не столь точно.

– Побывка – это признание нашей веры в Ток и того, кто им повелевает, – произнесла я. – Религиозный обряд и способ почтить предков.

– Шотеты, которых ты описываешь, не похожи на тех, кого я встречал, – заметил Акос.

– Вероятно, ты видишь только то, что хочешь увидеть.

– Думаю, это относится к нам обоим. Ты нервничаешь? Боишься, что Ризек не оставит тебя в покое?

– Возможно, и так.

– А если ты откажешься ему помогать? Что он с тобой сделает?

– Ты не понимаешь, – вздохнула я. – Люди обожали мою мать. Считали божеством, сошедшим с небес. Народ скорбел о ее смерти. Мир для них в те дни раскололся пополам, – я прикрыла глаза, припоминая ее

лицо. – Когда они узнают, что я с ней сделала, меня разорвут в клочья. Ризек способен натравить на меня шотетов, так что у меня нет выбора.

Акос нахмурился. А я опять задумалась о том, что он ощутит, если я умру. Не то чтобы мне казалось, будто Акос меня ненавидит, просто чувствовала, что при одном взгляде на меня он сразу вспоминает о своей судьбе. Ведь именно я невольно могла стать тем самым Ноавеком, из-за которого ему предстояло расстаться с жизнью.

А я не была уверена, что стою того.

– Я надеюсь, что ты избежишь самого худшего, – прошептал он, наклоняясь ко мне.

Нас разделяло лишь несколько изитов. Мы часто дотрагивались друг до друга. Во время тренировочных боев, или когда стояли у плиты и готовили себе завтрак, или когда он унимал мою боль. В общем-то я не должна была чувствовать ничего необычного, когда наши бедра соприкасались или перед моими глазами появлялись напряженные мускулы его руки.

Не должна была, однако почувствовала.

– Как поживает твой приятель Сузао? – спросила я, отстраняясь.

– Я дал Йореку снотворное, чтобы он вылил его в лекарство, которое по утрам принимает его отец.

– Йорек собирается отравить собственного отца? Занятно.

– Сузао должен свалиться за ланчем. Может, когда он очнется, то разозлится и вызовет меня на поединок.

– На твоём месте, прежде чем раскрыть себя, я бы этим не ограничилась. Он должен не только рассердиться, но и испугаться.

– Нелегко представить его испуганным.

– Каждый из нас чего-то да боится – хмыкнула я. – А те, кто злится, боятся сильнее прочих.

Токотечение постепенно меняло изумрудный оттенок на голубой, а мы еще даже не приблизились к Пите. Ризек отложил Побывку. Мы продвигались вдоль края галактики, вне юрисдикции Ассамблеи. Душное облако нетерпения накрыло всех на корабле. Я чувствовала его везде, куда бы ни пошла. Впрочем, я лишь изредка покидала свою каюту.

Ризек не мог отменить высадку и отказаться от Побывки, иначе бы остался в истории первым владыкой, пошедшим наперекор древним традициям. Я пообещала брату, что буду иногда появляться в его обществе.

И сейчас я находилась на смотровой палубе среди его ближайшего окружения. После попытки переворота миновало уже несколько дней.

Я посмотрела в иллюминатор: космос напоминал раззявленную пасть,

готовую нас поглотить. Возле меня топтался Вас с чашкой чая. На костяшках его пальцев выступила кровь.

Вас вытащил носовой платок, вытер ее и спрятал платок обратно в карман.

– Насколько мне известно, Вас, боли ты не чувствуешь, – сказала я, – но, по-моему, даже в твоём случае крайне неразумно пренебрегать заботой о теле.

Вскинув бровь, стюард отставил чашку. Прочие, с бокалами в руках, собрались на другом конце палубы, разбившись на группки. В основном они окружали Ризека, напоминая мусор, скопившийся вокруг дренажного отверстия.

Белоснежные волосы Имы сияли на фоне космического мрака. Судя по позе, женщина разволновалась.

Полы на палубе лоснились, бортов как таковых не было, на их месте находились широкие обзорные иллюминаторы.

Мне казалось, что мы вот-вот выплывем наружу.

– Мы с тобой знакомы столько лет, но ты почти ничего не знаешь о моем даре, – откликнулся Вас. – А я между прочим вынужден ставить будильник, чтобы не забывать поесть и попить! И мне приходится постоянно проверять, не сломаны ли мои кости.

Действительно, я никогда прежде не задумывалась о цене, которую Вас платит за свой токодар.

– Я не обращаю внимания на царапины и ссадины, – продолжил он. – Однако заботиться о своем теле – довольно утомительное занятие.

– Думаю, я могу тебе немного посочувствовать, – ответила я.

Уже не впервые я поразились тому, как, несмотря на все различия, мы похожи. Наши с Васом жизни вращались вокруг боли, и оба мы тратили огромные усилия на то, чтобы поддержать свой организм в равновесии.

Интересно, нет ли у нас еще чего-нибудь общего?

– А когда ты обрел свой дар? – спросила я.

– Мне было десять, – стюард привалился к переборке, провел ладонью по выбритой голове – возле ушей краснели порезы, которых Вас и впрямь не замечал. – Прежде чем поступить на службу к твоему брату, я ходил в обычную школу. Был заморышем и легкой мишенью для старшеклассников. – Вас усмехнулся. – Когда я понял, что не чувствую боли, сразу избил одного из них до полусмерти. Больше меня не задирали.

Ясно, Вас мальчишкой попал в очередную передрагу, но наконец-то дал сдачи. Его тело, вернее, мозг отреагировал на опасность молниеносно.

История Васа напоминала мою собственную.

– Ты считаешь меня тем же, кем я считаю Керезета, – произнес стюард. – Дескать, Вас – домашняя зверушка Ризека, ну а Акос – твой домашний питомец.

– А по-моему, мы все служим моему брату. Ты, я, Керезет... без разницы, – я бросила взгляд на шотетов, которые вились вокруг Ризека. – Кстати, что здесь делает Има?

– Имеешь в виду после того, как она впала в немилость – сперва по вине мужа, затем после проступка дочери? Ей, говорят, на коленях пришлось вымаливать прощение. Впрочем, злые языки всегда преувеличивают.

Я направилась к остальным. Има погладила Ризека по руке. Я ожидала, что брат шарахнется от нее – он избегал подобных вольностей, – но Ризек, к моему изумлению, отнесся к ласке весьма благосклонно.

Неужели Има могла смотреть на него после того, как он приговорил к смерти ее мужа и дочь, не говоря уже о том, чтобы прикоснуться? Има засмеялась какой-то шутке Ризека. Она прищурилась, а ее рот дернулся словно от боли.

Или от отчаяния, – мелькнула мысль у меня в голове.

В обоих случаях выражения лиц похожи.

– Кайра! – воскликнула Има.

Остальные шотеты встрепенулись. Я с трудом заставила себя взглянуть Име в глаза. Это было непросто, в особенности учитывая мой поединок с Лети.

Иногда они обе мне снились. Мертвая девушка. И ее мать, склонившаяся над трупом дочери, визжащая во все горло.

– Где же ты пропадала, Кайра? – защебетала Има. – Чем занимаешься?

На миг наши с Ризеком взгляды встретились.

– Кайра выполняет мое важное поручение, – беспечно произнес Ризек. – Караулит Керезета.

Он меня поддразнивал.

– Неужели младший Керезет столь ценен? – Има улыбнулась.

– Поживем – увидим, – ответила я. – Он ведь тувенец. И знает о наших врагах то, о чем мы даже не догадываемся.

– А я-то подумала, что ты могла оказать Ризеку неоценимую помощь во время допросов, – как будто невзначай произнесла Има. – У тебя же есть в этом деле большой опыт.

У меня ком подкатил к горлу.

– На допросах требуется хорошо подвешенный язык и тонкое чутье, – заявил Ризек. – А моя сестра не может похвастаться ни тем, ни другим.

Я почувствовала себя уязвленной, но не сумела возразить или сказать ответную колкость. Очевидно, Ризек прав насчет моего языка.

Поэтому я позволила теням расползтись под кожей, а когда Има сменила тему, подошла к иллюминатору и отвернулась от остальных.

Мы находились на отшибе галактики, где планеты – или их осколки – были слишком малообитаемыми, чтобы войти в Ассамблею. Мы называли их периферийными планетами, или попросту Окоемом. Моя мать призывала шотетов рассматривать жителей Окоема как наших потенциальных соратников в борьбе за государственность. Отец же в частных разговорах подсмеивался над этой идеей. Он утверждал, что шотеты – сильнее всего периферийного отродья вместе взятого.

Одну такую планету я как раз и заметила в иллюминаторе.

Яркая точка – прямо по курсу – конечно, не была звездой. Лента токотечения тянулась как раз к планете П1104, обвивая ее точно поясом.

– Та самая планета, которую мы ищем, – произнесла Има Зетсивис, которая встала у меня за спиной.

Я покосилась на Иму.

– Ты раньше там бывала? – Я старалась говорить небрежным тоном, хотя от ее присутствия мне стало не по себе.

Послышался раскат хохота – в ответ на какую-то фразу, сказанную Вакрезом.

– Нет, конечно, – ответила Има, сделав глоток из своего бокала. – Оба предыдущих владыки не позволяли отправляться в Побывку на Окоем. Они всегда старались сохранить в глазах Ассамблеи дистанцию между нами и жителями периферии. Если мы хотим, чтобы нас воспринимали всерьез, не стоит связываться со всяким сбродом.

Она говорила как верная лоялистка. Точнее, сторонница Ноавеков. Има прекрасно играла свою роль.

– Правильно, – согласилась я. – А допросы, насколько я могу понять, результатов не дали?

– Выявили пару пешек, но серьезные игроки ускользнули. И у нас, к сожалению, мало времени. Видишь, какой Ток?

У нас? Она так легко включает себя в ближний круг Ризека? Может, она действительно ползала перед ним на коленях, умоляя его о прощении? И даже нашла какой-нибудь способ снискать его расположение. Я поежилась.

– Да. Токотечение синеет день ото дня, – подтвердила я.

– Именно! Но твоему брату позарез требуется виновник, чтобы предъявить его публике. Продемонстрировать свою силу, прежде чем

объявить высадку. Стратегия в нашу беспокойную пору – это наиважнейшая вещь.

– И какой будет стратегия Ризека, если он никого не найдет?

– Я думала, что тебе известно. – Има одарила меня лукавой улыбкой. – Разве брат ничего тебе не объяснил? А как же твое «важное поручение»?

Вероятно, Има давно раскусила весь блеф, но я решила стоять на своем.

– Ризек мне много рассказал, – кисло сказала я. – Вот только в моей пустой башке подобные вещи не задерживаются. Утром, к примеру, я забыла выключить плиту.

– Полагаю, твоему брату не составит труда найти виновного к моменту посадки. Нужно лишь отыскать того, кто будет похож на заговорщика.

– То есть он собирается сфабриковать дело?

Я почему-то похолодела при мысли о невинном человеке, который умрет, потому что Ризеку нужен козел отпущения. Несколько месяцев или даже недель назад эта новость оставила бы меня равнодушной. Но слова Акоса, что я вовсе не обязана быть той, кто я есть сейчас, исподволь проникли мне в душу. Думаю, я сумею измениться.

Наверное, я уже изменилась, просто поверив в то, что это возможно.

Мне вспомнилась женщина в балаклаве. Стройная фигура, отточенные движения. Я бы без труда ее отыскала.

– Маленькая жертва ради сохранения власти твоего брата, – кивнула Има. – Каждому из нас иногда приходится так поступать.

– И чем пожертвовала ты? – вырвалось у меня.

Внезапно Има схватила меня за запястье и сильно его сжала. От неожиданности я отпрянула в сторону, но не смогла вырваться. Мой токодар, конечно, проник в тело Имы, и она должна взвыть и корчиться от боли, но она сохраняла спокойствие.

Има склонилась ко мне, и я почувствовала ее дыхание на своем лице.

– Отказалась от удовольствия увидеть, как ты истекаешь кровью, – прошипела она, отпустила меня и двинулась к группке шотетов, плавно покачивая бедрами.

Длинные идеально ровные волосы Имы достигали середины спины. В своем небесно-голубом платье Има напоминала колонну света.

Я потеряла запястье, на котором краснели отпечатки ее пальцев. Несомненно, скоро они превратятся в синяки.

Я отправилась в камбуз. Стоило мне распахнуть дверь, как грохот кастрюль стих. Здесь работали слуги из нашего поместья. Естественно, они не расставались со своими токодарями: посудомойка, по рукам которой

стекала пена, заставляла посуду летать по воздуху. Другая девушка нарезала овощи с закрытыми глазами, причем делала это аккуратно и уверенно.

Отега, достававшая что-то из холодильника, подняла голову. Выпрямившись, она вытерла руки о передник.

– А вот и Кайра! – воскликнула она. – Где ты – там тишина!

Кое-кто из ее подручных, слышав столь фамильярное обращение, уставился на Отегу, но я только улыбнулась. Сезон назад выяснилось, что ей больше нечему меня научить. С тех пор мы виделись редко, однако после длинного перерыва Отеге не стоило труда вернуться к нашему с ней стилю общения.

– Да, редкий дар, – ответила я. – Можно поболтать с тобой наедине?

– Приказ, завернутый в обертку просьбы, – рассмеялась Отега. – Ладно, иди за мной. Надеюсь, ты не против беседы в мусорном отсеке?

– Против? Да я всю жизнь мечтала посидеть в мусорке, – я скорчила радостную физиономию и потопала за Отегой по тесной кухне к задней дверце.

Вонь в отсеке стояла такая, что у меня защипало глаза. Кажется, она исходила от гнилых обрезков фруктов и обжаренных кусочков мяса со специями. Места тут едва хватало, и то если стоять почти вплотную. Из стены выступала тяжелая заслонка мусоросжигателя: жар от нее только усиливал зловоние.

Я старалась дышать через рот. Внезапно я подумала, что в глазах Отеги выгляжу избалованной белоручкой в новенькой маечке (одежда бывшей гувернантки была заляпана грязными брызгами). Вдобавок Отега отощала: прежде она была коренастой, но, видимо, на корабле она недоедала.

– Выкладывай, Кайра.

– Можешь оказать мне одну услугу?

– Зависит от того, какую именно.

– Ложь моему брату, если тот тебя кое о чем спросит.

– И что за беда такая приключилась, если надо лгать Ризеку? – Отега скрестила руки на груди.

Я вздохнула, извлекла из кармана нож, отнятый у женщины в маске, и показала Отеге.

– Во время попытки переворота на меня напали. Я обезоружила преступницу... и отпустила ее.

– Зачем? Ради пресвятого Тока, детка, даже твоя добрая матушка никогда бы так не поступила.

– Я не... неважно.

Я продолжала крутить нож в руке. Изолента, из которой сделали рукоять, имела выступы. Наверняка ладонь хозяйки ножа была гораздо меньше моей.

– Но я хочу ее увидеть. А по ножу ты сумеешь ее найти.

Токодар Отеги был самым загадочным из всех, какие мне встречались. Подержав в руках вещь, она могла точно сказать, кому та принадлежала. Мои родители многократно использовали ее дар. Однажды Отега разыскала человека, пытавшегося отравить моего отца.

Отега рассказывала, что иногда это совсем непросто, особенно если у предмета было несколько владельцев, но она научилась распутывать следы. Если кто и мог найти одноглазую, то только Отега.

– И ты не хочешь, чтобы твой брат узнал...

– Ты ведь понимаешь, что он с ней тогда сделает. Казнь будет самым милосердным пунктом из списка.

Отега поджала губы. Я вспомнила ее ловкие пальцы, заплетающие мне косички – под надзором мамы – накануне моей первой Побывки. Шорох окровавленных простыней, которые она стягивала с матраса, когда у меня начались месячные, а моя мать уже была мертва и не могла мне помочь.

– Ты не скажешь, зачем она тебе нужна?

– Нет.

– Хочешь отомстить?

– Ответив так или иначе на твой вопрос, я дам тебе подсказку! – Я покачала головой. – Ну, пожалуйста, Отега, сделай милость! Я – не такая жестокая, как можно подумать. До брата мне еще далеко.

– Хорошо, Кайра, – она взяла нож. – Но мне потребуется время. Приходи сюда завтра перед комендантским часом, и я отведу тебя к его владельце.

– Спасибо.

Отега заправила мне за ухо выбившуюся прядку и улыбнулась, чтобы скрыть приступ боли от прикосновения ко мне.

– Не такая уж ты и страшная, детка. Но не волнуйся, я не проболтаюсь.

17. Акос

Звезд на краю галактики было немного, и Кайре это нравилось, судя по тому, как успокаивались ее тени, когда она смотрела в иллюминатор. У Акоса же душа уходила в пятки при одном лишь взгляде на бесконечную темноту.

Корабль уже приближался к «берегу» токотечения, и угол голограммы на потолке засиял фиолетовым.

Пита не была той планетой, на которую указывал Ток. Кайра и Акос заметили это в кабинете Изыскателей: те считали наиболее перспективными направлениями Огру или П1104. Но Ризек, похоже, не слишком интересовался их мнением. Кайра объяснила, что он выбрал планету, которая могла бы стать наиболее полезным союзником.

В дверь постучали. Четыре едва слышных удара, как и было условлено. Кайра.

– Живей, а то все пропустим! – выпалила она.

– Несколько невразумительно, не находишь? – возразил Акос.

– Невразумительно? Да, пожалуй, – она улыбнулась в ответ.

Сегодня Кайра нарядилась в платье блеклого синего оттенка с короткими рукавами. Акос взял девушку за руку чуть ниже локтя. Цвет ткани ему не понравился. Пожалуй, в фиолетовом, как во время Праздника Побывки, или в темном тренировочном костюме Кайра больше походила на саму себя.

Впрочем, испортить ее внешность было сложно, и Кайра об этом знала, в чем Акос не сомневался.

В конце концов, бессмысленно отрицать очевидное.

Они быстро зашагали по лабиринту коридоров. В этой секции Акос еще не бывал. По табличкам на перекрестках он понял, что они направляются на навигационный мостик. Когда они преодолели несколько лестничных пролетов, Кайра сунула руку в узкую прорезь на стене, и тяжелые двери открылись.

Перед Акосом предстала прозрачная панель.

А за ней – космос. Звезды, планеты...

И токотечение, становящееся с каждой секундой все ярче и ярче.

На мостике располагались ряды экранов, за которыми работала дюжина шотетов в ладной униформе, похожей на броню: темно-синей, объемистой в плечах, но сшитой из мягкой ткани, а не из жесткой кожи

Панцырника.

Какой-то пожилой мужчина заметил Кайру и поклонился.

– Мисс Ноавек, а я-то начал опасаться, что на сей раз вас не увижу!

– Разве можно пропустить такое зрелище, навигатор Зиво? – воскликнула Кайра и взглянула на Акоса. – Я прихожу сюда с самого детства. Зиво, это Акос Керезет.

– Да-да, слышал о тебе пару-тройку историй, Керезет, – кивнул Зиво.

По его тону Акос понял, что историй было отнюдь не две и даже не три, и покраснел.

– Шотеты любят чесать языками, – вполголоса произнесла Кайра. – Особенно об обласканных судьбой.

– Ага, – выдавил Акос.

Значит, он обласкан судьбой? Звучало донельзя глупо.

– Можете занять свое место, мисс Ноавек, – вымолвил Зиво, махнув на прозрачную панель, которая плавно изгибалась над их головами, захватывая верхнюю обшивку корабля.

Кайра повела его к свободному участку перед экранами. Шотеты выкрикивали какие-то координаты и номера. Кайра уселась прямо на пол, сложив руки на коленях.

– Зачем мы сюда пришли?

– Скоро корабль пересечет токотечение, – ответила Кайра, широко улыбнувшись. – Ты увидишь нечто невероятное! Ризек вместе со своими последователями будет торчать на смотровой палубе, а я всегда прихожу сюда, чтобы не визжать перед его клеветами. Ты не пожалеешь об увиденном, я тебе обещаю.

С этого расстояния токотечение напоминало грозовую тучу, набухшую синим цветом, а не влагой. Никто в галактике не отрицал существование токотечения, – сложно отрицать то, что ты всегда можешь увидеть своими глазами, – однако восприятие Тока отличалось от планеты к планете и от народа к народу. Родители Акоса считали токотечение чем-то вроде загадочного духовного проводника. Шотеты же поклонялись ему: причем в некоторых сектах Ток являлся высшей силой, повелевающей смертными. Кое-кто полагал токотечение обыкновенным природным феноменом, не имеющим ничего общего с духовной практикой.

Что о Токе думала Кайра, Акос не знал.

Он собирался уже спросить ее, когда прозвучала команда: «Приготовиться!»

Шотеты схватились за поручни кресел. Яростный поток буквально врезался в прозрачную панель. Все шотеты в унисон ахнули. Акос молчал.

Каждый изит тела Кайры заполнился тенями, ее зубы неправдоподобно белели на фоне почерневшей кожи, оскал превратился в улыбку. Акос хотел взять девушку за руку, но она замотала головой.

Синева в космосе завивалась спиралями. Голубые прожилки перемежались с темно-лиловыми и ультрамариновыми. Токотечение стало широким, ярким и всеобъемлющим. Оно заключило корабль в себя, словно в длани Господа.

Кто-то протягивал к токотечению руки, кто-то стоял на коленях, одни хватались за сердце, другие – за животы, у пилота ладони посинели, как сам поток, вокруг головы какой-то женщины закружились шарики, смахивающие на фензу.

Токодары впали в безумие, выйдя из-под контроля.

Акос вспомнил о празднестве Цветения. Тувенцы не были столь экзальтированными, как шотеты, но смысл их ритуалов оказался одинаков: празднование того, что происходит лишь с ними и больше ни с кем во всей галактике и только в определенное время. А еще – благоговение открывшейся перед тобой красотой.

Прежде Акос не мог понять, почему шотеты следуют за токотечением, подчиняясь своей вере. Думал, что из чувства долга. Но увидев токотечение вблизи, он уже не мог представить себе жизнь без шанса когда-нибудь пережить это вновь.

Но Акос уже чувствовал себя обделенным. Он был тувенцем, а они – шотетами. Они нутром ощущали гул Тока, а он – нет. Может, Ток отказывался пронизывать его плоть.

Акос ощущал себя менее реальным, чем люди вокруг него.

Как будто он был мертвецом.

Но внезапно Кайра протянула ему руку. Он сжал ее ладонь, избавляя от теней, и испугался, заметив слезы в ее глазах, но отчего она плакала, от боли или восторга, сказать было трудно.

– Ты похож на тишину, – с трепетным почтением в голосе произнесла она.

Акос удивился. Что она имела в виду?

В каюте бубнил новостной канал. Наверное, Кайра оставила его включенным. Девушка отправилась в ванную. Акос собирался выключить экран, когда его внимание привлек заголовок: «Оракулы собираются на Тепесе».

Он присел на край койки Кайры.

Вдруг он увидит маму?

Иногда Акос пытался убедить себя, что мама и Сизи умерли. Это было

проще, чем знать, что они живы, но он их уже никогда не увидит, поскольку именно его судьба распорядилась таким образом. Однако ему до сих пор не удавалось поверить в эту ложь. Родные Акоса – совсем рядом, прямо за ковыльными степями.

На экране замелькали виды Тепеса – планеты, расположенной ближе всех к Солнцу. Тувенцы называли ее планетой огня. Для того чтобы передвигаться по ее поверхности, требовались специальные костюмы, вроде тех, которые нужно было надевать в Гессе в Мертвящий час, если ты не хотел превратиться в ледышку.

У Акоса такое не укладывалось в голове. Ну не мог он представить, как его тело сгорает дотла.

– Оракулы не допускают на свои собрания посторонних! Даже этот ролик, зафиксировавший посадку последних из их кораблей, снял местный ребенок, – произнес репортер по-отириански.

В основном передачи Ассамблеи транслировались на отирианском языке, который понимали практически везде. Лишь шотеты оставались в неведении.

– Наш инсайдер утверждает, что оракулы собрались для обсуждения ограничительных законов, принятых на прошлой неделе Ассамблеей. Тем самым Ассамблее остался последний шаг до требования публикации всех предсказаний оракулов.

Акос припомнил вечные жалобы матери на то, что Ассамблея пытается вмешиваться в дела предсказателей, – единственного неподвластного ей галактического института. Чиновники хотели знать ни больше, ни меньше, как жребии судьбоносных родов и будущее планет во всем его многообразии.

Может, оракулам и впрямь не повредит контроль, подумал Акос и тут же почувствовал себя предателем.

Акос плохо знал шотетский алфавит, чтобы прочесть субтитры с переводом. Разобрал только «оракулы» и «Ассамблея». Кайра однажды сказала, что «Ассамблея» по-шотетски рифмуется со словом «горечь», что вполне соответствует истине. Ведь государство шотетов все еще не желают признавать. Решения, касающиеся планеты, ее торговли, налогов или транспорта, принимались тувенцами, а их соседям шотетам оставалось полагаться на милость врагов.

Акос согласился с Кайрой. У шотетов и правда было много поводов для горя.

В ванной зажурчала вода. Кайра принимала душ.

На экране появились два корабля. Первый был явно не тувенским, –

слишком гладким, аэродинамичным и чистеньким. Зато второй мог оказаться родным, судя по системе вентиляционных отверстий, оберегающих топливные форсунки от холода, а не от тепла.

Как жабры, – мелькнуло в голове у Акоса.

Люк открылся, и из корабля ловко выпрыгнула женщина в светоотражающем костюме. За ней никто не последовал, и Акос понял, что видит на экране тувенский корабль. На каждой планете было ровно по три предсказателя. За исключением Туве. Айджа находился в плену, старшая предсказательница покончила с собой во время нападения шотетов.

Оставалась только мать Акоса.

Солнце опаляло Тепес. Казалось, что планета объята неистовым пламенем. Из-за жара воздух сильно рябил. Но когда женщина направилась к Обители, где собирались предсказатели, Акос узнал походку матери. Двери за ней закрылись, и видео закончилось.

Новости продолжились, перейдя к очередному сюжету – о голоде на одной из внешних лун.

Акос не мог понять, что чувствует. Впервые за долгое время он получил возможность хоть одним глазком взглянуть на родню. Вернее, на женщину, которая не предупредила собственную семью о том, что грядет. Да еще и покинула их накануне шотетского вторжения в их дом. Позволила погибнуть мужу, позволила нисходящей предсказательнице покончить жизнь самоубийством и дала добро на похищение собственного сына. Айджа угодил в лапы Ризека и превратился в покорного слугу с полустертой памятью.

Почему она не заняла место Айджи?

«Будьте вы прокляты, наши судьбы», – подумал Акос.

Мать просто обязана была повести себя как мать, а не как предсказательница.

Кайра распахнула дверь ванной, выпуская облако пара наружу. Волосы девушки падали на одно плечо. Она уже переоделась в тренировочный костюм.

– Ты чего? – спросила Кайра, взглянув на экран, на котором повторяли сюжет с матерью Акоса. – Ох! Это... она?

– Да, – сухо произнес он.

– Сочувствую. Но насколько я поняла, ты избегаешь ностальгии, – тихо сказала Кайра.

Ностальгия показалась ему каким-то неправильным словом. Ничего подобного Акос вообще не ощущал.

Он чувствовал себя потерянным. Растворившимся среди небытия и

чужих людей.

Он потерял надежду спасти брата и вернуться домой. Наверное, чтобы воплотить все это в реальность, ему придется убивать всяких шотетских Сузао Кузаров.

Кстати, Сузао еще должен лично вызвать его на поединок.

Но Акос не стал ничего объяснять Кайре.

– Почему ты так сказала... про ностальгию?

– Мы никогда не говорим по-тувенски, хотя ты знаешь, что я могу, – она дернула плечом. – По той же самой причине я избегаю всего, что нравилось моей матери. Иногда это помогает... двигаться вперед.

И Кайра вернулась в ванную. Склонившись к зеркалу, выдавила прыщик на подбородке, взяла полотенце и легкими похлопывающими движениями обсушила лицо.

Все было как обычно. Но теперь Акос заметил, что кое-что знает.

Он знает ее привычки – и ее саму.

И она ему нравилась.

18. Кайра

– Иди за мной, – сказала Отега, когда мы вечером встретились у камбуза.

В руке у нее был зажат нож одноглазой – вместе с какой-то белой лентой. Отега нашла нападавшую.

Набросив на голову капюшон, я последовала за Отегой. Я замаскировалась, как умела: штаны заправила в ботинки и облачилась в кофту с длинными рукавами.

Конечно, не все шотеты знали, как я выгляжу. В отличие от физиономии Ризека, моя не красовалась на каждом общественном здании, а портреты не висели в залах собраний. Однако узнать меня можно было по теням, бегающим под кожей.

Сегодня я бы с удовольствием стала человеком-невидимкой.

Мы покинули отсек Ноавеков, миновали общественные арены, бассейн, где дети учились плавать, готовясь к Побывке на водяной планете, несколько кладовок и столовую, откуда доносилась вонь пригоревшего хлеба.

Наконец Отега, которая крепко держала нож, замедлила шаг. Мы приближались к машинному отделению.

Здесь было так шумно, если бы мы захотели поговорить, нам пришлось бы орать во все горло. Невыносимо смердело топливом. Отега повела меня дальше, к жилому отсеку технического персонала, расположенному неподалеку от погрузочного дока.

Вскоре мы очутились в длинном, узком коридоре, по обеим сторонам которого через каждые несколько футов располагались двери, помеченные именами. Некоторые были украшены гирляндами фензу, другие – лампадками с разноцветными горюч-камнями. А еще – картинками, нарисованными на листах с чертежами, или плохонькими фотографиями родных и друзей. Мне померещилось, что я попала в иной мир, совершенно не похожий на тот, к которому я привыкла и считала шотетским. Я пожалела, что рядом нет Акоса. Ему бы здесь понравилось.

Отега замерла у скудно украшенной двери в конце коридора. Над табличкой «Сурукта» металлической кнопкой был приколот пучок сухой ковыль-травы и несколько страниц какой-то инструкции, написанной вроде бы на питайском.

Наверняка контрабанда! Владение документами на иных языках было

разрешено только с целью их официального перевода на шотетский. Но мне почему-то подумалось, что тут никому нет дела до этих запретов.

Те, кто Ризеку безразличен, – свободны.

– Она живет в этой каюте, – произнесла Отега и постучала в дверь рукоятью ножа. – Утром я за ней проследила, но сейчас ее дома нет.

– Значит, я подожду. Спасибо за помощь, Отега.

– Рада была тебе помочь. Совсем редко мы стали с тобой видеться.

– Приходи меня навестить.

– Нет, – покачала она головой. – Пропасть, разделяющая наши миры, слишком широка, – она отдала мне нож. – Будь осторожна, Кайра.

Я улыбнулась, а Отега побрела прочь.

Когда она скрылась за углом, я попыталась открыть дверь. Та оказалась незапертой.

Вероятно, хозяйка вышла ненадолго.

Я скользнула в крошечную каюту и стала озираться по сторонам. В одном углу – раковина, напротив – высокая полка для спанья. Под полкой – перевернутый ящик, заваленный проводками, переключателями и отвертками. К стене была приклеена магнитная полоса, на которой висели микроскопические инструменты непонятного назначения. Рядом – фотография.

Я наклонилась, чтобы рассмотреть ее получше. Девочка обнимала женщину с длинными светлыми, почти серебряными волосами. Рядом стоял мальчик, скорчивший рожицу, высунув кончик языка. На заднем плане находилась группа людей, в основном – светловолосых. К сожалению, фотография получилась смазанной, и я не сумела разглядеть детали.

Сурукта, Сурукта... Имя показалось мне знакомым – или я себя обманывала?

За спиной стукнула дверь.

Вошедшая была невысокой и худенькой, какой я ее и запомнила. В мешковатом, расстегнутом до пояса комбинезоне, под которым виднелась майка. Густые светлые волосы были собраны в тугий хвост, на одном глазу темнела повязка.

– Что за...

Ее пальцы поползли к заднему карману, где наверняка лежал какой-то инструмент. Рука двигалась нарочито медленно, чтобы я не заметила.

– Доставай свою отвертку или что там у тебя! – рявкнула я. – Буду рада преподать тебе урок во второй раз.

Черная повязка на глазу прилегала плохо, думаю, была великовата.

Единственный глаз сиял яркой голубизной и словно впивался в мое лицо.

– Это не отвертка, а гаечный ключ, – ответила девушка. – Что делает Кайра Ноавек в моем скромном жилище?

Никогда прежде я не слышала, чтобы мое имя произносили настолько язвительно. Это говорило о многом. Девушка столь талантливо изобразила замешательство, что, вероятно, ей удалось бы меня обмануть, если бы я не была совершенно точно уверена, кто стоит передо мной.

Что бы там ни думал Ризек, чутье у меня имелось.

– Как твое имя? – спросила я.

– Ты вломилась в каюту, не зная, кто в ней живет? – Она переступила порог тесного помещения и захлопнула за собой дверь.

Девушка оказалась на голову ниже меня, но страха в ней не чувствовалось. Я не сомневалась, что передо мной – отличный боец, потому-то заговорщики и послали ее по мою душу в ту ночь. Рассчитывали, что она меня убьет? Какая, впрочем, теперь разница!

– Скажи, как тебя зовут, и мы сэкономим время.

– Тека Сурукта.

– Что ж, Тека Сурукта, – я положила ее самодельный ножик на край раковины. – По-моему, это принадлежит тебе. Вот, пришла вернуть.

– Я... я не понимаю, о чем ты.

– Думаешь, что если я не сдала тебя тогда, то и сейчас пощажу? – Я попыталась встать и принять непринужденную позу, но у меня, похоже, ничего не получилось.

Родители учили меня держать спину прямо, колени вместе, а руки, если не требовалось что-то ими делать, – сцепленными в замок. Если ты – Ноавек, тебе не светят случайные дружеские встречи. В общем, я почувствовала себя неловко.

Зато Тека не выглядела смущенной. Тем не менее я решила перейти в наступление.

– А тебе могло бы повезти еще больше, если бы в ту ночь ты взяла с собой один из твоих инструментов вместо этой железяки. Они же острые как иголки, да? – и я показала на магнитную полосу с инвентарем.

– Они слишком ценные, – ответила Тека. – А чего тебе здесь надо?

– Зависит от того, кем вы являетесь – ты и твоя шайка заговорщиков.

Тека молчала. Я слышала лишь звуки капающей воды и сипение труб. А воняло в каюте плесенью и сыростью, прямо как в могиле.

– Если в ближайшие часы допросы не дадут результата, мой брат казнит первых попавшихся людей. Вероятно, невинных. Но Ризеку на это плевать.

– Странно, что тебе не плевать, – произнесла Тека. – Я всегда считала тебя эдакой садисткой.

Я почувствовала резкую боль. По щеке к виску пробежала тень. Мне едва удалось подавить судорогу.

– Полагаю, вы догадывались о возможных последствиях ваших действий, когда шли на дело, в чем бы оно ни заключалось, – сурово продолжила я. – Однако те, на кого свалит вашу вину мой брат, не рассчитывали на подобный расклад. Люди умрут, Тека, и знаешь почему? Потому что вам приспичило подразнить Ризека Ноавека.

– Подразнить? – воскликнула Тека. – Так-то ты называешь констатацию истины и расшатывание диктатуры твоего брата? Демонстрацию того, что контроль над двигателями корабля – в наших руках?

– Не придирайся к словам, – буркнула я.

Тени переползли на плечо и заплясали на мой шее. Тека немного напряглась. Я поморщилась.

– Если вам небезразлична жизнь невинных, советую назвать мне имена, – добавила я. – А если безразлична, пусть Ризек сам выбирает виноватых. Решать вам, ясно?

Тека отвернулась и уткнулась лбом в дверь.

– Ну и дерьмо, – пробормотала она.

Пять минут спустя я шла за Текой Суруктой по техническому туннелю к погрузочному доку, подпрыгивая от каждого шороха или стука. В данной части корабля это означало, что передвигалась я вприпрыжку. Хотя отсек находился далеко от жилой зоны корабля, здесь было чересчур шумно.

Наконец мы добрались до металлического помоста, на котором могли разминуться разве что два худощавых человека, да и то втянув животы. Внизу всякая машинерия, водяные цистерны, печи и ток-двигатели, поддерживающие корабль в движении и жилом состоянии. Если я здесь заблужусь, то есть вероятность, что я никогда не найду выход.

– Если ты планируешь заманить меня подальше и прикончить, тебе придется попотеть.

– Сначала я бы хотела понять, что у тебя на уме, – ответила Тека. – Ты не такая, какой я тебя представляла.

– А бывает иначе? – мрачно усмехнулась я. – Спрашивать о том, каким образом вы обесточили корабль, бесполезно, да?

– Отчего же. У нас с этим не возникло никаких проблем.

Тека остановилась, прикоснулась ладонью к стене и закрыла свой единственный глаз. Лампочки, затянутые в металлические сетки, моргнули.

Один раз, затем – три.

Тот же самый ритм, который я слышала перед нападением.

– Я могу вмешиваться в функционирование всего, что работает на Токе, – пояснила она. – Поэтому я и стала техником. Жаль, что трюк со светом может сработать только на корабле. В Воа для освещения используют фензу или горюч-камни.

– Тебе нравится жить на корабле?

– В принципе, да. Но иногда от каюты размером с чулан меня мутит.

Мы приблизились к решетчатой площадке над одним из кислородных конвертеров, которые оказались гораздо выше и шире меня. Конвертеры вытягивали через вентиляционные отверстия выдыхаемый нами углекислый газ и превращали в «нормальный» воздух, но сам процесс был выше моего понимания.

Во время прошлой Побывки я попыталась почитать что-нибудь о конвертерах, но книги оказались слишком специализированными.

Вещей, мне недоступных, было немало.

– Не шевелись, – приказала Тека. – Мне нужно кое с кем повидаться.

– Куда ты? – спросила я, но одноглазая уже скрылась.

Я топталась на решетке, а по моей спине уже стекали капельки пота. Я слышала шаги Теки, но из-за эха не могла разобрать, откуда идет звук. Вдруг она вернется с шайкой заговорщиков, которые меня и прикончат? Или Тека передумала меня убивать? Я ввязалась в авантюру очертя голову, даже не подумав о собственной безопасности – но мне просто не хотелось видеть казнь ни в чем не повинных людей, когда настоящие преступники попрятались по щелям.

Вскоре я услышала шарканье подошв по металлическим ступеням и обернулась. Я увидела высокую худую женщину. Седые волосы сияли, словно борт транспортного поплавка. Я узнала в ней женщину с фотографии Теки.

– Здравствуйте, мисс Ноавек, – произнесла она. – Меня зовут Зосита Сурукта.

Зосита была, как и ее дочь, одета в рабочий комбинезон, разве что штаны закатаны на лодыжках. Лоб прорезали глубокие морщины. Что-то в облике Зоситы напомнило мне мою мать – такая же гордая, элегантная и опасная.

Думаю, поэтому Зосите и удалось меня смутить.

Тени под моей кожей начали извиваться в такт учатившимся пульсу и дыханию.

– А мы раньше не встречались? – спросила я. – Ваше имя кажется мне

знакомым.

– Не уверена, что мне бы позволили общаться с Кайрой Ноавек, – Зосита по-птичьи склонила голову.

Я ей не поверила. Что-то странное сквозило в ее улыбке.

– Тека рассказала вам обо всем?

– Да. Хотя она не подозревает, как именно я поступлю. Я, пожалуй, сдамся.

– Когда я предлагала этот вариант Теке, – я сглотнула, – то не думала, что в деле будет замешана ее родная мать...

– Мы готовы нести ответственность за свои действия, – произнесла Зосита. – Я возьму на себя вину за беспорядки. Это будет правдоподобно, ведь я – диссидентка. Я преподавала отирианский шотетским детям.

Я знала, что некоторые старики-шотеты могли изъясняться на других языках, поскольку изучали их еще до введения запрета. Отец и Ризек были здесь совершенно бессильны: нельзя же заставить человека забыть однажды выученное.

Я слышала, что кое-кто из шотетов до сих пор продолжал тайком учить чужим языкам своих детей. Обычно таких людей наказывали, и они становились изгоями.

Никогда не думала, что встречу кого-то из диссидентов на побывочном корабле.

– И, разумеется, именно мой голос вы слышали в ту ночь по интеркому, – Зосита опять склонила голову, на сей раз – в другую сторону.

– Вам... – я запнулась. – Вы понимаете, что Ризек вас казнит? Публично.

– Догадываюсь, мисс Ноавек.

– Понятно, – я поморщилась от боли. – А вы допрос вынесете?

– Допрос? Я полагала, что вопросы будут лишними, раз я сдамся добровольно.

– Ризек беспокоится из-за колоний диссидентов. Ризек захочет вытянуть из вас всю информацию прежде, чем... – слово «казнь» застряло у меня в глотке.

– Прежде, чем казнит меня, – закончила Зосита. – Мисс Ноавек, что с вами? Вы сильно нервничаете? Отдышитесь. Неужели вы столь мягкосердечны? – Ее взгляд застыл на моей левой руке, прикрытой наручами.

– Нет! – рывкнула я.

– Я вовсе не хотела вас оскорбить, – спокойно произнесла Зосита. – Мягкие сердца делают вселенную пригодной для жизни.

Ни с того ни с сего я вспомнила Акоса, машинально пробормотавшего извинение на тувенском, протискиваясь мимо меня к холодильнику. Я крутила его слова то так, то эдак, как навязчивую мелодию, которая норовила застрять в голове.

– Мне известно, что значит, потерять мать, – сказала я. – Никому этого не пожелаешь, даже малознакомой мятежнице.

Зосита тихонько рассмеялась.

– Что еще? – буркнула я.

– Я праздновала смерть вашей матери, – проговорила она, и я похолодела. – И вашего отца – тоже. Я бы отпраздновала и смерть вашего брата. Да и вашу, – она провела ладонью по металлическим перилам, стирая отпечатки пальцев ее дочери, которые та оставила несколько минут назад. – Поразительно, что и наши заклятые враги любят своих родных!

Вы не знали мою мать! – хотела крикнуть я. Однако какое значение имело мнение бунтовщицы?

Образ Зоситы уже наполовину померк в моей памяти, посерел, точно превратился в ее тень. Женщина шла навстречу собственной гибели. Ради чего? Ради меткого удара по Ризеку? Двое заговорщиков умерли во время мятежа, сраженные Васом.

Зачем Зосите зря рисковать?

– А оно того стоит? – спросила я. – Надо ли терять жизнь ради такого?

Зосита усмехнулась:

– После моего бегства из страны ваш брат захватил моих близких. Я собиралась, как только обоснуюсь на новом месте, забрать детей, но он добрался до них первым. Старшего сына убил, дочери выколол глаз за преступление, которого она не совершала, – женщина опять усмехнулась. – А вас ничего не удивляет, Кайра. Без сомнения, вы видели, как он, а до него – ваш отец совершали куда более страшные вещи. Да, оно того стоит. И те двое, сраженные стюардом вашего брата, погибли не напрасно. Боюсь, вам не понять.

Какое-то время мы стояли молча. Тишину нарушали лишь чьи-то далекие шаги и сипение труб. Я чувствовала себя запутавшейся и уставшей. Я уже не смогла скрывать боль и постоянно морщилась от темной паутины токодара.

– Что же касается допросов... Да, я сумею их выдержать, – добавила Зосита. – Но сможете ли вы соврать, мисс Ноавек? – задумчиво проговорила она. – Наверное, я задала глупый вопрос. Захотите ли вы соврать?

Я замаялась. С каких это пор я превратилась в помощницу

диссидентов? Зосита только что заявила, что отпраздновала бы мою гибель. Ризек, по крайней мере, не желает мне смерти, а что со мной будет, если мятежники свергнут моего брата?

Почему-то мои соображения показались вдруг неважными.

– «Моя ложь прочна, как скала, а правда – лишь сон», – ответила я цитатой из стихотворения, которое когда-то разучивала с Отегой:

Я – шотет.

Я – острее осколка стекла и хрупок, как он.

Моя ложь прочна, как скала, а правда – лишь сон.

Мне все на свете открыто, но очи зашиты...

– Так пойдем и солжем, – заключила Зосита.

19. Акос

Акос склонился над тиглем, установленным на горелке, и вдохнул желтоватые пары. Перед глазами все поплыло, голова тяжело опустилась на стол.

Спустя секунду Акос пришел в себя.

Довольно сильное, подумал он. Годится.

Акос попросил у Кайры листья сендеса, чтобы зелье получилось покрепче и подействовало быстрее.

Накануне Акос проверил его на себе. После одного-единственного глотка он отключился так быстро, что книга вывалилась из рук.

Акос потушил горелку и оставил снадобье остывать. В дверь постучали, он вздрогнул. Поглядел на часы. На планете он всегда знал время суток: если темно – значит, пришел Мертвящий час, если светло – Зоревой, быстрая смена дня и ночи была похожа на движение век. Но в космосе не было ни закатов, ни рассветов, поэтому Акос постоянно сверялся с часами.

Сейчас, кажется, было пять вечера. Час встречи с Йореком.

В коридоре маячил стражник с недовольной физиономией. Из-за его плеча выглядывал Йорек.

– Керезет, этот тип утверждает, что пришел к тебе.

– Верно, – кивнул Акос.

– Неужели ты имеешь право приглашать гостей? – хмыкнул стражник. – Он ведь из другой секции, да?

– Мое имя – Йорек Кузар, – заявил Йорек, упирая на фамилию. – Давай, проваливай.

Стражник скептически оглядел комбинезон механика.

– Будь с ним поласковее, Кузар, – обронил Акос. – У парня – самая скучная работенка на свете. Он охраняет Кайру Ноавек.

Каюта пропиталась запахом прелой листвы. Акос окунул кончик пальца в тигель и попробовал отвар. Он еще не остыл, но его уже можно было перелить в пузырек. Акос поспешно вытер руку о штаны. Не хотелось, чтобы зелье впиталось в кожу. Поискал в шкафу чистый флакон. Йорек стоял в дверном проеме. Наблюдал за Акосом, привычным жестом потирая шею.

– Чего уставился? – буркнул Акос, доставая пипетку и опуская ее в зелье.

– Ничего. Не так представлял я себе каюту Кайры Ноавек.

Акос фыркнул, переливая желтый отвар в пузырек.

Не так он себе представлял, видите ли! Но и Акос вообще-то тоже.

– То есть вы действительно не спите вместе? – продолжил Йорек.

– Нет, конечно, – Акос скривился и покраснел. – С чего бы?..

– Люди вечно болтают. – Йорек пожал плечами. – Вы ведь живете в одной каюте. Здесь тесно, и вы, наверное, часто дотрагиваетесь друг до друга.

– Я помогаю ей избавляться от боли.

– Угу, а твоя судьба – умереть за Ноавеков.

– Спасибо за напоминание. Я чуть было не забыл, – процедил Акос. – А тебе, кстати, нужна моя помощь или нет?

– Извини, – Йорек откашлялся. – Наш план не изменился?

Один раз они уже это проделали. Йорек подлил Сузао снотворное, и тот свалился прямо за завтраком. Теперь Сузао рвал и метал, пытаясь разыскать того, кто его опоил, опозорив на глазах у шотетов.

Акос рассчитывал, что они быстро доведут Сузао до белого каления: он окончательно рассвирепеет и итоге вызовет Акоса на поединок. Чем-чем, а рассудительностью Сузао не отличался. Однако Акос не хотел рисковать и попросил Йорека снова подлить отцу снотворное, просто на всякий случай. Надеялся, что Сузао придет в ярость. А после возвращения из Побывки Акос признается, что за всем этим стоял он – и сразится с Сузао на арене.

– Влей зелье в его лекарство за два дня до высадки, – сказал Акос. – И оставь дверь в каюту приоткрытой, чтобы все выглядело так, будто туда кто-то проник. Иначе подозрения падут на тебя.

– Хорошо, – Йорек взял пузырек, проверил пальцем пробку. – А потом...

– Все под контролем. После Побывки я заявлю, что пытался его отравить, он меня вызовет, и я... В общем, все будет кончено. Дуэли уже будут разрешены. Лады?

– Лады, – Йорек закусил губу. – То есть хорошо.

– Как обстоят дела с матерью?

– Она... – Йорек отвел взгляд, уставившись на разобранную постель Кайры и гирлянду горюч-камней над кроватью. – Думаю, она справится.

– Вот и славно. А теперь тебе лучше идти.

Йорек спрятал пузырек в карман, – Акосу показалось, что он сделал это помимо воли. Йорек рассеянно провел пальцем по столу. И, разумеется, во что-нибудь вляпался, поскольку ни Кайра, ни Акос не были чистюлями.

Когда Йорек распахнул дверь, в коридоре стояли Айджа и Вас.

Отросшие волосы Айджи были связаны в хвост, лицо сделалось костлявым и постаревшим, как будто разница в возрасте между братьями составляла не два сезона, а целых десять. При виде брата Акос почувствовал желание схватить Айджу в охапку и бежать. Глупо, конечно, учитывая, что они находились на огромном корабле, но он ничего не мог с собой поделать.

В плену ему много чего хотелось, часто – абсолютно недоступного.

– Йорек? Не ожидал наткнуться на тебя. Что ты здесь делаешь? – поинтересовался Вас.

– Мы с Акосом вместе тренируемся, – как ни в чем не бывало ответил Йорек. – Я заглянул к нему, чтобы спросить, не собирается ли он сегодня позаниматься в спортзале.

Йорек был отличным лжецом. Другим в такой семье – и в таком окружении – не вырастешь, решил Акос.

– Спарринг с Керезетом? – Вас хохотнул.

– У каждого свое хобби, – произнес Акос безразличным тоном. – Может, перенесем на завтра, Йорек. Сейчас я готовлю снадобье.

Йорек махнул ему рукой и выскользнул в коридор.

Акос подождал, пока Йорек не скроется за углом и повернулся к Айдже с Васом.

– А мать тебя и травничеству научила? – осведомился Айджа, кивнув на желтый пар, до сих пор поднимающийся над горелкой.

– Ага, – Акос густо покраснел и задрожал, почему-то испугавшись собственного брата. – Мама, – сказал он с нажимом, – меня многому научила.

Никогда прежде Айджа не употреблял слово «мать». Оно годилось разве что для хулиганья из Шиссы и шотетов, но не для ребенка из Гессы.

– Как мило с ее стороны. Она прекрасно подготовила тебя... к будущему. Жаль, у меня до нее руки не дошли, – добавил он с интонациями Ризека.

Айджа шагнул в каюту, провел ладонью по по-солдатски аккуратно заправленной койке, по ровным стопкам книг. Как будто пометил их несмываемой краской. Вытащил клинок из ножен на боку и начал крутить его на ладони, время от времени останавливая большим пальцем.

Пожалуй, Акос окончательно бы разнервничался, если бы не видел раньше, что точно так же играл с ножом Ризек.

– И она полагала, что вот такое будущее как раз никогда и не наступит, – вырвалось у Акоса, которого тяготило молчание.

– Ошибаешься. Я знаю, что она страшно беспокоилась.

Акос обомлел. Но ведь раньше Айджа никогда не рассказывал Акосу о своих видениях, да и когда бы он мог это сделать?

Акос плохо представлял себе весь этот процесс: грядущее, вторгающееся в настоящее, многообразие вариантов, от которого кружится голова.

Разве можно спокойно смотреть на своих родных и гадать, сбудутся ли твои жуткие видения или нет?

Почему нельзя даже намекнуть на то, что с ними произойдет?

Но Айджу, похоже, такие тонкости не волновали.

– Давай вернемся домой и спросим у нее, – пробормотал Акос.

– А мне и здесь неплохо, – усмехнулся Айджа. – Да и тебе тоже, судя по... твоим апартаментам.

– Ты сейчас говоришь... совсем как он. Сам-то не замечаешь? Ты прямо как Ризек Ноавек, человек, убивший папу. Ты можешь, если хочешь, ненавидеть нашу маму, но папа-то тут при чем?

Глаза Айджи затуманились. Они не стали пустыми, но их взгляд был рассеянным и далеким.

– Я не... Он вечно работал. Его никогда не было дома.

– Он все свое время проводил дома! – выкрикнул Акос, точно сплюнул. – Готовил нам еду, проверял уроки, рассказывал сказки. Ты не помнишь?

Но Акос уже знал ответ. Видел его в безразличных глазах Айджи.

Кто бы мог сомневаться! Ризек сперва украл воспоминания Айджи об отце, заменив их собственными кошмарами о Лазмете Ноавеке.

Акос сграбастал Айджу за рубашу и притиснул к стене, свалив ряд пузырьков. Айджа показался ему маленьким и таким легким, что при желании Акос без труда поднял бы его на руки. Именно это, а вовсе не изумление на лице брата, заставило Акоса отпустить Айджу так же внезапно, как и наброситься.

И когда я успел повзрослеть? – подумал Акос, уставившись на свои ладони.

Длинные, совсем отцовские пальцы, только гораздо толще. В самый раз раздавать тумаки.

– Она научила тебя своей жестокости, – произнес Айджа, одергивая рубашку. – Или ты считаешь, что если я что-то забыл, ты сумеешь вытрясти это из меня?

– А я бы попробовал, – Акос попятился. – Я бы сделал что угодно, лишь бы ты вспомнил папу.

Отвернувшись, он потер шею, точь-в-точь как Йорек. Не мог больше видеть ни Айджу, ни Васа.

– Зачем вы сюда пришли? Что вам от меня нужно?

– У нас есть веские причины, – ответил Айджа. – Во-первых, мне требуется особая настойка тихоцвета, способствующая четкости мышления. Хочу прояснить некоторые свои видения. Ты сможешь ее приготовить.

– Значит, Ризек еще не отнял у тебя токодар?

– Его вполне удовлетворяет моя работа.

– Ты глупец, если надеешься, что он будет доверяться тебе настолько, что не высосет из тебя всю силу, – глухо произнес Акос и облокотился о стол, чувствуя, что ноги у него сделались ватными. – Что же до настойки тихоцвета... Я скорее умру, чем дам тебе то, что Ризек Ноавек сможет использовать в войне с тувенцами.

– Надо же, сколько пафоса, – фыркнул Вас.

Подняв взгляд, Акос увидел, как стюард постукивает пальцем по острию ножа. Он почти забыл о его существовании, тогда как Вас никуда не пропадал и слушал их перепалку очень внимательно. При звуках его голоса сердце Акоса заколотилось о ребра. Он до сих пор не мог изгнать из головы воспоминание о крови отца на штанах Васа, который вторгся в их дом.

Вас направился к горелке и вдохнул желтый пар, который уже начал рассеиваться. Помешал в тигле ножом и внезапно легонько ткнул острием в горло Акосу.

Тот замер, сердце дало сбой. Лезвие было холодным как лед.

– Моего кузена недавно пытались отравить, – вымолвил Вас.

– Я не нанимался караулить твоих братьев, – ответил Акос.

– А я могу поспорить, что ты кое-кого караулишь. Его зовут Сузао Кузар. Он был с нами, когда твой отец испустил свой последний вздох.

Акос покосился на Айджу, не понимая, на что надеется. На то, что брат кинется на его защиту? Как-то отреагирует на речи Васа, рассуждающего о смерти их отца, словно о пустяке?

– Кайра мучается от бессонницы, – Акос упер руки в бока. – Ей требуется сильное снотворное, которое я для нее варю.

Острие уперлось в шрам, оставленный Ризеком.

– Вас, – произнес Айджа натянутым тоном.

Неужто нервничает? – мелькнула мысль, но надежда тотчас угасла.

– Вас, ты не можешь его убить. Ризек не отдавал такого приказа. Прекрати.

Стюард зарычал, но нож убрал. Акос немного расслабился.

– У вас, шотетов, сегодня праздник какой-то, что ли – когда принято являться к тем, кого ненавидишь, и досаждают им? – Акос вытер пот, струившийся по шее. – Если так, то учти, я ничего не праздную. Оставь меня в покое.

– Ты нужен на допросе явившейся с повинной заговорщицы, – сказал Вас. – Вы оба нужны – и ты, и Кайра.

– А я вам зачем? – спросил Акос.

– Тебя здесь держат, чтобы ты облегчал страдания Кайры. – Вас склонил голову набок и мерзко ухмыльнулся. – Полагаю, этим ты и займешься.

– Хорошо. Надеюсь, так оно и будет.

Вас убрал клинок в ножны. Вероятно, он уже сообразил, что ему не придется тащить Акоса силком.

К тому же они находились на корабле, в глубоком космосе.

Акос обулся и последовал за стюардом, Айджа двинулся за ними. Снадобье подождет. Стоило отвару остыть, как он становился «стабильным». Мама любила говорить, что «своенравно» только кипящее зелье.

Шотеты в коридорах расступались перед Васом, избегая смотреть ему в глаза. Зато с любопытством таращились на Акоса. Будто у него на лбу красовалась печать «тувенец».

Акоса выдавала привычка жевать лепестки тихоцветов, вечно лежавших в его карманах, скользящая походка и манера ставить ногу на пятку, точно он шел по льду. А еще – обыкновение застегиваться на все пуговицы.

Поступь Айджи оказалась тяжелой, как у шотета. Ворот рубашки был расстегнут.

В этом отсеке корабля Акос еще не бывал. Металлические полы сменились паркетом, как будто он вновь перенесся в особняк Ноавеков, где под потолком мерцали светлячки фензу.

Их шаги эхом разносились по коридору. Вас подвел Акоса к высокой двери, солдаты-охранники расступились.

В комнате царил полумрак – такой же, как в Оружейной, где Ризек и похитил у Акоса его брата Айджу. Блестел натертый паркет, противоположная стена представляла собой прозрачную панель, за которой теперь виднелся лишь блеклый завиток токотечения, – корабль развернулся.

Ризек созерцал космос, заложив руки за спину. К стулу позади него была привязана женщина. Рядом находилась Кайра. На Акоса она даже не

взглянула, что уже настораживало. Дверь с грохотом захлопнулась.

– Объясни-ка мне, Кайра, как ты вышла на предательницу? – спросил Ризек, развернувшись.

– По голосу. В ту ночь она говорила по запасному интеркому. Думаю, я и раньше ее слышала. Может быть, в погрузочном доке или где-то еще... В общем, я не сомневалась, что узнаю его обладательницу. Я ходила и слушала. В конце концов я ее обнаружила.

– И ничего мне не рассказала? – Ризек нахмурился и посмотрел на связанную женщину. – Почему?

– Ты бы поднял меня на смех... Дескать, я опять фантазирую.

– Да, ты права. Но...

В голосе Ризека не чувствовалось ликования. Шотет не походил на человека, только что заполучившего желаемое, наоборот – Ризек был нарочито немногословен.

– Айджа, этот случай меняет будущее, которое мы обсуждали?

Акос вздрогнул, услышав имя брата из уст врага. Айджа зажмурился. Его ноздри раздулись, совсем как у матери, когда она сосредоточивалась на своем даре. Брат либо подражал ей, либо предсказателям и впрямь требуется глубоко дышать. Акос безотчетно потянулся к брату, но наткнулся на твердую как железо руку Васа.

– Айджа! – позвал Акос, понимая, что это бесполезно, но он должен был хотя бы попытаться. – Айджа, не надо!

– Будущее не изменилось, – произнес Айджа.

– Благодарю, – Ризек склонился над заговорщицей. – Где же ты была, Зосита Сурукта?

– В бегах, – ответила та. – Колонию я так и не нашла.

Ризек поднял глаза на Кайру, проследив взглядом за тенями, пятнавшими ее кожу.

Кайра сгорбилась, схватившись за голову.

– Кайра! – Ризек показал на Зоситу. – Давай-ка выясним, не врет ли она.

– Нет, – прошептала Кайра. – Мы об этом уже говорили. Не буду, не могу...

– Не можешь? – Ризек приблизился к сестре, почти уткнувшись ей в лицо носом. – Она опорочила твой род, ослабила наши позиции, сплотила вокруг себя мятежников, а ты, значит, не можешь? Я – твой брат. Я – владыка шотетов. Ты будешь мне подчиняться, ясно тебе?

Смугло-золотистую кожу словно залило чернилами. Тени расплзлись, как новая нервная или кровеносная система. Кайра сдавленно вскрикнула.

Акос поперхнулся, но сдвинуться с места не мог: путь ему преградил Вас.

– Нет! – воскликнула Кайра и кинулась на Ризека, скрючив пальцы.

Тот попытался ее оттолкнуть, но она была слишком быстра и сильна. Тени сгустились и забурили под ее кожей, закручиваясь кольцами.

Ризек завизжал и рухнул на колени. Вас, подскочив, оттащил Кайру и отбросил от Ризека.

– Выколи мне глаза, отруби пальцы, делай со мной что хочешь, но я не буду! – прошипела Кайра, гневно глядя на брата.

Какое-то время Ризек смотрел на сестру, сжавшуюся от разрывающей тело боли. Затем щелкнул пальцами, подзывая Акоса. Тот почувствовал, что сопротивляться бесполезно. Так или иначе, но Ризек всегда получал то, чего ему хотелось. Теперь Акос понимал, почему Кайра столько сезонов подчинялась приказам брата. Наступал момент, когда начинало казаться, что сопротивление – пустая трата времени.

– Чего-то подобного я и ожидал, – произнес Ризек. – Вас, будь добр, держи покрепче мою сестру.

Вас схватил Кайру за руки и рывком поднял. Расширившимися от ужаса глазами она посмотрела на Акоса.

– Возможно, ненадолго я поверил в то, что твоя взяла, – продолжил Ризек. – Однако я всегда следил за тобой, сестренка.

Ризек направился к переборке и провел рукой по панели. Та отъехала в сторону, открывая стенд с оружием вроде того, что было в особняке Ноавеков: только экземпляров там оказалось чуть-чуть поменьше.

«Наверное, здесь хранится его любимое», – подумал Акос.

Ризек выбрал длинный шест, и Акос почувствовал, что сердце уходит в пятки. В ответ на прикосновение Ризека металл обвили темные спирали Тока – такие же, какие изводили Кайру.

– Я заметил кое-что необычное и решил все проверить. Если моя гипотеза верна, мы уладим проблему еще до того, как она станет по-настоящему серьезной проблемой.

Ризек повернул переключатель на рукояти шеста. Ток стал темно-синим. Акос догадался, что оружие Ризека создано специально для пыток.

Тени Кайры затрепетали, как пламя на сквозняке. Ризек захохотал.

– Это ведь почти неприлично, – сказал Ризек, положив руку на плечо Акосу.

Тот едва подавил желание ее стряхнуть. Сопротивление могло ухудшить ситуацию. До Акоса вдруг дошло, что шест предназначен для него. Его привели сюда с одной-единственной целью: заставить Кайру подчиниться.

Акос превратился в очередной инструмент в руках Ризека.

– Ты имеешь право сдаться сразу, – тихо посоветовал ему Ризек. – Просто ляг на пол.

– Пожри моего дерьма, – выругался Акос на тувенском.

Но у Ризека был готов ответ. Он ударил Акоса шестом по спине.

Тело пронзила острая боль. Акос замычал, не разжимая зубов.

Держись, не падай, приказал он самому себе. Держись, не...

Ризек ударил его снова, на сей раз – в правый бок, Акос опять застонал. Где-то рядом всхлипывала Кайра, но Акос смотрел только на Айджу. Брат тупо пялился перед собой и, казалось, ничего не замечал.

Ризек ударил в третий раз. Ноги подкосились, но Акос промолчал. Шея взмохла от пота, глаза застлала пелена. Айджа дернулся.

После четвертого удара Акос повалился на пол и застонал в унисон с Кайрой.

– Казнь состоится завтра утром. Но сперва пусть она расскажет мне все, что ей известно о диссидентах, – тихо проговорил Ризек, посмотрев на Кайру.

Кайра вырвалась из рук Васа и бросилась к Зосите, привязанной к стулу.

Зосита кивнула, точно давая разрешение. Кайра поднесла руки к голове Зоситы. Как сквозь дымку Акос увидел паутину, ползущую по тыльной стороне ладоней Кайры, гримасу на лице Зоситы и удовлетворенную улыбку Ризека.

Взгляд Акоса затуманился, от боли стало трудно дышать.

Зосита завизжала в один голос с Кайрой. Акос провалился в темноту.

Когда он очнулся, то увидел Кайру.

– Вставай, – Кайра обняла Акоса за плечи, помогая подняться. – Идем.

Акос заторможенно моргнул. Зосита прерывисто дышала, лицо закрывали пряди волос. Рядом со скупающим видом переминался Вас. В углу скорчился Айджа, зажав голову руками. Акос с Кайрой заковыляли к двери. Никто их не остановил. Значит, Ризек получил то, что хотел.

Кое-как они добрались до каюты Кайры.

Девушка помогла Акосу сесть на койку и заметалась по кухне, разыскивая полотенца, лед и обезболивающее. По щекам Кайры текли слезы. В каюте до сих пор дурманяще пахло зельем, которое варил Акос.

– Кайра, она что-нибудь рассказала Ризеку?

– Нет. Она отлично умеет врать, – ответила та, пытаясь дрожащими пальцами вытащить тугую пробку из пузырька с обезболивающим. – Отныне над тобой нависла беда, ты понимаешь, Акос? Над всеми нами...

Справившись с пробкой, она поднесла пузырек к губам Акоса. Он вполне мог бы попить и сам, но не стал настаивать, а послушно раскрыл рот.

– А я никогда и не был в безопасности. Как и ты, кстати, – возразил Акос.

Что же так беспокоило, не поведение же Ризека?

– Странно, что он хотел использовать меня...

Ноги Кайры уперлись в его колени. Лица Акоса и Кайры оказались на одном уровне. Она была настолько близко. Такое иногда случалось во время тренировок, когда Кайра хохотала, сбив его с ног. Но теперь все было иначе. Совершенно иначе.

Кайра не смеялась. От нее привычно пахло травами, которые она жгла, чтобы избавиться от запаха горелой пищи в каюте, и бальзамом для волос, которым пользовалась, чтобы их распутывать. Кайра положила руку на плечо Акосу и провела трепещущими пальцами по его ключице. Не глядя в глаза, легонько толкнула ладонью в грудь.

– Возможно, ты, – прошептала Кайра, – единственный, кого Ризек может использовать против меня.

Она взяла его за подбородок и быстро поцеловала. Ее губы оказались теплыми и влажными от слез, зубы коснулись его рта. Акос не дышал. Наверное, он забыл, как это делается.

– Не волнуйся, ничего подобного больше не повторится, – пообещала Кайра и скрылась в ванной.

20. Кайра

На следующий день я, как мне и полагалось, присутствовала на казни Зоситы Сурукты. Событие привлекло множество любопытных – то была первая официальная церемония со времени окончания Праздника Побывки.

Я стояла поодаль, вместе с Васом, Айджей и Акосом, пока Ризек произносил длинную речь о верности, нерушимом шотетском единстве, зависти всей галактики и тирании Ассамблеи. Возле Ризека находилась Има, она держалась рукой за перила, отбивая ногтями какой-то веселенький ритм.

Ризек поднес нож к горлу Зоситы, и я с трудом подавила слезы.

Зосита рухнула на пол. Толпа взревела. Я закрыла глаза.

Первое, что я увидела, открыв их вновь, была рука Имы, вцепившаяся в перила. Одежду Ризека заливала кровь. Где-то в беснующейся толпе Тека прижимала ладонь ко рту.

Кровь лужей растекалась вокруг тела Зоситы, как когда-то кровь отца Акоса – да и других людей тоже. Меня вдруг охватило ощущение нереальности, неправильности происходящего, словно я надела слишком тесную рубашку и не могла ее снять.

Однако я с облегчением осознала, что еще способна чувствовать.

По всему погрузочному доку были разложены стопки серых комбинезонов, складированные строго по размерам. Оттуда, где я стояла, они напоминали ряды булыжников. Комбинезоны были водонепроницаемыми, сшитыми специально для Побывки на Пите. У задней переборки дока виднелись кучи таких же водонепроницаемых масок, защищающих глаза от воды. Старые запасы, еще с прошлых Побывок, но свое дело они делали.

Побывочный челнок Ризека с гладкими золотыми крыльями ожидал у выпускного шлюза. Он доставит Ризека, меня, Иму, Васа, Айджу, Акоса и еще нескольких человек на поверхность Питы для политических игр с тамошними властями. Ризек намеревался «установить дружеские отношения», читай – заключить союз. И получить военную помощь, разумеется. У Ризека – настоящий талант к подобным вещам.

Отец на такое не был способен, вероятно, брат унаследовал дипломатический дар от матери.

– Пора, – произнес Акос за моей спиной.

Он не оправился до конца: морщился, поднося чашку ко рту, с трудом

присаживался на корточки, поднимая упавший предмет, вместо того, чтобы просто наклониться.

При звуке его голоса я вздрогнула. Несколько дней назад, целуя Акоса, я не сомневалась, что избавлюсь от непонятного чувства, выяснив, каков Акос на вкус... Но стало только хуже. Я узнала, на что это похоже и... сгорала от желания.

– Да, – ответила я.

Мы, плечом к плечу, спустились по лестнице в погрузочный док. Транспортный челнок сверкал в ярком свете ламп, будто стекло в лучах солнца. На глянцевом боку сияла надпись «Ноавек». Несмотря на впечатляющий внешний вид, внутри было скромно, как и на остальных транспортниках: крошечная уборная и камбуз располагались в хвосте, по бортам салона размещались откидные сиденья с ремнями безопасности, на носу – пилотская рубка.

Летать меня научил отец: это было единственное, что мы с ним делали вместе. Для того чтобы мой токодар не нарушал работу механизмов, я надевала плотные перчатки.

Кресло пилота оказалось чересчур велико для ребенка, и отец усаживал меня на подушку. Учитель из него был тот еще! Он то и дело орал, если я ошибалась, зато когда выполняла очередное задание правильно, говорил, что я молодец, и твердо кивал, словно пригвождая похвалу к месту.

Отец погиб во время Побывки, когда мне исполнилось одиннадцать. Тогда отца сопровождали только Вас и Ризек – на них напали пираты, и им пришлось прорываться. Ризек с Васом вернулись, привезя с собой в банке глаза побежденных врагов, Лазмет Ноавек – нет...

На полпути к кораблю нас догнал Вас.

– Меня попросили тебе напомнить, чтобы ты не забыла устроить шоу для питайцев, – выпалил стюард.

– Я что, вчера родилась? – фыркнула я. – Я знаю, как себя держать. Я – Ноавек.

– Может, ты и Ноавек, но характер твой портится день ото дня.

– Отвали, Вас, – проворчала я.

Я чувствовала себя усталой и не хотела затевать ссору.

К счастью, Вас не стал спорить и потопал к кораблю, где уже стоял мой кузен Вакрез, разговаривая с кем-то из рабочих.

Внезапно я заметила копну светлых волос. Тека!.. Она, конечно, не занималась нашим кораблем, а ковырялась в какой-то панели, нашпигованной проводами.

Тека голыми руками поддегивала проводки – один за другим. Работала она виртуозно.

Я застыла. Чувствовала, что нужно что-то сделать, но – что?.. Я не понимала.

Пока я раздумывала, вокруг образовалась толпа. Пришло время отлета.

– Встретимся на корабле, – бросила я Акосу. – Мне нужно пообщаться с дочерью Зоситы.

Акос протянул руку к моему локтю, чтобы облегчить мою боль, но затем переменял решение и побрел к кораблю.

Когда я приблизилась к Теке, та уже вытащила пальцы из клубка проводов. Теперь она делала заметки на планшете, лежащем у нее на коленях.

– Как, током не бьет? – поинтересовалась я.

– Нет, – Тека даже не оглянулась. – Я ощущаю только гул, если, разумеется, провода не сгорели. Тебе чего?

– Мне надо встретиться с твоими друзьями.

– Послушай, – Тека подняла голову, и я увидела, что ее единственный глаз покраснел от слез, – сначала ты вынуждаешь мою мать сдать, потом твой брат, не далее как позавчера, жестоко убивает ее на глазах толпы. С чего ты вообще вообразила, что имеешь право о чем-то меня просить?

– Ты не поняла. Мне действительно необходимо увидеться с твоими друзьями, и думаю, что они тоже этого хотят. Ты вольна поступать, как заблагорассудится, но в данном случае дело не в твоих чувствах, согласна?

Повязка на ее глазу сегодня оказалась толще, чем обычно, а кожа лоснилась от пота, словно Тека провела целый день под палящим солнцем.

Похоже, так оно и было: отсек механиков находился неподалеку от корабельных двигателей.

– Откуда нам знать, можем ли мы тебе доверять? – тихо спросила она.

– Вы в отчаянии, как и я. А люди в таком состоянии часто принимают неразумные решения.

Дверь транспортника открылась, на пол упал луч света.

– Ладно, – произнесла Тека и указала подбородком на наше судно. – А вы хоть делаете что-то полезное или просто с политиками треплетесь? – Она покачала головой. – Не-е-ет, ведь шотетские сливки общества не копаются в мусоре.

– Лично я копаюсь! – возмутилась я и покраснела.

Было глупо прикидываться перед Текой и утверждать, что моя жизнь якобы ничем не отличается от ее собственной.

Одноглазая Тека – сирота, живущая, прямо скажем, в чулане.

Усмехнувшись, Тека вернулась к своим проводам.

Я покосилась на Акоса. Похоже, он бы с радостью впился в глотку Васа. За два сиденья от них расположилась Има, как всегда элегантная, в длинной юбке, прикрывающей лодыжки. С таким видом пьют чай на официальном приеме, а не сидят в жестком кресле на транспортном челноке.

Айджа устроился в хвосте, возле уборной. Его глаза были закрыты. Между Имой и Айджей развалился наш кузен Вакрез со своим мужем Маланом – и Сузао Кузар, объявивший, что его жена больна и не может составить нам компанию.

Ризек сел рядом с капитаном Релом.

– А какую планету выбрали Изыскатели, исходя из движения Тока? – спросила Има у Ризека. – Огру?

– Нет! – хохотнул Ризек, оборачиваясь. – Какой нам от нее прок?

– Иногда выбирает Ток, – ответила Има, запрокидывая голову, – иногда – мы.

Ее реплика прозвучала как афоризм.

Рел нажал комбинацию кнопок на панели, двигатели заурчали. Капитан потянул за рычаг, и челнок, слабо задрожав, взмыл вверх. Раскрылся люк шлюзовой камеры. И вот показалось северное полушарие водяной планеты.

Поверхность Питы скрывали облака, планетарный шторм прятал от нас плавающие города, способные выдержать гигантские приливные волны, ураганы, ливни и грозы. Рел направил судно вперед. Мы очутились в открытом космосе, ненадолго попав в объятия черной пустоты.

И почти сразу же вошли в атмосферу. Перегрузка сжала мое тело, которое, казалось, вот-вот коллапсирует. Кого-то вырвало. Я стиснула зубы и постаралась держать глаза открытыми. Спуск на планеты я любила: мне нравилось наблюдать, как внизу разворачивались широкие просторы, сейчас, например, – водные. На Пите властвовал океан, а суша представляла собой лишь разрозненные островки, в том числе и насыпные.

Я ахнула, когда челнок прорвал слой облаков. Крупные капли дождя забарабанили по обшивке, и Рел включил визуализатор.

Я уставилась на огромные пенистые, зеленовато-сизые волны и стеклянные шары зданий, плавающих среди них, спокойно выдерживая буйство стихий.

Я опять украдкой покосилась на Акоса. Его лицо посерело от ужаса.

– По крайней мере, это не Трелла, – произнесла я, надеясь привести его в чувство. – Там бы нас ждали небеса и стаи птиц. Их столько врежется

в ветровое стекло, что потом приходится отскребать ножом.

– И ты лично этим занималась? Как романтично, – протянула Има.

– Ага. Ты еще поймешь, насколько крепок мой желудок, – парировала я. – Что зачастую оказывается весьма кстати. Тебе, думаю, тоже таким обзавестись не помешает.

Има промолчала и кинула взгляд на Ризека, сидевшего к нам спиной. Наверняка мой брат являлся самым отвратительным типом из всех, с кем ей приходилось сталкиваться когда-либо. Ее волей к жизни можно было восхищаться.

Челнок, борясь с ураганным ветром, скользил над волнами, которые напоминали морщинистую кожу. Шотеты считали Питу безликой, но мне нравилось ее сходство с безбрежным космосом.

Мы пролетели над плавучим мусорным островом. Я знала, что туда скоро приземлятся шотетские транспортники. Он оказался пошире, чем я представляла: размером едва ли не с целый городской квартал.

Я увидела кучу самых разнообразных железяк. Как мне хотелось, чтобы мы приземлились – я бы покопалась в этом влажном утиле и обнаружила бы что-нибудь ценное!

Но мы пролетели мимо.

Столица Питы, Сектор-6, – питайские города не славились поэтичностью своих названий, скорее, напротив, – плавала в серо-стальных волнах неподалеку от экватора. Здания напоминали гигантские пузыри, хотя, по сути, стояли «на якоре», прикрепленные к подводной платформе, которая являла собой чудо инженерной мысли.

Техобслуживанием платформы занимался, конечно, наиболее квалифицированный персонал из всей галактики.

Рел направил судно на посадочную площадку. Я заметила некую структуру, автоматически протянувшуюся нам навстречу – прямо с крыши одного из зданий.

Туннель, который, вероятно, должен уберечь нас от ливня. Жаль-жаль, а я-то надеялась прогуляться под дождем.

Мы с Акосом поплелись за остальными, теперь на челноке был только Рел. Во главе процессии шествовали Ризек и Има.

Ризек поприветствовал питайского сановника, тот вежливо поклонился в ответ.

– На каком языке вы предпочитаете беседовать? – поинтересовался питаец на шотетском, но с таким жутким акцентом, что я едва разбирала слова.

У питайца были седые усы, которые смахивали на нити плесени или

тонкие волокна.

– Мы свободно изъясняемся на отирианском, – раздраженно буркнул Ризек.

Благодаря политике моего отца и брата, стремившихся держать народ в неведении относительно истинного положения дел в галактике, шотетов отнюдь не считали полиглотами. Но Ризек, погрязший в комплексах, всегда болезненно относился к любым замечаниям о шотетах. Наверное, боялся, что люди сочтут его тупицей.

– Какая удача, господин Ноавек! – обрадованно воскликнул чиновник на отирианском. – Боюсь, от меня бы ускользнули тонкости шотетского! Позвольте я провожу вас в ваши апартаменты.

Пока мы шли по временному туннелю под бесконечный шум дождя, меня мучило сильнейшее желание. Схватить бы за руку питайца и попросить увести меня отсюда – прочь от Ризека, его угроз и воспоминаний о том, что он сотворил с моим единственным другом.

Но я не могла бросить Акоса, он же неотрывно таращился в затылок моего брата.

После Побывки, унесшей жизнь моего отца, их было еще четыре, не считая нынешней. Последняя привела нас на Отир, богатейшую планету галактики, где Ризек провозгласил начало эры новой шотетской дипломатии. Когда-то за это отвечала моя мать: она очаровывала высшее звено, пока мой отец занимался раскопками. После смерти жены Лазмет с изумлением обнаружил, что у него с обаянием как-то туговато, хотя остальных это нимало не удивило.

В общем, с дипломатией было покончено, и между шотетами и прочими народами установилась накаленная атмосфера. Каковую Ризек и решил развеять, облетая планету за планетой и расточая повсюду улыбки.

Отирианцы тогда устроили в нашу честь обед во дворце канцлера. Пиршественный зал блистал золотом: тарелки, скатерти – и так все, вплоть до светильников и орнаментов на стенах. Как сказала супруга канцлера, они выбрали это помещение как раз из-за золотистого интерьера, который идеально сочетался с темно-синей парадной броней шотетов.

Лесть удалась, ну а сама отирианка восхитила меня своей изящной непринужденностью. На другое утро нам предложили посетить личного врача канцлера, – отирианцы славились своей медициной. Я отказалась, поскольку была сыта врачами по горло.

Однако я понимала, что встреча на Пите не будет иметь ничего общего с легкомысленным отирианским пиром. Каждая культура имеет свой особый «пунктик»: отирианцы превыше всего ценят комфорт, огрианцы –

мистику, тувенцы – тихоцветы, шотеты – Ток, а питайцы – прагматизм.

Жители Питы стремились создавать надежные, гибкие и многоцелевые материалы и структуры. Их канцлер по фамилии Натто – имя я благополучно забыла, поскольку женщина называла себя только по фамилии, – жила в просторном, но аскетичном доме из непробиваемого стекла.

К власти Натто пришла в результате выборов.

Из комнаты, в которую поселили нас с Акосом (усатый чиновник многозначительно глянул на меня, но я проигнорировала его взгляд), открывался вид на спокойные подводные глубины, где мелькали какие-то океанские обитатели.

Окно оказалось единственным украшением жилища. Стены – голые, простыни – белые и накрахмаленные. В углу стояли простецкие койки на металлических ножках с резиновыми насадками.

Вместо торжественного обеда питайцы устроили нечто вроде фуршета. Люди просто стояли группами, одетые в то, что, видимо, считалось на Пите изысканными нарядами: в жесткие, водоотталкивающие ткани ярчайших цветов, хорошо заметные под дождем. Никаких тебе вечерних платьев или пышных юбок! Я вдруг пожалела о платье моей матери: доходившее до щиколоток, черное, с высоким воротом, оно скрывало большую часть моих теней.

Вокруг шелестели приглушенные голоса. Слуги с подносами сновали по залу, разнося напитки и канапе. Их синхронные движения напоминали танец.

– Как тихо, – проговорил Акос, сжимая пальцами мой локоть.

Я вздрогнула, стараясь не концентрироваться на его прикосновении.

Он лишь облегчает твою боль, ничего не изменилось, все осталось по-прежнему, повторяла я.

– Пита не славится танцорами, – сказала я вслух. – Как и боевыми искусствами.

– Похоже, ты не жалуешь питайцев.

– Не люблю скуки.

– Я уже понял.

Его дыхание щекотало мою шею. Не то чтобы Акос стоял вплотную, но мои ощущения обострились до предела. Я высвободила руку и взяла с подноса бокал.

– Что это? – спросила я служанку, неожиданно заметив собственный акцент.

– Кисло-сладкий коктейль, – ответила она, с опаской глядя на мою

покрытую тенями руку. – Как и тихоцветы, притупляет чувства, поднимает настроение.

Акос тотчас взял бокал и улыбнулся девушке.

Та ушла.

– Из чего же они его сделали, если не из тихоцветов? – пробормотал он.

Тувенцы поклонялись ледоцветам, понятия не имея о других веществах.

– Морская вода? Машинное масло?.. Попробуй, может, освежишься.

Мы выпили. Поодаль Ризек с Имой улыбались Веку, мужу Натто. Лицо у того стало сероватым, кожа свисала складками, точно оплывая. Может, здесь гравитация повыше? Я определенно чувствовала некоторую тяжесть, хотя с таким же успехом причиной мог быть тяжелый взгляд Васа. Стюард постоянно сверлил меня глазами: следил, чтобы я вела себя «как должно».

Я проглотила коктейль и поморщилась.

– Ну и гадость, – вырвалось у меня.

– А сколько языков ты знаешь? – осведомился Акос.

– Фактически только шотетский, тувенский, отирианский и трелланский. Еще чуть-чуть говорю на золданском и питайском. А прежде чем появился ты и сбил меня с толку, учила огрианский.

Акос приподнял бровь.

– Что еще?.. Друзей у меня нет, а свободного времени – завались.

– Думаешь, ты никому не можешь понравиться?

– Уверена. Потому что знаю, кто я.

– Да? И кто же?

– Я – нож. Раскаленная кочерга. Ржавый гвоздь.

– А вот и нет, – он взял меня за локоть и развернул к себе лицом.

Я не могла отвести от него взгляд – я просто ничего не могла с собой поделать. Все происходило помимо моей воли.

– Но ты ведь не поедаеть своих врагов заживо. Даже не отвариваешь их.

– Не глупи. Если бы я собиралась питаться мясом своих врагов, я бы их жарила. Вареное!.. Это же совершенно безвкусно.

Он засмеялся, и обстановка разрядилась.

– Ну я и дурак!.. Слушай, мне очень жаль, но владыка зовет тебя к себе.

Я оглянулась на Ризека, тот требовательно дернул подбородком.

– Ты, случайно, не захватил какой-нибудь яд? – тихо спросила я у Акоса. – Я могла бы плеснуть ему в пойло.

– Если бы и захватил, не дал бы, – прошептал Акос. – Ризек – единственный, кто может вернуть мне настоящего Айджу, – добавил он, поймав мой недоверчивый взгляд. – Как только вернет, я сам с песней на устах отравлю его.

– Редкостная целеустремленность, Керезет. Чтобы к моему возвращению «Ода на отравление Ризека» была готова.

– Легко! «Вот и я, со смертельным ядом во флаконе...»

Ухмыльнувшись, я допила смазочное масло, которое питайцы по ошибке считали коктейлем, вручила бокал Акосу и направилась к брату.

– Век, познакомьтесь с моей сестрой Кайрой! – Ризек со сладчайшей улыбкой протянул руку, как будто хотел обнять меня за плечи.

Чего, разумеется, делать не собирался. Тени – зловещее напоминание о боли – сразу поползли по щеке и переносице. Я кивнула Веку. Тот не ответил и безразлично посмотрел на меня.

– Ваш брат объяснил мне, что в действительности скрывается за сообщениями о похищениях людей, которых якобы ловят шотеты во время своих Побывок, – произнес он. – Сказал, что у вас имеются доказательства вашей невиновности.

Неужели? – подумала я, чувствуя, что мой гнев вспыхнул, как сухая растопка. Не сумев его подавить, я уставилась на Ризека. Тот продолжал улыбаться с самым добродушным видом. За его спиной скалилась Има.

– Я имел в виду, что ты близко сошлась со своим слугой, – беззаботно уточнил Ризек.

Конечно. Я спелась с Акосом – с очередной игрушкой Ризека.

– Верно, – согласилась я. – Мы, шотеты, естественно, не считаем подобные случаи похищениями. Этих людей называют «Возвращенными», потому что они говорят на откровенном языке. Причем изъясняются на нем без малейшего акцента. Можно предположить, что они пользовались им с детства. Если в ваших жилах не течет шотетская кровь, вы так не заговорите. Следовательно, они – шотеты. И у меня и впрямь есть... доказательство.

– И какое?.. – поинтересовался Век, поднося к губам стакан.

На его пальцах сверкали гладкие кольца. И зачем он их носит?

– Мой слуга показал себя настоящим шотетом. Он – отличный боец и знает толк во всем, что отличает нас от остальных. Его способность усваивать нашу культуру потрясает.

– Именно то, о чем я вам и говорила! – воскликнула Има. – Вот оно – несомненное свидетельство того, что с нашей кровью передается историческая и культурная память! Когда люди с идеальным знанием

откровенного языка, которых мы якобы взяли в плен, попадают в наши земли, то они сразу же понимают, где находится их настоящая родина.

А Има умело притворялась истинной патриоткой.

– Да, занятная теория, – промычал Век.

– Нельзя забывать и о преступлениях против нашего народа со стороны, скажем так, влиятельнейшей планеты галактики. Вторжение на нашу территорию, похищение детей, насилие, а то и убийства шотетских граждан, – Ризек поморщился и склонил голову. – И я говорю не о питайцах, с которыми нас связывают давние дружеские отношения. Однако нам бы хотелось получить репарации от Туве.

– А ведь именно шотеты убили одного из оракулов Туве и похитили другого, – вымолвил Век, постукивая кольцами.

– Огульные обвинения! – с жаром возразил Ризек. – Что касается причины, по которой старшая тувенская предсказательница покончила с собой, остается лишь гадать об этом. Нам неизвестно, чем руководствуются оракулы.

Брат, очевидно, взывал к знаменитой питайской рассудительности. Оракулов здесь не жаловали, считая их безумцами, пытающимися перекричать грохот волн. Век задумчиво постучал пальцем по краю стакана.

– Мы обсудим ваше предложение, – нехотя произнес он. – Может статься, мы найдем нечто общее между нашей планетой и вашей... нацией.

– Нация, – просиял Ризек. – Да, именно этого мы и добиваемся. Чтобы нас признали нацией и независимым процветающим государством, способным самостоятельно позаботиться о будущем.

– Извини, – перебила я Ризека, легонько касаясь руки брата и надеясь, что мое прикосновение ужалило его. – Пойду возьму еще один коктейль.

– Конечно, Кайра, – ответил Ризек.

Отходя, я услышала, как он говорил Веку:

– Токодар причиняет моей сестре постоянную физическую боль, но мы, к сожалению, не нашли подходящего лекарства. Иногда ей получше, а иногда...

Я постаралась убраться от них подальше. Меня мутило. Мы прибыли на Питу из-за моего брата: Ризек нуждался в мощных и хорошо вооруженных союзниках. И я только выполнила ту задачу, которую Ризек возложил на меня...

Оружие требовалось Ризеку для войны с тувенцами, а вовсе не для того, чтобы добиться независимости, как он расписывал Веку. Я не могла смотреть Акосу в глаза, зная, что помогла брату сделать еще один шаг

навстречу войне с Туве.

Раздался низкий рокот, похожий на гром. Сначала я решила, что мы слышим грохот шторма, но это было невозможно: от поверхности нас отделяла толща воды.

Окружающие расступились, и я увидела группу музыкантов. Почти все светильники мягко погасли, и теперь лампы озаряли только оркестр. Музыканты уселись за столики, на которых уже лежали заранее приготовленные инструменты – вроде тех, что продавались на нашем шотетском рынке – только побольше и сложнее. Они поблескивали в неярком свете, панели шириной с пол-ладони отливали перламутром.

За громом последовал треск, напоминающий разряд молнии. В этот момент вступили все исполнители. Извлекаемые ими звуки вызвали в памяти легкий шорох дождя, звон капли или рокот прибоя, накатывающего на несуществующий берег. Зал наполнился журчанием и плеском воды. Черноволосая питаянка справа от меня начала раскачиваться, прикрыв веки.

Я невольно посмотрела на Акоса, державшего в руках два пустых бокала. Он чему-то рассеянно улыбался.

«Я обязана вытащить тебя отсюда, – подумала я. – И вытащу».

21. Акос

Комната оказалась неудобной и холодной. Акосу не спалось. Они с Кайрой всегда спали в разных каютах за закрытыми дверями, и он не знал, что во сне она скрежещет зубами, непрерывно стонет и бормочет.

В итоге Акос целую ночь не смыкал глаз, ожидая, когда же она наконец успокоится. Бесполезно. Вдобавок все его мышцы затекли и поднывали, и ему никак не удавалось улечься поудобнее.

Никогда прежде ему не приходилось бывать в такой комнате. Серые полы, блеклые стены, кровати без спинок с белыми простынями. Хорошо, хоть окно есть. Ранним утром, когда свет вернулся в мир, Акос разглядел лабиринт поддерживающих город подводных эстакад, покрытых тиной и обвитых желтыми водорослями. Между питайцами и тувенцами было что-то общее: оба народа жили в местах, где жить было невозможно.

В предрассветные часы Акос попытался забыть мучительный вопрос: почему он не отстранился, когда Кайра его поцеловала? Ведь девушка не застала его врасплох. Она наклонялась медленно, ее теплая рука упиралась ему в грудь, словно отталкивая. Но он не сдвинулся с места, а сейчас не мог избавиться от воспоминаний.

«Наверное, мне это даже понравилось», – подумал он, засовывая голову под кран в ванной.

И на него тут же накатил волна страха. Она означала, что Акос столкнулся со своей судьбой, готовой порвать последние нити, соединяющие его с Туве.

– Какой-то ты притихший сегодня, – заметила Кайра, когда они шли к взлетной площадке. – Неужто похмелье из-за вчерашнего машинного масла?

Акос понимал, что не стоит шутить по поводу ее разговоров во сне. Кошмары, мучившие девушку, ему были хорошо известны. Тут уж не до смеха.

– Нет, – ответил он. – Просто... ассимиляция на новом месте, вот и все.

– Ясно. А у меня от их коктейлей до сих пор отрыжка, – она скорчила гримаску. – В общем, должна признаться, с Питой у меня отношения не сложились.

– А как же... – начал Акос, подумав о концерте.

– Музыка? – перебила она его. – Музыка у них прекрасная.

Она задела его рукой, и Акос отшатнулся. Теперь он особенно остро реагировал на каждое ее прикосновение, хотя Кайра пообещала, что продолжения не будет, и ни разу не заговорила о случившемся.

Вскоре они добрались до крытого перехода. По крайней мере, так гласила табличка на стене. Правда, Акос ни за что не назвал бы данную конструкцию «крытым переходом».

Здесь уже топтались шотеты, переодевавшиеся в непромокаемые комбинезоны и сапоги. Ризек, Има, Вас, Сузао и Айджа отсутствовали, зато были Вакрез и Малан. Последний копался в куче сапог, выискивая себе подходящую пару. Он был невысоким, худеньким, ясноглазым человечком с бородкой – и чем-то смахивал на тень. На его фоне вояка-Вакрез выделялся еще сильнее, чем обычно.

Некоторое время шотетский командир Вакрез лично занимался обучением Акоса.

– Привет, Кайра! – кивнул девушке Малан.

Вакрез смерил Акоса взглядом. Тот непроизвольно вытянулся, выпятив подбородок. В ушах зазвучал рев Вакреза, свирепо распекающего Акоса за сутулость, шаркающую походку или ругательства на тувенском.

– Ты вырос, Керезет, – произнес Вакрез.

– В отличие от ваших армейских тошниловок, тут его начали нормально кормить, – фыркнула Кайра и бросила Акосу ярко-зеленый комбинезон.

Когда Акос его развернул, комбинезон оказался чуть ли не квадратным.

Акос рассудил, что от воды он его защитит, а другого сейчас и не нужно.

– Отлично сказано! – воскликнул Малан пронзительным голосом.

– Но ты, однако, жрал и не жаловался, – пихнул его в бок Вакрез.

– Только чтобы привлечь твое внимание, – парировал Малан. – Больше я туда ни ногой!

Акос наблюдал за Кайрой. Она ловко облачилась в комбинезон. Он хотел спросить, не бывала ли она на Пите и раньше, но рядом торчал Вакрез, и Акос не осмелился.

Кайра влезла в комбинезон ногами и затянула на щиколотках фиксаторы, которых Акос сперва не увидел. Затем последовала очередь ремешков на запястьях, после чего девушка застегнула молнию до самого горла. Комбинезон оказался широким и столь же бесформенным, как и у Акоса, явно сшитый не на суровых воинов-шотетов, привыкших к облегающим доспехам.

– Мы намереваемся присоединиться к одному из взводов, – сказал Вакрез, посмотрев на Кайру. – Если хочешь, можешь взять второй челнок.

– Нет, – отрезала Кайра. – Предпочту заняться раскопками с твоими солдатами.

В этом была вся Кайра. Никаких тебе «спасибо за предложение» и прочих церемоний.

Надев комбинезоны и прикрепив штанины к сапогам, шотеты и Акос направились по крытому переходу к взлетной площадке.

Челнок оказался не тем, на котором они вчера прилетели. Акос увидел поплавков с крышей-куполом. С такой штуковины сразу стечет вся вода, понял Акос.

Через минуту они летели над волнами, чем-то напоминавшими Акосу сугробы, если не вглядываться, конечно. Управлял челноком Рел. Он махнул рукой, указывая вперед, где высился остров, размером с городской квартал и весь покрытый мусором.

Питайцы использовали его в качестве свалки.

Издалека мусорная куча выглядела коричнево-серым бугром, но когда они подлетели поближе, общая масса распалась на листы искореженного металла, проржавевшие балки с торчащими из них болтами, разноцветные мокрые тряпки и осколки стекла толщиной с человеческую руку.

На свалке копошились солдаты Вакреза в непромокаемых комбинезонах.

Челнок сел на специально отведенный свободный участок, и шотеты по очереди вылезли из кабины. Последним вышел Рел. Ливень, барабанивший по крыше челнока, усилился.

Тяжелые капли весьма чувствительно лупили Акоса по голове и плечам. Однако сам дождь был неожиданно теплым.

До Акоса донеслись слова командира взвода:

– Ваша задача выявить действительно ценные вещи. Современные двигатели и механизмы, крупные обломки металла, оружие. Не нарывайтесь на неприятности. Если увидите местных гражданских, будьте вежливы и доложите о них мне или командеру Ноавеку, который к нам присоединился. Приветствую вас, сэр!

Вакрез кивнул и добавил:

– Помните, честь владыки и всего шотетского народа зависит от вас. Нас считают дикарями, поэтому сделайте вид, что это неправда.

Солдаты неуверенно рассмеялись, но Вакрез сохранял абсолютную серьезность. Акос предположил, что тот давным-давно разучился улыбаться.

– За работу!

Пятеро солдат вскарабкались на кучу мусора, состоящую из обломков челноков. Акос поискал глазами знакомые по лагерю лица, но все были одеты в похожие на шлемы защитные маски с козырьками. Ни на нем, ни на Кайре таких не было: им приходилось то и дело протирать глаза.

– Шлемы, – проворчал Малан. – Конечно, забыли! Кайра, давай я позаимствую у какого-нибудь парня шлем. Наденешь – и будешь в полном порядке.

– Еще чего! – резко ответила та. – То есть спасибо, не надо.

– А ты – настоящая Ноавек. Благодарности звучат из ваших уст... немного неестественно.

– Должно быть, это у нас в крови, – усмехнулась Кайра. – Пойдем, Акос. Я заметила кое-что интересное.

Она, несколько не смущаясь, взяла его за руку. Хотя с чего ей краснеть и волноваться? Ведь предполагалось, что Акос нужен ей для облегчения ее физических страданий. Однако после тех ее прикосновений в каюте корабля – пылких, исполненных трепета, разве мог Акос держать Кайру за руку как ни в чем не бывало? Теперь Акос мог думать только об одном: не слишком ли сильно сжимает ее ладонь. Или, наоборот, не слишком ли слабо?

Они обогнули какие-то ошметки непонятного происхождения и направились к груде металлолома. Некоторые обломки приобрели теплый золотисто-коричневый оттенок: они как будто загорели.

Акос встал на краю искусственного острова – возле исполинских опорных балок.

Ему не хотелось высматривать на свалке ни ценные металлы, ни оружие, ни механизмы. Он надеялся найти вещицы со своей историей: сломанную игрушку, старый ботинок, кухонную утварь.

Кайра присела рядом с погнутым, исцарапанным шестом. Потянула и вытащила его. В разные стороны посыпались пустые жестянки, обрезки труб. На конце шеста высотой в два роста Акоса обнаружилось изодранное серое полотнище с кругом из символов в центре.

– Ты только погляди! – улыбаясь сказала Кайра. – Питайский флаг, использовавшийся до принятия в Ассамблею девяти планет. Ему сезонов тридцать, не меньше!

– А почему он не сгнил под дождем? – Акос подергал за обтрепанный угол.

– Питайцы специализируются на долговечных материалах. Неэродлируемое стекло, нержавеющие металлы, прочные ткани. Плавающие

платформы, несущие на себе города.

– И никаких рыбачьих сетей?

– А зачем они? Мелководной рыбешки тут маловато. В основном питайцы используют глубоководные сейнеры. Говорят, одной здешней рыбиной можно накормить кучу народа.

– Ты всегда стараешься узнать как можно больше о местах, которые ненавидишь?

– Я ведь тебе еще вчера объясняла, Акос! Друзей у меня нет, зато времени хоть отбавляй. Ладно, давай-ка поищем какой-нибудь ослизлый реликт.

Акос порылся в мусоре, который валялся у самого берега... ну, не то чтобы он искал нечто конкретное, через какое-то время все питайские отбросы начинали казаться одинаковыми. Тусклый ржавый металл уже ничем не отличался от блестящего, а любые ткани сливались в однородную массу.

Неподалеку лежал полуразложившийся птичий скелетик с перепончатыми лапами водоплавающего и зло изогнутым клювом.

Услышав крик Кайры, Акос обернулся, чтобы удостовериться, что девушка в порядке и не пострадала.

Мышцы Акоса возмущенно запротестовали. Ярко сверкнув белыми зубами, девушка звала одного из солдат. Акос подбежал к Кайре, ожидая увидеть что-нибудь новенькое. Но Кайра хвасталась неприятно матово-серым металлическим листом, который торчал из груды мусора.

– Что слу... командер Ноавек! – истошно завопил солдат, подошедший к Кайре.

Акос недоуменно на него уставился. Чему эти шотеты так радуются?

Примчался Вакрез.

– Я заметила его и начала раскапывать! – затараторила Кайра. – Думаю, кусок приличный!

Акос внимательно посмотрел на находку. Выступающий край листа оказался широким и толстым, и, похоже, что обломок крепко застрял в мусоре. В длину он достигал размера питайского флагштока.

Шотеты ликовали.

– Что это, Кай... мисс Ноавек? – спросил он.

– Самое ценное, что можно привезти с Питы, – ответила Кайра, отбрасывая прочь какую-то тряпку. – Агнето. Он настолько крепок, что способен выдержать, к примеру, удары метеоритов при прохождении через токотечение. Вот уже десять сезонов мы используем его для починки побывочного корабля. Но попадается агнето крайне редко.

Подоспевшие солдаты принялись дружно помогать Кайре доставать лист.

Акос отступил назад, когда они, раскидав мусор, схватились за края, вытянули лист агнето наружу и потащили находку к транспортнику.

Акос не знал, что и думать, наблюдая, как Кайра и Вакрез, словно они и не были аристократами, работают бок о бок с простыми солдатами. На лице Кайры появилось то самое выражение, какое возникало у нее всегда, когда они с Акосом варили снадобье из тихоцветов, и она все делала правильно. Гордость – потому что ты наконец-то делаешь нечто полезное.

Кайра показалась Акосу настоящей красавицей.

В детстве Акос мечтал куда-нибудь улететь. Все дети Гессы мечтают об этом, ведь в целом тувенцы слишком бедны, чтобы путешествовать. Семья Керезетов была побогаче остальных, но им было далеко до фермеров северных Шиссы или Осока. Однако отец пообещал, что однажды возьмет Акоса в космос, и они полетят на любую планету по выбору Акоса.

Пита не была ни первой, ни даже второй в его списке. Плавать тувенцы не умели, вода в их стране существовала в основном в виде льда. Но судьба занесла Акоса именно на Питу.

Стоя на посадочной площадке, он слушал грохот волн, смотрел на огромные пенные валы и остро ощущал свою незначительность. Теплый дождь хлестал его по щекам.

Едва Акос начал привыкать к Пите, как настало время отлета. С комбинезона на пол челнока натекала лужа, Акос сжимал в ладони бутылочку с дождевой водой, которую ему дала Кайра – после того, как агнето погрузили на транспортник.

– Пусть у тебя останется сувенир на память о первом межпланетном путешествии, – объяснила она, пожав плечами, будто речь шла о пустяке.

Но Акос знал, что вещей, которые Кайра действительно считает пустяками, было совсем немного.

Сперва Акос не мог понять, зачем ему сувенир. Кому его показывать? Своей семьи он больше никогда не увидит и умрет среди шотетов.

Акос задумался. Если их с Йореком план сработает, то бутылочку с дождевой водой может взять Айджа...

Кайра сидела, комкая на коленях флаг. Она не улыбалась, но ее лицо до сих пор сияло.

– Ты хорошо поработала, – сказал Акос, убедившись, что Вакрез с Маланом их не слушают.

– Ага, точно! – кивнула она. – Но рано или поздно такое должно было произойти, – добавила она через секунду.

– Твои тени посветлели, – заметил Акос, запрокидывая голову.

Кайра промолчала. Весь полет до побывочного корабля он смотрел на темные полосы на тыльной стороне ее ладоней, сейчас скорее серые, нежели черные.

На корабль они вернулись живыми и здоровыми, но совершенно мокрыми. Некоторые челноки возвратились с Побывки раньше, и теперь повсюду сутились шотеты во влажной одежде. Они обменивались историями и смеялись. Стягивали с себя якобы водонепроницаемые костюмы и складывали их в общую кучу для чистки и просушки.

– Значит, у шотетов случайно нашлись водозащитные комбинезоны? – спросил Акос, когда они возвращались в свою каюту.

– Мы ведь уже бывали на Пите. У каждого владыки имеются отряды, заранее подготовленные для любых планет. А мы, шотеты, достигая определенного возраста, в состоянии выжить где угодно. В пустыне, в горах, в море, в болоте...

– Представить себе не могу, как можно ходить по раскаленному песку.

– Может, когда-нибудь еще попробуешь.

Улыбка Акоса потухла. Кайра права. Сколько Побывок он еще совершит, прежде чем погибнет за ее семью? Две? Три? Двадцать? Сколько планет посетит?

– Я вовсе не о... – Кайра запнулась. – Жизнь длинна, Акос.

– Но с судьбой не поспоришь, – откликнулся он, повторяя слова матери.

Немногие судьбы предсказаны с такой точностью. Семья Ноавеков. Служба. Смерть. Чего тут непонятного?

Кайра остановилась. Они находились неподалеку от общественного спортзала. В воздухе висел запах пота и поношенной обуви.

– Если я помогу тебе бежать, – спросила она, сжимая его запястье, – куда ты отправишься?

– Ты о чем? – Акос почувствовал, как заколотилось сердце.

– В погрузочном доке сейчас неразбериха, – Кайра склонилась ближе.

Он вдруг заметил, какие темные, почти черные, у нее глаза. И очень живые, как будто терзавшая ее боль наполняла девушку энергией.

– Шлюз открывается каждые несколько секунд, впуская новые челноки. Думаешь, кто-нибудь сможет тебе помешать, если ты украдешь один? Пара дней, – и ты дома.

На Акоса нахлынули воспоминания – и повеяло чем-то совсем родным.

Вот Сизи с ее безмятежной улыбкой. Мама, дразнившая его загадками

предсказателей. Их тесная кухонька, освещенная красными горяч-камнями. Волнующееся поле ковыль-травы, подступавшее прямо к дому. Пушистые метелки, стучащие в оконные стекла. Скрипучая лестница, ведущая в комнату, где он жил с...

– Нет, – Акос покачал головой. – Без Айджи я никуда не полечу.

– Так я и думала, – грустно прошептала Кайра, отпуская его руку.

Прикусив губу, она с тревогой посмотрела на Акоса. До самой каюты они шли молча. Кайра направилась в ванную переодеваться. Акос по привычке включил новостной экран.

Туте редко упоминалась в новостях, обычно – в самом конце. И в основном речь шла об урожае ледоцветов. Когда дело касалось холодной планеты Туте, только лишь они вызывали интерес. Оно и понятно: из ледоцветов изготавливали множество лекарств.

Акос уставился на экран, где уже началась прямая трансляция.

Акос мгновенно узнал место. Осок – город на крайнем севере, заснеженный и насквозь промерзший. Здания парили в воздухе подобно стеклянным облакам, удерживаемые над землей при помощи загадочной отирианской технологии. Формой дома напоминали дождевые капли или увядшие лепестки, заостренные с обоих концов. Однажды семья Акоса летала туда – повидаться с двоюродными братьями. Тогда они прихватили с собой кучу теплых вещей. Гостили в доме у родственников, который висел в небе точно зрелый плод, который никогда не упадет с ветки.

Ледоцветы росли и на севере. Акос видел их далеко-далеко внизу, – разноцветные смазанные пятна.

Акос, как был в мокрой одежде, опустился на край койки Кайры. Дыхание у него перехватило.

Осок, Осок, Осок, билось у него в голове. Снежинки на ветру. Морозные узоры на окнах. Хрупкие стебли ледоцветов, ломающиеся от простого прикосновения.

– Что там? – поинтересовалась Кайра, заплетая волосы.

Она подошла к экрану и, уронив руки, прочитала субтитры вслух:

– Судьбоносный канцлер Туте впервые появилась на публике.

Акос ткнул панель экрана, увеличивая громкость. Голос забормотал по-отириански:

– ...она обещает не уступать Ризеку Ноавеку, памятуя о двух предсказателях, якобы потерянных тувенцами во время последнего вторжения шотетов.

– Разве у вас канцлеров не избирают? – спросила Кайра. – И почему их называют канцлерами, а не владыками, если пост наследуемый?

– Тувенские канцлеры избираются судьбой, то есть самим Током. В общем, так у нас говорят, – ответил Акос.

Он искренне надеялся, что Кайра не заметила, как вместо «у нас» он едва не брякнул «у них».

– В некоторых поколениях канцлер вообще не рождается, и тогда нами руководят губернаторы, которых, естественно, избирают.

– Ясно, – Кайра присела рядом с Акосом.

Хотя взлетная площадка находилась под крышей, люди жались друг к другу.

В следующую секунду вниз спикировал поплавок. Люк открылся, из кабины выпрыгнула девушка в темной одежде. Толпа взревела. Камера показала ее лицо, наполовину скрытое шарфом. У нее были слегка раскосые дымчато-серые глаза.

Видеодроны кружили совсем рядом: они жужжали как мухи и фиксировали каждое движение девушки.

Акос сглотнул.

– Ори, – еле слышно выдохнул он.

Почти сразу же появилась вторая девушка: высокая, стройная и в шарфе. Дроны переключились на нее. Обе они казались совершенно одинаковыми: вылитыми как две капли воды.

У Ори была сестра-близнец?

Акос внимательно разглядывал обеих, пытаясь найти отличия, и не мог.

– Ты их знаешь, да? – тихо спросила Кайра.

Акос медленно кивнул. И задумался, правильно ли он поступил. Полное имя Ори – вроде бы Ориэва Реднэлис... Но такой фамилии не было в списке судьбоносных родов, а это означало, что она – фальшивая. Истинное имя Ори раскрывать было опасно.

Почему бы ему не держать язык за зубами?

А потом Акос перевел взгляд на Кайру и решился:

– Она дружила с нами, когда я был еще маленьким. У нее – вымышленное имя, и я даже не представлял, что у нее есть... сестра.

– Исэй и Ориэва Бенезит, – прочла Кайра имена, появившиеся на экране.

Близнецы направились к зданию. Обе – в элегантных облегающих пальто, застегивавшихся на плечах, теплый воздух, вырывавшийся из дверей, раздувал полы.

Акос не узнавал ни шерсть, из которой были связаны шарфы, ни черную ткань верхней одежды, к которой не прилипал снег. Наверняка

инопланетные материалы.

– Она называла себя Реднэлис, – произнес он. – Распространенная в Гессе фамилия. Я видел Ори в тот день, когда объявили о наших судьбах.

Исэй и Ориэва на минуту остановились, чтобы поприветствовать собравшихся, а затем продолжили идти к зданию. Прежде чем они окончательно скрылись из виду, Акос заметил, как близняшка обняла Ори за шею, заставляя ее склонить голову. Точно так же делала и Ори, когда хотела что-нибудь шепнуть Айдже.

На глаза Акосу навернулись слезы.

Теперь он не отрывал взгляда от экрана. А ведь у Ори когда-то имелось место за их обеденным столом. И она дружески подшучивала над Акосом – еще до того, как он превратился в бронированного, мстительного убийцу.

– У моей страны теперь есть канцлер, – проговорил он.

– Поздравляю, – ответила Кайра и, помедлив, добавила: – А зачем ты мне это рассказал? По-моему, тебе не стоило болтать. О ее псевдониме и о прочих вещах.

Акос моргнул:

– Я тебе доверяю.

Кайра подняла руку и вдруг замерла. Осторожно положила ее на плечо Акоса.

Он не пошевелился, и они продолжили смотреть новости бок о бок.

– Ты же понимаешь, что будь моя воля, ты уже был бы на свободе? – прошептала Кайра. – Если ты захочешь бежать, я тебе помогу.

Акос накрыл ее ладонь своей. Прикосновение наполнило его энергией, похожей на боль, против которой он совсем не возражал.

– Если... Нет, когда я заберу Айджу, ты уйдешь со мной?

– Думаю – да, – она вздохнула. – Но сперва Ризек... он должен умереть.

Когда корабль полетел обратно на Туве, новость о дипломатическом успехе Ризека на Пите достигла их ушей. Источником сплетен стала Отега. Акос обнаружил, что Кайра умеет превосходно фильтровать информацию, вычисляя факты еще до того, как о них объявят.

– Владыка вернулся довольным, – заявила Отега, водрузив на стол супницу. – Думаю, что ему все удалось. Заключение союза со светской Питой – это настоящий подвиг. Теперь шотеты еще больше уверятся в своей судьбе. А ты, значит, и есть Керезет, – бывшая гувернантка наградила Акоса любопытным взглядом. – Кайра не говорила мне, что ты такой... – Отега задумалась.

Кайра выгнула бровь и скрестила руки на груди. Она стояла, прислонившись к стене, и жевала кончик пряди волос. Иногда волосы попадали ей в рот, и Кайра удивленно сплевывала их с таким выражением лица, как будто они заползли туда из вредности.

– ...такой высокий, – закончила Отега и натянуто улыбнулась.

У Акоса сложилось впечатление, что Отега чего-то явно недоговаривает.

– А к чему ей об этом упоминать? Она и сама высокая, – ответил Акос.

Он-то как раз чувствовал себя рядом с Отегой совершенно вольготно.

– Да, вы оба на редкость высокие, – рассеянно согласилась та. – Ладно, ешьте.

Когда она ушла, Кайра принялась переводить для Акоса шотетские субтитры.

Теперь они противоречили голосам дикторов и корреспондентов.

«Питайский канцлер начинает переговоры о взаимной дружеской поддержке во время визита шотетов в столицу Питы», – гласили субтитры. В то же время голос на отирианском вещал, что «тувенский канцлер Бенезит угрожает ввести против Питы эмбарго на торговлю ледоцветами, после того, как питайцы провели предварительные переговоры о военной помощи с шотетским руководством».

– А вашему канцлеру не нравится, что Ризеку удалось очаровать питайцев, – произнесла Кайра. – Угрозы эмбарго от Бенезита – ничего себе, да?

– В конечном итоге конфликт будет нарастать.

– Наверное, перевод делал не Малан. – Кайра фыркнула. – Не хватает изящества. Малан любит извращать информацию, а не тупо переписывать полностью.

– Хочешь сказать, что можешь определить того, кто переводил текст? – Акос засмеялся.

– Вранье – это целое искусство, – Кайра убавила громкость. – Ноавеков с пеленок обучают интригам.

Их каюта – Акос привык уже думать о ней именно так, что его сильно беспокоило, – представляла собой око бури, – единственное тихое место посреди хаоса. Все остальные на корабле судорожно готовились к посадке. Акосу не верилось, что Побывка подошла к концу. Ему казалось, что они взлетели только вчера.

Но токотечение утратило синий оттенок. Наступило время выполнить обещание, данное Йореку.

– Ты уверена, что Сузао не натравит на меня Ризека? – спрашивал

Акос у Кайры в сотый раз.

– Сузао прежде всего воин, – ответила Кайра и перевернула страницу книги. – Он предпочитает разбираться с проблемами самостоятельно. А жаловаться на тебя Ризеку – поступок труса.

Выслушав ее, Акос отправился в столовую, чувствуя, как бьется сердце и непроизвольно сжимаются кулаки.

Сузао ел в одном из нижних залов. Он был в числе наименее родовитых сторонников Ризека, и на собраниях его место находилось в задних рядах. Однако на нижних этажах, рядом с гудящими двигателями, Сузао сразу превращался во властного начальника.

Идеальное место для провокации. Не станет же Сузао пугаться слуги перед лицом нижестоящих?

Йорек пообещал помочь с последним ходом. Очутившись в столовой, Акос обнаружил, что парень стоит в очереди перед своим отцом. Просторный зал, располагавшийся на одной из нижних палуб, был душным, людным и закопченным. Однако от витающего в воздухе запаха специй у Акоса потекли слюнки.

Подростки за соседним столом, сдвинув подносы в сторону, играли с машинками, такими крохотными, что те могли запросто поместиться на ладони. По сути они представляли собой клубки из проводов и шестеренок на колесиках. У одной на «носу» красовались клещи, у другой – нож, у третьей – молоток размером с палец.

Тинейджеры очертили на столе круг, и машинки гонялись друг за другом, управляемые с помощью беспроводных пультов. Когда они сталкивались, болельщики принимались кричать. До Акоса донеслись их возбужденные голоса:

– Оторви ему правое колесо! Используй клещи, для чего ты их прикрутил?

Подростки были одеты в безумные синие, зеленые или фиолетовые наряды, запястья парней обвивали разноцветные веревочки, а волосы у кого были чисто выбриты, у кого – заплетены в косичку, у кого – связаны в пучок на макушке. Внезапно Акоса посетило странное чувство. Ему показалось, что он – обычный шотетский мальчишка, стиснувший в руке пульт или облокотившийся на стол и наблюдающий за игрой.

Такого никогда не было и не будет. Но на миг Акосу померещилось, что это – именно так.

Взяв поднос из стопки, он пристроился в хвост очереди. В кулаке Акос зажал стеклянный пузырек. Постепенно Акос протиснулся поближе к Сузао.

Йорек сделал вид, что споткнулся и с грохотом уронил поднос. Суп перепачкал спину какой-то женщины, которая сердито завопила. В начавшейся суматохе никто не заметил, как Акос быстро вылил зелье в чашку Сузао и покинул очередь. Йорек помогал страдальце, та отпихивала юношу и ругалась на чем свет стоит.

Сузао устроился за своим обычным столиком и отхлебнул из чашки. Акос задержался, переводя дыхание.

Сузао проник в их дом. Он смотрел, как Вас убивает их отца. Отпечатки его пальцев остались на стенах, следы ботинок – на полу. Место, которое Акос считал самым безопасным в мире, запятнали несмываемые следы насилия.

Живые как никогда воспоминания придали Акосу решительности.

Он грохнул свой поднос на столик Сузао. Тот машинально пробежался глазами по его руке, считая знаки убийства.

– Помнишь меня? – спросил Акос.

Теперь Сузао оказался помельче тренированного Акоса, что, впрочем, не мешало ему выглядеть устрашающе.

Сузао был широкоплечим, на коротком носу рыжели веснушки. У Йорека не имелось никаких родственных черт с отцом, вероятно, пошел в мать. Тем лучше.

– Жалкий сопляк, которого я когда-то перетащил через Рубеж? – ответил Сузао, покусывая зубцы вилки. – Которому мы всыпали горячих, прежде чем погрузить в транспортник? Конечно, я тебя не забыл! А теперь убери свой поднос и проваливай!

Акос сел, сцепив руки перед собой. Адреналин превратил его глаза в прицел, на мушке которого находился нос Сузао.

– Как ты себя чувствуешь? Баиньки не хочется? – процедил Акос, со стуком поставив пустой пузырек на стол.

Стекло треснуло, но флакон до сих пор влажный от зелья, вылитого в чашку Сузао, не развалился. В столовой, точно круги от брошенного камня, расходилась тишина. Сузао уставился на пузырек. С каждой секундой его лицо бледнело. В взгляде шотета вспыхнула ярость.

– Твоя каюта не так безопасна, как ты воображал, – улыбнувшись, Акос подался вперед. – Ведь это уже третий раз, когда тебя травят, да? Думаю, кому-то не хватает бдительности.

Сузао что-то прорычал, схватил Акоса за плечи, приподнял и со всей силы швырнул на стол, прямо на поднос с тарелками. Горячий суп обжег шею Акоса.

Выхватив нож, Сузао наставил острие на Акоса, как будто намеревался

выколоть ему глаз.

Мир вокруг словно заволокло туманом.

– Зря я тебя тогда не убил! – заорал Сузао, брызжа слюной.

– У тебя есть шанс, – произнес Акос, напрягая мускулы. – Но я советую тебе сперва хорошенько проспать.

Действительно, Сузао выглядел несколько сонным.

– Ладно, – он отпустил Акоса. – Встретимся на арене. Ножи. До смерти.

Да, Сузао его не разочаровал.

Акос медленно сел, устроив настоящее представление с трясущимися руками и испачканной одеждой.

Спасибо Кайре! Она сказала Акосу, как надо себя вести, чтобы Сузао продолжал считать его безобидным мальчишкой.

Вытерев слезы, он кивнул.

– Я согласен.

И, подчиняясь какому-то магнетизму, посмотрел на Йорека.

Парень с довольным видом ухмылялся.

22. Кайра

Заговорщики не стали ни передавать мне послание в столовой, ни шептать что-то на ухо, когда я шла по коридорам корабля. Они не взламывали мою персоналку и не устраивали заварушку, чтобы под шумок меня похитить.

Через несколько дней после визита на Питу я направилась в машинный отсек и наткнулась на Теку. Девушка возилась с механизмами, в руке она держала промасленную тряпку. Оглянувшись, Тека поманила меня за собой.

Тека привела меня не в тайную комнату и не в секретный коридор, а в погрузочный док. Здесь царил полумрак, транспортные челноки казались прикорнувшими великанами. В дальнем углу горел фонарь, повешенный на крыло одного из самых крупных челноков.

Если для питайцев музыкой звучат гром и дождь, то для шотетов – рокот машин. Это были звуки побывочного корабля, сопровождавшие наше движение по токотечению. Нет ничего удивительного, что небольшая – и довольно жалкая – группа заговорщиков назначила встречу именно в доке, где любые слова будут заглушены гулом и грохотом.

Шотеты были одеты в комбинезоны обслуживающего персонала, наверное, они и являлись простыми разнорабочими. Лица прикрывали черные маски-балаклавы, вроде той, какая была на Теке, когда девушка напала на меня в коридоре.

Тека вытащила нож и приставила лезвие к моему горлу. От холодного металла исходил сладковатый запах, напоминающий аромат тувенских зелий.

– Еще шаг – и тебе конец, – предупредила меня Тека.

– Только не говори, что сюда пожаловала ваша группа в полном составе, – произнесла я, прокручивая в голове пути к отступлению.

Начинать следовало с удара каблуком.

– Думаешь, мы бы согласились рискнуть и подставиться всем скопом? Разумеется, нет.

Лампа, подвешенная к потолку, вдруг сорвалась с одного из креплений и повисла, раскачиваясь туда-сюда.

– Ты хотела с нами встретиться? – спросил хриплым голосом крупный немолодой мужчина с такой густой бородой, что в ней можно было заблудиться (она даже выбивалась из-под самодельной балаклавy). – Чего

тебе от нас надо?

Я судорожно сглотнула. Нож Теки продолжал упираться в мою шею, но говорить мне мешал не только он. Слишком сложно произнести вслух то, над чем размышляешь почти полгода. Хотя давно пора, впервые в жизни, переходить к делу.

– Собираюсь устроить побег для одного человека, – сказала я. – Не то чтобы он хотел бежать...

– Для одного человека? – переспросил мужчина. – И кто он?

– Акос Керезет.

Заговорщики забубнили между собой.

– То есть он не хочет бежать?

– Ситуация непростая. У него тут – брат, чья песенка в общем-то спета... – я помолчала. – Иногда любовь превращает нас в глупцов.

– Теперь мне все понятно, – прошептала Тека.

Они смеялись надо мной, спрятав лица за своими масками. Мне это сильно не понравилось. Я схватила Теку за запястье и выкрутила его, отводя нож от своего горла. Тека застонала от моего прикосновения, а я выдернула оружие, аккуратно взявшись за лезвие. Подкинув, перехватывая за рукоять. Металл был вымазан машинным маслом, пальцы сделались скользкими.

Прежде чем Тека пришла в себя, я сграбастала ее и уперла нож ей в бок. Я старалась сдерживать тень, оставить боль внутри себя, и стиснула челюсти, чтобы не завопить.

Тека замерла, я тяжело дышала прямо ей в ухо.

– Может, я и дура, но не идиотка. Неужели вы считаете, что я не смогу узнать вас по походке, осанке или голосу? Если я захочу вас предать, то сделаю это, сколько бы масок вы на себя ни напялили! Можете угрожать мне чем угодно, мне все равно! Кстати, имейте в виду, что предать вас и одновременно остаться в безопасности у меня не получится. Итак, – я дунула на прядь волос Теки, упорно лезших мне в рот, – мы можем продолжить разговор, доверяя друг другу, или нет?

Я отпустила Теку и вернула ей нож. Она уставилась на меня, потирая запястье, но нож взяла.

– Хорошо, – произнес бородатый мужчина и стащил с себя балаклаву.

Некоторые последовали его примеру. Одним из них оказался Йорек, стоявший справа от меня со скрещенными руками. Неудивительно, раз уж он напрямик попросил Акоса убить своего отца на дуэли. Остальные, правда, лиц не показали. Что ж, неважно, меня интересовал только их предводитель.

– Я – Тос. Сдается мне, мы можем сделать то, что ты просишь, – сказал мужчина. – Но тебе придется заплатить.

– И чем же?

– Помочь нам проникнуть в поместье Ноавеков после возвращения из Побывки, – Тос сложил на груди мощные ручищи.

Одет он был в инопланетные тряпки, явно неподходящие для шотетского климата.

– Ты из диссидентов? – нахмурилась я. – Судя по твоей одежде.

Получается, что заговорщики поддерживают контакт с диссидентами, сбежавшими от режима Ноавеков на другую планету? Это было логично, хотя прежде мне такое в голову не приходило. Диссиденты, без сомнения, сильно беспокоят Ризека: доморощенным заговорщикам до них далеко! Да и мне сейчас надо быть настороже.

– С точки зрения наших целей разницы между нами нет, – заявил Тос. – Мы хотим одного: свергнуть твоего брата и восстановить порядки, какие были у нас до того, как ваш род испоганил дух шотетов несправедливостью.

– Испоганил дух несправедливостью, – повторила я. – Красивая фраза.

– Не я ее сочинил, – без тени улыбки парировал Тос.

– А если без красивостей, – вмешалась Тека, – то вы заставляете нас голодать и крадете лекарства. И это еще не все: выколотые глаза, пытки, казни... в общем, у твоего Ризека куча развлечений, да, Кайра?

Я собиралась запротестовать, мол, лично я никого не объедаю и никаких лекарств не краду, но внезапно поняла, что спорить, пожалуй, не стоит. Не очень-то я была в себе и уверена.

– Ладно. Поместье, значит... И что вы собираетесь делать в особняке?

Я задумалась. Я знала все излюбленные шифры Ризека, а, кроме того, многие из дверей открывались только с помощью генокода Ноавеков, – часть системы безопасности, внедренной братом после смерти родителей. Я была единственной его родственницей. Моя кровь помогла бы мятежникам вломиться в особняк, а что потом?..

– Вряд ли тебе нужна данная информация.

Я нахмурилась. В нашем поместье – маловато вещей, которые могли бы заинтересовать заговорщиков. Ну, или диссидентов.

– Давайте проясним ситуацию, – рискнула я. – Вы просите меня поучаствовать в убийстве брата?

– А тебя беспокоит участь Ризека? – спросил Тос.

– Уже нет.

Что бы там ни сделал со мной Ризек, меня удивила легкость, с какой я

это сказала. Ризек – мой родной брат. Единственный гарант моей безопасности: свергнувшие Ризека заговорщики вряд ли сохранят жизнь его сестре-убийце. Но все было кончено в тот момент, когда Ризек приказал мне допросить Зоситу, а затем начал издеваться над Акосом.

Тогда я утратила последние остатки своей преданности.

– Вот и славно, – сказал Тос. – Мы с тобой свяжемся.

Вечером, делая вид, что поправляю на коленях юбку, я искала взглядом солдат из полка Сузао Кузара. Те выстроились в шеренгу под балконом и умудрялись подшучивать друг над другом.

Отлично, пронеслось у меня в голове. Они вели себя нахально и самоуверенно, а это означало, что их командир настроен на быструю победу.

Тем легче Акосу будет одержать над ним верх.

Вокруг гудела толпа. Не столь многочисленная, как во время моего боя с Лети, но все же внушительная.

«Еще один хороший знак», – подумала я.

Иные дуэлянты вообще не привлекали к себе внимания, но в случае с Акосом такого нельзя было допускать. Победа в сражении на арене могла сыграть роль социального лифта, хотя «повышение по службе» могло произойти лишь после одобрения со стороны шотетов.

Чем больше людей увидят, как Акос сразит Сузао, тем охотнее его новый статус будет восприниматься окружающими и тем проще ему будет забрать Айджу. Сила имеет тенденцию трансформироваться во власть. Власть над нужными людьми.

Ризек сегодняшний бой проигнорировал, но Вас присоединился ко мне на балконе для высокопоставленных персон.

Я не могла скрыть от стюарда то, что тени под моей кожей сгущались всякий раз, когда в толпе выкрикивали имя Акоса.

– А ведь я не рассказал Ризеку о том, что ты болтала с дочерью Зоситы в погрузочном доке перед высадкой, – произнес Вас, пока мы ждали появления Сузао на арене.

Сердце у меня забилося. Внезапно мне померещилось, что на мне стоит печать диссидентов, но я постаралась взять себя в руки.

– Беседовать с рабочими не запрещено Ризековыми правилами. Я проверяла.

– Да, крошечное упущение с его стороны. Но правила будут пересмотрены.

– Полагаю, ты ждешь от меня благодарности?

– Нет. Я хочу, чтобы ты приняла это как второй шанс. Выбрось

глупости из головы, Кайра.

Я отвернулась. Свет померк, динамики взвизгнули, когда включились микрофоны, свисающие с потолка. Первым, под радостные вопли толпы, появился Сузао. Он приветственно вскинул руки, и народ взревел.

– Позер, – буркнула я.

Мои слова относились не к его действиям, а к его одежде: Сузао пренебрег броней, оставшись в рубахе навывпуск. Не верил, что ему потребуется броня. Впрочем, он не знал, как дрался Акос. Последний вышел в броне и крепких ботинках, которые носил еще на Пите. Его встретили свистом и непристойными жестами, но, похоже, Акос их не заметил, как будто находился в ином мире. Даже неизменная настороженность ушла из глаз.

Сузао достал нож, и взгляд Акоса ожесточился, словно парень принял какое-то решение. Он тоже достал нож. Я узнала клинок: золдский, который я когда-то подарила ему.

Нож был самым обыкновенным, никакие усики Тока не пробегали по его лезвию. Для толпы, привыкшей к дракам на ток-ножах, все, вероятно, выглядело так, как если бы клинок был игрушечным. Слухи о невосприимчивости Акоса к Току подтверждались на глазах.

Оно и к лучшему. Дар Акоса пугал шотетов. Но чужой страх дает тебе совершенно иную, особенную власть над людьми, мне ли этого не знать?

Сузао перекинул клинок с руки на руку, крутанул его на ладони. Эффектному трюку его наверняка научили приятели, следующие по «пути зиватахака», потому что Сузао, без сомнения, шел по «пути алытетахака».

Мускулы Сузао так и бугрились под рубахой.

– Волнуешься? – спросил Вас. – Не желаешь поддержать меня за руку?

– Я волнуюсь исключительно за твоего человека, – отрезала я. – И держи свои лапы подальше от меня. Они тебе еще понадобятся.

– А я тебе уже не нужен! – хохотнул стюард. – Ты нашла того, кто может тебя трогать.

– Что ты несешь?

– Сама прекрасно понимаешь, – в глазах Васа мелькнул гнев. – Лучше посмотри на своего тувенского любимчика. Ведь он скоро умрет.

Сузао нанес первый удар, от которого Акос увернулся с ленивой грацией, даже не моргнув глазом.

– А ты у нас шустрый! – крикнул Сузао, и его голос, усиленный микрофонами, разнесся по залу. – Прямо как твоя сеструха! Ей ведь почти удалось от меня ускользнуть. Она успела распахнуть дверь, но тут-то я ее и сцапал!

Он вцепился Акосу в горло, попытался поднять его и придавить к бортику арены. Но Акос с силой надавил на запястье Сузао, выскользнул из хватки. Я как наяву услышала стратегическое правило «пути эльметахака», предписывающее держать дистанцию с более крупным противником.

Акос крутанул нож в руке, свет, отразившись от лезвия, блеснул на начищенном полу. Сузао отвлекся на этот «зайчик», и Акос, воспользовавшись заминкой, нанес ему хук левой. Кузар попятился, из носа потекла кровь. Он не знал, что Акос – левша, как не знал и того, что я заставляла парня ежедневно отжиматься.

Акос кинулся на противника и снова ударил Сузао по носу.

По залу прокатился вопль. В слепой ярости Сузао ринулся на Акоса, схватил за броню и попытался свалить соперника с ног. Не удержавшись, Акос рухнул на пол. Сузао придавил Акоса ногой и врезал ему в челюсть кулаком.

Я вздрогнула. Акос, выглядевший дезориентированным, приподнял колено, словно намереваясь оттолкнуть Сузао. Но неожиданно вытащил из ботинка второй клинок и вонзил лезвие в бок врагу – как раз между ребрами.

Сузао начал заваливаться, изумленно уставившись на рукоять, торчащую из его тела. Акос нанес второй удар золдским ножом. На горле Сузао выступила ярко-красная полоса. Он упал.

Только теперь, когда мои мышцы расслабились, я поняла, насколько была напряжена. Вокруг гудел народ. Акос наклонился над трупом Сузао, вытащил застрявший между ребрами нож, вытер лезвие о штаны и спрятал в ботинок. Над ареной разносилось его сбивчивое дыхание.

«А теперь – не впадай в панику», – мысленно посоветовала я Акосу, как будто он мог меня слышать.

Акос рукавом вытер пот со лба и поднял голову. Медленно повернулся, обводя взглядом зрителей, одного за другим. Вложил клинок в ножны и, переступив через труп Сузао, направился к выходу.

Помедлив несколько секунд, я спустилась с помоста и смешалась с толпой. Плотная ткань моей юбки развевалась и била меня по икрам.

Я попыталась догнать Акоса, но тот был уже слишком далеко. Я поспешила по коридорам к нашей каюте.

Добравшись до двери, прислушалась, поднеся руку к сенсору.

Изнутри доносились сдавленные всхлипывания.

Потом Акос закричал, и раздался звук удара – и еще один. Акос вновь завопил. Я приникла ухом к двери. Крики превратились в плач, и я до крови прикусила нижнюю губу.

Прикоснувшись к сенсору, я отперла дверь.

Акос сидел на полу в ванной. Вокруг валялись осколки зеркала. Занавеска оказалась сорвана, вешалка для полотенец выдрана из стены. На меня Акос не смотрел. Стараясь не наступать на осколки, я направилась к нему. Включила душ и присела рядом с Акосом. Подождала, пока вода не согреется, взяла Акоса за руку и потянула под водяные струи.

Полностью одетая, я стояла рядом с ним под душем, чувствуя щекой его прерывистое дыхание. Обняв его за шею, я развернула лицом к стене. Акос крепко зажмурил глаза. Дрожащие пальцы нашли мою ладонь и прижали к броне на груди.

Мы стояли так довольно долго, пока он не перестал всхлипывать. Я выключила душ и, отбрасывая в сторону то и дело попадающиеся осколки стекла, повела Акоса на кухню.

Его взгляд был отсутствующим. По-моему, Акос не понимал, где находится и что с ним случилось. Я стянула с него броню и мокрую рубашку. Расстегнула брюки, и они упали на пол влажным комом.

Я множество раз мечтала увидеть Акоса обнаженным, может быть, однажды и самой его раздеть, хотя бы отчасти сократив расстояние, разделявшее нас. Но то, что происходило теперь, ничем не напоминало воплощение мечты. Акос страдал, а я просто стремилась помочь ему.

Я не замечала собственной боли, но, помогая ему вытираться, обнаружила, что тени движутся быстрее, чем раньше. Складывалось впечатление, что они попали в мои жилы и бегут вместе с кровью. Доктор Фадлан предупреждал меня, что мой токодар должен усиливаться, когда я взволнованна. Отирианец оказался прав. Мне было наплевать на смерть Сузао. Точнее, я даже подумывала плюнуть в его погребальный костер, чтобы услышать, как зашипит плевок.

А вот состояние Акоса меня действительно тревожило.

Наконец он пришел в себя настолько, что поправил свою повязку на руке и поплелся в спальню. Убедившись, что он укрыт одеялом, я поставила тигель на горелку. Как-то раз Акос приготовил мне снадобье, позволяющее спать без сновидений.

Настала моя очередь.

23. Акос

Мир соскальзывал с него, точно шелк с шелка. Он не хотел с ним сливаться, как масло не желает смешиваться с водой. Акос не осознавал хода времени. Секунды превращались в часы. Он на минутку становился под душ, а выходил с побелевшей кожей и сморщенными пальцами, похожими на вяленые солефрукты. Ночной сон мог продлиться до позднего утра и затянуться до следующего вечера. Пространство сделалось зыбким. То он стоял на арене, заляпанный чужой кровью, то брел по ковыль-траве, спотыкаясь о скелеты когда-то заблудившихся людей.

Исчезали лепестки тихоцвета, которые он держал во рту, чтобы сохранять спокойствие. Терялись слова, которые он собирался произнести, а руки вдруг начинали дрожать и наотрез отказывались подчиняться.

Сперва Кайра его не трогала. Однако накануне приземления в Воа, после того как Акос пропустил несколько приемов пищи подряд, она ворвалась в его комнату и сказала:

– Вставай. Сейчас же.

Он непонимающе поглядел на нее, как будто она говорила на неизвестном языке. Кайра закатила глаза, схватила его за руку и потянула. Ее прикосновение обожгло болью. Акос поморщился. Кайра выругалась.

– Видишь, к чему это привело? – воскликнула она. – Ты начал чувствовать мой токодар. Настолько ослаб, что твой собственный не справляется. Тебе надо поесть.

– А, ты хочешь вернуть обратно своего слугу, да? – сердито огрызнулся Акос. – Хорошо, я готов. Готов умереть за твою семью, что бы это ни означало.

– Я знаю, что такое превратиться в того, кого ненавидишь, – Кайра склонилась над ним, их лица оказались совсем близко. – И понимаю, как тебе больно. Но жизнь вообще полна боли, – в белках ее глаз замелькали тени, подтверждающие правоту ее слов. – Твоя способность терпеть боль – куда выше, чем ты считаешь.

Она посмотрела на него в упор.

– Жизнь полна боли, – повторил Акос. – Воодушевляющий лозунг.

– Когда я проверяла Айджу в последний раз, он все еще... существовал, – произнесла Кайра. – Ты обязан остаться в живых – хотя бы ради него.

– Айджа! – фыркнул Акос. – При чем здесь мой брат?

О нем Акос не вспоминал со дня дуэли. Думал лишь о том, как сильно ему хотелось победить Сузао.

– А что тогда при чем? – спросила Кайра.

– Откуда мне знать? – Он с размаху ударил кулаком в стену, не обращая внимания на боль в костяшках. – Ты превратила меня в убийцу, вот ты теперь и отвечай! Когда речь идет о выживании, для чести нет места. Помнишь?

Огонь в ее глазах угас. Акос пожалел о сказанном и уже открыл рот, чтобы попросить прощения, но тут в дверь постучали.

Не вставая с койки, он наблюдал за Кайрой, которая пошла открывать. В коридоре стоял стражник, позади него – Йорек.

– Не впускай его! – Акос спрятал лицо в ладонях.

– А ты забыл, чья эта каюта, – осадила его Кайра и отступила, пропуская гостя.

– Проклятье! – Акос вскочил на ноги.

Перед глазами почернело, и он врезался в косяк. Наверное, Кайра права, ему нужно поесть.

При виде Акоса Йорек остолбенел.

– Желаю удачи! – бросила Кайра и заперлась в ванной.

Йорек принялся растерянно озираться. То рассматривал украшенную броней переборку, то растения, свисающие с потолка, то кастрюли-сковородки на колченогой плите. Почесал шею, оставив розовые полосы от ногтей. Дурная привычка, выдававшая его нервозность. Акос двинулся к нему. Тело стало неимоверно тяжелым, добравшись до стула, он запыхался.

– Зачем ты сюда явился? Ты ведь получил что хотел, верно?

Акос рассвирепел. Ему требовалось вцепиться во что-нибудь когтями и удержаться на поверхности. Даже если бы для этого ему пришлось ранить Йорека, который уже вдоволь настрадался.

– Получил, – согласился Йорек, присаживаясь на соседний стул. – И зашел, чтобы поблагодарить тебя.

– Незачем! Мы заключили сделку. Я убиваю Сузао, ты выпускаешь Айджу.

– Это будет проще сделать в Воа, – произнес Йорек тихим голосом: так разговаривают с диким зверем, в которого, вероятно, только что превратился Акос. – Послушай, я... – Йорек наморщил лоб. – Я тогда много не знал. Думал тебе это раз плюнуть. Таким уж ты мне показался.

– Хватит! – Акос вновь спрятал лицо в ладонях.

Мысли о том, как легко ему далось убийство, теснились в голове. У Сузао не было шансов, он не понимал, с кем связался. Акос чувствовал

себя настоящим убийцей – причем куда острее, чем после убийства Кальмева. Тогда он действовал в состоянии аффекта, почти во сне. Теперь все было иначе.

Йорек положил руку ему на плечо. Акос попробовал ее стряхнуть, но Йорек не поддался. Пришлось открыть глаза.

– Это тебе от моей мамы, – сказал Йорек, вытаскивая из кармана длинную цепочку, с которой свисало кольцо.

Металл отливал оранжево-розовым, а на кольце оказался выбит какой-то знак.

– Печатка с гербом моего рода. Мама хочет, чтобы она была у тебя.

Акос провел трясущимися пальцами по изящным звеньям: для крепости их сделали двойными. Сжал в кулаке кольцо, так что герб отпечатался на ладони.

– Твоя мать... благодарит меня? – Голос Акоса дрогнул, голова склонилась на стол, но слез уже не было.

– Теперь моя семья в безопасности, – ответил Йорек. – Навести нас, если сможешь. Мы живем на окраине Воа, между Рубежом и тренировочным лагерем. Селение прямо у дороги. После того, что ты для нас сделал, ты будешь желанным гостем.

Акос почувствовал тепло на затылке: Йорек погладил его по голове. Акос неожиданно успокоился.

– Ах да. Не забудь, пожалуйста, нанести на руку знак, – произнес Йорек напоследок.

В каюте воцарилась тишина.

Акос продолжал сжимать в кулаке подарок. Костяшки саднили: он чувствовал подсыхающие болячки. Раздался скрип двери ванной комнаты.

Кайра тихо прошла по кухне, чем-то негромко погромела, положила перед Акосом ломоть хлеба. Он жадно проглотил его, чуть не подавившись. Вытянул левую руку, вывернув ее так, чтобы были видны шрамы.

– Вырежи знак, – проговорил Акос.

Его хриплый голос больше походил на рычание, чем на членораздельную речь.

– Успеется, – она погладила его по коротким волосам.

Ее токодар не причинял ему боли. Может, Йорек сумел усмирить Акоса? А может, все дело в том, что он поел.

– Пожалуйста, – добавил он. – Просто... вырежи знак.

Кайра потянулась за своим ножом. Акос видел, как напряглись ее мышцы.

Кайра Ноавек, сплошные мускулы и ничего лишнего. Однако ее сердце

смягчилось. Она напоминала кулак, учившийся разжиматься.

Кайра взяла Акоса за запястье. Его пальцы прикоснулись к ее коже, прогоняя тени. Без их черноты становилось заметно, какая она красивая: длинные волнистые волосы, блестевшие в неровном свете, темные, почти черные глаза, тонкий орлиный нос, родинка в ямочке на шее.

Кайра приложила острие к коже рядом со вторым знаком, перечеркнутым по диагонали.

– Готов? Один, два, три...

На счет «три» она не дрогнувшей рукой сделала надрез. Вытащила из шкафчика пузырек с тушью и кисточку, нанесла жидкость на ранку, отточенностью движений напоминая художника у мольберта.

Акоса пронзила жгучая боль, за которой последовала вспышка адреналина, избавляющего и от боли, и от душевного смятения.

– Сузао Кузар, – шепнула Кайра.

И Акос почувствовал, как и было положено, – эту потерю, ее тяжесть и непоправимость. Он позволил себе найти утешение в шотетском ритуале.

– Прости, – произнес Акос.

Он не знал, за что просит прощения: за то, что нахамил ей сегодня, за то, что случилось после дуэли, или за что-то еще.

На другой день он проснулся от шума. Кайра подметала в ванной осколки разбитого им зеркала. Потом прикручивала на место выдранную вешалку. Акос не помнил, когда ее выломал. Зато с изумлением обнаружил, что Кайра, как обычная простолюдинка, умеет пользоваться различными инструментами. Впрочем, это же Кайра – настоящий кладезь всяческих неожиданных знаний и умений.

– Я не настолько цинична, чтобы забыть, – сказала девушка, отводя взгляд. – Забыть, что чувствуешь, когда твой мир рушится.

Она накрыла ладонь Акоса правой рукой, а левой нежно дотронулась до его шеи. Акос вздрогнул, но сразу расслабился. На шее до сих пор была царапина от клинка Сузао, оставшаяся после стычки в столовой. Ее пальцы провели по старому шраму, который Ризек когда-то оставил на его скуле. Акос подался навстречу этому прикосновению. Горячо, слишком горячо. Она еще никогда не дотрагивалась до него вот так.

Он и не думал, что они захотят чего-то большего.

– Я не понимаю тебя, – прошептала Кайра.

Ее ладонь скользнула к его щеке, длинные пальцы прошли за ухом.

Тонкие, чуткие, с суховатой кожей на костяшках.

– Любой другой от такой жизни давно бы превратился в отчаявшегося зверя, – продолжила она. – А ты... как это вообще возможно?

Акос закрыл глаза, сопротивляясь боли.

– Понимаешь, Акос, мы на войне, – она прижалась лбом к его лбу, вцепившись рукой в его плечо. – Война между тобой и теми, кто разрушил твою жизнь. Не стыдись с ними драться.

Акос почувствовал совершенно иную боль. Острое желание, зародившееся глубоко внутри.

Он захотел ее.

Теперь он жаждал провести пальцами по ее точеной скуле, поцеловать ее милую родинку на шее, ощутить ее дыхание, запутаться в волосах.

Он прижался губами к ее щеке, настолько сильно, что это совсем не походило на поцелуй. Их дыхание вдруг стало общим. Акос резко отстранился, встал, отвернулся. Недоуменно вытер рот.

Кайра не шевелилась, он чувствовал спиной тепло ее тела.

Затем она положила руку между его лопатками. Позвоночник стало покалывать. Неужели ее токодар проник даже сквозь рубашку?

– Мне нужно кое-что сделать, – сказала Кайра. – Я скоро вернусь.

И она исчезла, как сон.

24. Кайра

Я шагала по техническим переходам, и мое лицо горело. Воспоминание о губах, прижимавшихся к моей щеке, пульсировало в голове. Я попыталась потушить навязчивую мысль, словно упорный уголек. Нельзя поддерживать столь сильный огонь и при этом пытаться жить по предложенным тебе правилам.

Запутанный маршрут к крошечной каютке Теки вел в самое сердце корабля.

Я постучала. Дверь распахнулась. Тека была босой, в свободной одежде. Отсутствующий глаз вместо повязки прикрывал лоскут ткани.

Я посмотрела на спальную полку и импровизированный стол под ней, очищенный от проводков, отверток и прочего. Тека готовилась к посадке.

– С ума сошла, являться ко мне без предупреждения? – прошипела она, втаскивая меня в комнату, в ее глазу мерцала тревога.

– Что бы вы там ни собирались сделать с моим братом, это должно случиться завтра.

– Завтра, – недоверчиво повторила она. – В смысле, в тот день, который последует за сегодняшним?

– Когда я заглядывала в словарь последний раз, там было именно такое определение.

Тека опустилась на шаткий табурет и уперлась локтями в колени. В вырезе рубашки мелькнула грудь. Было странно видеть Теку в непринужденной обстановке собственной каюты. Хотя, чему тут удивляться: мы с Текой не очень-то хорошо знакомы.

– Почему? – спросила она.

– После приземления будет царить неразбериха, – ответила я. – Охранные системы еще не приведут в порядок, шотеты будут уставшими. Идеальный момент.

– У тебя есть план? – оживилась она.

– Задняя калитка, черный ход, скрытые коридоры. Проникнуть в особняк будет нетрудно, поскольку я знаю коды. Однако чтобы пройти в крыло Ризека, вам потребуется моя кровь для сенсоров. Ждите меня в полночь у задней стены, и я вам помогу.

– А ты уверена, что справишься?

У изголовья ее койки висела новая фотография Зоситы. Рядом – еще одна: мальчик, вероятно, брат Теки. Горло у меня перехватило спазмом. Как

ни крути, именно моя семья виновна в ее страданиях.

– Что за глупый вопрос? – скривилась я. – Разумеется справлюсь. Сами-то вы сможете выполнить свою часть договора?

– Насчет Керезета? Ага. Ты выпускаешь нас внутрь, а мы выпускаем его.

– Все должно произойти одновременно. Нельзя, чтобы он пострадал еще из-за того, что я успела натворить. Он – невосприимчив к тихоцветам, поэтому придется его чуть-чуть пристукнуть. Но он – отличный боец, учтите.

Тека задумчиво кивнула и уставилась в пространство, некрасиво жуя губу.

– В чем дело? Вид у тебя какой-то... неуверенный.

– Вы, ребята, поссорились, что ли?

Я промолчала.

– Не понимаю, – продолжила Тека. – Ты явно в него влюблена, почему ты хочешь, чтобы он ушел?

Отвечать мне не хотелось. Меня не покидало недавнее воспоминание. Еще вчера его горячие губы прильнули к моей коже, а щетина на его подбородке оцарапала мне щеку.

Акос меня поцеловал. Внезапно и наивно. Я должна была чувствовать себя счастливой и окрыленной.

Но, нет, все оказалось слишком запутанно.

Я могла бы назвать Теке дюжину причин. Акос находился в опасности, поскольку Ризек понял, что сумеет использовать его как рычаг давления на меня. Айджа был потерян навек, и, возможно, Акосу удастся примириться с этим, когда он попадет домой, к матери и сестре. Мы с Акосом никогда не станем равными, пока Ризек держит его в плену, а значит, мне надо его освободить. Но я сказала то, что беспокоило меня сильнее всего.

– Здешняя жизнь его... убивает, – я переминалась с ноги на ногу, чувствуя себя не в своей тарелке. – А я... не могу это видеть.

– Ясно, – кивнула Тека. – В общем, ты выпускаешь нас внутрь, мы его уводим. Лады?

– Лады, – согласилась я. – Спасибо тебе.

Я всегда ненавидела возвращаться домой.

Перед посадкой шотеты всегда собираются на обзорной палубе и приветствуют радостными криками родную планету.

Корабль гудел. Люди паковали вещи, с нетерпением ожидая встречи с детьми и стариками. Но меня охватила глубокая печаль.

И тревога.

Мои сборы были недолгими. Сложить немногочисленные тряпки и оружие. Выкинуть скоропортящиеся продукты, снять несвежие простыни. Акос молча помогал, на его руках еще оставались бинты. Его расстегнутая сумка валялась на столе. Я смотрела, как он складывает одежду и подаренные ему книги, и заметила, что часть страниц загнута. Хотя я давно прочитала каждую из книг, мне захотелось пролистать хоть какую-нибудь из них. Взглянуть бы на то, что его заинтересовало!

Это стало бы чем-то вроде погружения в его внутренний мир.

– Ты ведешь себя непривычно, – произнес Акос, когда мы упаковали вещи и оставалось только дожидаться посадки.

– Не люблю возвращаться домой, – ответила я.

В конечном счете это было правдой.

– По-моему, именно здесь – твой настоящий дом. – Акос пожал плечами. – Твоего тут, в каюте, гораздо больше, чем в Воа.

Он был прав. И мне понравилось, как он это сказал. Акос узнал меня, наблюдая за мной, так же, как и я узнала его.

Да, так и есть.

Я нашла бы его в толпе по походке. Я запомнила очертания вен на его руках. Его любимый нож для нарезания ледоцветов.

И я не могла забыть его пряное дыхание, пахнущее тихоцветами и сендесом.

– В следующий раз я займусь своей каютой, – добавил он.

Следующего раза не будет, подумала я, а вслух сказала, принужденно улыбнувшись:

– Точно, так и сделай.

Однажды мать заявила, что у меня – прирожденный талант к притворству. Отцу не нравилось видеть, как я корчусь от боли, и я научилась ее скрывать: мое лицо делалось невыразительным и каким-то плоским, хотя мои ногти впивались в ладони. После посещения очередного лекаря ложь о том, где мы были, срывалась с моих губ стремительно и непринужденно. Умение врать и изворачиваться было в семействе Ноавеков вопросом выживания.

К своему таланту я и прибегла во время посадки: вход в атмосферу, суэта погрузочного дока, посадка в транспортники, процессия к поместью, возглавляемая Ризеком.

Вечером я ужинала вместе с братом и Имой. Я делала вид, что не замечаю ни ее руки на его колене, ни смятения в глазах Имы, мелькавшего всякий раз, когда Ризек не смеялся над ее шуткой.

Наконец она вроде бы расслабилась. После ужина, отбросив

условности, они сели рядышком. Их локти то и дело соприкасались. Я убила семью Имы, а она стала любовницей моего брата. Наверное, я бы сочла это мерзостью, если бы не понимала, что такое – жажда жизни. Желание выжить любой ценой.

Да, я понимала Иму. Однако теперь мне требовалось нечто большее: спасти Акоса.

Позже я тщетно пыталась внимательно слушать Акоса, объясняющего мне, как распознать силу ядовитого зелья без проверки опытным путем. Я старалась запечатлеть в памяти каждый миг, проведенный вместе с ним.

Совсем скоро мне предстояло справляться с зельеварением самостоятельно. Впрочем, если мы с заговорщиками потерпим сегодня поражение, я, конечно, умру. В случае успеха Акос отправится домой, а в стране, лишившейся владыки, воцарится хаос. В любом случае Акоса я уже не увижу.

– Нет-нет! – воскликнул он. – Не руби как попало, а нарежай ломтиками. Тонкими!

– Я и нарежаю. Это нож, он тупой, как...

– Да я с его помощью смогу нарезать идеально ровными ломтиками твой нос!

Я выразительно подбросила нож и поймала его за рукоятку.

– Неужели? Прямо-таки идеальными?..

Акос засмеялся и обнял меня за плечи. Сердце у меня защемило.

– Не притворяйся, что не способна к изящным движениям, Кайра.

– Подсмотрел, как я танцую, и вообразил, что тебе все про меня известно? – Я скорчила мрачную физиономию и постаралась всецело сосредоточиться на ледоцветах, хотя руки у меня дрожали.

– Мне известно достаточно. Вот, видишь? У тебя получился идеальный ломтик! – провозгласил он и случайно коснулся моего плеча.

Весь остаток вечера я сохраняла в себе воспоминание об этом прикосновении.

Мы закончили приготовление отвара, настало время идти спать.

Дверь за Акосом закрылась. Зажмурившись, я заперла ее на замок. Вернувшись к себе, потащила в ванную и выплеснула снотворное в раковину. Переоделась в удобный, не стесняющий движений тренировочный костюм и обувь на мягкой подошве. Заплела волосы в тугую косу, свернула ее и закрепила так, чтобы никто не мог за них схватиться. Спрятала клинок в заплечные ножны, проверив, что могу его легко выхватить. Я надеялась, что он мне не пригодится, в драке я предпочитала действовать голыми руками.

Отодвинула потайную панель в стене и выскользнула в проход. Дорогу я знала наизусть, но все равно сверялась с зарубками на перекрестках. Наконец нащупала круг, вырезанный на стене, – знак выхода.

И остановилась.

Что я делаю? Собираюсь помочь заговорщикам убить моего брата?

Ризек жил в жестоком угаре, подчиняясь приказам давно умершего отца, тень которого продолжала маячить у него за спиной. Ризек не получал никакого удовольствия от жизни. Люди, подобные моему брату, не рождаются такими извергами, их старательно лепят. Но время нельзя повернуть назад.

А теперь надо разбить Ризека.

Я толкнула дверь и прошла через высокие ковыли к задней калитке. В ковылях мне померещились бледные лица: Лети, Узул, моя мать... Они кивали мне, звали меня, шептали мое имя, звучащее как шорох травы на ветру. Поеживаясь, я набрала код – год рождения мамы. Калитка отворилась.

В нескольких футах за ней, в темноте, меня ждали Тека, Тос и Йорек. Все в масках. Я жестом предложила им войти на территорию поместья. Они прошмыгнули мимо меня и скрылись в ковылях. Заперев калитку, я поспешила показать им черный ход.

Мы крались к крылу Ризека. Мне почему-то казалось, что события подобной важности не должны происходить в тишине. Впрочем, тишина вполне могла свидетельствовать о судьбоносности нашего деяния. Мои пальцы нащупывали глубокие зарубки, подсказывающие нужную лестницу. Я уклонялась от торчащих гвоздей и переступала через скрипучие половицы.

В конце концов мы добрались до развилки. Налево – моя часть дома, направо – Ризека. Я повернулась к Тосу.

– Третья дверь налево, – сказала я и вложила в его руку ключи от комнаты Акоса. – Думаю, тебе придется применить силу, прежде чем получится его нейтрализовать.

– Ничего, разберемся, что к чему, – ответил Тос.

В этом я не сомневалась. Тос напоминал гору, Акосу при всей его подготовке ничего не светило. Тос, Тека и Йорек пошептались, и диссидент исчез в коридоре.

Мы же направились к Ризеку. Я ступала все осторожнее, памятуя о словах брата, сказанных Акосу, насчет повышенных норм безопасности в его крыле.

Тека дотронулась до моего плеча и скользнула вперед. Присела,

прижала ладони к полу. Ее глаза закатились, она тяжело дышала через нос. Встала и, кивнув, шепнула мне:

– Чисто.

Какое-то время мы передвигались, останавливаясь на каждом повороте, чтобы Тека с помощью своего токодара проверила наличие охранных систем.

Ризек, наверное, и не подозревал, что его жизни будет угрожать девушка-шотетка, копающаяся в механизмах и перепачканная машинным маслом.

Проход закончился неожиданно. Тупик. Коридор перегородили.

Вероятно, Ризек приказал закрыть проходы после неудачного побега Акоса. Желудок у меня сжался, но паники не было. Я сдвинула панель в стене и вошла в гостиную. От спальни и кабинета Ризека нас отделяли три комнаты, по меньшей мере трое стражников и замки, отпирающиеся кровью Ноавеков. Обезвредить стражу втихаря и не привлечь внимание других нам не удастся.

Я положила руку на плечо Теки и прошептала ей на ухо:

– Сколько времени вам надо?

Она показала два пальца.

Кивнув, я вытащила клинок из ножен и прижала его к бедру. Мускулы напряжились в предчувствии скорой нагрузки. Мы покинули гостиную.

В коридоре прохаживался стражник. Подстроившись под его шаги, я подобралась к нему вплотную, закрыла ему рот ладонью и воткнула лезвие в бок, под броню. Шотет заорал, моя рука приглушила его крик, но заставить замолчать, естественно, не могла. Я толкнула стражника, тот рухнул на пол.

Сама же я рванула к комнате Ризека. Остальные последовали за мной, не таясь. Раздался крик. Йорек, промчавшись мимо меня, врезался во второго стражника, сбив его с ног.

Я позаботилась о третьем. Схватила мужчину за шею своей рукой, в которой сгустились тени, и ударила шотета головой об стену. Вот и дверь Ризека. Я затормозила, по лицу тек пот. Сканер крови находился как раз здесь.

Я просунула руку в углубление возле двери. Тека сопела у меня за спиной. Откуда-то доносились громкие вопли и топот, но до нас охранники пока не добрались. Я почувствовала укол сканера и стала ждать, когда дверь откроется.

Но ничего подобного не произошло.

Я вытащила правую руку и сунула в углубление левую.

Опять ничего.

– Может, твой токодар на нее подействует? – спросила я у Теки.

– Если бы я могла, ты бы нам не понадобилась! – крикнула она. – Я могу только выключать или включать, но не открывать...

– Тогда бежим!

Я схватила Теку за локоть, впопыхах забыв о боли, которую причиняет мое прикосновение, и поволокла девушку по коридору.

– Уходим! – крикнула Тека Йореку.

Парень стукнул рукояткой ножа по голове стражника, с которым дрался, резанул по броне другого и кинулся к нам.

Теперь мы мчались вперед по лабиринту коридоров.

– Они за стенами! – услышала я чей-то рев.

Через щели в панелях брызнул свет. Поместье гудело. Мои легкие горели от быстрого бега. Я услышала, как со скрипом отодвигается панель позади нас.

– Тека, беги, найди Тоса и Акоса! – выкрикнула я. – Налево, потом направо, вниз по лестнице и снова направо. Код черного хода – ноль пять ноль три. Повтори!

– Налево, направо, вниз, направо, ноль пять ноль три, – отбарабанила Тека. – Кайра...

– Живо! – заорала я, толкая ее в спину. – Теперь ваш черед! Вы выводите его наружу, ты помнишь? Ты не сможешь вывести его наружу, если погибнешь! Вперед!

Тека кивнула.

Я резко остановилась.

Топот Теки и Йорека затих в отдалении. В узкий проход толпой ввалились стражники. Я накопила в себе столько боли, что потемнело в глазах. Мое тело испещряли тени – наверное, я сама стала похожей на тень, на обрывок ночи или пустоты.

С воплем я бросилась на первого стражника. Боль, сконцентрировавшаяся в моем кулаке, поразила его, он завизжал и повалился на бок.

Я всхлипнула и кинулась на второго. Затем на третьего. На четвертого...

Я могла выиграть немного времени для заговорщиков. Однако со мной все было кончено.

25. Кайра

– А ты модернизировал свою тюрьму, – сказала я Ризеку.

В детстве родители приводили меня сюда, показывая ряды камер под амфитеатром. Это не было официальной тюрьмой, скорее, особенным, тайным казематом в центре Воа, предназначенным для личных врагов Ноавеков. Когда я посещала ее в последний раз, обстановка напоминала картинку из исторической книжки: сплошь камень и железо.

Теперь здесь были полы из материала, смахивающего на непробиваемое закаленное стекло.

Мебели в моей камере не имелось, если не считать металлической скамьи да скрытых за подвижной панелью унитаза и раковины. Стена, отделяющая меня от брата, оказалась сделана из толстого стекла с прорезью для подачи еды. Теперь щель была открыта, и мы могли разговаривать.

Я сидела в углу скамьи, вытянув ноги, и чувствовала себя смертельно усталой.

Мышцы горели и ныли. Фиолетовые синяки от рук Васа, схватившего меня в коридоре, болели. На затылке вздулась шишка, – стюард двинул меня об стену, чтобы я потеряла сознание.

– И когда же ты успела превратиться в предательницу, сестричка?

Одетый в броню Ризек стоял в коридоре, опираясь рукой о разделяющее нас стекло. В тусклом свете его кожа казалась голубоватой.

Интересный вопрос. Я, к примеру, не чувствовала, что в кого-то «превратилась». Скорее наоборот, я наконец-то выбрала тот путь, который всегда лежал передо мной.

Я поднялась на ноги, в голове зашумело, но это было чепухой по сравнению с болью от пошедших вразнос теней, которые заплясали под кожей с запредельной скоростью. Ризек смотрел на черную паутину моего токодара как зачарованный.

Наверное, я представляла собой интересное зрелище.

– Вообще-то присяги я тебе никогда не давала, – заметила я, прижавшись к стеклу.

Нас разделял какой-то фут, но пока я чувствовала себя в безопасности. Кроме того, я могла высказать ему все без утайки.

– Однако если бы ты внял моим просьбам и оставил нас в покое, я бы не выступила против тебя. Но когда ты решил использовать Акоса, чтобы

выкручивать мне руки... Это стало последней каплей.

– Дура.

– Не настолько, как тебе представляется.

– Неужто, сестренка? – Он захохотал, обводя рукой тюрьму. – Вот он, результат твоей блестящей мыслительной деятельности! – Ризек склонился к стеклу, и оно запотело от его дыхания. – Ты в курсе, что твой любимый Керезет якшался с тувенским канцлером?

Я ощутила укол страха. Но Акос уже рассказал мне об Ориэве Бенезит, когда мы смотрели новости. Ризек, конечно, ничего не подозревал.

Но, кстати, что там с Акосом? Где он теперь?

И где заговорщики?

– Нет, – ответила я, едва ворочая пересохшим языком.

– Причем сестры Бенезит, как назло, близнецы. Даже не представляю, какую из них убить первой, а видения Айджи четко дают понять, что расправиться с близняшками надо в определенном порядке, иначе все пойдет прахом. – Ризек ухмыльнулся. – К тому же из его видений стало ясно, что нужная мне информация есть у Акоса.

– Иными словами, ты еще не заполучил токодар Айджи, – заявила я, надеясь его отвлечь.

Я хотела выиграть хотя бы несколько минут и подумать. Собраться с силами, прежде чем узнать, что случилось с Акосом и заговорщиками.

– Скоро я его получу, – проговорил Ризек. – Я предпочитаю действовать осмотрительно, а ведь это как раз то, что тебе недоступно.

Уел меня, ничего не скажешь.

– Почему моя кровь не подействовала на замок?

Ризек только осклабился.

– Бедняжка, Кайра! – протянул он. – Видишь ли, мы взяли твоего дружка, Тоса. Он-то и поведал нам после некоторых уговоров, что ты ввязалась в заговор с целью покушения на мою жизнь. И он уже мертв. Боюсь, я слишком увлекся, – улыбка Ризека стала еще шире, но его глаза слегка разъезжались, как будто он накачался тихоцветом.

Как он ни пытался выглядеть бессердечным, я понимала, что произошло в действительности. Ризек убил Тоса потому, что считал это необходимым, но убийства легко ему не давались. Брат наверняка принял крепкий отвар из тихоцветов заранее.

– Что... – начала было я, но дыхание перехватило. – Что ты сделал с Акосом?

– По-моему, ты совершенно не раскаиваешься, – продолжил Ризек, не обращая внимания на мой вопрос. – Если бы ты принялась умолять меня о

прощении, я бы проявил по отношению к тебе снисходительность. Ну, или к нему, по твоему выбору. А теперь ситуация усложнилась.

Дверь в конце коридора открылась, Ризек выпрямился. Первым появился Вас с синяком под глазом – в схватке я двинула его локтем. За ним – Айджа, волочивший какого-то человека, свесившего голову.

Спустя несколько секунд я узнала Акоса. Айджа толкнул брата на пол. Тот осел, сплевывая кровь.

Мне показалось, что в глазах Айджи промелькнула тень жалости, когда он смотрел на Акоса, но длилось это не более мгновенья.

– Ризек! – Меня захлестнула ярость, смешанная с отчаянием. – Ризек, он не имеет к случившемуся никакого отношения, пожалуйста, не впутывай его! Он ничего не знал...

– Кайра, дорогая! – Ризек засмеялся. – Я же тебе объяснял, меня интересуют сведения о тувенском канцлере.

Не отрывая ладони от стекла, я опустила на колени. Ризек присел на корточки.

– Поэтому надо избегать любовных заморочек, сестренка. Я смогу использовать тебя для того, чтобы выпытать у твоего дружка тувенца информацию о близняшках Бенезит. А с его помощью я выпытаю у тебя кое-какие ценные данные о заговорщиках. Просто, но изящно, не находишь?

Я бессильно привалилась к стене, кровь бешено стучала в висках. Бежать я не могла, но сдаваться без боя не собиралась.

– Вытаскивайте ее, – приказал Ризек, набирая код на двери камеры. – Поглядим, достаточно ли Керезет слаб, чтобы все сработало.

В камеру вошел Вас. Оттолкнувшись от стены, я кинулась на него, ударила плечом в живот и повалила. Он схватил меня за плечи, я вцепилась ему ногтями в лицо, сдирая кожу со щеки. Подоспевший Ризек двинул меня кулаком в челюсть. В голове помутилось, и я упала на бок.

Вас подтащил меня к Акосу. Мы стояли на коленях друг напротив друга, он был от меня на расстоянии вытянутой руки.

– Прости, – глухо сказала я.

Акос оказался здесь по моей вине. Если бы я не ввязалась в историю с заговорщиками... Но зачем сейчас думать об этом?

Акос поднял глаза, и внутри у меня все замерло, точно остановилось само время.

Я осторожно – как будто бы мой взгляд мог причинить ему физические страдания – посмотрела на него. Спутанные каштановые волосы, россыпь веснушек на носу, серые глаза, впервые смотревшие на меня беспечно. Я не

замечала крови и синяков. Вслушивалась в его дыхание, знакомое мне с первого поцелуя, когда каждый его вздох походил на маленький взрыв, словно он пытался их сдерживать.

– Я всегда думал, что моя судьба – стать предателем родины, – его голос был хриплым, как после долгого крика. – Однако ты все изменила, – Акос слабо улыбнулся, но улыбка получилась безумной.

Я осознала: ничего он им не расскажет, что с ним ни делай. Прежде я не понимала, насколько болезненно он воспринимает свою судьбу. Умереть за Ноавеков стало для Акоса проклятием, таким же, как для Ризека – пасть от руки сестер Бенезит.

Но я в открытую выступила против брата, поэтому смерть Акоса будет означать, что он не предавал своей родины. Может, и хорошо, что я встряла в заговор, за который мы заплатим нашими жизнями, – и оно того стоило?

От этой мысли многое упростилось. Сперва нам будет очень больно, а потом мы умрем. И я смирилась с неизбежным.

– Давайте-ка я вам кое-что проясню, – Ризек присел рядом на корточки, уперев локти в колени.

Его ботинки сияли. Вообразив, как Ризек самозабвенно их начищает, прежде чем отправиться пытать сестру, я едва удержалась от смешка.

– Вы оба будете очень страдать. Когда ты, Кerezет, решишь, что с тебя хватит, ты расскажешь мне все о судьбоносном канцлере Туве. Если ты, Кайра, поймешь, что ты сыта по горло, ты поведаешь мне о заговорщиках и их сношениях с колонией диссидентов. – Ризек посмотрел на Васу. – Начинай.

Я приготовилась к удару, но бить меня никто не собирался. Васу вцепился в мое запястье и приложил мою ладонь к лицу Акоса. Сначала я не сопротивлялась, уверенная, что ничего не произойдет. Но сразу вспомнила, что Ризек говорил о слабости Акоса. Похоже, пока я просидела в камере, его не кормили. Организм был на грани истощения, а вместе с ним – и токодар.

Я тщетно пыталась вырваться из хватки Васу. Костяшки моих пальцев прижимались к лицу Акоса. Тени неумолимо поползли к нему. Мне они, увы, не повиновались. Я никогда не умела ими управлять. Акос застонал, Айджа держал его, чтобы он не смог отстраниться.

– Отлично! – воскликнул Ризек, вставая. – Канцлер Туве, Кerezет. Я жду.

Я отчаянно сопротивлялась Васу, выкручивая свою руку. Тени зазмеились, и чем яростнее я боролась, тем больше их становилось. Ток, наверное, насмеялся надо мной. Васу оказался сильнее меня, и я не могла с

ним справиться. Придавив меня к полу одной рукой, второй он тянул меня за запястье, пока моя ладонь не легла на шею Акоса.

Такое мне не могло привидеться даже в страшном сне.

Плеть Ризека бьет Акоса Керезета.

Я почувствовала тепло Акоса. Моя боль рвалась наружу, желая, чтобы кто-нибудь разделил ее со мной. Она ворвалась в его плоть. И вдруг я обнаружила, что вместо обычного ослабления она только возрастает. Мои мышцы вибрировали от напряжения. Акос завопил, я эхом повторила его крик. Тело потемнело от Тока, я превратилась в центр черной дыры, в клочок беззвездного Окоема, каждый изит моего тела горел от боли и просил пощады.

Наши с Акосом голоса соединились, как две ладони. Я закрыла глаза.

Передо мной – деревянный стол с белесыми кругами от мокрых стаканов. На нем – грудa записных книжек, и на каждой – мое имя: Кайра Ноавек, Кайра Ноавек, Кайра Ноавек. Я знаю, где я очутилась. В кабинете доктора Фадлана.

– Поток течет сквозь каждого из нас. Он заполняет нашу плоть, как жидкий металл – формы для литья – опоки, в каждом случае принимая иные очертания и проявляясь по-разному.

Моя мать, сложив руки на коленях, сидит справа от меня, прямая как палка. Я вижу ее совершенно отчетливо, вплоть до выбившейся прядки волос над ухом и припудренного прыщика на подбородке.

– Дар вашей дочери причиняет физическую боль не только ей самой, но и другим людям, что свидетельствует о неких процессах, происходящих в глубине ее личности, – продолжает доктор Фадлан. Чтобы узнать точнее, потребуются дополнительные исследования. Но пока все выглядит так, будто девочка считает, что она это заслужила. И сейчас она просто пытается нести непосильную ношу на своих плечах...

Вместо того чтобы оборвать доктора, как было когда-то, мать молча склоняет голову. У нее на шее пульсирует жила. Мама поворачивается ко мне. Она еще красивее, чем мне запомнилось. Даже морщинки в уголках глаз выглядят восхитительно.

– И что ты об этом думаешь, Кайра? – спрашивает она и внезапно превращается в танцовщицу с Огры, ту с подведенными глазами и костями, светящимися под кожей.

Я каким-то образом замечаю даже крошечные впадинки в ее суставах.

– И что ты об этом думаешь, Кайра? – повторяет она.

– Не знаю, – отвечаю я моим нынешним, взрослым голосом.

Оказывается, в кресле сижу я, теперешняя, хотя доктора я посещала в детстве.

– Моя боль... она словно хочет, чтобы я ее прочувствовала и с кем-нибудь поделила.

– Правда? – улыбается танцовщица. – И с Акосом?

– Боль – это не я. Она не выбирает. Боль – мое проклятие.

– Нет-нет, – возражает танцовщица, глядя на меня в упор.

Ее собственные глаза – уже не карие, какими я их запомнила во время танца. Они – дымчато-серые и настороженные. Глаза Акоса, которые я узнаю и во сне.

На месте огрианки появляется Акос. Сидит на краешке стула, как птица, готовая взлететь. Стул под ним выглядит каким-то несерьезным.

– Каждый токодар заключает в себе проклятие, – изрекает он. – Но не бывает дара, в котором нет ничего, кроме проклятия.

– Положительная сторона заключается в том, что никто не может мне навредить, – отвечаю я.

Едва договорив, я понимаю, что не права. Люди вполне способны мне навредить. Им вовсе не обязательно до меня дотрагиваться или пытаться. До тех пор, пока меня беспокоит собственная жизнь, или жизнь Акоса, или жизнь едва знакомых мне заговорщиков, я столь же уязвима, как и прочие.

Я прищуриваюсь, мне в голову приходит другой ответ.

– Ты сказал, что я – нечто большее, чем нож или оружие. Думаю, ты прав.

Акос улыбается мне слабой улыбкой, и на его щеках появляются ямочки.

– Дар – это сила, – удивленно добавляю я. – Вот чем одарило проклятие.

Ответ, зародившийся во мне, похож на бутон тихоцвета, который неторопливо раскрывает свои лепестки.

– Я смогу все вынести. Я выдержу боль. Я смогу.

Акос гладит меня по щеке. Он превращается в танцовщицу, та – в мою мать, а мама – в Отегу.

Видение померкло, я вновь оказалась в тюрьме. Мои пальцы касались щеки Акоса. Мощная ручища стюарда стискивала мое запястье. Акос скрипел зубами. Тени токодара окружали нас дымным облаком. Оно было настолько плотным, что я не видела ни Ризека, ни Айджу, ни стеклянных стен.

Глаза Акоса, полные слез и боли, нашли меня.

Было бы так просто послать все мои тени прямиком в Акоса! Я проделывала это сотни раз, после чего на моей левой руке появлялся новый знак.

Нужно лишь открыть канал – и тогда боль соединит нас, как дыхание или как поцелуй.

Можно позволить ей излиться из меня, подарив нам обоим успокоение в смерти.

Но Акос не заслуживал такой участи.

И я резко разорвала связь. Между нами словно с треском захлопнулась дверь.

Я оставила всю боль при себе, пожелав, чтобы моя плоть потемнела, как чернила, которые плещутся в бутылке.

И я содрогнулась в агонии.

Но не закричала. Не испугалась. Я точно знала: я сумею выжить.

Часть четвертая

26. Акос

Где-то между сном и явью ему показалось, что он видит колышущуюся ковыль-траву. Вроде бы он находился дома и вдыхал запах снега и промерзшей земли.

Тоска пронзила его сердце, и Акос уснул.

Капли масла на воде.

Кажется, некоторое время назад он стоял на коленях на тюремном полу, наблюдая, как тени Тока маревом поднимаются над Кайрой. Густые клубы Тока окрасили плечо Айджи в цвет маренго. Кайру Акос видел теперь очень смутно, лицо девушки было запрокинуто, глаза закрыты, как будто она спала.

А теперь он лежал на тощем тюфяке. Его голые ноги прикрывало термоодеяло, из руки торчала игла. Кто-то пристегнул его запястье к раме койки наручником.

Боль и воспоминания о ней исчезали в оцепенении.

Он подвигал пальцами, острая игла зашевелилась под кожей. Акос нахмурился.

Что с ним? Где он? Может, ему до сих пор снится сон?

Он, наверное, давным-давно погребен в могиле под амфитеатром Воа...

А Ризек требовал рассказать ему об Ори Реднэлис. Об Ориэве Бенезит или как там ее зовут?

– Акос! – Женский голос прозвучал вполне реально.

Значит, не сон?

Она возвышалась над ним. Жесткие прямые волосы обрамляли ее лицо. Эти глаза он узнал бы где угодно. Именно они смотрели на него за обеденным столом, в их уголках появлялись морщинки, когда Айджа отпускал очередную шуточку. А если она нервничала, ее левое веко подергивалось. А сейчас она была здесь – может, материализовалась из воспоминаний?

Его собственное имя привело Акоса в чувство, и он окончательно очнулся.

– Ори? – каркнул он.

Ее слеза капнула на простыню. Ори накрыла его руку с воткнутой иглой своей ладонью. Рукава ее черного шерстяного свитера были натянуты почти до пальцев, ворот – высоко поднят. Так одевались только

тувенцы, предпочитавшие удушить себя, но не потерять ни крупницы драгоценного тепла.

– Сизи скоро будет здесь, – сказала Ори. – Я с ней связалась, она уже вылетела. И с твоей матерью я тоже поговорила. Но в данный момент ее нет на планете, поэтому потребуется какое-то время.

– Не уходи, – устало попросил Акос.

– Не уйду, – ее осипший голос успокаивал. – Я буду рядом с тобой.

Ему снились стеклянные тюремные стены. Колени упирались в черный пол, желудок сводило от голода.

Однако проснулся он в больнице. Ори, обняв его ноги, прикорнула прямо на стуле. В окно он увидел поплавки, стремительно проносящиеся мимо, и диковинные здания: они парили в небе, как перезрелые плоды.

– Где мы? – спросил он.

– В Шиссе. В больнице, – ответила Ори, сонно моргая.

– В Шиссе? Почему?

– Тебя тут высадили. Не помнишь?

Прежде ее голос звучал иначе, складывалось впечатление, что она тщательно подбирает слова. Но чем больше они говорили, тем быстрее она возвращалась к неторопливому, текучему говору Гессы. Акос поймал себя на мысли, что и с ним происходит то же самое.

– Высадили? Кто?

– Мы думали, ты нам скажешь.

Акос напряг память, но так ничего и не вспомнил.

– Не волнуйся, – она вновь накрыла ладонью его руку. – Тебя ведь накачали тихоцветами. Просто чудо, что ты вообще остался жив. Никто не ждет, что память быстро к тебе вернется, – на ее губах заиграла лукавая улыбка. – Похоже, они плохо тебя знали, если выгрузили в Шиссе, как городского сопляка.

Акос почти забыл их шуточки. В детстве они считали, что ребята из Шиссы, проводящие жизнь в небесах, не способны распознать ледоцвет, даже если тот будет у них под носом. Да что ледоцвет, они и кухлянку-то застегнуть как следует не могут. В общем, – никчемные существа, прячущиеся под стеклянными колпаками.

– Городские сопляки. И это говорит судьбоносный канцлер Туве, – усмехнулся он. – Или канцлер – твоя сестра-близнец? Кто из вас старше, кстати?

– Я – не канцлер. Но я должна помочь сестре взойти на трон и поддерживать ее. Впрочем, даже если бы я и была канцлером, я бы никогда не дождалась от тебя почтения, подобающего моему статусу.

– Снобка, – бросил Акос.

– Шпана гессиианская.

– Я – из рода Керезетов! Так что я не совсем шпана.

– Конечно, – она продолжала улыбаться, ласково глядя на Акоса.

Он покосился на свою руку, прикованную к раме, но решил не возмущаться.

– Ори, я на самом деле в Туве?

– Да.

Акос помолчал. В горле застрял комок.

– Я по тебе скучал, Ориэва Бенезит, – прошептал он, – или как там тебя зовут.

– Почему ты так долго не возвращался? – Ори засмеялась сквозь слезы.

Проснувшись в следующий раз, он почувствовал, что оцепенение проходит. Боль не исчезла, но запредельное мучение, во время которого он перенесся из Воа в Шиссу, улетучилось. Несомненно, остаточный эффект токодара Кайры был побежден тихоцветами.

От одной мысли о Кайре ему стало страшно. Где она? Те, кто доставил его сюда, спасли ли они и Кайру? А вдруг они бросили ее умирать в тюрьме Ризека? Почувствовав во рту привкус желчи, Акос открыл глаза.

В изножье койки стояла девушка с кудрявыми волосами. Ее глаза были широко раскрыты. В нижней части одного из них темнело пятнышко, там, где зрачок граничил с радужкой, – дефект, который был у нее от рождения. Сизи.

– Привет! – произнесла она мелодичным голосом.

Ее голос прозвучал негромко и мелодично. Акос хранил воспоминание о нем глубоко в сердце – точно заветное семечко, которое должно когда-нибудь прорасти.

А плакать здесь, в тепле и безопасности, оказалось легко и приятно.

– Сизи, – просипел он, смаргивая слезы.

– Как ты себя чувствуешь?

Да уж, вопрос вопросов, подумал Акос.

Однако он понимал, что сестра спрашивает его о боли и ответил:

– Хорошо. Бывали времена и похуже.

Двигаясь бесшумно в своих гессиианских унтах, Сизи приблизилась к изголовью и повернула какой-то рычажок. Изголовье приподнялось, и теперь Акос принял сидячее положение. Он поморщился. Ребра заболели. Под влиянием тихоцветов он почти забыл о них.

Прежде Сизи была очень сдержанной, поэтому Акоса поразило, что

она бросилась ему на шею и крепко обняла. Сначала он не пошевелился, просто не мог, и лишь затем неловко обнял Сизи в ответ. Детьми они обнимались нечасто, разве что с отцом. Нравы в семье были суровыми.

Сизи быстро отстранилась. Главное, что она находилась здесь. Живая и невредимая.

– Поверить не могу, что мы вместе, – выдохнула она и забормотала молитву.

Давненько Акос не слышал тувенских молитвословий. Благодарственные в основном отличались краткостью, но Акос не смог заставить себя помолиться с сестрой. Слишком много тревожных мыслей теснилось в голове.

– И мне не верится, – признался он, когда Сизи умолкла.

Она держала его за руку и улыбалась. Нет, уже не улыбалась, а хмурилась, глядя на их сцепленные пальцы. Акос стер с ее щеки слезу.

– Надо же, я плачу! – произнесла Сизи. – Я не ревела с того самого дня, как обрела токодара.

– Почему?

– А ты не замечал? – Она шмыгнула носом. – Я действую на людей... умиротворяюще. А сама я не могу нарушить это умиротворение, например, у меня никак не получалось...

– Заплакать, – закончил Акос.

То, что токодар Сизи примирял людей с действительностью, несколько не удивило Акоса. Однако то, как Сизи говорила о токодаре, походило на описание схватившей за горло руки.

Разве так должно быть?

– Мой токодар ограничивает меня. И у тебя – то же самое...

– Это может пригодиться.

– Иногда.

– Ты летал на Побывку? – спросила вдруг Сизи, сжимая его руку.

Акос решил, что сейчас сестра засыплет его вопросами, но она торопливо добавила:

– Я очень нервничала, услышав об этом в новостях. Ты ведь не умеешь плавать.

Он невольно рассмеялся:

– Меня окружала толпа шотетов, я жил в особняке Ризека Ноавека, а ты переживала из-за того, умею ли я плавать?

– Видишь ли, я способна беспокоиться о двух вещах одновременно. Даже о трех, – язвительно заметила она.

– Сиз, почему я прикован к койке? – поинтересовался Акос, сменив

тему.

– Когда тебя нашли, ты был в шотетской броне. Канцлер приказала нам соблюдать осторожность, – ее щеки порозовели.

– А Ори за меня не заступилась?

– Заступилась. И она, и я, мы обе, – ответила Сизи.

Сестра больше ничего не уточнила, хотя, наверное, ее теперешний социальный статус позволял Сизи напрямую общаться с канцлером Туве.

Акос решил не углубляться в подробности. Пока, во всяком случае.

– Но канцлер... Короче, ее нелегко переубедить.

Голос Сизи отнюдь не звучал осуждающе. Она вообще никого никогда не осуждала, умудряясь сочувствовать каждому живому существу. Сострадание затрудняло взаимоотношения, хотя за те сезоны, что они не виделись, Сизи научилась с этим справляться. Она почти не изменилась, только похудела и скулы заострились. Фигура была мамина, а все остальное – широкая улыбка, ровные брови, тонкий нос – Сизи унаследовала от отца.

Когда Сизи видела Акоса в последний раз, он показался ей ребенком: пухлощеким и самым низеньким из класса. Всегда тихим, чуть что – заливающимся краской.

Сейчас он был выше самых рослых тувенцев. Он стал мускулистым и крепким, со знаками убийств на руке. Узнает ли она в нем своего пропавшего брата?

– Я не собираюсь ни на кого нападать, – заявил он.

– Я тебе верю.

Ему было приятно видеть в Сизи ту добрую девочку, какой она была прежде, но в ее взгляде появилась сталь, а вокруг рта залегли ранние морщины, намекая на жизнь, полную боли.

Она повзрослела.

– Ты изменилась.

– Кто бы говорил. Слушай, мне нужно тебя спросить... – в задумчивости Сизи принялась грызть ноготь. – Об Айдже.

Акос подумал о том, как Айджа волок его в тюрьму. Он с силой сжимал плечи Акоса, в то время как Акос шепотом повторял имя брата, умоляя того о помощи... о еде... о милосердии...

Акос до сих пор ощущал на себе тяжелую руку Айджи.

– Он жив?

– Зависит от того, что понимать под этим словом, – резко ответил Акос.

Так могла бы ответить Кайра.

– В прошлом сезоне я просматривала взломанный шотетский канал, Айджа занял сторону Ризека, – Сизи посмотрела на него, ожидая его реакции, но Акос молчал. – А ты был с Кайрой, – добавила она.

– А в последние дни ты ничего не смотрела? – горло внезапно пересохло, как будто он наглотался пыли.

– Нет, это непросто сделать. Почему ты спрашиваешь?

Ему требовалось узнать, что с Кайрой. Он желал этого столь же сильно, как пустыня жаждет воды, поглощая каждую каплю, какую только может найти. Если он действительно находится в Шиссе, значит, здесь нет шотетских каналов, а следовательно, нет никакой возможности проверить, жива она или мертва.

Если только он не вернется за ней к шотетам.

Так предначертано. Он должен вернуться и помочь Кайре. Он должен вызволить Айджу, даже если придется отравить брата. Ничего еще не кончено.

– Поэтому Исэй, в смысле – канцлер, и велела приковать тебя к койке, – произнесла Сизи. – Если бы ты смог объяснить, почему был с ней...

– А зачем? – крикнул Акос, и Сизи отшатнулась, испугавшись его гнева. – Я остался жив, и теперь я – то, что я есть. Что бы я вам ни сказал, сейчас уже ничего не изменишь – слишком поздно! А я и знать не хочу, во что вы там уверовали... за время моего отсутствия!

Акос как будто заново превратился в раздражительного подростка. Возвращение домой было сродни путешествию во времени.

– Лично я ни во что не уверовала, – Сизи опустила голову. – Но позволь мне тебя предупредить. Канцлер желает убедиться, что ты... не стал предателем. Так я полагаю.

– Убедиться? – Руки у Акоса затряслись. – И каким же образом?

Сизи собиралась ответить, но вдруг дверь распахнулась, и в палату ворвался тувенский солдат в униформе, состоящей из бордовых брюк и серого кителя. Он замер у стены, а на пороге появилась сестра-близнец Ори. Акос мгновенно понял, что это не Ори, хотя лицо девушки скрывалось под вуалью. Рукава долгополого черного платья с капюшоном плотно облегли запястья, от талии до шеи шел ряд мелких пуговиц. Черные же ботинки были начищены до блеска, каблуки звонко стучали по деревянному полу. Канцлер остановилась в футе от койки и, скрестив руки на груди, воззрилась на Акоса. Ее ногти оказались идеально розовыми. Глаза, блестящие из-за вуали, были аккуратно подведены, подчеркивая линию ресниц.

Исэй Бенезит. Канцлер Туве.

В Гессе у Акоса не было повода научиться приветствовать лицо столь высокого ранга. Он кое-как выдавил:

– Канцлер.

– Вижу, тебе не составляет труда отличить меня от сестры, – произнесла она со странным выговором, напоминающим акцент жителей окраин галактики.

Акос недоумевал: он ожидал услышать акцент, характерный для людей, запросто посещающих штаб-квартиру Ассамблеи.

– Все дело в обуви, – честно объяснил он. – Девчонка из Гессы никогда такую не наденет.

Вошедшая следом Ори рассмеялась. Теперь, когда сестры стояли рядом, спутать их было невозможно. Ори сутулилась и переминалась с ноги на ногу. Исэй казалась высеченной из льда.

– Могу я поинтересоваться, почему ты, Ори, в нарушение правил безопасности открыла ему свое лицо? – осведомилась Исэй.

– Он мне все равно что брат, – твердо ответила Ори. – Я не буду от него прятаться.

– А какая разница-то? – изумился Акос. – Вы же близняшки. Если я в курсе, как выглядит одна, то узнаю и вторую, верно?

Вместо ответа Исэй взялась за уголок вуали. Когда та сползла вниз, у Акоса отвисла челюсть.

Лицо Исэй изуродовали два шрама. Один пересекал лоб, другой протянулся от скулы до кончика носа. Подобные шрамы Акос видел на физиономии Кальмева, да и у Акоса тоже имелись такие отметины. Это были следы от ток-ножей – редкого оружия в галактике, поскольку Ток сам по себе – оружие.

Вероятно, Исэй пострадала именно от шотетского клинка.

«Немудрено, что все держалось в таком секрете, – подумал Акос. – А то, что сестры оказались близнецами, сыграло тувенцам на руку».

– Давайте не будем рассыпаться в любезностях, – отрезала Исэй. – Сизи как раз собиралась объяснить тебе, в чем мой токодар, верно?

– Да, – ответила Сизи. – Исэй... то есть, ее светлость, с помощью прикосновения способна, скажем так, призвать твои воспоминания. Токодар помогает ей удостовериться, кому следует доверять, а кому – нет.

У Акоса был миллион воспоминаний, которыми он ни с кем не желал делиться.

Перед его внутренним взором возникло лицо Кайры, покрытое узором теней.

Избегая встречаться с сестрой взглядом, Акос почесал в затылке.

– Не выйдет, – пробормотал он. – Токодары на мне не работают.

– Правда? – спросила Исэй.

– Проверьте, если хотите.

Исэй, стуча каблуками, подошла и встала слева, напротив Сизи. Вблизи ее шрамы оказались темными и слегка сморщенными по краям. Похоже, она получила их несколько сезонов назад. Канцлер дотронулась до руки Акоса, скованной металлическим браслетом.

– Ты прав, – произнесла она. – Я ничего не чувствую.

– Вам придется поверить мне на слово, – предложил он.

– Посмотрим, – ответила Исэй и вернулась на прежнее место в изножье койки. – Спрашивал ли тебя Ризек Ноавек или кто-нибудь из его окружения обо мне? Мы в курсе, что ты обладаешь кое-какой информацией, поскольку видел Ори в день объявления судеб.

– Неужели? – ахнула Сизи.

– Ага, – голос Акоса дрогнул. – Да, он меня спрашивал.

– И что ты ему ответил?

Акос подтянул колени к груди, как ребенок, испугавшийся бурана, и уставился в окно. Шисса сияла в вечернем сумраке, парящие здания сверкали сотней оттенков – на любой вкус и цвет.

Дом, зависший совсем неподалеку, был лиловым.

– Я уверен, что ничего не сказал, – тихо ответил Акос, а в памяти отчетливо всплывали стены камеры, стеклянный пол, лицо Кайры, рука Айджи на плече. – Я умею переносить боль, я не слабак, я...

Его лепет смахивал на бред сумасшедшего. А если он что-то выдал, потерявшись в нестерпимых страданиях?

– У него есть доступ к воспоминаниям Айджи об Ори, ему достаточно уловить связь между Ори и ее судьбой, чтобы узнать вашу внешность, вымышленные имена, происхождение. А я пытался молчать. Он хотел узнать, кто из вас кто и которая старше. Ему известно... оракул ему сказал, что одну надо убить прежде другой, поэтому все, что вас отличает, – опасно. И спрашивал об этом снова и снова. Я молчал, я надеюсь... Я уже ничего не помню.

Ори порывисто кинулась к Акосу, обняла за шею, погладила по волосам, ее прикосновение помогло ему собраться с мыслями.

– Если ты рассказал ему что-нибудь полезное, например, где Ори выросла или кто ее воспитывал... он придет за нами сам? – спросила Исэй, стоящая как истукан.

– Нет, – Акос сглотнул. – Кажется, он вас боится.

Ризек никогда ничего не делает лично. Ни за своим драгоценным оракулом, ни за Акосом он не явился. Он не пожелает даже ступить на земли тувенцев.

Когда Акос смотрел репортаж из Осока о близнецах, глаза Исэй показались ему знакомыми. Но сегодняшнее выражение ее лица было совершенным непроницаемым.

Такое попросту невозможно для Ори. На него смотрели глаза убийцы.

– Боится? И правильно делает, – отчеканила Исэй. – Но наша беседа еще не закончена. Я должна поговорить с тобой о Ризеке Ноавеке. Так что я с тобой не прощаюсь.

Она накинула вуаль на лицо, Ори последовала примеру сестры. Прежде чем выйти, Ори задержалась в дверях.

– Акос, не волнуйся, – произнесла она. – Все утрясется.

Он не был в этом уверен.

27. Акос

Акосу снился сон.

Он стоял на коленях в тюрьме. Стрелы токодара Кайры сновали вокруг него, как острицы вокруг корней ледоцвета. Кайра тяжело вздохнула, и тени взорвались, окутав их обоих дымным облаком. Прежде он никогда не видел, чтобы они покидали пределы ее тела. Что-то изменилось.

Кайра повалилась на бок, прямо в лужу крови, и схватилась за живот. Точь-в-точь как его умирающий отец, убитый Васом на глазах у детей. Скрюченные, окровавленные пальцы придерживали вываливающиеся внутренности.

Когда кровь превратилась в лепестки тихоцвета, Акос проснулся.

Он устал от наручников. Вернее, от необходимости держать руку в одном и том же положении, от ощущения металла на коже. Устал притворяться, что он в порядке.

Акос дотронулся до наручника. Замок работал на Токе, Акосу ничего не стоило его отпереть. Достаточно прикоснуться. Впервые он обнаружил свой дар во время похищения, перед тем как убить Кальмева Радикса.

С того дня словно целая вечность прошла...

Кольцо наручников щелкнуло и раскрылось. Акос выдернул иглу из второй руки и поднялся с койки. Тело еще болело, но голова не кружилась.

Он побрел к окну, за которым проносились габаритные огни поплавок. Ярко-розовые, огненно-красные и серо-зеленые ленты на круглых, приплюснутых суденышках напоминали ремни. Их света было недостаточно, чтобы освещать путь, они лишь обозначали присутствие полавка «на трассе».

Акос прижался лбом к стеклу и застыл.

Наступила ночь, городское движение утихло. Шисса засыпала...

Вдруг на фоне лилового здания мелькнул какой-то силуэт, а внизу, над полями ледоцветов, проплыл второй. Третий пролетел рядом с больницей, так близко, что стекло завибрировало. Акос узнал заплатанный металл. Шотетские корабли накрыли Шиссу как злобный рой.

В углу палаты взвыла сирена, секунду спустя дверь распахнулась. Исэй Бензит ворвалась к Акосу, стуча каблуками.

Канцлер швырнула ему брезентовый мешок.

– Полезно узнать, что наши наручники тебя не удержат, – заявила она. – Пойдем, будешь меня сопровождать.

Акос не сдвинулся с места. В мешке вроде бы лежала его броня.

Там должны находиться оружие и запас ядов. Если тот, кто выкинул его в Шиссе, как пакет с мусором, позаботился о броне, наверняка он сгреб в общую кучу и другие вещи Акоса.

– Я привыкла, что люди мне подчиняются! – прорычала Исэй, оставив свои официальные манеры. – Может, мне использовать дубину?

Акос вытащил броню и надел через голову. Затянул ремешки, а потом принялся рыться в мешке в поисках ножа, который ему подарила Кайра.

Акос вспомнил, что положил клинок в ее комнате в качестве извинения, после чего обнаружил его уже в каюте побывочного корабля и забрал себе.

– А моя сестра? – спросил он.

– Я – здесь! – откликнулась Сизи из коридора. – Ну, ты и вымахал, Акос!

Исэй схватила его за плечо. Он позволил ей крутануть его, будто куклу. Вероятно, не он будет сопровождать ее, а она его.

Когда они очутились в коридоре, все лампочки разом погасли, светились только полосы слева на плиточном полу. Исэй неумолимо тащила его вперед. Из глубины здания донеслись крики.

Акос нащупал ладонь Сизи, и они втроем, свернув за угол, побежали к аварийному выходу. В конце коридора маячили два силуэта в шотетской броне. Акос сбился с шага. Высвободился из хватки Исэй и отступил назад.

– Акос! – в ужасе воскликнула Сизи.

Исэй выхватила оружие. Это был ток-нож, не слишком острый, но вполне пригодный для обороны. Солдаты медленно двинулись к ней. Они приближались к Исэй, как к зверю, которого намеревались взять живьем.

– И куда же мы собрались? – спросил один на шотетском: солдатам не позволялось изучать иностранные языки.

Он был ниже Исэй, но куда крепче, и это еще слабо сказано. Он облизнул губы, потрескавшиеся от мороза.

Акос знал, что шотетские солдаты еще никогда не забирались настолько далеко на север. Они, конечно, не ожидали таких холодов.

– Я собираюсь покинуть больницу, – ответила Исэй по-шотетски с сильным акцентом.

Оба солдата расхохотались. Второй был явно моложе, голос у него ломался, как у подростка.

– Миленький говорок, – сказал тот, что постарше. – Где ты научилась нашему языку? Небось на какой-нибудь паршивой планетке Окоема?

Исэй атаковала. Акос не видел, что происходит. Внезапно раздался

болезненный крик девушки. Возможно, канцлера ранили.

Акос выскочил из-за угла со своим любимым клинком. Броня тускло блестела в полумраке.

– Отставить! – скомандовал он.

– Тебе чего? – спросил старший.

– Оставьте ее мне! – рявкнул Акос.

Солдаты не пошевелились, и Акос добавил:

– Я – стюард Ноавеков.

В принципе, он даже не сильно солгал, хотя никто официально не назначал его на должность.

– За ней меня послал Ризек Ноавек. Если вы ее убьете, мне будет сложновато выполнить его приказ.

Все замерли, включая Акоса. Они бы уже добрались до аварийного выхода, если бы не эти два... препятствия.

– Может, мне тебя убить и самому выполнить приказ? – усмехнулся старший шотет. – Представляю, как будет доволен мной владыка.

– Нет! – вытаращил глаза мальчишка. – Я его узнал! Он...

Старший взмахнул клинком. Однако шотет оказался чересчур крупным и неповоротливым, похоже, из нижних чинов. Акос выгнулся, избегая удара в живот.

Он быстро контратаковал противника, но его нож лишь чиркнул по броне, выбив сноп искр.

Зато в его правой руке был второй нож, извлеченный из ботинка. И он уже вошел в живую плоть.

Солдат повалился на Акоса, заливая его кровью. Акос успел отпрыгнуть в сторону. Он был ошеломлен не столько тем, что совершил, сколько легкостью, с которой он совершил убийство.

– У тебя есть выбор, – хриплым и каким-то чужим голосом сказал он мальчишке. – Остаться и умереть или бежать и выжить.

Юноша издал истерический смешок и стремглав кинулся по коридору, едва не растянувшись на скользком полу. Сизи дрожала и всхлипывала. Исэй наставила свой клинок на Акоса.

– Стюард Ноавеков, значит? – спросила Исэй.

Акос посмотрел на мертвого шотета.

Только не блевать, велел он себе. Не вздумай блевануть.

– Не совсем, – произнес он вслух.

– Я пока тебе не доверяю, – сказала она, но клинок опустила. – Пошли.

Они выбрались на крышу. Их встретил пронизывающий, ледяной ветер. Когда они добежали до черного поплава, стоявшего у края

посадочной площадки, у Акоса уже зуб на зуб не попадал. Сизи дотронулась до двери, та открылась, и они залезли в кабину.

Сестра заняла пилотское кресло, сразу включилась приборная панель, загорелся зеленый экран ночного видения, а на навигаторе появилось приветствие. Сизи сунула руку под панель, выключила габаритные огни, ввела в навигатор свой домашний адрес и запустила автопилот, выставив его на полную скорость.

Поплавок взлетел и понесся вперед. Акоса, как всегда забывшего пристегнуться, вдавило в спинку сиденья. Он оглянулся. Шисса исчезала вдаль. Каждое здание пылало своим светом: лиловые библиотеки, желтые больницы, зеленые бакалейные лавки... Здания парили над землей, словно замерзшие дождевые капли. Акос не сводил с них глаз, пока город не превратился в тусклое пятнышко. Когда пропало и оно, он повернулся к Сизи.

– Ты... – она поперхнулась.

Что бы она ни намеревалась сказать, проклятый токодар не разрешал ей это сделать. Акос дотянулся до ее руки и погладил единственным не испачканным в крови пальцем.

– Ты его убил, – прошептала Сизи.

Акос обдумал различные варианты ответов, начиная с «И не только его» и заканчивая «Извини». Все они казались неправильными. Акос не хотел, чтобы сестра его возненавидела, однако точно так же не хотел, чтобы она считала, будто он вернулся от шотетов невинным младенцем.

Но отмалчиваться было нельзя. Что же ему делать? Врать, изворачиваться?..

– Он спас нас обоих! – бросила Исэй, включая новостной канал.

Над картой навигатора зажегся голографический экран, бегущая строка сообщала: *«Шотетское нападение на Шиссу, через два часа после заката. Шотеты атаковали шисский госпиталь, убиты восемь тувенцев».*

– Я отослала Ориэву как раз перед тем, как мы покинули твою палату, – сказала Исэй. – Она должна выбраться. Но связываться с ней опасно, нас могут засечь.

Акос сидел, свесив руки и мечтая только о том, чтобы их помыть.

На рассвете, когда они подлетали к Гессе, на экране возник новый заголовок: *«Полиция Шиссы заявляет о двух похищенных тувенцах. Записи камер видеонаблюдения показали, что шотеты силой вывели из больницы женщину. По предварительным данным, это может быть как Исэй, так и Ориэва Бенезит».*

Что-то острое словно вспоролو его внутренности.

Ориэва Бенезит. Ори. Похищена.

Акос старался не смотреть на Исэй. Не надо ее сейчас трогать.

Акос еле слышно вздохнул.

Сизи потянулась было к Исэй, но та выключила экран и отвернулась к окну.

– Придется мне за ней отправиться, – пробормотала она.

28. Акос

Они прибыли в Гессу. Поплавок по широкой дуге обогнул гору и опустился, ломая стебли, на ковыльное поле перед домом Акоса.

Кровь на руках Акоса засохла и почернела.

Первой из кабины выбралась Исэй, за ней – Сизи. Акос выпрыгнул последним, двери закрылись. Примятый поплавок ковыль лежал аккуратным кругом.

Сизи сразу направилась к дому, чему Акос в душе порадовался, у него на это не хватило бы сил.

Дом выглядел совершенно обычным, как будто ничего и не произошло.

Сестра повозилась с замком и отперла дверь. Знакомо пахло пряностями и свежими солефрутами, и Акос вдруг испугался. Он приготовился увидеть окровавленное тело отца на полу в гостиной.

Акос застыл на пороге, затем тихо вошел в дом.

Провел костяшками пальцев по деревянным панелям на пути в кухню. Когда-то здесь висели семейные фотографии. Теперь они исчезли.

Гостиная тоже изменилась, пропали все подушки, зато появились два новых стола и книжные шкафы.

Но кухня осталась прежней: поцарапанный обеденный стол и грубо сколоченная скамья.

Сизи встряхнула лампу, зажигая горюч-камни, которые замерцали привычным красными огоньками.

– А где мама? – спросил Акос, вспомнив, как она, встав на скрипучую табуретку, присыпает горюч-камни порошком из тихоцветов.

– На собрании предсказателей, – ответила Сизи. – Что-то они участвовали в последнее время. Через несколько дней вернется.

Но тогда будет слишком поздно – она уже не увидит Акоса.

Желание смыть кровь переросло в насущную потребность. Акос подошел к раковине. Посмотрел на кусок домашнего мыла с нежными вкраплениями лепестков чистоцвета. Акос тщательно намылил руки, ополоснул их, поскреб ладони, затем промыл под ногтями. Когда он выключил воду, его кожа стала ярко-розовой.

Сизи достала из буфета чашки.

Акос хотел взять кухонный нож, но вдруг оцепенел.

Ему отчаянно захотелось вырезать знак потери в память о шотетском солдате. Среди его снадобий имелся флакон с тушью из ковыль-травы для

татуировки. Неужели шотетский ритуал стал для него условным рефлексом? Вытереть нож, вымыть руки, вырезать знак?

Акос закрыл глаза, как будто темнота могла прочистить ему мозги. У безымянного убитого солдата остались семья, друзья, верящие, что его смерть будет отмечена знаком. Акос знал, что не сможет притвориться, будто убийства не было, и это знание его тревожило.

Поколебавшись, он выбрал подходящий нож и прокалил в огне камина, поворачивая лезвие, чтобы надежно его простерилизовать. Сидя перед огнем на корточках, еще горячим лезвием провел прямую линию на руке – рядом с другими отметинами. Смочил острие, нанес тушь на порез. Вышло кривовато, но хоть так.

Усевшись на пол, Акос обхватил голову руками, пытаясь справиться с болью. Кровь стекала на сгиб локтя.

– Захватчики могут пожаловать за мной и в Гессу, – заметила Исэй. – Нам надо побыстрее уходить и найти Ори.

– Нам? – переспросил Акос. – Я не собираюсь тащить канцлера Туве в логово Ризека Ноавека. Только не с моей судьбой. Иначе я точно превращусь в предателя.

– Если ты еще не стал им, – Исэй в упор взглянула на него.

– Заткнись! – крикнул Акос, и Исэй выгнула брови. – Ты считаешь, что тебе известно, как я встречу свою судьбу? Или ты знаешь ее лучше, чем я?

– Ты утверждаешь, что верен Туве, но говоришь канцлеру «заткнись»? – В ее голосе прозвучала ирония.

– Не канцлеру, а девчонке, которая сидит в моем доме и несет бред. Разговаривать подобным образом с канцлером я бы себе не позволил, ваша светлость.

– Тогда возьми эту девчонку с собой к шотетам, – Исэй наклонилась к нему. – Я не идиотка, – она гордо выпрямилась, – и прекрасно понимаю, что мне требуется твоя помощь.

– Ты мне не доверяешь.

– Повторяю: я не идиотка. Ты pomoжешь мне вытащить мою сестру, а я тебе – твоего брата. Хотя гарантий, конечно, никто никому не даст.

Акос едва не выругался. Похоже, теперь все понимают, что именно надо посулить Акосу, чтобы заставить плясать под их дудку. Не то чтобы он сразу уверовал в ее помощь, но почувствовал, что поддается.

– Акос, – неожиданная теплая нотка в голосе Исэй застала его врасплох, – если бы тебе сказали, что ты не можешь спасти своего брата, поскольку твоя собственная жизнь слишком важна, ты бы с этим согласился?

На ее побелевшем лице блестели бисеринки пота, щека распухла от удара шотетского солдата. Исэй больше не выглядела канцлером. Шрамы на лице говорили о многом: она, как и Кайра, знала, чем рискует, ставя на карту свою жизнь.

– Хорошо, – сказал Акос. – Я тебе помогу.

Сизи со стуком поставила на стол чашку, расплескав чай, поморщилась от попавших на пальцы горячих капель, вытерла их о рубашку и протянула руку Акосу. Исэй выглядела удивленной, но Акос понял: Сизи хотела что-то сказать, и он заранее приготовился услышать самое худшее.

Он медленно взял сестру за руку.

– Надеюсь, вы оба понимаете, что я отправляюсь с вами? – сердито проговорила она.

– Нет, – отрезал Акос. – Еще чего не хватало! Незачем подвергать тебя такой опасности.

– Это еще почему? – Ее голос сделался необычно суровым и упрямым. – А как, по-твоему, я должна себя теперь чувствовать, Акос? Хватит с нашей семьи неизвестности и потери, – Сизи поморщилась.

Исэй внимательно смотрела на них, словно ее огрели мешком по голове. Ну, конечно, ведь никогда прежде она не видела Сизи такой. Свободно говорящей то, что думает, не заботясь о реакции окружающих... плачущей и кричащей.

– Если нам суждено погибнуть, – добавила сестра, – мы погибнем вместе, но...

– Ты говоришь так, будто смерть – суцая безделица!

– Неправда, – голос Сизи дрожал, она смотрела прямо на Акоса, и тот не мог оторваться от пятнышка на ее глазу. – После того как вас похитили, а мама вернулась... не в себе, именно мне пришлось тащить тело папы в ковыли и сжигать. А затем я отмывала гостиную.

Акос не мог вообразить, каково это, оттирать отцовскую кровь с пола. Уж лучше спалить дом, убежать и затеряться где-нибудь в ковылях навсегда!

– Поэтому не смей со мной спорить. Я знаю, что такое смерть.

Акос порывисто прижал лицо Сизи к своему плечу. Ее кудрявые волосы щекотали его подбородок.

– Хорошо, – прошептал он, больше от него ничего и не требовалось.

Перед уходом они решили немного поспать. Акос поднялся наверх, машинально, по старой памяти, переступив через шестую ступеньку, которая скрипела сильнее остальных. Коридор на втором этаже был

кривоват: ниша ванной комнаты как раз упиралась в стену.

Их с Айджей спальня находилась в самом конце. Акос осторожно толкнул дверь.

Простыни на кровати Айджи оказались смяты: можно было подумать, что Айджа только встал и спустился вниз, а на ткани сохранился отпечаток его тела. В углу валялась пара носков с коричневыми пятнами от ботинок на пятках.

Акос взглянул на свою аккуратно застеленную кровать. Подушка застряла между стеной и матрасом. С подушками у Акоса всегда был разговор короткий.

В круглом окне виднелись колышущиеся в темноте ковыли и звездное небо. Акос вытащил подушку и сел, держа ее на коленях. У постели стояли его детские ботиночки. Он улыбнулся и вдруг разрыдался, зарывшись лицом в подушку. Этого не могло быть, он не должен был здесь находиться. Нельзя вновь обрести дом и сразу же его потерять.

Он провалился в сон, даже не сняв обуви.

Проснувшись, Акос отправился в ванную и долго простоял под душем, надеясь обрести покой. Не помогло.

Выйдя в коридор, он обнаружил возле двери стопку одежды. Отцовской. Рубаха оказалась ему слишком свободной в талии, но жала в плечах, – фигуры у них с Оусой были совершенно разными. Зато брюки, если их заправить в ботинки, почти подходили по длине.

Полотенце он решил отнести в ванную и повесить на место. Но что будет с мамой, когда она вернется и найдет влажное полотенце в пустом доме? Дети-то уже уберутся восвояси.

В ванной стояла Исэй в старой одежде матери. Широкие штаны складками собрались под ремнем. Исэй массажировала шрамы. Их с Акосом глаза встретилась в зеркале.

– Только попробуй изречь что-нибудь глубокомысленное, и получишь по башке, – предупредила она.

Он пожал плечами и продемонстрировал свои отметины.

– Уверяю, твои куда менее уродливы, чем мои.

– По крайней мере, ты сам себе их нанес.

В ее словах был смысл.

– Как получилось, что у тебя шрамы от шотетских ножей? – спросил Акос.

Он не раз слышал, как солдаты травили байки о своих шрамах. Не о знаках убийства, а о других. Давно побелевших отметинах на коленках,

заработанных еще в детских шалостях. Рубцах от кухонных ножей, полученных во время нападения на Гессу. Шрамах на голове, причем здесь обязательно фигурировали выпивка и дверной косяк.

Солдаты болтали друг с дружкой и смеялись. Но в рассказе Исэй ничего забавного не будет, Акос это предчувствовал.

– Побывки не всегда проходят мирно, что бы тебе ни плели шотеты, – начала она. – Во время одной Побывки мой корабль совершил аварийную посадку на Отире. Член экипажа тогда серьезно заболел. В больницу ворвались шотеты, ограбившие склад медикаментов. Меня рубанули по лицу и бросили умирать.

– Мне очень жаль, – произнес Акос.

Почему-то ему захотелось объяснить Исэй, что отирианские лекарства, получаемые в качестве гуманитарной помощи, достаются только ближайшему окружению Ризека, и почти никто не имеет о них понятия. Но сейчас объяснения явно были не к месту. Еще вообразит, что он пытается оправдать шотетов, изуродовавших ей лицо.

– А мне – нет, – Исэй схватила кусок мыла, чуть не выронила его и принялась яростно намыливать руки. – Сложно забыть своих врагов, которые исполосовали твое лицо, – она кашлянула. – Кстати, ты не против, что я надела одежду твоей матери?

– Я не возражаю. Я вообще хожу в вещах мертвеца.

Она слабо улыбнулась, что Акос счел хорошим знаком.

Никто из них не хотел задерживаться дольше необходимого, в особенности Акос. Он знал, что чем больше пробудет дома, тем сложнее будет его покидать.

Лучше побыстрее покончить со всем, вскрыть рану и забинтовать ее снова.

Упаковав припасы, одежду и ледоцветы, сели в поплавок. Топлива хватало только-только перелететь через ковыли. Ну и ладно.

Поплавок, послушный прикосновениям Сизи, взмыл в воздух. Акос ткнул в экран автопилота, выбрав нужные координаты. Сейчас они направлялись в дом Йорека – в единственное относительно надежное место за пределами Воа, известное Акосу.

Во время полета он смотрел на ковыльное поле, которое ветер разрисовал причудливыми узорами.

– А что шотеты говорят о ковыль-траве? – встрепелась Исэй. – Я имею в виду, мы считаем, что ковыли посадили наши предки, чтобы отгородиться от шотетов, но, полагаю, у тех есть своя точка зрения?

– Они утверждают то же самое. Ковыль-трава посеяна в качестве

границы, а семена привезены с Огры.

– Я даже слышу ее шепот, – произнесла Сизи. – А еще голоса, которые доносятся прямо из травы.

– Чьи голоса? – с Сизи Исэй всегда разговаривала мягко.

– В основном отцовский.

– А я – материнский, – сказала Исэй. – Вероятно, мы просто слышим голоса наших родных.

– Давно умерла твоя мать?

– Два сезона назад, а я тогда заработала шрамы, – Исэй оставила официальный тон и немного расслабилась.

Пока девушки разговаривали, Акос погрузился в мысли о Кайре. Он был уверен, что нутром почувствовал бы ее смерть. Ток не бежал сквозь тело Акоса, и его место заняла ее жизненная сила.

Кайра долго поддерживала в нем волю к жизни. Может, если теперь он будет держать себя в руках, то сумеет отдать ей долг – даже на расстоянии.

Ближе к вечеру, когда солнце раздулось, поглощая остатки дня, у них закончилось топливо. Поплавок завибрировал. Заросли ковылей поредели, между их метелками пробивалась невысокая бурая трава, шевелящаяся на ветру, как шерстяные нитки.

Сизи направила поплавок на поляну, поросшую полевыми цветами. Здесь, у экватора, было довольно холодно, но благодаря воздушным потокам, несущим теплый воздух с океана, в долине Воа могли расти не только ледоцветы, но и другие растения.

Они бросили поплавок и дальше пошли пешком. Над горизонтом светилась пурпурная полоска токотечения. Где-то вдалеке мелькали огни шотетских кораблей и смутно виднелись силуэты зданий. Хотя Йорек и объяснил ему дорогу, Акос все-таки боялся заблудиться. Акос был тут лишь единожды – после того, как убил Кальмева Радикса, а Вас сотоварищи отделали его почти до потери сознания.

А сейчас он мало что помнил. Но, к облегчению Акоса, равнина оказалась совсем плоской, и дом Йорека мог обнаружиться в любой момент. Не такое уж это и укрытие!

Внезапно впереди раздался шорох, и из травы кто-то выпрыгнул. Акос схватил Исэй и Сизи за руки, и они остановились.

В воздухе парило существо. Пощелкивание клешней эхом разносилось по равнине. Тварь, покрытая синими панцирными пластинами, оказалась крупной, здоровой... И хищной.

Количество клешней невозможно было сосчитать, а голову удавалось рассмотреть только по блеску зубов в широкой кривой пасти. Длинной зубы

были с палец.

Панцырник.

Бронированный бок чудища был в нескольких изитах от них. Зверь фыркнул, издал нечто вроде вздоха, а его черные глазки-бусинки, почти скрытые пластинами, закрылись.

Акос чувствовал, что Сизи трясется от страха.

– Ток приводит Панцырников в бешенство. Поэтому они и нападают на людей, ведь мы – отличные каналы для Тока, – прошептал Акос, не отводя взгляда от твари.

А Панцырник, каким бы абсурдом это ни казалось, уснул. Акос попятился. Руки Сизи и Исэй вспотели в его ладонях.

– Но ты глушишь Ток, а значит... – напряженно пробормотала Исэй.

– Значит, Панцырник не подозревает о нашем существовании. Пошли.

Акос провел их мимо спящего Панцырника, оглянувшись на всякий случай, но тот и не думал их преследовать.

– Теперь понятно, как ты заполучил свою броню, – хмыкнула Исэй.

– А я-то считала, что все эти рассказы о зарезанных животных – просто глупые сказки! – ахнула Сизи.

– А вот и нет. Хотя в действительности ничего героического не было. Панцырник отрубился, и я его убил. После чего мне сделалось очень паршиво, и в итоге я вырезал на руке знак.

– Тогда зачем ты его убил? – поинтересовалась Исэй. – Странно как-то...

– Мне требовалась броня. Не каждый шотет в состоянии добыть себе такую, это своего рода символ. Я хотел, чтобы во мне видели ровню, а не тонкокожего тувенского сопляка.

– Посмотрела бы я на них зимой в Гессе, – фыркнула Сизи.

Акос повел их к группке домов, которые наконец-то показались на равнине.

Нежные цветочки рассыпались в прах под их ботинками.

– А ты скажешь нам, куда мы идем или будешь наблюдать, как мы топчем за тобой? – осведомилась Исэй.

– Сейчас все узнаешь, – отозвался Акос.

На некоторое время воцарилась тишина.

Когда они подобралась ближе, Акос смог различить сизые камни, из которых были сложены дома с маленькими разноцветными окошками. Совсем крошечное поселение с десятком зданий.

Лучи заходящего солнца отражались в стеклах, полевые цветы пробивались между камней... в общем, все выглядело весьма живописно.

Направляясь сюда, Акос сильно рисковал, но они и так шли наудачу, и это место в принципе было ничем не хуже любого другого.

Нервы Акоса натянулись как струна. У здешних обитателей наверняка имелись шотетские новостные каналы. И люди должны знать, что случилось с Кайрой. Акос припечатал свою ладонь к ножнам. Он не знал, что ждет их за яркими разноцветными окнами.

За одним мелькнула тень – дверь домика распахнулась.

Акос выхватил нож. На крыльце показалась невысокая женщина с приятным миловидным лицом. В руках она держала мокрую тряпку, с которой капала вода. Акос сразу узнал Ару Кузар, жену покойного Сузао и мать Йорека.

По крайней мере, он не сбился с дороги.

– Добрый вечер! – воскликнула Ара.

Голос у нее оказался ниже, чем можно было ожидать. Акос видел ее лишь однажды, уходя с арены, на которой убил ее мужа. Тогда она сжимала плечо Йорека.

– Добрый вечер! – ответил он. – Я...

– Ты Акос, – ответила она, спустившись с крыльца. – Меня зовут Ара, впрочем, полагаю, тебе это известно.

Не видя смысла отрицать, он кивнул.

– Милости прошу! – произнесла она. – Твои друзья тоже могут заходить, только пусть ведут себя тихо.

И развернувшись, Ара поднялась на крыльцо.

Исэй прикусила губу. Даже в простой одежде Ара выглядела элегантной. Она шла, словно поддерживала рукой шлейф вечернего платья. Наверное, она привыкла к роскошным нарядам и до сих пор держала себя как аристократка с прямой спиной и гордо поднятой головой.

Она, разумеется, никогда не бывала зимой в Гессе, но есть вещи гораздо суровее климата.

Они последовали за Арой в дом. Узкая скрипучая лестница привела их в кухню.

Акос осмотрелся по сторонам. Полы выложены синей в разводах плиткой, стены покрашены белой, облупившейся краской. Однако здесь было тепло и стоял длинный крепкий стол. Стулья оказались беспорядочно сдвинуты, может, на кухне недавно сидело много народа?

Акос посмотрел на включенный экран. Работал, естественно, новостной канал. Странное сочетание, подумал Акос. Облезлая краска и плоская сенсорная панель. Типичное для шотетов соседство старого и нового.

– Я уже связалась с Йореком. Он скоро здесь будет, – сказала Ара. – Твои друзья знают шотетский?

– Я говорю, – подала голос Исэй. – Но начала учить язык несколько сезонов назад, поэтому говорите, пожалуйста, помедленнее.

– Ничего, мы можем беседовать и по-тувенски, – заметила Ара.

Ее тувенский был несколько архаичен, но вполне понятен.

– Это моя сестра Сизи, а это моя подруга...

– Бадха, – непринужденно представилась Исэй.

– Рада познакомиться с вами обеими, – ответила Ара. – Должна тебе сказать, Акос, что я обижена. Ты не принял мой подарок. Я о кольце, – она выразительно посмотрела на его чуть-чуть дрожащие руки.

– Вот! – Акос просунул палец под ворот и выудил цепочку с кольцом, которую ему передал Йорек.

Если честно, он бы с удовольствием все выбросил. Смерть Сузао вспоминать совершенно не хотелось. Однако он не должен был о ней забывать.

Ара с довольным видом кивнула.

– Как вы друг с другом познакомились? – спросила Сизи.

Акосу стало любопытно, не пытается ли сестра своим мягким голосом упростить ситуацию.

Дохлый номер, решил он.

– Долго рассказывать, – улыбнулась Ара.

Акос начал терять терпение.

– Не хочу показаться грубияном, но мне нужно узнать, что с Кайрой, – выпалил он.

– А что такое с мисс Ноавек? – удивилась Ара.

– Она?... – Акос запнулся.

– Она – жива.

Он закрыл глаза, просто для того, чтобы вновь подумать о Кайре. Она была столь яркой в его воспоминаниях. Она тренировалась так, словно бой являлся изящным танцем, смотрела в иллюминатор, словно открытый черный космос был чудесной картинкой. Каким-то загадочным образом она превращала отвратительные вещи в прекрасные. Но главное, она была живой.

– Но радоваться на твоём месте я бы не спешила, – произнес голос за его спиной.

Акос обернулся и увидел худенькую девушку со светлыми волосами и розовой повязкой на глазу. Он встречал ее на побывочном корабле, только не помнил имени.

Следом за ней вошел Йорек. Густые кудрявые волосы падали ему на глаза, на подбородке темнела щетина.

– Акос? – воскликнул он. – Что ты тут... – он перевел взгляд на спутниц Акоса.

– Сизи, Бадха, познакомьтесь с Йореком и э-э-э...

– Я – Тека, – ответила девушка с повязкой.

Теперь он вспомнил, кто она. Дочь диссидентки, казненной на побывочном корабле. Кайра ходила на встречу с ней перед спуском на Питу.

– Да, точно. Сизи – моя сестра, а Бадха – моя... подруга из Туве. Сизи не говорит по-шотетски, – Акос замялся. – А чему я не должен радоваться?

Тека опустилась на стул. Вернее, развалилась на нем, закинув руку за спинку.

– Младшая Ноавек долго не продержится, – ответила она. – Мы пытаемся придумать, как ее освободить. А раз ты вернулся, – поступив, должна сказать, весьма безрассудно, – может быть, ты нам поможешь.

– Думаете, как ее освободить? – Акос повернулся к Йореку. – Вам-то зачем?

Йорек оперся о кухонный стол и улыбнулся Сизи. Его глаза подернулись поволокой, как частенько случалось с людьми рядом с Сизи. Таково действие ее дара. Сила не только запрещала ей плакать, она помогала Сизи овладевать сердцами людей.

– У нас же настоящее логово заговорщиков. Ты, наверное, и сам догадался.

Акос как-то об этом не думал. Йорек, конечно, много чего знал, но заговорщик?.. Одноглазая Тека вряд ли являлась горячей поклонницей Ризека, но из этого еще не следовало, что она непременно должна быть заговорщицей.

– Ну и что? – недоуменно спросил он.

– Она тебе разве не сказала? – Йорек выглядел сконфуженным.

– Чего?

– Кайра сотрудничала с нами, – ответила Тека. – Во время диверсии на побывочном корабле я пыталась ее прикончить, вырвать Плеть из руки Ризека, пока по интеркому объявляли о его истинной судьбе.

– Не называй ее так, – оборвал ее Акос.

Исэй пристально взглянула на него, и он тотчас покраснел.

– Ладно, – Тека махнула рукой. – В общем, она меня победила и отпустила. А потом нашла и потребовала встречи. Предложила любую помощь в обмен на то, что мы вывезем тебя с шотетской территории, – Тека

посмотрела на Йорека. – Вот почему она ничего не рассказала Акосу. Хотела его спасти, а он не желал убегать без брата.

Йорек поцокал языком.

Значит, когда Кайра поняла, что Акосу угрожает опасность, она начала свою игру. Притворилась, что покорно выполняет требования Ризека: пытала Зоситу, не скрывала тени на Пите, пугая потенциальных союзников...

Кайра стремилась сделать так, чтобы Акос поверил в ее испорченность. А сама сотрудничала с заговорщиками, делая все, чтобы его освободить.

Внезапно он обнаружил в Кайре нечто совершенно новое. Она не переставала его удивлять.

– Ее схватили во время нашей попытки убить Ризека. Нас она спасла, а сама попалась, – продолжила Тека. – Но и мы не отступились. Вновь проникли в поместье, но Кайру не нашли. Зато обнаружили тебя, запертого в комнатухе. Ты валялся без сознания и, по-моему, уже умирал от голода. Мы решили, что будет полезно спасти тебя. Тогда и младшая Ноавек останется на нашей стороне.

– Но я хотел тебе помочь! – добавил Йорек.

– Да, ты у нас герой. Настоящий, – усмехнулась Тека.

– Но зачем... – Акос покачал головой. – Зачем Кайра так поступила?

– Ты и сам знаешь, – отрезала Тека. – Как думаешь, что для нее превыше страха перед братом? – Она укоризненно вздохнула, видя, что Акос молчит. – Чувства к тебе, разумеется. Ты стал ее избранником: тебе выпала эта честь.

Исэй и Сизи уставились на Акоса: первая с подозрением, вторая – обескураженно. Акос оторопел. Именем кошмарной Кайры Ноавек тувенцы пугали детей. Что вы скажете, обнаружив, что чудовище оказалось не столь чудовищным, как вы предполагали?

Ничего. Нечего вам будет говорить.

– Что Ризек с ней сделал? – сумрачно спросил Акос.

– Покажи ему, – попросила Тека Йорека.

Йорек прикоснулся к экрану на стене, выключая новости, провел пальцем туда-сюда и пустил какую-то видеозапись.

На экране появился ярко-освещенный амфитеатр с металлическими скамьями. Он был забит под завязку, однако зрители выглядели крайне мрачно, праздником там и не пахло.

Камера сосредоточилась на помосте-подиуме, который был подвешен над сиденьями, где устроились самые важные персоны. На нем стоял Ризек.

Брат Кайры весь сиял: сверкали и его начищенные ботинки, и полированная броня... блестела даже кожа гладко выбритого черепа.

Сизи и Исэй невольно попятились. Акос не пошевелился, его страх перед Ризеком давно перерос в гадливость. По левую руку от Ризека стоял Вас, а по правую...

– Айджа! – ахнула Сизи. – Но почему?

– Ему, в общем-то, мозги промыли, – осторожно подбирая слова, произнес Акос, и Йорек хмыкнул.

Сместившись влево, за край помоста, камера продемонстрировала коленопреклоненную девушку в окружении солдат. Кайра. На ней была та самая одежда, в какой Акос видел ее последний раз, хотя теперь она, скорее, превратилась в окровавленные лохмотья. Густые волосы Кайры повисли вдоль ее щек, и на мгновение Акосу показалось, что Ризек выколол ей глаз. Он иногда проделывал такое со впавшими в немилость, чтобы приближенные вели себя потише.

Кайра подняла голову. Под глазами – к счастью, Ризек, к ним не притронулся – лиловели синяки, взгляд был мутным.

– Сегодня я принес вам дурные вести! – По амфитеатру раскатился голос Ризека. – Та, которую мы считали вернейшей из наших подданных, наша сестра Кайра Ноавек оказалась подлой предательницей. Она сотрудничала с нашими врагами из-за Рубежа, передавая им информацию о нашей стратегии, вооружениях и намерениях.

– Он не захотел признавать, что существует местная группа заговорщиков, – прокомментировал Йорек, пока гудела толпа. – Как же удобно сваливать все на тувенцев!

– Он умеет лгать, – заметила Исэй, и комплиментом это не прозвучало.

– Недавно я получил доказательства, что она, – Ризек вытянул руку, указывая на сестру и как бы невзначай демонстрируя длинные ряды знаков убийства, – виновна в смерти моей матери, Илиры Ноавек.

Акос спрятал лицо в ладонях. Какой низкий поступок Ризек совершил по отношению к родной сестре.

Вот чего всегда боялась Кайра!

– Признаюсь, прежде братская любовь не позволяла мне видеть произошедшее в истинном свете, но когда я узнал, что она не только предала нас, но и... – Ризек сделал эффектную паузу и продолжил: – когда она зверски убила нашу мать, мои глаза открылись. За ее преступления против шотетского народа я приговариваю ее к казни. Я приговариваю ее к немхальзаку.

Камера вновь переместилась на Кайру. Плечи девушки затряслись. Но

в ее глазах не было слез: Кайра смеялась. И пока она смеялась, тени токодара танцевали вокруг нее. Они уже не проступали под ее кожей, подобно темным венам, а окутывали Кайру, как дым, исходящий от кадьницы.

То же самое случилось в ту ночь, когда Ризек заставлял ее причинять боль Акосу: Кайра изгнала тени из своего тела. Ее токодар изменился.

Ризек кивнул Васу. Вас пересек помост, вытаскивая из-за спины нож. Солдаты, окружавшие Кайру, расступились. Девушка ухмыльнулась и что-то сказала. Ризек ей ответил, но Акос ничего не сумел разобрать.

Ризек подошел ближе и наклонился над жертвой. Его губы быстро шевелились, продолжая неслышную речь. Вас схватил Кайру за волосы и запрокинул ей голову, выставляя напоказ горло. Когда нож стюарда вонзился в шею, Акос, скрипнув зубами, отвернулся.

– Думаю, ты все понял, – произнес Йорек, останавливая видео.

– Что они с ней сделали? – сипло спросил Акос.

– Срезали лоскут кожи, – ответила Тека. – От шеи до черепа, – она провела линию от горла до макушки. – Не спрашивай почему. Обычай предписывает только метод, остальное – на усмотрение палача.

Акос почувствовал, что его сейчас стошнит.

– А что он так говорил? – осведомилась Исэй. – Нем... немхальзет?

– Немхальзак, – поправил Йорек. – Лишение всех статусов, как официальных, так и неофициальных. Теперь любой может вызвать Кайру на дуэль и сразиться до смерти. Она не считается шотеткой. Учитывая, скольких людей она замучила по приказу Ризека... да, думаю, желающих будет немало. Между прочим, шотеты обожали ее мать. Ризек позволит столько поединков, сколько потребуется, чтобы сестру убили.

– Думаю, она и так потеряла много крови, – добавила Тека. – Ее, конечно, перевязали, но толку-то.

– А сражения будут проходить на арене? – уточнил Акос.

– Наверное, – кивнула Тека. – Соберется куча любопытных. Но амфитеатр защищен силовым полем, которое сожжет всякого, кто коснется арены.

– А ведь у вас есть корабль! – перебил ее Акос. – На чем-то же вы меня доставили в Шиссу?

– Ага, есть, – кивнул Йорек. – Он развивает огромную скорость, кроме того, он практически невидимый.

– Значит, мы сможем спасти Кайру! – воскликнул Акос.

– Не помню, чтобы я давала согласие на участие в сомнительных спасательных экспедициях, – процедила Исэй. – И менее всего, в спасении

мелкого отродья Ноавеков. Или ты думаешь, Керезет, что мне ничего о ней не известно? Слухами о шотетских преступлениях полнится вся галактика.

– Мне это безразлично! – отрезал Акос. – Хочешь, чтобы я тебе помогал? Тогда тебе придется потерпеть. Мне надо закончить свои дела, ясно?

Исэй гордо вздернула подбородок и отвернулась. На сей раз Акос ее переиграл.

Ара поселила Сизи и Исэй в комнате наверху, а для Акоса поставила раскладушку в спальне Йорека.

Когда они поднимались по лестнице, Сизи наградила брата выразительным взглядом. Акос сразу понял, что так просто он от Сизи не отделается, и покорно пошел за сестрой. Комнатушка оказалась тесной, на полу лежал широкий бугристый матрас, в углу теплилась печь. На стенах плясали разноцветные зайчики от закатного солнца.

Акос стянул броню, но нож в ботинке оставил. Всякое может приключиться.

Теперь ему повсюду мерещились Ризек с Васом.

– Ис... Бадха, иди в ванную первой, мне надо поболтать с братом.

Исэй кивнула и вышла, захлопнув дверь каблуком. Акос сел на матрас рядом с Сизи и уставился на синие, зеленые и фиолетовые блики на своих ботинках.

Сестра взяла его за руку.

– Айджа, – произнесла она.

И Акос ей все рассказал. О воспоминаниях Ризека, которые тот обменял на воспоминания Айджи. О нехарактерных для брата интонациях и его манере подбрасывать нож точь-в-точь как Ризек Ноавек.

Акос не стал говорить о том, что брат спокойно и не единожды наблюдал, как Ризек его мучает. Умолчал он и том, что Айджа использует свой дар предсказателя, чтобы помогать шотетскому владыке. Должна ведь у Сизи оставаться хоть тень надежды.

– Вот почему ты не попытался бежать, – тихо вымолвила она. – Ты хотел забрать Айджу, а это... сложно.

Скорее, невозможно, мысленно поправил ее Акос.

– Да, – сказал он вслух. – Кстати, а какое будущее меня ждет в Туве, Сизи? Или ты полагаешь, я стану первым в галактике, кому удастся побороть свою судьбу? – Он вздохнул. – Лучше сразу признать, что нашей семьи больше нет.

– Перестань нести чушь, – заявила она. – Ты, например, думал, что никогда меня не увидишь, верно? Ни тебе, ни мне не известно, чем

оборачиваются наши судьбы. Но пока они нас не нашли, мы еще побарахтаемся.

Сизи сжала его ладонь. Акос посмотрел на сестру. Свои красиво изогнутые брови и ямочки на щеках Сизи унаследовала от отца.

Некоторое время они молча сидели плечом к плечу, слушая плеск воды, доносящийся из ванной.

– Какая она, Кайра Ноавек? – вдруг спросила Сизи.

– Она... – Акос тряхнул головой.

Разве можно в двух словах описать Кайру? Сухую, как проявленный на ветру лист сендеса. Любящую космос. Хорошо танцующую. Умеющую причинять боль. Убедившую заговорщиков увезти его в Туве без Айджи, поскольку ей было плевать на его обязательства – и Акос был по-детски благодарен ей за это.

Она... Ну, она была просто Кайрой.

– Похоже, ты прекрасно ее знаешь. – Сизи улыбалась. – Трудно описать близкого человека.

– Думаю, да.

– Если ты считаешь, что ее нужно спасти, нам следует довериться твоему мнению, – произнесла Сизи. – Вот мое мнение.

Из ванной появилась Исэй. Ее влажные волосы, стянутые в тугий узел, блестели как лакированные. Она передела рубашку. Теперь она щеголяла в маминой сорочке с вышитыми по вороту мелкими цветочками. Ту, которая была на ней прежде, Исэй постирала и повесила сушиться у печки.

– У тебя травинки застряли в волосах, – улыбнулась Сизи.

– Ищу новый образ, – ответила та.

– А тебе идет. Впрочем, тебе все к лицу.

Исэй, избегая взгляда Акоса, протянула руки к огню, а Сизи зарделась как тихоцвет.

Когда утром Сизи, Исэй и Акос спустились на первый этаж, в полутемной гостиной с облезлыми стенами сидели два незнакомых человека. Йорек представил им Сови – женщину в цветастом платке, подругу своей матери, жившую неподалеку, и Джайо – паренька примерно их возраста. Глаза Джайо очень напоминали глаза Исэй, намекая на отдаленное родство.

Джайо наигрывал какую-то мелодию на музыкальном инструменте, лежащем у него на коленях. Он настолько быстро перебирал струны и нажимал на клавиши, что Акос не мог уследить за его пальцами.

А потом Йорек пригласил их завтракать.

Акос сел возле Сизи и придвинул к себе тарелку. Завтрак оказался скромным: маловато мяса, которое было сложно достать за пределами Воа, зато много питательных солефрутов. Джайо, широко улыбнувшись, предложил Исэй отведать жареных стеблей ковыль-травы, но Акос отобрал у нее миску, прежде чем она успела попробовать:

– Ты же не планируешь полдня провести в галлюцинациях?

– Последний раз, когда Джайо подсунул гостям ковыль, они бродили вокруг дома и бубнили что-то о гигантских танцующих младенцах, – сообщил Йорек.

– Угу, – откликнулась Тека. – Смейтесь-смейтесь, сами вы точно бы в штаны наделали, если бы увидели такое!

– Оно того стоило, даже если ты меня никогда не простишь, – подмигнул ей Джайо.

Голос у него был мягким и мелодичным.

– А на тебя оно тоже действует? – спросила Сизи у Акоса, кивая на стебель в его руке.

Вместо ответа Акос храбро откусил кусок. Вкус у ковыля был землистым, кисло-соленым.

– Твой токодар – это нечто! – изрекла Сизи. – Наверняка мама бы нашла, что сказать по такому случаю. Что-нибудь особенно мудреное и глубокомысленное.

– Расскажи нам про Акоса в детстве, – попросил Йорек, молитвенно складывая ладони и склоняясь к Сизи. – Был ли он когда-нибудь ребенком или сразу родился взрослым с тоскливо-серьезной физиономией?

Акос хмуро покосился на Йорека.

– Он был пухлощеким коротышкой, – ответила Сизи. – Он вечно чем-то увлекался. А носки всегда приводили его в восторг.

– Меня?! Носки?! – вскричал Акос.

– Ага! Мне Айджа говорил, что ты их раскладывал слева направо в порядке предпочтения. Твоими любимыми были желтенькие.

Акос вспомнил их. Зеленовато-желтые, из пушистой шерсти. Они казались толстыми и неудобными, хотя в действительности таковыми не являлись. Самые теплые носки на свете.

– Как вы все друг с другом перезнакомились? – спросила Сизи, простым вопросом развеяв напряжение, появившееся после упоминания имени Айджи.

– Когда я был маленьким, Сови делала карамельки и угощала ими окрестных ребятишек, – сказал Йорек. – Жаль, что она не говорит потувенски, иначе поведала бы о моих подвигах.

– Что до меня, то я познакомился с Йореком в общественном сортире. Я насвистывал... – Джайо смутился. – В общем, пока сидел в кабинке, а Йорек решил мне подсвистеть.

– И ему это не понравилось, – добавил Йорек.

– Моя мать была вроде как главой заговорщиков. Вернее, одним из лидеров, – встряла Тека. – В прошлом сезоне она вернулась из колонии диссидентов, чтобы помочь нам с выработкой стратегии. Диссиденты одобряли наши намерения покончить с Ризеком.

Исэй насупилась. В последнее время она столько хмурилась, что складывалось впечатление, будто она намеревается раз и навсегда избавиться от переносицы. Однако теперь Акос сообразил, в чем дело.

Но его не слишком интересовали связи между заговорщиками и диссидентами. Он лишь хотел спасти Кайру и увезти Айджу домой, а остальное его не волновало.

Однако для канцлера Туве была важна информация о зреющем в среде шотетов инакомыслии, как и внутреннем, так и внешнем.

– А сколько вас, заговорщиков? – поинтересовалась Исэй.

– Ты всерьез надеешься, что мы тебе ответим? – ухмыльнулась Тека.

Разумеется, отвечать на вопрос никто не собирался, и Исэй решила сменить тему.

– Ты вступила в сопротивление из-за... – Исэй показала на свое лицо. – Из-за глаза?

– Нет, что ты! К тому же у меня – оба глаза на месте. Но я люблю носить повязку, – выпалила Тека.

– Правда? – изумилась Сизи.

– Нет, – покачала головой Тека, и все засмеялись.

Хотя еда оказалась почти безвкусной, Акос не остался голодным.

Здесь он чувствовал себя как дома, причем гораздо в большей степени, нежели в изысканном особняке Ноавеков. Тека стала вполголоса подпевать Джайо, а Сови отстукивала ритм ладонью по столешнице с таким энтузиазмом, что вилка Акоса запрыгала по тарелке. Затем Тека и Йорек начали танцевать. Исэй придвинулась к Джайо и спросила:

– Когда ваша группа заговорщиков будет спасать Кайру, чем займутся другие? Ну, гипотетически.

Джайо прищурился.

– Знаешь ли, шотеты с низким социальным статусом нуждаются в вещах, которых у них нет. И им нужен кто-то, кто тайком доставляет всякие полезные вещи.

– Например, оружие? Ну, чисто гипотетически? – не унималась Исэй.

– И это тоже, но оружие – не главное, – Джайо сфальшивил, выругался и продолжил играть. – Главное, еда и лекарства. И поэтому надо часто летать на Отир и сразу возвращаться обратно. Людей надо накормить, прежде чем вести их в бой, верно? Чем дальше от Воа – тем чаще натыкаешься на голодных и больных.

Исэй с каменным лицом кивнула.

Прежде Акос не задумывался о том, что происходит за пределами змеино-го клубка Ноавеков, в котором он увяз. Но сейчас он припомнил слова Кайры о том, что Ризек придерживает еду и лекарства, выдавая их только своим приспешникам, и ему стало противно.

Тека и Йорек по-прежнему кружились друг напротив друга. Йорек двигался на удивление грациозно: от его неуклюжести не осталось и следа.

Сизи и Исэй сидели рядышком, прислонившись к стене. Иногда Исэй даже пыталась улыбнуться, но у нее плохо получалось. Это не была улыбка Ори.

«Может, они и близнецы, но все-таки совершенно разные», – подумал Акос.

Ему еще придется к этому привыкать.

Сови спела несколько куплетов из песни, которую исполнял Джайо.

Они подходили к столу и ели, пока не почувствовали себя сытыми, пригревшимися и размякшими.

29. Кайра

Очень трудно уснуть после того, как с тебя срезали кусок кожи, но я сделала все, что было в моих силах.

К утру подушка пропиталась кровью, хотя я старалась не ложиться той стороной, которую Вас ободрал от шеи до виска.

Я не умерла от потери крови лишь потому, что рану прикрыли особой перевязочной тканью – новейшей разработкой отирианских медиков. Она рассасывалась по мере заживления пореза. Только для таких ран, как моя, ее оказалось маловато.

Я стянула наволочку и швырнула ее в угол. Тени плясали над моей рукой, покалывая кожу. За много лет я привыкла к тому, что они просвечивают изнутри, струясь вдоль вен. Когда я очнулась после допроса (солдат-шотет рассказал мне, что мое сердце остановилось, а потом вдруг снова начало биться), то увидела, что тени выплеснулись наружу. В тот момент они причиняли мне боль, но вполне переносимую. Я не понимала, почему так произошло.

Ризек приговорил меня к немхальзаку, Вас срезал полосу моей кожи, словно кожуру с солефрута, и боль вернулась ко мне в полной мере.

А еще я сражалась на арене.

Ризек спросил у меня, где нанести шрам. Но разве такое можно назвать шрамом? Ведь шрамы – это зажившие порезы на теле человека, а не содранные клочки кожи. Немхальзак требует, чтобы за свою вину ты заплатил плотью, и само свидетельство твоего искупления должно быть на видном месте.

У меня в голове творилась полная неразбериха, и я ляпнула, что хочу такой же шрам, как у Акоса, полученный им от Ризека в первый день пребывания в поместье. От уха до челюсти.

Однако когда Вас провел острием, Ризек сказал: «Не мелочись, захвати и немного волос».

Я старательно дышала через нос. Не хотела, чтобы меня вырвало. Нельзя, чтобы меня тошнило, мне потребуется вся моя сила воли.

По утрам меня «навещал» Айджа Керезет. Ставил поднос с едой на пол, пятился к противоположной стене и, сгорбившись, наблюдал. Сегодня у него на подбородке красовался синяк, которым я наградила его накануне, когда попыталась вырваться и сбежать, пока он тащил меня на арену. Мне удалось здорово ему двинуть, но, к сожалению, подоспела стража и

оттащила меня в сторону.

– Я надеялась, ты не посмеешь прийти после вчерашнего, – буркнула я.

– Мне нечего бояться. Ты меня не убьешь, – ответил Айджа.

Он машинально крутил на ладони нож, периодически останавливая его. Я фыркнула.

– Разве ты не слышал, что я могу убить кого угодно?

– Но не меня, – пробормотал Айджа. – Ты слишком сильно влюблена в моего глупенького братца. Любишь его даже в ущерб себе.

Я засмеялась. Вот уж не думала, что Айджа Керезет с его шелестящим голосом видит мое сердце насквозь.

– Мне кажется, что я тебя знаю, – внезапно произнес Айджа. – Вернее, полагаю, что знаю. Нет, действительно знаю.

– Я что-то не в настроении вести философские беседы о том, что делает человека тем, кто он есть. Но если ты уже в большей степени Ризек, чем Айджа, тогда ты точно меня не знаешь. Ты, кем бы ты ни был, никогда мною не интересовался.

– Бедная одинокая и никем не понятая дочурка из богатого семейства, – Айджа уставился в потолок.

– И это говорит ходячее помойное ведро, куда Ризек сливает то, что хочет забыть, – парировала я. – Кстати, почему бы ему просто меня не убить? Спектакль получился чрезмерно изощренным и для моего братца!

Айджа промолчал, что в принципе являлось ответом. Ризек поступил так, потому что ему нужно было убить меня на глазах у всех.

Вероятно, среди шотетов быстро распространились слухи о том, что я связалась с заговорщиками, которых провела в особняк. Так что Ризек действовал логично: сперва ему следовало опозорить меня и лишь затем – уничтожить.

А может, он хотел сполна насладиться моими страданиями.

Но в последнее я не верила.

– Не понимаю, зачем мне дают совершенно бесполезные столовые приборы? – проворчала я, терзая пересушенный тост тупым ножом.

– Владыка заинтересован в том, чтобы ты не покончила с собой раньше положенного срока.

Раньше положенного срока. Интересно, не сам ли Айджа определил то, когда и как должна закончиться моя жизнь? Оракул, выуживающий идеальное будущее из множества вариантов.

– Да у меня ногти острее! – Я с размаху ударила ножом по матрасу, так что затряслась рама, и разжала руку.

Нож упал, не прорезав даже простыню. Я сморщилась, пытаюсь определить, в каком месте у меня сильнее болит.

Болело все.

– Полагаю, владыка считает тебя изобретательной, – тихо ответил Айджа.

Сунув в рот последний кусочек тоста, я привалилась к стене.

Мы находились в чреве амфитеатра, в одной из стеклянных камер. Высоко над нами располагались ряды скамей, на которых наверняка собралась публика, горящая желанием посмотреть на мою гибель. Последний бой я выиграла, но с большим трудом. Нынешним утром даже поход в туалет оказался настоящим подвигом.

– Как мило! – ответила я, всплеснув руками, покрытыми синяками. – Видишь, мой брат во мне души не чает?

– А ты, значит, шуточки шутишь, – раздался из коридора приглушенный стеклом голос Ризека. – Между прочим, пора бы тебе впасть в отчаяние.

– Нет, отчаяние – это когда затевают дурацкую игру, в попытке запятнать мое имя, прежде чем убить, – откликнулась я. – Или ты боишься, что люди сплотятся вокруг меня? Какой ты жалкий!

– Давай вставай, сейчас посмотрим, кто здесь жалкий. Тебя на арене заждались.

– Может, хоть скажешь, с кем я сегодня дерусь? – стиснув зубы, я оттолкнулась от кровати.

Я сумела сдержать стон и встала.

– Сейчас увидишь, сестричка. И не переживай: вся эта тягомотина скоро закончится, и мы оба будем довольны. Я приготовил для тебя особенного противника, Кайра.

Я взглянула на Ризека. Он облачился в синтетическую броню, матово-черную и очень гибкую – в отличие от традиционной шотетской – и черные же ботинки, делавшие его выше ростом. Воротничок белой рубахи, виднеющийся из-под брони, оказался наглухо застегнут. Почти так же брат был одет на похоронах матери. Символично, учитывая, что сегодня мне, вероятно, предстояло умереть.

– Какая жалость, что твой возлюбленный не увидит боя, – добавил Ризек. – Уверен, ему бы понравилось.

В последние дни я постоянно повторяла слова Зоситы, сказанные ею перед казнью. Я спросила ее, стоило ли жертвовать жизнью, пытаюсь одолеть Ризека, и Зосита ответила, что стоило. Хотелось бы мне сказать ей теперь, что я ее поняла.

– Что-то я не разберу, где настоящий Ризек, а где Айджа. Однако думаю, что ты пребывал бы в более благодушном настроении, получишь у тебя отнять дар Айджи целиком и полностью, – заметила, выходя в коридор.

На мгновение я отчетливо увидела, как остекленели его глаза. Ризек и Айджа синхронно посмотрели друг на друга.

– Ясно, – резюмировала я. – Что бы ты ни делал, все впустую. Нет у тебя никакого дара.

– Уведи ее! – бросил Ризек Айдже. – У нее дел по горло. Смерть – занятие хлопотное.

Айджа подтолкнул меня вперед. На нем были толстые перчатки, как будто он собирался дрессировать охотничьих птиц.

Если держать себя в руках, идти удавалось почти прямо, хотя рана так пульсировала, что моя концентрация оставляла желать лучшего. По ключице что-то потекло, я от всей души надеялась, что это пот, а не кровь.

Айджа вытолкнул меня на арену, я чуть не полетела кувырком. Свет ослеплял, на бледном безоблачном небе сияло солнце. Амфитеатр гудел: шотеты свистели и орали что-то неразборчивое.

Прямо передо мной стоял Вас Кузар и улыбался потрескавшимися губами. Если он не начнет их срочно чем-нибудь мазать, они обязательно закровоточат.

– Вас Кузар! – торжественно объявил Ризек.

Его голос, подхваченный и усиленный крошечными дронами, разнесся над ареной. За краем амфитеатра виднелись здания Воа, в блестящих металлических панелях многократно отражался солнечный свет. Один синий полупрозрачный шпиль почти терялся на фоне неба. Арену накрывало силовое поле, защищая от непогоды и попыток бегства. Нам, шотетам, не нравится, если наши игрища прерываются ливнем, холодом или удравшими заключенными.

– Ты бросил вызов предательнице Кайре Ноавек. Бой будет происходить на ток-ножах до самой смерти!

Услышав «предательница», собравшиеся как по команде заорали, я же только закатила глаза, хотя сердце застучало быстрее.

– Ты выступишь от имени шотетского народа, который предала Кайра Ноавек. Готов ли ты, Вас?

– Я готов, – ответил Вас своим обычным ровным тоном.

– Твое оружие, Кайра. – Ризек вытащил из ножен на спине ток-нож и протянул мне его рукоятью вперед.

Рукава его рубашки были закатаны. Я подошла, пожелав, чтобы тени

токодара пробились сквозь мою плоть и опять вырвались наружу. Туманные прожилки затрепетали. Я приблизилась к Ризеку, но вместо того чтобы взять клинок, схватила брата за запястье. Мне хотелось, чтобы все увидели, каков он на самом деле: только физические страдания могли обнажить его гнилое нутро.

Ризек зашипел сквозь зубы и забился, пытаясь стряхнуть мою руку. А я позволила своему токодару хлынуть туда, куда он пожелает, а он желал только одного – быть разделенным с кем-то.

С Акосом я отказалась разделить боль, едва не умерев в итоге. Но ради Ризека я погнала тени вперед со всей силой, на которую оставалась способна.

Айджа оттащил Ризека в сторону, но дело было сделано: мой брат пронзительно завизжал. Толпа безмолвствовала.

Айджа метнулся ко мне и вцепился в мою руку. Ризек выпрямился и спрятал клинок в ножны. Положил руку на плечо Васа и тихо произнес:

– Убей ее.

– Какая досада, Кайра, – шепнул Айджа мне на ухо. – Скоро все закончится.

Отпустив меня, Айджа отошел, а я попятилась. Оружия у меня не было. Впрочем, оно и к лучшему: таким образом Ризек показал присутствующим, что у меня нет ни единого шанса. А еще он разозлился и продемонстрировал свой страх. Мне этого вполне достаточно.

Вас хищно оскалился и уверенно двинулся ко мне. Не знаю почему, но стюард никогда не внушал мне симпатии. Высокий, отлично сложенный, с красивыми глазами редкостного цвета, храбрый воин, он должен был мне нравиться. Но его тело вечно покрывали синяки и ссадины, а сухие ладони с загрубевшей кожей вызывали во мне отвращение.

И я никогда не встречала человека настолько... пустого.

Увы, как раз это и пугало в нем больше всего, когда он выходил на арену.

«Думай стратегически», – приказала я себе, вспоминая записи с Тепеса, просмотренные в спортзале. Тогда мои мозги были в порядке, и я изучила скольльзящие, трепещущие движения боевого искусства тепессаров.

Ключ к контролю над телом – это сохранение устойчивого центра, повторяла я.

Когда Вас сделал выпад, я отклонилась вправо, попутно заехав стюарду по уху.

От удара по моим ребрам и спине пробежала болезненная волна.

Я поморщилась. Вас, не давая мне ни минуты, взмахнул ножом. Лезвие

резануло по предплечью. На арену закапала кровь, толпа радостно заулюлюкала. Я старалась не обращать внимания на свежую рану. Мое тело задрожало от гнева и ярости. Я напряглась. Мне нужно схватить Васа! Он не чувствовал боли, но если удастся накопить достаточно теней, я смогу остановить его сердце.

Солнце на миг закрыло какое-то облачко. Вас сделал очередной выпад. Я пригнулась и, вытянув руку, успела коснуться внутренней стороны его запястья. Тени заплясали над ним, но их оказалось маловато. Вас вновь взмахнул ножом, и острое задело мой бок. Застонав, я привалилась к высокому борту арены.

– Кайра! – раздался чей-то возглас.

Перемахнув через бортик, на арену пружинисто прыгнул какой-то человек. У меня затуманилось зрение, но я узнала парня по его движениям.

В центр арены упал конец длинного троса. Я подняла голову. Никакое это не облако! Над силовым полем амфитеатра завис старый транспортник. Его днище представляло собой настоящее лоскутное одеяло из разнородных металлических листов. Одни – золотистого цвета, другие – совершенно заржавевшие, третьи – сияющие, как солнце.

Вас бросился на Акоса, сграбастал его и ударил о бортик арены. Акос, сжав зубы, накрыл ладони Васа своими. И тогда случилось нечто удивительное: Вас отшатнулся, выпуская Акоса. Тот ринулся ко мне и обнял за талию. Мы вместе понеслись к свисавшему тросу. Акос взялся за конец, и мы молниеносно взмыли вверх.

Вас опоздал и не успел даже дотронуться до троса. Амфитеатр взревел.

– Я бы очень хотел, чтобы ты покрепче держалась за меня! – прокричал Акос мне в ухо.

Я выругалась, пытаюсь не смотреть вниз, на кишащий людьми амфитеатр, однако сделать это оказалось трудновато. Тогда я уткнулась носом в броню Акоса. Обхватила парня за шею, вцепилась в воротник. Акос меня отпустил. Я стиснула челюсти. Сил уже не хватало.

Акос вытянул руку, и его пальцы коснулись силового поля, накрывавшего амфитеатр. Оно ярко вспыхнуло, замерцало и исчезло. Трос резко дернулся вверх, я почувствовала, что вот-вот упаду... но спустя секунду мы очутились внутри корабля.

Акос молчал.

– Ты заставил Васа почувствовать боль, – пробормотала я и дотронулась до лица Акоса, пробежав пальцем по переносице и губам.

Он выглядел гораздо лучше, чем когда я видела его в последний раз на

полу тюрьмы, скорчившегося от моего прикосновения.

– Точно, – согласился он.

– Айджа... он на арене. Ты мог его забрать!..

Его губы под моими пальцами дернулись. Акос улыбнулся.

– Но я пришел за тобой, балда ты эдакая.

Засмеявшись, я повисла на нем. Ноги мне уже не подчинялись.

30. Акос

Сперва он чувствовал только тепло ее тела и огромное облегчение.

Затем все встало на свои места. Акос увидел отсек транспортника, заполненный людьми, молча смотревшими на него. Исэй и Сизи, пристегнутые ремнями безопасности, сидели возле пилотской кабины. Сизи улыбнулась Акосу, державшему Кайру за талию. Кайра была высока и отнюдь не изящна, но он ее удерживал. По крайней мере, какое-то время.

– А где у вас тут аптечка? – спросил он у Теки и Джайо.

– Джайо проходил курсы скорой помощи, он позаботится о Кайре, – ответила Тека.

Акосу не понравилось, как парень смотрит на Кайру. словно на ценную добычу, которую можно выгодно продать или обменять. Заговорщики спасли девушку не по доброте душевной, они хотели получить что-то взамен, и Акос не собирался им ее отдавать. Пальцы Кайры впились в ремешок его брони, Акос вздрогнул.

– Никуда она без меня не пойдет, – твердо сказал он.

Тека выгнула бровь. Но прежде чем она раскрыла рот, чтобы начать спорить, – Акос отчетливо чувствовал, что добром это не кончится, – Сизи отстегнула свой ремень и направилась к ним.

– Я все сделаю, у меня тоже есть соответствующая подготовка. И Акос мне поможет.

Тека смерила ее взглядом и махнула рукой, указывая в сторону камбуза.

– Сделайте одолжение, мисс Керезет.

Акос отнес Кайру в камбуз. Она вроде бы находилась в сознании, но взгляд был отсутствующим, что ему совсем не понравилось.

– Соберись, Ноавек, – произнес Акос, поворачиваясь боком, чтобы пройти в дверь, и спотыкаясь, когда корабль дернулся. – Моя Кайра уже отпустила бы по меньшей мере два ироничных замечания.

– Хм-м, – она слабо улыбнулась. – Твоя Кайра.

Камбуз оказался очень тесным. В раковине громоздились грязные тарелки и кружки, дребезжащие при каждом маневре корабля. На потолке тускло светились длинные лампы, то и дело моргавшие, как будто они собирались в любой момент потухнуть. Все было сварганено из матового металла, кое-как скрепленного болтами. Акос терпеливо ждал, пока Сизи вытрет чистой тряпкой столик, после чего бережно положил на него Кайру.

– Акос, я не умею читать по-шотетски, – сказала сестра.

– Я вообще-то тоже.

В аптечке все было аккуратно разложено по алфавиту. Некоторые буквы Акос угадал, но этого было мало.

– Ты столько времени жил среди шотетов! Мог бы и научиться хоть чему-нибудь полезному, – невнятно прошелестела Кайра и вздохнула. – Дермоамальгама – там. Антисептик – слева. Сделай мне обезболивающее.

– Ладно тебе! Чему-то я все-таки научился, – возразил Акос, погладив ее по волосам, прежде чем взяться за работу. – Самыми сложными уроками стали уроки, посвященные самой Кайре Ноавек.

Среди снадобий Акоса имелся флакон с обезболивающим. Он метнулся обратно на главную палубу и начал шарить под откидными сиденьями. Недовольно уставился на Джайо, который недостаточно быстро убрал ноги, и продолжил поиски. Нащупал свой мешок и рулон выделанной шкуры Панцырника. Та была слишком твердой, и ее даже свернуть толком не удавалось.

Наконец Акос нашел пузырек с лиловатым содержимым и вернулся в камбуз.

Сизи, уже натянув перчатки, вскрывала какие-то упаковки.

– У тебя твердая рука, Акос? – спросила сестра.

– Думаю, да. А что?

– Я, разумеется, знаю, что надо делать, но не могу до нее дотронуться. Из-за боли, понимаешь? Операция – сложная, а если я все время буду вздрагивать, девушке не поздоровится. Поэтому я буду руководить, а ты – делать.

Над Кайрой клубились тени. И они изменились. Ток в них напоминал зигзаги молний.

– Акос, она... – хрипло начала Кайра.

– Да, она моя сестра. Познакомься с Сизи.

– Рада встрече, – пробормотала Кайра, пристально разглядывая лицо Сизи.

Наверное, она хотела обнаружить ее сходство с братом – но его-то как раз не было и в помине.

– Я тоже рада, – откликнулась Сизи с улыбкой.

Если она и боялась Кайры, о которой ходило столько пугающих слухов, то ничем этого не выказывала.

Акос поднес к губам Кайры флакон с лекарством. Сейчас ему было страшно смотреть на нее. перевязочная ткань, прикрывавшая левую сторону шеи и головы, пропиталась кровью и заскорузла. Тело было в

синяках и порезах.

– Напомни потом, чтобы я закатила тебе сцену за то, что ты посмел вернуться, – прошептала она, выпив зелье.

– Хорошо, – пожал плечами Акос.

Однако на душе у него полегчало. Это была по-прежнему его Кайра, язвительная, как иззубренное лезвие, и сильная, как льды Мертвящего часа.

– Заснула. Вот и славно, – произнесла Сизи. – Теперь посторонись, пожалуйста.

Акос отошел в сторонку. Сизи действовала профессионально. С осторожностью, с какой нитку вдевают в иголку, подцепила перевязочную ткань и аккуратно сняла ее, стараясь не повредить кожу. Ткань, пропитанная кровью и гноем, отходила легко. Сизи снимала полосу за полосой и выкидывала их в кювет.

– Ты решила стать врачом? – спросил Акос, наблюдая за сестрой.

– По-моему, самое подходящее занятие при моем даре, – ответила та.

Легкость характера действительно была ее талантом еще до того, как проснулся токодар. Но талантом явно не единственным, как понял теперь Акос. У Сизи были отменное самообладание, решительность и острый ум. Она уже не походила на милую, услужливую девочку, какой он ее помнил.

Полностью очистив рану, Сизи полила ее антисептиком и стерла с краев подсохшую кровь.

– Пора наложить дермоамальгаму, – проговорила она, выпрямляясь. – Она действует как живая, тебе нужно аккуратно приложить ее к ране, и она постепенно прирастет. И, пожалуйста, постарайся, чтобы у тебя руки не тряслись. Сейчас я отрежу кусок.

Дермоамальгаму изобрели отирианцы: стерильная синтетическая субстанция являлась чуть ли не живой. Обычно ее использовали для регенерации обгоревшей кожи. Название она получила из-за цвета и текстуры, напоминающих жидкое серебро. Прирастая, она не требовала замены.

Сизи отрезала несколько полосок, которые должны были прикрыть все поврежденные участки тела Кайры: на шее, над ухом и за ним. Немного подумав, она загнула краешки лоскутов, и те уподобились лепесткам ледоцветов или недоделанным снежинкам.

Акос надел перчатки, чтобы дермоамальгама не прилипла к ладоням, и Сизи подала ему первую полоску. Та была тяжелой, холодной и вовсе не такой скользкой, как показалась Акосу. Сизи помогла ему правильно держать руки над головой Кайры.

– Опускай, – велела она.

Акос подчинился. Прижимать необходимости не было. Едва коснувшись раны, дермоамальгама подернулась рябью и прилипла. Точно так же они прикрыли остальные участки раны. Полоски мгновенно срастались между собой: не оставалось даже шва.

Потом Акос обработал другие раны Кайры: прикрыл порезы на руках и на боку перевязочной тканью, смазал синяки бальзамом. Жизни Кайры ничто не угрожало, и главное для нее сейчас – забыть, каким образом она их получила. Для душевных ран не существует дермоамальгамы, хотя они не менее болезненны, чем телесные.

– Готово, – удовлетворенно сказала Сизи, стягивая перчатки. – И не надо ее будить. Ей требуется отдых. Кровотечение мы остановили, и я уверена, что с ней все будет в порядке.

– Спасибо тебе, – поблагодарил Акос.

– Никогда бы не подумала, что мне придется лечить Кайру Ноавек. Да еще на грузовом корабле шотетов. – Сизи посмотрела на брата. – Но я вроде бы поняла, почему она тебе нравится.

– Я себя чувствую очень странно. – Акос вздохнул и сел на стул. – Я жил-жил и не заметил, как воплотилась моя судьба.

– Если тебе суждено служить роду Ноавек, так тому и быть. Кроме того, ты спас девушку, которая столько перетерпела ради тебя.

– То есть ты не считаешь меня предателем?

– Это будет зависеть от того, на чью сторону она станет, – Сизи дотронулась до его плеча. – Пойду-ка к Исэй, не возражаешь?

– Нет, конечно.

– А что означает выражение твоего лица?

– Ничего. – Акос погасил улыбку.

Воспоминания Акоса о допросе были туманны. Но и того, что он помнил, хватало с лихвой.

Однако Кайру он не забыл.

Она тогда выглядела как труп. Ее лицо, запятнанное синеватыми тенями, казалось подгнившим. Она громко кричала, сопротивляясь неизбежному, не желая причинять ему боль. Если он не рассказал Ризеку о том, что ему известно об Исэй и Ори, это могла сделать Кайра – просто для того, чтобы спасти его от смерти.

И он не мог ее винить.

Кайра вздрогнула, очнулась и застонала. Провела кончиками пальцев по его щеке.

– Акос, кто я для тебя? – вяло произнесла она. – Та, что причинила тебе боль, да? – Слова выходили из ее горла рывками, она будто давилась

ими. – Я никогда не смогу забыть, как ты кричал... – и Кайра, еще полусонная от обезболивающего, заплакала.

Но разве Акос кричал, когда она дотрагивалась до него в тюрьме со стеклянными стенами... когда Кайру заставили быть Плетью, которая мучила их обоих?

Акос был уверен: в тот момент Кайра чувствовала то же самое, что и он.

Таков ее дар. Боль делилась поровну.

– Нет-нет, – горячо возразил Акос. – Ты не виновата. Это все он, он...

Ее ладонь легла ему на грудь, собираясь оттолкнуть, но не оттолкнула. Кайра погладила его по ключице, и даже сквозь плотную ткань рубашки Акоса ощутил жар ее руки.

– Зато теперь ты понимаешь, на что я способна, – продолжала она, упорно избегая смотреть ему в глаза. – Прежде ты только со стороны видел, как я пытала других, а теперь тебе точно известно, какую боль я им причиняла... Их было очень много, но я трусила и не сопротивлялась Ризеку, – она поморщилась, опуская руку. – Твое спасение... это был мой единственный хороший поступок, хотя ты свел его на нет, вернувшись назад. Какой же ты идиот. – Ее лицо скривилось, она повернулась на бок и опять расплакалась.

Акос робко дотронулся до ее щеки. Когда он увидел Кайру впервые, то думал о ней как о чудовище, от которого следует держаться подальше. Но мало-помалу она раскрывалась перед ним. Ей был свойственен черный юмор: она часто будила Акоса, приставив нож к его горлу, а через минуту казалась беззащитной. Она поражала его своей искренностью. Она рассказывала о себе все без утайки. Она любила галактику, даже те планеты, которые должна была по идее ненавидеть.

Нет, Кайра не являлась ни ржавым гвоздем, ни раскаленной кочергой, ни пресловутой Плетью Ризека. Кайра была бутоном ледоцвета, вся – сила и обещание, в равной мере способная на добро и зло.

– Это вовсе не единственный твой хороший поступок, – возразил Акос на тувенском.

Именно тувенский подходил для такого откровенного разговора. Кайра никогда не говорила на нем в присутствии Акоса, может, боялась невзначай ранить его чувства.

– Для меня твой поступок бесценен, он все изменил, – Акос прижался лбом к ее лбу, их дыхание смешалось.

– Как приятно звучит твой голос, когда ты говоришь на родном языке, – прошептала она.

– Можно я тебя поцелую? – вдруг вырвалось у него. – Или тебе будет больно?

Акос отодвинулся и посмотрел на нее.

Ее зрачки расширились, и она едва слышно с улыбкой произнесла:

– Какая разница? А жизнь и так полна страданий.

Акос приник ртом к ее губам и едва не задохнулся. Он не знал, каким будет поцелуй, как бывает, когда целуешь не потому, что тебя застали врасплох, а потому, что сам сильно этого жаждешь.

Ее губы оказались пряными от обезболивающего, и она медлила – может, до сих пор боялась причинить ему боль. Целовать Кайру было все равно что поднести спичку к щепке.

И теперь Акос сгорал.

Внезапно стены заходили ходуном. Посуда в раковине загремела.

Корабль шел на посадку.

31. Кайра

Наконец-то я разрешила себе подумать: он прекрасен. Его серые глаза напоминали штормовые воды Питы. Когда он касался моего лица, на его руке четко обозначались мускулы. Его пальцы нежно гладили мою щеку. Их кончики пожелтели от цветов ревности. У меня перехватило дыхание, когда я подумала, что он дотрагивается до меня потому, что хочет меня.

Я села и осторожно ощупала пленку дермоамальгамы за ухом. Скоро в ней прорастут нервы, и она ничем не будет отличаться от настоящей кожи. Правда, волос там уже не будет. Мне стало любопытно, как я выгляжу с полусодранным скальпом. Хотя, конечно, это не имело значения.

Ведь он все равно хотел ко мне прикоснуться.

– Что случилось? – спросил Акос. – Ты странно на меня смотришь.

– Ничего. Просто ты... такой милый.

Прозвучало до невозможности глупо. Он был в пыли, поту и, конечно, в моей крови. Волосы растрепаны, одежда в беспорядке. «Милый» – не совсем удачное слово, хотя остальные показались мне слишком пафосными и преждевременными.

– Ты тоже, – он заговорщицки улыбнулся.

– Ага, такая же грязнуля. Но все равно – спасибо.

Я подвинулась к краю стола, рывком сползла с него и покачнулась. Ноги не слушались.

– Может, понести тебя? – спросил Акос.

– Подобного унижения я больше не допущу.

– Унижения? Обычно люди называют это иначе. Например, галантностью.

– Однажды я протащу тебя на руках, как младенца – перед людьми, уважение которых ты надеешься заслужить, а потом ты мне расскажешь, каково тебе!

– Ладно, – улыбнулся он.

– Но я разрешаю тебе меня немного поддерживать. И не думай, что я не заметила канцлера Туве. Хотелось бы мне знать, какие из принципов «пути эльметахака» позволили тебе завлечь канцлера и прибыть во вражескую страну, – добавила я.

– Скорее, принципы «пути гильетахака», – вздохнул он. – Школы глупости.

Ухватившись за его руку, я пошла, точнее – поковыляла на главную палубу. Транспортник оказался небольшим, но с широкими обзорными иллюминаторами.

Внизу виднелся Воа, окруженный с трех сторон отвесными утесами, а с четвертой – морем. На севере темнели леса. Поезда, приводимые в движение ветром, который дул с побережья, расходились от центра Воа, как спицы колеса. Я еще ни разу в жизни на таких не ездила.

– А Ризек нас еще не выследил, – проговорила я.

– Голографическая маскировка, – ответила Тека с капитанского кресла. – Мы сейчас ничем не отличаемся от любого военного транспортника. Сама придумала.

Корабль опустился сквозь провалившуюся крышу какого-то здания на окраине Воа. Ризек не интересовался этой частью города. Она вообще никого не интересовала. Раньше здесь располагались многоквартирные дома, но потом что-то случилось, и люди поспешно отсюда слиняли. Теперь все было заброшенным.

Во время спуска перед моими глазами мелькали обломки чужих жизней: кровать с разномастными наволочками в разгромленной спальне. Кухонный стол, балансирующий на краю провала. Пыльные красные подушки, валявшиеся в когда-то уютной гостиной.

Мы приземлились. Кто-то потянул за свисающий со шкива канат, и отверстие в крыше затянулось огромным полотнищем. Сквозь ткань проникало солнце, и металл корабельных бортов немного отсвечивал, но в целом в укрытии царил полумрак.

Я приникла к иллюминатору. Мы находились в просторном помещении с земляным полом. Кое-где еще оставались замызганные плитки, в трещинах между ними пробивались хрупкие шотетские цветы: серые, синие и фиолетовые.

Отвернувшись, я оперлась на Акосу и побрела к выходу: на верхней ступеньке трапа уже появилась Исэй Бенезит. У нее были раскосые глаза, знакомые мне по видеозаписи, которую мы смотрели с Акосом. Однако на лице у канцлера красовались шрамы, которых я совершенно не ожидала увидеть: отметины от шотетского клинка.

– Привет, – произнесла я. – Много о тебе наслышана.

– А я – о тебе, – ответила она.

Кто бы сомневался. Слухи о том, что мое прикосновение несет убийственную боль, давно облетели всю галактику. Были и другие сплетни. К примеру, некоторые считали, что я – безумная сестра Ризека, больной зверь, неспособный на человеческое общение.

Убедившись, что Акос крепко меня держит, я протянула Исэй руку. Любопытно, решится ли она ее пожать. Бенезит меня не разочаровала. Ее изящная ручка оказалась твердой и натруженной. Интересно, где канцлер заработала свои мозоли?

– Думаю, нам надо кое-что обсудить, – осторожно продолжила я. – Наедине.

Если заговорщикам неизвестно ее настоящее имя, то не стоит рисковать.

К нам подбежала Тека. Я едва не рассмеялась, увидев броскую повязку на глазу.

Хотя это вполне в ее характере: вместо того чтобы скрывать отсутствие глаза, она привлекает к нему внимание.

– Кайра! – воскликнула Тека. – Я рада, что тебе лучше!

Я высвободилась из хватки Акоса. Тени окружили меня плотным коконом, но они стали иными, обвивали пальцы, как усики диковинного растения, а не струились под кожей точно вены. Моя рубашка потемнела от крови. Там, где накладывали перевязочную ткань, зияли прорехи, тело покрывали бесчисленные синяки.

Но я попыталась держаться достойно.

– Благодарю, что вытащила меня, – обратилась я к Теке. – Полагаю, основываясь на нашем прошлом опыте, ты хочешь получить что-то взамен.

– Об этом мы еще поговорим, – губы Теки скривились. – Думаю, наши интересы совпадают. Кстати, если хочешь помыться, здесь есть вода. Даже горячая. Выбери себе комнату, какую пожелаешь.

– Что за роскошь, – улыбнулась я и перевела взгляд на Исэй. – А тебе лучше пойти с нами. Ты согласна?

Спускаясь по трапу, я крепилась изо всех сил и старалась не подавать виду, что шатаюсь от слабости.

Когда я наконец-то преодолела все ступени, то вместе с Акосом поплелась в коридор. Скрывшись от посторонних взглядов (Исэй и Сизи – не в счет, пронеслось у меня в голове), я привалилась к стене и перевела дух.

Кожа вокруг заплаток из дермоамальгамы жарко пульсировала. Прикосновение Акоса избавило меня от мучений токодара, но с болью от свежих ран, полученных на арене, он ничего поделать не мог.

– Мне уже не до шуток, – буркнул Акос и подхватил меня на руки, несколько более бесцеремонно, чем мне бы хотелось.

Но я слишком вымоталась, чтобы протестовать. Каблуки ботинок

чиркали по стене, пока Акос нес меня наверх.

На втором этаже мы разыскали «нормальную» квартиру. Правда, в стене гостиной обнаружилась здоровенная дыра, откуда открывался вид на подвал, где стоял корабль. Около него копошились заговорщики: они вытаскивали раскладушки, раскладывали припасы и возились с печкой, притащенной, вероятно, откуда-то сверху.

Ванная комната в нашем «жилище» была удобной, если не сказать шикарной: пол выложен синими стеклянными плитками, посередине – ванна на лапах, у стены – мраморная раковина. Акос повернул краны. Проплевавшись, те заработали, как и обещала Тека. Я разрывалась между желаниями искупаться и поговорить с Исэй Бенезит.

– Я подожду, – сказала Исэй, которая догнала нас через пару минут, заметив мою нерешительность. – Иначе, боюсь, вместо связного разговора буду таращиться на твою кровь.

– Мне еще расти и расти до общества канцлера! – съязвила я.

Неужели она считает, что я специально измазалась в крови? Зачем лишний раз мне об этом напоминать?

– Почти всю жизнь я провела на крошечном кораблике, где жутко воняло грязными носками, – фыркнула Исэй. – Я и сама не очень вписываюсь в образ канцлера.

Она взяла диванную подушку и похлопала по ней ладонью. В воздух взметнулась туча пыли. Исэй кинула подушку на пол и уселась, умудряясь выглядеть элегантно. Сизи опустилась рядом, хотя не столь церемонно, и улыбнулась мне. Ее дар завораживал. В присутствии сестры Акоса я успокаивалась, а мрачные воспоминания тускнели. Если вам плохо живется, у вас может развиться настоящая зависимость от ее присутствия, подумала я и направилась в ванную комнату.

Акос как раз стягивал броню, от горячей воды запотело уцелевшее зеркало.

– Только не говори, что тебе не потребуется помощь, – сказал он. – Не поверю.

Встав так, чтобы меня не было видно из гостиной, я попыталась снять рубашку, но сразу же почувствовала, что надо передохнуть. Акос положил броню на пол и решительно взялся за подол моей рубахи. Я негромко рассмеялась, глядя, как он выпутывает из рукавов мои руки.

– Да, как-то неудобно, – заметила я.

– Ага, – согласился он, не сводя глаз с моего лица, и покраснел.

Я никогда не позволяла себе представить подобную ситуацию: его пальцы дотрагивались до моих плеч. Воспоминание о его губах,

касающихся моих, не покидало меня: я до сих пор ощущала их вкус.

– Думаю, со штанами я справлюсь.

Раздеваться я не стеснялась. Мое тело нельзя назвать хрупким: мускулистые бедра, маленькая грудь... но меня это ничуть не беспокоило. Все в принципе выглядело так, как ему и положено, однако, когда взгляд Акоса украдкой скользнул по мне, я не удержалась от нервного смешка.

Акос помог мне залезть в ванну. Я села туда прямо в белье. Акос порылся в шкафчике под раковиной, где обнаружилась опасная бритва, пустой флакон с ободранной этикеткой, щербатая расческа и, наконец, кусок мыла. Акос передал его мне.

Устроившись на краю ванны, Акос аккуратно положил руку мне на плечо, избавляя от теней токодара, и я принялась оттирать запекшуюся кровь. Хуже всего дело обстояло с ранами, прикрытыми дермоамальгамой.

За несколько дней, проведенных в камере и на арене, кровь там присохла на совесть, и в результате я решила начать мыться с головы. Мне пришлось стискивать зубы, чтобы не завопить. Акос начал бережно массировать мое плечо, затем шею, и по рукам у меня поползли мурашки.

Его пальцы уверенно находили напряженные места. Наши взгляды встретились. Глаза Акоса были добрыми и застенчивыми. Мне очень захотелось его поцеловать, пока он не залился краской.

Позже.

Я покосилась на дверной проем и, убедившись, что Сизи с Исэй не смотрят, расстегнула наручи на левом предплечье.

– Мне нужно вырезать знаки, – прошептала я.

– Не сейчас, – твердо ответил он. – Ты уже потеряла много крови.

Акос забрал у меня мыло, провернул пару раз в ладони, взбивая пену, и нежно провел по моей коже, испещренной шрамами. В каком-то смысле, это было даже лучше поцелуев. У Акоса не имелось иллюзий насчет моей добродетели, которые могли бы разбиться, узнай он правду. Он принимал меня такой, какая я есть. И он заботился обо мне.

– Ладно, – согласилась я. – Но с водными процедурами покончено.

Акос быстро встал и помог мне подняться. По спине и ногам струилась вода. Пока я возилась с наручами, Акос принес полотенце и разыскал для меня одежду: попросил у Исэй запасные брюки, у Сизи – белье, от себя прибавил рубашку и носки. Ботинки мои вроде бы еще не развалились.

Я с сомнением посмотрела на стопку чистых вещей. Одно дело – стоять перед ним в нижнем белье, и совсем другое...

Вообще-то я надеялась, что это произойдет при несколько иных

обстоятельствах.

– Сизи! – позвал Акос сестру. – Ты нам нужна!

– Спасибо, – поблагодарила я его.

– Ужасно утомительно все время смотреть тебе в лицо, – выдохнул он.

Я показала ему язык, и Акос вышел. В ванную скользнула Сизи, и меня сразу же словно окутало облако умиротворения. Сизи помогла мне снять бюстье. Насколько я знала, такие бюстье имелись только у шотетов: их изобрели не для того, чтобы подчеркнуть формы, а с другой целью – чтобы женщинам было удобнее носить жесткую броню. Взамен Сизи дала мне нечто вроде мягкой маечки с эффектом термобелья.

Тувенская штучка. Майка оказалась великовата, но в целом сидела неплохо.

– Хотела спросить тебя о твоём даре, – сказала я, пока Сизи возилась с застёжками. – Наверное, тебе трудно доверять людям?

– В каком смысле? – Она загородила меня развернутым полотенцем, чтобы я смогла переодеть трусики.

– Ну... – сунула я одну ногу в штанину брюк. – Никогда ведь наверняка не узнаешь, хотят они быть с тобой просто так или из-за твоего дара.

– Токодар прежде всего отражает мою личность, поэтому я не вижу разницы.

Практически Сизи повторила слова доктора Фадлана, сказанные когда-то моей матери. Тот утверждал, что токодар изливается из глубин моего «Я» и изменится, если изменюсь я сама.

Тени обвивали мои запястья подобно браслетам. Вдруг это означает, что после допроса я стала другим человеком? Может, немного лучше и сильнее, чем раньше.

– То есть ты считаешь, что желание причинять боль исходит из меня самой?

Сизи нахмурилась, помогая мне натянуть рубашку. Длинные рукава были слишком широки, и я их закатала до локтей.

– Думаю, тебе нравится держать дистанцию, – вымолвила Сизи. – Но я не понимаю, почему твой дар так тесно связан с физической болью, – она помолчала и продолжила: – Странно. Обычно мне трудно общаться с малознакомыми людьми.

Мы обменялись улыбками и пошли в гостиную.

Исэй по-прежнему восседала на подушке, изящно скрестив ноги. Для меня тоже приготовили подушку. Я расслабленно плюхнулась на нее и собрала в хвост влажные волосы. Стекланный столик оказался давным-

давно разбит, грязный паркет усыпали осколки, однако Исэй смотрелась так, словно устраивала королевский прием, а я была одной из ее подданных. Ну и талант у девчонки!

– Ты хорошо говоришь на тувенском? – спросила Исэй.

– Прекрасно, – ответила я по-тувенски.

При звуках моего голоса Акос вскинул голову. Он, похоже, еще не привык к тому, что я могу изъясняться на его родном языке.

– Ты прибыла сюда за своей сестрой? – осведомилась я.

– Да. Ты ее видела?

– Нет. И мне неизвестно, где ее держат. Но рано или поздно ее будут перевозить из одного места в другое. Так что ориентируйся именно на это.

Акос встал у меня за спиной и положил ладонь мне на плечо. Я и не заметила, когда надо мной сгустились тени, настолько исстрадалась от ран.

– Он будет ее мучить? – тихонько спросила Сизи, присаживаясь возле Исэй.

– Мой брат на все способен.

Исэй хмыкнула.

– Но Ризек – уникальный монстр. Он боится боли и не получает никакого удовольствия, когда наблюдает за мучениями своих жертв. Наверное, пытки напоминают Ризеку о его собственной уязвимости. Поэтому не волнуйся за свою сестру.

Сизи, не глядя на Исэй, обняла ее за плечи и прижала к себе. Их пальцы тесно переплелись и определить, где чьи находятся, можно было лишь по темному цвету кожи Сизи.

– Тем не менее Ризек настроен на публичную казнь, – продолжила я. – Таким образом он хочет заманить в сети и тебя, Исэй. Он мечтает тебя убить, причем предпочитает действовать на своих условиях. А тебе не захочется сражаться с ним на его условиях, уж поверь мне.

– Но ты ведь нам поможешь? – спросил Акос.

– Даже не сомневайся, – ответила я, пожав его руку, вроде как в качестве подтверждения своих слов.

– Хорошо бы еще заручиться помощью заговорщиков. А это будет нелегко. Зачем им спасать тувенку?

– Их я беру на себя, есть у меня одна идея.

– Интересно, что в историях о тебе – правда? – поинтересовалась Исэй. – Ты скрытная, а твой токодар внушает ужас. Пожалуй, не все истории лгут. И разве можно тебе доверять?

Думаю, Исэй хотелось, чтобы окружающий мир был понятным и предсказуемым. Хотя это вполне естественное желание, особенно

учитывая, что над тобой довлеет судьба повелевать целой планетой. Но я уже поняла, мир отнюдь не спешит подстраиваться под наши желания.

– Ты видишь все в черно-белом свете. Хороший – плохой. Можно доверять – нельзя доверять, – заметила я. – Исэй, к сожалению, с живыми людьми такой номер не пройдет.

Она смерила меня долгим взглядом. Даже Сизи не выдержала и нетерпеливо заерзала на месте.

– Кроме того, мне безразлично, как ты ко мне относишься. Я и без тебя сумею разделаться со своим братцем.

Когда мы покинули квартиру, я потянула Акоса за рукав. Сумрак был не настолько густым, чтобы не заметить его удивленного лица. Сизи с Исэй начали спускаться по лестнице, а я прислонилась к стене. Тени токодара закружились надо мной.

– Что случилось? – спросил Акос.

– Ничего. Только... дай мне минутку.

Я закрыла глаза. С тех пор как, очнувшись после допроса, я обнаружила, что тени покинули мое тело, у меня из головы не выходили рассуждения доктора Фадлана о том, откуда мог взяться подобный дар. Как и многое в моей жизни, токодар, похоже, был связан с Ризеком. Брат боялся боли, и Ток подарил мне способность, которая пугала Ризека. Может, токодар является единственным способом защититься от Ризека...

Дар Тока не стал проклятием. Он сделал меня сильной. Но нельзя забывать и о другом. По мнению доктора Фадлана, я была уверена в том, что все люди, включая и меня, заслужили эту боль.

Но теперь я точно знала одно – Акос ее не заслужил.

Уцепившись за эту мысль, я вновь потянулась к Акосу и дотронулась до его груди, ощутив под пальцами грубую ткань рубахи.

Я открыла глаза. Тени клубились вокруг, поскольку я не прикасалась к его коже, но моя левая рука оказалась чиста до самых кончиков пальцев.

Значит, если бы Акос был способен чувствовать мой токодар, я бы не причинила ему боль...

Глаза Акоса, всегда остававшиеся настороже, распахнулись от изумления.

– Я убиваю прикосновением потому, что не желаю оставить себе ни капли боли. Я слишком устала от своего бремени и мечтаю избавиться от него хоть ненадолго. Но во время допроса мне почему-то подумалось, что я смогу вынести любую пытку. Что никто, кроме меня, на такое не способен. А ведь это произошло лишь благодаря тебе, – я сморгнула слезы. – Ты считаешь меня лучшей, чем я есть на самом деле. Ты сказал, что я должна

сама выбрать, кем быть, а остальное – преходяще. Я тебе поверила. Отказ разделить боль едва не убил меня, зато когда я очнулась, то поняла, что дар изменился. Боль стала терпимой, иногда я могу контролировать Ток, – я опустила руку. – Не знаю, кем мы стали друг для друга и как можно назвать наши отношения, но вот что я скажу: твоя дружба... изменила меня в буквальном смысле.

Несколько секунд Акос смотрел на меня в упор. Я замолчала. Странно, но я до сих пор находила в его лице что-то новое, а ведь мы уже столько времени провели вместе!

Легкие тени, залегшие у скул. Шрам, пересекающий бровь.

– И как это, по-твоему, называется? – наконец спросил он.

Броня, выпав из его рук, глухо стукнулась о ступеньку. Акос обнял меня за талию и прошептал мне на ухо:

– *Сивбарат, зехетет.*

Первое слово – шотетское, второе – тувенское. «Сивбарат» означало дорогого друга, настолько близкого, что его потеря была бы равноценна потере руки.

Но *зехетет*... что это? Я терялась в догадках.

Мы пока еще не привыкли друг к другу: губы казались чересчур мокрыми, зубы то и дело стукались о зубы. Но это было прекрасно. Мы пробовали снова и снова. На сей раз все было похоже на искру, мою плоть будто пронзила молния.

Акос привлек меня к себе. Его пальцы были ловкими после многих лет работы с зельями и ножами, и пахло от него травами.

Я приникла к нему, упираясь ладонями в шершавую стену и чувствуя на шее его горячее, неровное дыхание. Мне всегда хотелось узнать, как это – прожить жизнь без физических страданий. То, что я испытывала сейчас, не было желанным избавлением от боли, но полной противоположностью – чистым ощущением, которое заключало все на свете: мягкость, теплота, боль, тяжесть... и все, все, все...

Здание содрогнулось, раздался ровный гул. Прежде чем оттолкнуть Акоса и бежать вниз, я спросила:

– Что означает «зехетет»?

Акос отвернулся, застеснявшись: его шея покраснела.

– Возлюбленная, – ответил он и опять поцеловал меня.

Затем подхватил свою броню, и мы начали спускаться по лестнице. Я никак не могла прогнать с губ улыбку.

Гул, который нас испугнул, вскоре превратился в знакомый мне рев двигателей. Корабль приземлялся, изодрав в клочья маскировочную ткань.

Световая полоса вокруг днища, забрызганного грязью, была темно-лиловой.

Я в ужасе таращилась на корабль, и только потом заметила тувенскую надпись на корпусе: «Пассажирское судно 6734».

32. Акос

Судно, прорвавшее полотнище, оказалось круглым пассажирским поплавком, рассчитанным максимум на двух человек. Лоскуты ткани, подхваченные воздушным потоком, плавно опадали на пол.

Акос увидел темно-синее беззвездное небо с фиолетово-красной рябью токотечения.

Заговорщики с оружием на изготовку окружили поплавков. Дверца открылась, и в проеме появилась немолодая женщина. Она подняла руки вверх, показывая, что безоружна.

В ее волосах серебрились пряди, но в глазах не было и намека на смирение.

– Мама! – закричала Сизи, бросаясь к женщине и обнимая ее.

Та обняла дочь в ответ, пристально поглядывая из-за ее плеча на окружающих.

И тут она заметила Акоса.

Ему сделалось неуютно. Раньше Акос думал, что при встрече с матерью он вновь почувствует себя маленьким мальчиком. Ничего подобного. Напротив, он ощутил себя взрослым. Большим и очень неловким. Акос прижал к груди шотетскую броню, как будто та могла его защитить, и пожалел о том, что вообще принес ее. Маме незачем знать, что он заслужил шотетскую броню, она не должна разочароваться в своем родном сыне.

Но ведь она увидит, что он стал другим... но каким? Акос не мог ответить на этот вопрос.

– Кто вы? – рявкнула Тека. – И как вы нас нашли?

– Я – Сифа Керезет, – ответила мать, выпуская Сизи. – Простите, что напугала вас.

– Кто вы? – повторила Тека.

– Я – тувенская предсказательница и потому легко вас обнаружила.

Заговорщики как по команде опустили ток-ножи. Даже шотеты, которые не поклонялись Току, не позволили бы себе угрожать оракулу, настолько сильно религия въелась в их жизнь, в их нутро до мозга костей. Все с опаской и восхищением уставились на предсказательницу, которая предстала перед ними.

– Акос, сынок... – по-тувенски произнесла мама с вопросительной интонацией.

Акос сотни раз представлял себе этот момент. Что он ей скажет, сделает, почувствует... Теперь его распирало от гнева. Она не спасла их в день похищения. Не предупредила своих детей об опасности, хотя та буквально подкарауливала их за порогом собственного дома. Ни единым словом не намекнула на то, что случится с Айджой и Акосом.

Она лишь попрощалась перед тем, как они отправились в школу, и все.

Мама приблизилась к Акосу и положила натруженные руки ему на плечи. На ней была отцовская рубашка с короткими рукавами. От нее пахло листьями сендеса и солефрутами. Запах дома.

Когда они виделись в последний раз, Акос едва доставал ей до плеча, теперь он оказался на голову выше.

– Как бы я хотела все объяснить, – прошептала она.

Ее глаза заблестели от невыплаканных слез.

Акос с ней мысленно согласился. Может, она отринет свою безумную веру в то, что законы судьбы превыше участи ее собственных детей. Однако все было очень не просто.

– Неужто я тебя потеряла? – Мамин голос дрогнул, и гнев Акоса тут же растаял.

Он наклонился, притянул ее к себе и неожиданно приподнял над земляным полом.

Она почти ничего не весила. Интересно, мама всегда была такой худенькой? Или он считал ее сильной только потому, что сам был ребенком, а она – его мамой? А сейчас Акос испугался, что он может ее сломать. Сифа покачалась туда-сюда. Она всегда так делала, обнимаясь, наверное, проверяла объятия на прочность.

– Здравствуй, – выдавил Акос.

– Ты вырос, – сказала мама, отстраняясь. – Я часто представляла себе нашу встречу, но и вообразить не могла, что ты стал таким высоким.

– Вот уж не думал, что мне когда-нибудь доведется тебя удивить.

Она тихонько рассмеялась.

Это не было прощанием, ни в коей мере. Но теперь Акос не хотел ничего портить. Он понимал, что они могут больше никогда не увидеться. Мама пригладила ему волосы, и Акос не стал возражать, хотя был уверен, что они в приглаживании не нуждаются.

– Добрый вечер, Сифа! – нарушила молчание Исэй.

Мама обернулась. К счастью, Акосу не потребовалось предупреждать ее о том, что заговорщики не знают, кто такая Исэй.

Она же предсказательница.

– Здравствуй, – обратилась она к Исэй. – Рада встрече. Твои родные

дома места себе не находят: они переживают за тебя... и за твою сестру.

Осторожная фраза с подтекстом. Вероятно, после исчезновения канцлера, в Туве начались беспорядки. А предупредила ли Исэй кого-нибудь о том, куда направляется, или хотя бы о том, что жива? Пожалуй, ее такие тонкости не волновали. В конце концов, она не выросла на Туве, откуда же взяться любви к этой ледяной стране?

– Мы польщены вашим визитом, предсказательница, – обычным своим добродушным тоном сказал Йорек. – Не соблаговолите ли разделить с нами трапезу?

– Соблаговолю. Но должна вас предупредить: я прибыла с грузом предвидений. Полагаю, я вас заинтриговала.

Кто-то вполголоса перевел ее слова тем шотетам, которые не говорили по-тувенски. Акосу до сих пор приходилось прилагать усилия, чтобы отмечать, на каком языке говорят.

Как странно, подумал он. Ты просто знаешь тувенский с рождения, и все тут.

Кайра застыла на ступенях. Девушка выглядела испуганной. Опасается предсказательницы? Нет, скорее, боится встречи с его матерью.

Попроси ее кто-то убить собственного брата или сразиться с врагом не на жизнь, а на смерть, – она даже не моргнет. А мать Акоса внушает ей ужас. Акос усмехнулся.

Они собрались у печки, в которой жарко горел огонь. Пока Акос помогал Кайре спуститься, остальные притащили с полдюжины разнокалиберных столов: квадратных и металлических, длинных и деревянных, стеклянных и изогнутых. Появилась еда: вареные солефруты, вяленое мясо, каравай хлеба, обжаренные фензу – деликатес, которого Акос еще никогда не пробовал. Нашлись и мисочки с ледоцветами: растения надо было только порубить ножом, перемешать и залить кипятком. Видимо, с ледоцветами придется возиться Акосу: Йорек-то ему точно не помощник.

Еда оказалась еще скромнее, чем вчерашний ужин, однако ее было вдоволь.

Акосу не потребовалось представлять Кайру маме. Та заметила девушку и подошла к ней сама. Что отнюдь не обрадовало Кайру.

– Мисс Ноавек, – задумчиво произнесла Сифа и мельком взглянула на свежие заплатки дермоамальгамы.

– Предсказательница, – слегка поклонилась Кайра.

Акос никогда не видел, чтобы Кайра отвечивала поклоны. На щеке девушки расцвела тень и сползла тремя чернильными кляксами вниз по горлу, как будто Кайра сделала глоток воды. Акос коснулся локтя Кайры,

чтобы она смогла обменяться рукопожатием с Сифой, и та с любопытством посмотрела на сына.

– Мама, Кайра помогла мне вернуться домой, – пояснил Акос и замялся.

Он не знал, что ему следует рассказать о Кайре – да и о чем тут вообще говорить?

Румянец, изводивший его с детства, снова начал разгораться на лице. Уши запылали. Акос попытался справиться со смущением.

– И Кайра за это поплатилась, – произнес он.

– Спасибо вам, мисс Ноавек, за то, что вы сделали для моего сына, – мама перевела взгляд на Кайру. – Я буду с нетерпением ждать, когда прояснятся мотивы вашего поступка. – Сифа отвернулась с загадочной улыбкой, взяла под руку Сизи и отошла.

Кайра сузила глаза.

– Вот такая у меня матушка, – пробормотал Акос.

– А ты... – Кайра прикоснулась к побагровевшей мочке уха. – Ты покраснел.

Несмотря на все старания, яркая краска заливала его лицо. Акос был готов сквозь землю провалиться. Неужели ему никогда не удастся изжить детскую привычку?

– Понятно. Ты всегда краснеешь, когда тебе не хватает слов, я давно заметила, – палец Кайры скользнул по его скуле. – Не волнуйся попусту, я тоже не знаю, о чем говорить с твоей матерью.

Акос промолчал. Что, если она начнет над ним потешаться? Конечно, Кайра никогда не пренебрегала подобной возможностью, но теперь почувствовала, что есть граница, переходить которую не стоит. И ее искреннее понимание растопило ледяной комок в душе. Акос накрыл ее руку своей. Их пальцы переплелись.

– Думаю, сейчас не самый удачный момент, хочу тебя кое о чем предупредить. Вряд ли мне удастся очаровать твою мать...

– А тебе и не надо. Она-то точно этого делать не собирается.

– Поаккуратней с советами. Ты не представляешь, до какой степени я могу быть неочаровательной. – Кайра поднесла его пальцы к губам и легонько куснула.

Акос уселся на подушку, валявшуюся возле металлического столика, за которым уже устроилась Сифа. Если тувенцы в Гессе и предпочитали какую-то общепринятую одежду, то мама как раз в ней и щеголяла: плотные штаны на теплой подкладке, шипованные ботинки, чтобы не скользить на льду. Волосы были стянуты в хвост красной ленточкой,

наверняка принадлежавшей Сизи.

На лице прибавилось морщинок. Прошедшие сезоны явно дались ей нелегко.

Заговорщики передавали друг другу миски с едой, тарелки, столовые приборы. У Теки, сидящей напротив Акоса, на глазу красовалась повязка с веселенькими цветочками. Кудри Йорека влажно блестели после душа, а Джайо опирался подбородком о свой музыкальный инструмент, лежащий у него на коленях.

– Сначала еда, потом предсказания, – предложила Сифа, заметив устремленные на нее взгляды.

– Конечно! – улыбнулся Йорек. – Акос, не заваришь нам чайку?

А как же иначе?

Акос не слишком огорчился, что его нагрузили работой, оторвав от матери, пробившейся к нему и Сизи на тувенском корабле. Ему действительно нужно было чем-нибудь занять руки.

– Хорошо.

Акос наполнил водой чайник, повесил его на крюк над огнем, пристроился рядом, собрал все имевшиеся кружки и принялся смешивать ледоцветы. Он приготовил стандартную смесь, поднимающую настроение и облегчающую общение, правда, для Кайры сделал обезболивающее, а для себя – успокоительное. Возясь с ледоцветами, он прислушивался к беседе мамы и Кайры.

– Мой сын стремился встретиться с тобой, – вымолвила Сифа. – Наверное, ты очень хороший друг.

– Ага, – ответила Кайра. – Что-то в этом роде.

Акос едва удержался, чтобы не закатить глаза. Ему казалось, он выразился вполне ясно, когда они говорили на лестнице, а она до сих пор не верит. Вот что бывает, когда ты убежден в своей «кошмарности»: автоматически начинаешь считать, что все тебе всегда врут.

– Ты можешь убивать с помощью своего токодара, – продолжала мама.

Хорошо, что он предупредил Кайру насчет «деликатности» Сифы.

Акос украдкой взглянул на девушку, прижавшую руку к животу.

– Так и есть, – ответила Кайра. – Но мне это не нравится.

Из носика чайника пошел пар, пока еще недостаточно густой, чтобы заваривать чай. Как назло, вода закипала еле-еле.

– Вы много времени проводили вместе? – поинтересовалась мама.

– Да.

– То, что Акос выжил, твоя заслуга?

– Нет. У вашего сына – сильная воля к жизни.

– Неужели ты такая скромная? – Мама усмехнулась.
– Я не привыкла присваивать себе чужие заслуги. Мне и собственных хватает.

– Ты немного дерзкая, – мамина улыбка стала еще шире.

– Меня характеризовали и худшим образом.

Чайник закипел. Акос нашел чайельник с деревянной ручкой, снял чайник с огня и разлил кипятком по кружкам. Подошла Исэй и, встав на цыпочки, шепнула:

– А твоя девушка очень похожа на твою мать, Акос. С удовольствием полюбуюсь, как эта леденящая истина вонзится тебе прямо в сердце.

– Шутить изволите, канцлер? – Акос воззрился на нее.

– Иногда мне свойственен черный юмор, – Исэй отхлебнула чай.

Тот был обжигающе горячим, что, похоже, не смущало Исэй.

Она любовно прижала кружку к груди.

– Ты хорошо знал мою сестру, когда вы с ней были детьми? – спросила она.

– Тебе бы стоило поговорить с Айджой. Они, кажется, всегда дружили. А со мной было нелегко общаться.

– Она успела мне кое-что рассказать. Похищение Айджи расстроило ее. Она даже покинула Туве. Зато она помогла мне оправиться от... того происшествия, – Исэй показала на свои шрамы. – Без нее я бы не справилась. А идиоты из Ассамблеи понятия не имели, что со мной делать.

Акос мало что слышал о штаб-квартире Ассамблеи: толпа политиков и послов жила на гигантском корабле, вращающемся вокруг солнца.

– По-моему, ты отлично вступишь в их компанию, – брякнул он.

Это отнюдь не было комплиментом, да и Исэй не восприняла его реплику как похвалу.

– У меня много скрытых талантов, – пожала она плечами.

Акос задумчиво посмотрел на аккуратно одетую Исэй. А ведь она ни разу не пожаловалась на тяготы пути. Если Исэй действительно провела большую часть жизни, бороздя просторы космоса, она вряд ли привыкла к королевскому комфорту.

Выражение ее лица оставалось непроницаемым. Складывалось впечатление, что она повсюду будет чужой.

– Ладно, сменим тему, – заявила Исэй. – Я благодарна тебе, Акос. И Кайре твоей – тоже. Это было довольно неожиданно, – она уставилась на дыру в потолке. – Вообще все как-то неожиданно.

– Мне знакомо это ощущение.

– Если тебе удастся освободить Айджу и не погибнуть, ты вернешься с

нами домой? – Она кашлянула. – Вы могли бы поведать нам о жизни шотетов. Мой опыт общения с их народом был несколько... ограниченным.

– То есть ты зовешь к себе на службу человека, чья судьба – стать предателем? И даже бровью не поведешь?

– Возьми себе псевдоним.

– Я не собираюсь скрывать, кто я такой. И не могу закрывать глаза на то, что моя судьба решится по эту сторону Рубежа. Больше не могу.

Исэй отхлебнула чая. Она выглядела огорченной.

– Ты назвал границу Рубежом. Как и они.

Акос произнес это слово машинально, не придавая ему никакого значения. Тувенцы называли Рубеж ковылями. Однажды он и сам так сказал.

Исэй дотронулась до его лица. Прикосновение было неприятным: пальцы у нее оказались холодными и жесткими.

– Не забывай, что шотетам безразличны жизни тувенцев. Есть ли у тебя какие-то предки-шотеты или нет, ты был и останешься тувенцем. Ты принадлежишь к моему народу, Акос.

Он не ожидал, что глава тувенцев заявит на него права. Скорее наоборот.

Исэй отвернулась от Акоса и села рядом с Сизи. Джайо играл для Сизи какую-то песенку, его глаза сделались совсем сонными. Акос часто видел такие у людей, общающихся с Сизи.

А Джайо не позавидуешь. Но для Сизи существовала только Исэй.

Акос не сомневался, что их чувства взаимны.

Акос подал Кайре снадобье и посмотрел на маму. Они с Сифой вроде бы расслабились. Мама подбирала мякишем сок от солефрута, оставшийся на тарелке. Этот хлеб испекли из зерен, собранных на полях вокруг Воа. Он практически не отличался от того, который они ели дома в Гессе.

Выходит, что-то объединяло шотетов и тувенцев.

– Помню, как моя мать взяла нас с собой, – говорила Кайра. – Тогда я научилась плавать в специальном термокостюме. Это могло пригодиться во время нашей последней Побывки.

– Вы же летали на Питу! – кивнула Сифа. – Ты тоже, Акос?

– Да. Проторчал на острове из мусора, всего-то делов.

– Зато ты видел галактику, – мама нежно погладила его по левой руке, невзначай пробежав пальцами по знакам убийств, подсчитывая их, и ее улыбка погасла. – Кем они были?

– Двое напали на наш дом, – тихо произнес Акос. – А третий – Панцырник. Тот, из чьей шкуры мне сделали броню.

– Мой сын стал знаменитостью? – спросила она у Кайры.

– Акос – герой множества слухов, в основном совершенно нелепых. Для шотетов Акос... пленный тувенец, заработавший себе броню и умеющий готовить сильные зелья. И человек, который способен до меня дотрагиваться и не испытывать боли.

Глаза Сифы стали рассеянными. Акос понял, что мама сейчас впадет в транс и ее посетит очередное видение. Ему сделалось не по себе.

– Не перечь своей судьбе, Акос, – прошептала она. – На тебя всегда будут смотреть. Ты тот, кем и должен быть. Но я любила тебя таким, каким ты был, люблю таким, каким стал, и буду любить того, кем ты еще станешь. Понимаешь?

Акоса заворожил ее голос. Он как будто очутился в храме, вокруг курились сухие ледоцветы, сквозь дым он различал мать. Нечто подобное случилось с ним в доме Сказителя, с которым его познакомила Кайра.

Было легко поддаться наваждению, но Акос слишком долго жил под гнетом своей судьбы, поэтому потрянул головой и сказал:

– Ответь мне на один-единственный вопрос. Я спасу Айджу или нет?

– Я видела будущее, в котором ты это совершил, и видела будущее, в котором у тебя ничего не получилось. Но каждый раз ты пытался, – произнесла мама.

Тарелки поставлены в стопки и отодвинули, кружки почти опустели. Заговорщишки, затаив дыхание, внимали оракулу. Тека закуталась в одеяло, расшитое, как она пояснила, Сови. Джайо отложил музыкальный инструмент в сторону. Даже Йорек присмирел, пока предсказательница вещала о своих видениях.

Акос с детства привык, что матери оказывают почтение, но сейчас все изменилось. Он как будто видел ее чужими глазами.

– Итак, три видения, – объявила Сизи. – В первом мы покидаем укрытие еще до рассвета и улетаем как дым.

– А как же дыра в крыше? Защитное полотнище-то сорвано! – перебила ее Тека.

Акос подумал, что Тека почти утратила свое чрезмерное почтение. Похоже, она не была любительницей возвышенных речей и туманных намеков.

– Вам следовало вламываться к нам поаккуратнее.

– Я рада, что ты следишь за ходом моей мысли, – безмятежно ответила Сифа.

Акос подавил смешок. Сизи фыркнула.

– Во втором видении Ризек Ноавек стоит в полдень перед огромной

толпой, – мама воздела палец вверх, обозначая полуденное солнце над экваториальным Воа. – В амфитеатре. Повсюду парят дроны с камерами и микрофонами. Кажется, какая-то церемония.

– Завтра награждают отличившийся взвод солдат, – встрял Йорек. – По крайней мере, до следующей Побывки иных церемоний точно не будет.

– Возможно, – подтвердила Сифа. – В третьем видении Ориэва Бенезит пытается вырваться из лап Васа Кузара. Она находится в камере со стеклянными стенами. Там пахнет... – Сифа принюхалась. – Да... сыростью и подземельем.

– Пытается вырваться, – эхом повторила Исэй. – Она ранена? Она в порядке?

– Она жива и здорова. По крайней мере, я так полагаю.

– Стеклоанная камера – это каземат под амфитеатром, – глухо произнесла Кайра. – Именно там меня держали, пока... – она запнулась и провела по шее. – Последние два видения, должно быть, относятся к одному и тому же месту. События происходят одновременно?

– Они накладываются друг на друга, – ответила Сифа. – Но мое чувство времени в видениях оставляет желать лучшего.

Она сунула руку в карман и вытащила оттуда маленькую, блестящую вещьцу. Акос догадался, что это пуговица от куртки. Желтая, потертая по краям. Акос как наяву увидел пальцы отца, теребящего пуговицу. Папа жаловался на необходимость тащиться в Шиссу. Ему совсем не хотелось торчать на официальном приеме, который с подачи военных устроила его сестра.

«Зачем мне отдуваться за всех фермеров Гессы? Я-то никого не смогу обмануть, – ворчал он, когда они с матерью переодевались в холле. – Они поглядят на мою куртку и на исцарапанные ботинки и сразу просекут, что я – простой работяга, выращивающий ледоцветы».

А мама только весело смеялась.

Вероятно, в какой-то иной жизни Оуса Керезет сидел бы теперь рядом с Сифой, окруженный почитателями, и даровал бы Акосу силу, которую мама, будучи экзальтированным пророком, никогда не могла в нем воспитать.

Но Сифа, конечно, продемонстрировала ему пуговицу с определенной целью. Она решила напомнить сыну, что отца с ними нет и виновен в этом – Вас.

Акос вздрогнул. Да, так оно и есть.

– Решила манипулировать мною, да? – заорал он, прерывая недовольное бормотание Теки. – Убери ее! Я пока еще ничего не забыл!..

Сифа молча уставилась на него.

«Мне пришлось наблюдать, как он умирает, а не тебе!» – подумал он. В глазах матери мелькнула ярость: пожалуй, она прочитала его мысли.

Тем не менее пуговица опять перекочевала в ее карман.

Эта вещица стала отличным напоминанием не столько об отце, сколько о том, как ловко мать манипулирует людьми. О своих видениях Сифа рассказывала не потому, что они были данностью, как судьбы. Нет, таким образом Сифа сама выбирала будущее, которое ее почему-либо устраивало, и подталкивала остальных в нужном ей направлении.

Раньше Акос доверял материнским суждениям, считая, что она выбирает для него самый лучший вариант. Теперь, пережив похищение и долгую разлуку с родными, Акос начал в этом сомневаться.

– Вы уж нас простите, но нам тоже кое-что известно, – нарушил затянувшееся молчание Йорек. – Разумеется, Ориэва Бенезит – сестра канцлера и всякое такое, но ее судьба не отвечает интересам шотетов. Нам нужно свергнуть Ризека Ноавека.

– Мы хотим убить его, – добавила Тека. – Если кто-то еще не понял.

– И вы не хотите спасти сестру канцлера? – жестко спросила Исэй.

– Она – не наш канцлер, – огрызнулась Тека. – А мы – не команда благородных героев. И не собираемся рисковать жизнями ради тувенцев.

Губы Исэй сжались в нитку.

– А мне кажется, что вы должны попытаться ее спасти. Вам выпадает отличный шанс, – хрипло сказала Кайра, поднимая голову. – С каких пор Ризек Ноавек начал чествовать солдат, участвовавших в Побывке? Ему потребовался повод, чтобы прилюдно казнить Ориэву Бенезит, доказав, что он способен перехитрить свою судьбу. И он желает, чтобы его триумф увидел каждый шотет. Если вы хотите с ним сразиться, лучшего момента не придумаешь. Думаю, вы сможете его победить.

Акос оглядел сидящих рядом девушек. Исэй, вцепившаяся в кружку, выглядела пораженной и даже благодарной Кайре за поддержку. Сизи мечтательно накручивала прядь волос на палец, как будто ничего не слышала.

А Кайра с заплаткой дермоамальгамы, мерцающей в тусклом свете... в общем, она была прекрасной.

– Ризека будет окружать толпа, – возразила Тека, – Там соберется масса его горячих сторонников и солдат. И что мы сможем сделать?

– Ты сама ответила на этот вопрос. Убить его, – ответила Кайра.

– Разумеется! – Тека хлопнула себя по лбу. – И почему я до сих пор не сообразила?

Кайра устало вздохнула.

– На сей раз вам не придется пробираться в дом, пока Ризек спит. Я брошу ему вызов и сражусь с ним на арене.

Воцарилась тишина. Акос не отводил взгляда от Кайры.

Она была отличным воином, но вот бойцовские качества Ризека... никто ничего не мог толком о них сказать. Ризек никогда не сражался на публике. Имелась и другая проблема. Как проникнуть на арену и бросить ему вызов? Солдаты могут запросто поймать их, и тогда все будет кончено.

– Кайра... – начал Акос, но его перебила Тека:

– Ризек провозгласил немхальзак. Он лишил тебя высокого ранга и гражданства. Он не ответит на твой вызов.

– Еще как ответит, – нахмурилась Исэй. – Ризек решил избавиться от нее, узнав, что она связалась с заговорщиками, но ему рано праздновать победу. Он думал, что уничтожил Кайру на глазах у всех. Он хотел опозорить ее. Значит, он боялся, что у Кайры есть власть над шотетами. Если она объявится и открыто бросит ему вызов, он не сможет пойти на попятный. Иначе покажет себя трусом.

– Кайра... – прошептал Акос.

– Акос, – произнесла она с нежностью, которую он уже ощутил в ее голосе, когда они стояли на лестнице. – Он мне не противник.

Впервые Акос увидел, как она умеет сражаться, еще в спортзале особняка Ноавеков. Рассердившись на Акоса – а Кайру нельзя было считать терпеливой наставницей, – она рассвирепела и одним махом сбила его с ног. Ей было всего пятнадцать сезонов от роду, но она двигалась в бою, как взрослая. С тех пор ее мастерство возросло. За все то время, пока они тренировались вместе, ему никогда не удавалось одержать над ней верх.

– Не противник. Но, на всякий случай, давай его отвлечем, – сказал Акос.

– Интересно, как? – спросила Кайра.

– Ты выйдешь на арену и вызовешь его на поединок. Я отправлюсь в тюрьму. То есть мы с Бадхой отправимся. И вызволим Ориэву Бенезит. Тем самым лишим его триумфа целиком и полностью. А ты заберешь его жизнь.

Прозвучало это почти высокопарно, но Акос специально постарался выразиться именно так. Однако нелегко было отдаваться поэзии: Кайра поглаживала свою левую руку, прикрытую наручами, наверное, уже ощущала на коже новый знак.

Кайра, как никто другой, знала цену этим отметинам.

– Решено, – голос Исэй вспорол тишину. – Ризек умрет, Ориэва

спасется. Справедливость восторжествует.

Справедливость, месть...

Уже невозможно было отличить одно от другого.

33. Кайра

Едва я решила сразиться с братом на арене, как ощутила привкус пыли, клубящейся над ней. Я словно опять вдохнула вонь потных тел, почувствовала резкий запах дезинфектантов, пробивающийся из тюрьмы под трибунами. Вспомнила неприятную вибрацию силового поля, гудящего над головой. Беседуя с заговорщиками, я пыталась отвлечься от воспоминаний, изображая самоуверенность, но удавалось плохо.

Брызги крови. Крики.

Мать Акоса покосилась на мою левую руку, прикрытую пледом, который дал мне кто-то из заговорщиков. Гадала, наверное, сколько шрамов на коже. Странную пару мы составляли с ее сыном: Акос, скорбящий о каждой отнятой им жизни, и я, давно потерявшая им счет.

Когда горюч-камни в печи побелели, я выскользнула из-за стола, миновала тувенский поплавок и поднялась по лестнице в разгромленную квартиру, где перед тем принимала ванну. Снизу доносились голоса Йорека и Джайо, певших дуэтом – не всегда в унисон, – и взрывы смеха. Войдя в полутемную ванную, я подошла к зеркалу, увидела в стекле темный силуэт, а затем...

Не устраивай трагедий, приказала я себе. Главное, ты жива.

Провела пальцами по дермоамальгаме. Она покалывала в тех местах, где начали прорастать нервы. Волосы были собраны с одной стороны головы, тогда как другая оказалась гладкой. Кожа вокруг заплаток покраснела и опухла. Прямо получеловек-полумашина. Всклипнула, склонившись над раковиной. Ребра саднили, слезы так и хлынули из глаз. Они лились, невзирая на боль, и я перестала им противиться.

Ризек изуродовал меня. Мой родной брат.

– Кайра...

Впервые я пожалела, что Акос находится рядом.

Он погладил мое плечо, прогоняя тени. Его прикосновение было едва ощутимо.

– Я в порядке, – сказала я, ощупывая посеребренное горло.

– Сейчас тебе не обязательно быть сильной.

Дермоамальгама маслянисто поблескивала в блеклом свете, проникающем в ванную.

– Я очень страшная? – почему-то пискнула я.

– А ты-то как считаешь?

Судя по тону, спрашивал он отнюдь не риторически. Похоже, сообразил, что мне не требуются его утешения, и предложил мне подумать самой.

Я вновь подняла взгляд на зеркального двойника.

Вообще-то полуобритая голова не выглядела странной, многие шотеты носили подобные прически: одну половину черепа выбривали, а на другой – отращивали волосы. Дермоамальгама казалась частью брони из коллекции матери, собранной во время Побывок. Заплатки смахивали на наручи, которые я никогда не снимала. Я чувствовала себя с ними непобедимой.

Я посмотрела себе в глаза.

– Нет, – наконец ответила я. – Не страшная.

Не то чтобы я себя в этом убедила, однако со временем уверенность могла окрепнуть.

– Согласен, – произнес Акос. – Это на случай, если поцелуя тебе оказалось недостаточно.

Я улыбнулась, отвернулась от зеркала и присела на край раковины.

Акос тоже улыбался, но в глубине глаз таилось беспокойство. Оно поселилось в них с самого обсуждения наших планов с заговорщиками.

– Эй, в чем дело? Неужели ты сомневаешься, что я побью Ризека?

– Нет, – Акос замолчал. – Просто... Ты действительно собираешься его убить?

Вопрос оказался для меня неожиданным.

– Да, – ответила я и сглотнула, ощутив во рту привкус крови. – По-моему, это было ясно с самого начала.

Акос кивнул. Я прислушалась к болтовне заговорщиков: за ними можно было наблюдать даже отсюда.

Я проследила за взглядом Акоса. Он смотрел на свою мать, что-то обсуждавшую с Текой, обе держали в руках кружки с чаем. Сизи сидела неподалеку, безучастно глядя на угли. Пока она не проронила ни слова. Кое-кто начинал укладываться спать, положив вместо подушек рюкзаки и укрывшись одеялами.

Вставать надо было на рассвете.

– Я хочу попросить тебя кое о чем, – начал Акос, нежно беря мое лицо в ладони. – Наверное, это нечестно по отношению к тебе, но... пощади Ризека, а?

На секунду мне показалось, что он шутит. Я чуть не расхохоталась. Однако вид у Акоса был крайне серьезным.

– Зачем?

– Сама знаешь, – ответил он, разводя руками.

– Из-за Айджи.

Ясно. Айджа, Айджа. Всегда только Айджа.

– Если ты завтра его убьешь, то обречешь моего брата на жизнь с худшими воспоминаниями Ризека. Он останется таким навсегда.

Однажды я заявила Акосу, что единственная надежда Айджи – это Ризек. Если мой брат способен запросто совершать такой жуткий обмен, значит, он в состоянии вернуть воспоминания Айдже, забрав свои назад.

И я уже успела придумать пару способов, с помощью которых можно было бы надавить на Ризека...

Айджа, пока у него сохранялись хоть какие-то смутные обрывки воспоминаний, оставался для Акоса его родным кровным братом. Тем человеком, которого он хотел спасти. И Акос не мог допустить даже мысли, что слабый свет в конце туннеля когда-нибудь в будущем исчезнет навсегда.

Акос никогда не откажется от Айджы.

Тем не менее мне нельзя было так рисковать.

– Нет, – твердо сказала я. – Прежде всего нам неизвестно, как обмен повлиял на их токодары. Да и возможно ли все повернуть вспять?

– Если есть крохотный шанс вернуть моего брата, я обязан...

– Нет! – Я оттолкнула Акоса. – Посмотри, что он со мной сделал!

– Кайра...

– Вот это! – Я указала на свою голову. – А еще знаки! Целая жизнь мучений, дорога, усеянная трупами, а ты хочешь, чтобы я его пощадила? Ты рехнулся?

– Ты не понимаешь, – торопливо проговорил Акос, прижимаясь лбом к моему лбу. – Айджа пострадал из-за меня. Если бы я не попытался бежать и смирился со своей судьбой...

Мне стало совсем паршиво. Значит, Акос считал себя виновным в том, что Ризек забрал воспоминания Айджи. Я-то знала, что рано или поздно мой брат все равно бы так и поступил. Но по мнению Акоса, Ризек пришел к этому решению после неудавшегося побега парней.

– Ризек в любом случае собирался забрать дар Айджи, никакой связи с твоим побегом здесь нет, – выпалила я. – И перестань себя казнить, Акос! Ризек, и только он довел твоего брата до такого состояния!

– Но сперва они... шотеты не понимали, кого забрать, Айджу или Сизи. Это я, я навел их на верную мысль, велел Айдже бежать. И тогда я пообещал нашему отцу, я поклялся...

– Повторяю, – оборвала его я, чувствуя, что начинаю заводится, –

виноват один Ризек! Не ты! Уверена, твой отец бы все понял!

– Я не отрекусь от него, – произнес Акос ломким голосом. – Я не могу.

– А я не желаю участвовать в нелепой аванюре, которую ты затеял! – выкрикнула я. – Не хочу смотреть, как ты разрушаешь свою жизнь, пытаюсь спасти того, кому это даже не нужно. Того, кто умер, никогда не воскреснет!

– Умер? – Глаза Акоса расширились. – А если бы я тогда сказал, что тебе тоже надеяться не на что?

Я знала ответ на его вопрос.

Я бы никогда не влюбилась, никогда не обратилась бы за помощью к заговорщикам, и мой токодар никогда бы не изменился.

– Послушай, Акос. Я обязана это сделать. Ты ведь сам прекрасно понимаешь, но почему-то признаться не хочешь. Мне нужно, чтобы Ризек сдох. А больше мне нечего добавить.

Акос на мгновение крепко зажмурился и отвернулся.

Все давно уснули, в том числе и Акос, лежавший в нескольких футах от меня. Я осталась наедине со своими назойливыми мыслями. Приподнявшись на локте, смотрела на заговорщиков под одеялами, на затухающие в печурке горюч-камни. Йорек свернулся клубком, укрывшись с головой. В лунном сиянии светлые волосы Теки стали серебряными.

Я нахмурилась. Мне вспомнилось кое-что, но вдруг я заметила, что Сифа Керезет встает и крадется к черному ходу. Не успев осознать, что делаю, я сунула ноги в ботинки и последовала за ней.

Она стояла на пороге нашего укрытия, заложив руки за спину.

– Доброй ночи, – произнесла Сифа.

Мы находились в неблагополучном квартале Воа. Приземистые здания, облупившаяся краска, перекошенные двери, окна, забранные решетками, прутья которых сплетались в замысловатые узоры, словно стыдились своего истинного предназначения. Улицы были немощеными. Зато в небе летали дикие фензу, мерцая синим огнем. Светлячки других цветов давным-давно вымерли в результате искусственного отбора.

– Из всех вариантов будущего, которые я предвидела, этот – самый странный, – вымолвила Сифа. – И именно он обладает наибольшим потенциалом, в равной мере для добра и зла.

– Мне было бы легче, если бы вы дали мне хороший совет.

– Увы, если честно, я сама многого не понимаю. Нас поглотил туман, в котором вспыхивают сумбурные видения. Я различаю сотни вариантов будущего, расходящихся в разные стороны настолько далеко, насколько мне хватает сил их прозреть. Это если в двух словах. Прозрачны только

судьбы.

– А в чем разница? Судьбы, будущее...

– Судьба прослеживается в любом варианте будущего. Твой брат не стал бы тратить столько времени, пытаясь одолеть фатум, если бы осознал, что это – бесспорная истина. Однако мы, предсказатели, предпочитаем сохранять флер таинственности, зная, что нашу работу будут пытаться жестко контролировать.

Я попробовала представить себе сотни извилистых тропинок, лежащих передо мной, но ведущих к одной и той же цели.

Моя собственная судьба – какова она? Что меня ждет, с чем я столкнусь?

Неважно, куда я пойду и что сделаю, итог будет один: я пересеку Рубеж. А дальше что? Что это означает-то? Но спрашивать я не решилась. Если бы Сифа мне ответила, что маловероятно, я бы зажала руками уши.

– Предсказатели всех планет ежегодно встречаются, чтобы обсудить свои видения, – продолжила Сифа. – По взаимному согласию мы выбираем основной вариант будущего для каждой планеты. Что касается Туве, моя работа, помимо записи видений, заключается в том, чтобы свести срок правления Ризека Ноавека к минимуму.

– Ценой жизни сына? – вырвалось у меня.

Кого же я имела в виду? Айджу или Акоса? А вдруг обоих сразу?

– Я – слуга судьбы. И не могу позволить себе роскошь быть пристрастной.

Я похолодела. Я могла понять поступки, совершенные ради «всеобщего блага», однако меня подобные материи не интересовали. Я всегда защищала только свою персону, а теперь еще и Акоса, когда получалось. Вещи, которые я не готова была с легкостью снести со своего пути, можно по пальцам пересчитать. Наверное, из этого следовало, что я была злой, но именно так и обстояли дела.

– Нелегко быть предсказательницей и одновременно – матерью и женой, – голос Сифы зазвучал не столь уверенно. – Меня часто одолевал соблазн защитить свою семью, пожертвовав всеобщим благом, но... – она вздохнула. – Я не должна сворачивать с курса. Мне надо верить в успех.

«Иначе – что? – подумала я. – Что плохого в том, чтобы сгрести родных в охапку и убежать, отказавшись от постылого бремени ответственности?»

– У меня есть вопрос, на который вы, конечно, сможете ответить, – сказала я. – Вам знакомо имя Имы Зетсивис? Она была замужем за Узулом Зетсивисом.

– Знакомо, – Сифа склонила голову набок, ее густые волосы упали на одно плечо.

– А какая у нее девичья фамилия? У Имы есть судьба?

– Нет, – Сифа поежилась от ночного морозного воздуха. – Ее брак с Узулом оказался своего рода отклонением, которое едва ли замечено в видениях, касающихся шотетов. Узул избрал свою спутницу из низшего класса, подозреваю, по любви. Ничем не примечательная женщина с ничем не примечательным именем. Има Сурукта.

Сурукта. Такую же фамилию носят Тека и ее мать, Зосита. Блондинки с яркими глазами.

– Ясно, – пробормотала я. – С радостью поболтала бы с вами еще, но у меня есть одно дельце.

Сифа с любопытством посмотрела на меня.

– Надо же, – произнесла она. – Обычно я знаю, что у человека на уме...

– Добро пожаловать в неопределенность.

Если бы Воа был колесом, то я бы сейчас брела по его ободу. Зетсивисы жили на противоположном конце города, в доме на утесе, возвышавшемся над Воа. Свет, мерцающий в их окнах, я видела даже отсюда, из трущоб.

Витки токотечения над моей головой пылали фиолетовым и наливались багрянцем. Что же, вполне подходящие краски, учитывая мои планы на завтра.

Я чувствовала себя совершенно спокойно в этих бедных, заброшенных городских кварталах. Окна здешних лачуг, за редким исключением, были темны, лишь иногда я видела размытые силуэты людей, которые сновали по комнатам, озаренным лампадками. В одном домике семья из четырех человек играла в карты, наверняка привезенные из Побывки на Золде. Все четверо смеялись. Еще недавно, будучи сестрой владыки, я бы сюда и носа не сунула, но теперь, впав в опалу и став врагом режима, чувствовала себя вполне комфортно.

Но затем я добралась до богатых районов, и мое настроение резко изменилось. Официально все население Воа поддерживало режим, впрочем, выбора людям никто не давал.

Тем не менее мой отец и Ризек создали вокруг поместья Ноавеков настоящий заслон из знатнейших и преданнейших шотетских родов. Я поняла, что вошла в «кольцо» уже по виду роскошных неприступных зданий. Их-то, конечно, регулярно ремонтировали и красили. Под ногами появилась мостовая, улицы стали освещены. Я невольно засмотрелась в

окно какого-то особняка и заметила нескольких шотетов, сидящих за обеденным столом. Двое из них таращились в новостной канал, а третий уткнулся носом в персоналку. Несмотря на поздний час, они были разодеты в пух и прах.

Я постаралась поскорее свернуть к утесам. Давным-давно шотеты вырубили в скале ступеньки. Они были крутыми, узкими, осыпавшимися и, в общем-то, тропа не годилась для слабонервных. Но в чем в чем, а в этом меня никогда нельзя было упрекнуть.

Морщась от боли, причиняемой раной и токодаром, я начала аккуратно подниматься по ступеням, касаясь левой рукой камня и стараясь не смотреть вниз. Покидая убежище, я и не догадывалась, насколько измученным было мое тело, раны мучительно пульсировали в такт моим шагам.

Я прислонилась к скале и достала из сумки пакет с пузырьками, позаимствованными у Акоса. Раскрыла его и уставилась на разноцветные флаконы. В основном я уже успела изучить эти снадобья: снотворные, обезболивающие и, наконец, алый пузырек с пробкой, залитой воском, – чистый экстракт тихоцвета. В такой концентрации он мог убить человека. Я проглотила полфлакона обезболивающего и убрала пакет.

Подъем занял у меня около часа. Несколько раз я останавливалась и отдыхала. Город уменьшался в размерах, светящиеся окна превратились в помаргивающие точки. Почти в самом центре виднелись ярко освещенное поместье Ноавеков и амфитеатр, даже ночью затянутый силовой паутиной.

Где-то там, в камере, ждала своей смерти Ориэва Бенезит.

Взобравшись на вершину, я отошла от края. Нервы у меня, конечно, крепкие, но умирать не хотелось.

Я двинулась по дороге к особняку Зетсивисов, построенному прямо в лесу, где они разводили фензу на экспорт. Тропа была огорожена металлической сеткой, чтобы лихие люди не воровали драгоценных насекомых. Сети накрывали верхние кроны деревьев, не давая светлячкам улетать, скорее для перестраховки, чем по необходимости. Фензу гнездились на тонких веточках у самых вершин. Деревья были высокими и стройными, а их стволы такими темными, что казались черными. Вместо трепещущей листвы на них росли пучки темно-зеленых, жестких иголок.

Наконец показался и дом Зетсивисов. У ворот переминался стражник, я, не дав ему опомниться, хорошенько двинула шотета в челюсть. Воспользовавшись его вялой рукой, отперла замок, вспомнив, как запор в комнате Ризека отказался подчиняться моей крови. Я до сих пор не понимала, как такое вообще возможно. Сказав себе, что об этом

раздумывать не время, я стряхнула наваждение и скользнула на чужую территорию.

Вряд ли мне могли преградить путь другие охранники: вне всякого сомнения, Има жила здесь в гордом одиночестве.

Особняк выглядел современным: старинный замок из грубого камня недавно основательно модернизировали. Огромные участки стены заменили на панорамные окна, в которых отражалось голубоватое мерцание подвесных фонарей с фензу.

По оставшейся кладке карабкались переплетенные лианы диковинных растений. Некоторые, явно инопланетные, цвели крупными цветами: бледно-розовыми, бирюзовыми или черными, как космос.

Поднявшись на крыльцо, я вытащила из ножен на бедре ток-нож. Так, на всякий случай.

Мне было неловко нарушать тишину, однако я громко забарабанила рукояткой ножа в дверь.

Наконец показалась Има.

– А, мисс Ноавек, – протянула она, в кои-то веки не улыбаясь, и уставилась на ток-нож.

– Привет, – поздоровалась я. – Позволишь войти?

И, не дожидаясь ответа, переступила порог особняка.

Я очутилась в холле, выложенном дорогим паркетом, наверное, как раз из тех деревьев, что окружали поместье. Точно такая же древесина использовалась и для отделки нашего дома. Внутренние стены отсутствовали, и передо мной как на ладони лежал первый этаж, уставленный белоснежной мебелью.

На Име был перламутровый халат, волосы распущены.

– Ты собралась меня убить? – безмятежно поинтересовалась она. – Закончить, так сказать, начатое? Сперва мой муж, потом – моя дочь...

Я хотела объяснить, что вовсе не желала их убивать, что их смерти до сих пор преследуют меня в кошмарах. Что просыпаясь, я слышу стук сердца Узула, а в углу моей комнаты стоит Лети, никогда не бывавшая там при жизни. Но какой в этом был смысл?

– Нам надо поговорить. Нож только для защиты.

– А разве тебе требуется холодное оружие?

– Иногда нож может быть весьма кстати. Практичная вещица. Слегка припугнешь человека, и дело сделано.

– Ясно. Что же, располагайся, – Има посторонилась.

Она направилась к низким диванчикам, расставленным вокруг невысокого стеклянного столика, и зажгла свет. Диванчики осветились, на

столе загорелась лампа с фензу. Я подождала, пока Има сядет, элегантным движением расправив халат, и лишь затем присела сама.

– Сегодня ты выглядишь получше, чем на арене, – заметила Има. – Хотя, признаюсь, мне доставляло удовольствие наблюдать, как ты истекаешь кровью.

– Догадываюсь, что кое для кого мои поединки стали неплохим развлечением, – ядовито сказала я. – А ты не находишь, что несколько странно объявлять о своем моральном превосходстве и одновременно алкать чьей-то крови?

– Началось все с твоих собственных преступлений.

– А я никогда и не утверждала, что нахожусь на одной высоте с тобой. Скорее, ты опустилась до моего уровня.

Има засмеялась. Я была уверена, что она собирается продолжить пикировку, и быстро произнесла:

– Мне известно, что мой брат отвратителен тебе так же, как и мне. Я понимаю тебя, Има... но прежде я сочувствовала тебе, считая, что ты держишься за него, чтобы выжить. Думала, ты с упорством отчаяния делаешь то, что должно.

Лицо Имы перекосилось. Она отвернулась к широкому окну, за которым виднелся Воа, а еще дальше – океан, казавшийся с этой высоты краем мира.

– Прежде? – переспросила она.

– Сегодня я поняла, что отчаяние тут ни при чем. По крайней мере, не в том смысле, который в это слово вкладывала я. Ведь у тебя все под контролем, верно?

Има резко повернулась ко мне, мигом посерьезнев. Мне удалось ее заинтриговать.

– Несчастья вашей семьи начались задолго до того, как я коснулась Узула. Твоя фамилия Сурукта. Твоей сестрой была Зосита, вынужденная бежать, после того как ее застигли за «преступлением» – ведь Зосита обучала соседей чужим языкам. Итак, Зоситу недавно казнили за участие в заговоре. Твой племянник убит, а племяннице Теке мой брат собственноручно выколол глаз.

– Преступления моей семьи в прошлом, – дрожащим голосом пролепетала Има. – Ты не можешь винить в них меня.

– Точно, – я коротко хохотнула. – Но есть и другая проблемка. Я утверждаю, что с некоторых пор ты участвуешь в заговоре.

– Ах, вот оно что! Наверное, ты целую теорию вывела? – Има усмехнулась. – Но скоро я выйду замуж за Ризека и окончательно

закреплюсь в круге избранных. Мое замужество с Узулом стало первым шагом на пути восхождения по социальной лестнице. Дорогая, Кайра, тебе меня все трудно понять, ты-то никогда ни в чем не нуждалась.

– Знаешь, что тебя подвело? – продолжила я, игнорируя ее словоизлияния. – Во-первых, ты выдала Узула моему брату, прекрасно осознавая, чем все закончится. Отчаявшиеся люди не способны на такие просчитанные ходы.

– Ты... – попыталась вставить Има, но я ее перебила.

– Во-вторых, именно ты предупредила меня о готовящейся казни невинного человека. Ты сообразила, что я не смогу остаться в стороне.

– Сначала ты говоришь о родных, которых я потеряла, а теперь обвиняешь меня в том, что я выдала собственную сестру? – Има поджала губы. – И где смысл?

– В-третьих, этот ваш стук. Почему вы с Текой к нему привязаны? Обычный ритм, ничего особенного, если честно.

Има отвела взгляд.

– Ты – заговорщица, – подвела я итог. – Поэтому ты находишься рядом с моим братом после всего, что он с тобой сотворил. Ты знаешь: месть близка.

Има встала, прошла к окну. Длинные полы ее халата струились как шлейф. Долгое время стояла молча и неподвижно – как белая колонна в лунном свете, после чего постучала большим и указательными пальцами по стеклу. Один удар, три и снова один.

Один-три-один.

– Это своего рода послание, – вымолвила Има, не оборачиваясь. – Однажды мы с сестрой придумали песенку о судьбах рода Ноавеков. Зосита часто пела ее своей дочке. «Первое дитя рода Ноавеков падет от руки одного из детей Кerezетовых», – хрипло промурлыкала Има, раскачиваясь и продолжая отстукивать ритм. – Один-три-один, один-три-один...

Ее движения напоминали танец.

– Когда мне требуется собрать волю в кулак, я вспоминаю нашу детскую песенку. Я мысленно повторяю ее и отстукиваю ритм.

Так вот какой ритм выбивали ее пальцы по перилам, когда она наблюдала за казнью сестры! А еще она отстукивала его на ужине с моим братом, якобы поглаживая Ризека по колену.

– И что теперь? – Има оглянулась на меня. – Ты явилась, чтобы шантажировать? Или выторговать себе свободу в обмен на мою жизнь? Чего тебе надо?

– Признаюсь, что я восхищена твоим упорным нежеланием оставить притворство. Ты сдала мужа...

– Узул страдал от тошнотури, – оборвала меня Има. – Некоторые методы лечения нарушали его религиозные принципы. Он принес себя в жертву. Уверяю, я была против, но благодаря его альтруизму, – боюсь, ты и понятия ни о чем таком не имеешь, – я получила возможность вплотную подобраться к Ризеку.

Тени моего токодара заплясали, подчиняясь всплеску эмоций.

– Вижу, ты редко общаешься с заговорщиками! Ты ведь не в курсе, что они спасли мне жизнь, да? И я уже некоторое время сотрудничаю с ними.

– Врешь, – невыразительным голосом выдавила Има, уставившись на меня.

– Понятия не имею, что тебе наговорил Ризек, оправдывая необходимость искромсать мою физиономию, но ты, надеюсь, ему не поверила? Я помогла заговорщикам проникнуть в наше поместье, чтобы убить моего брата. План провалился, но я прикрыла их отход. В результате меня арестовали. Твоя племянница Тека была среди них в тот момент.

Има наморщила лоб, на котором резко обозначились морщины. Они появились на ее коже не из-за возраста, она была еще достаточно молода, но от горя.

Я узнала цену ее неизменной улыбки. Маска. Всего лишь маска.

– О моей истинной роли мало кто может сказать, – вздохнула Има. – Только Зосита да Тека. А теперь – одна Тека. Моя миссия приближается к концу, мы не можем позволить, чтобы меня раскрыли. Контакты сведены к минимуму.

Я встала рядом с Имой. Токотечение сделалось алым.

– Завтра заговорщики выступают против Ризека, – произнесла я. – Прежде чем он казнит Ориэву Бенезит, я вызову его на дуэль. Ризек не посмеет отказаться.

– Что?! – вскрикнула она. – Завтра?

Я кивнула. Издав короткий смешок, Има обняла себя за плечи обеими руками.

– Глупая девчонка. Разве тебе удастся сразиться с Ризеком на арене? У тебя действительно примитивное мышление, Кайра. Убийца – и ничего более.

– Нет. У меня есть план. И ты мне поможешь, – я открыла сумку, порылась в пакете и вытащила флакон. – Ты должна вылить содержимое в успокоительный напиток Ризека. Полагаю, ты будешь рядом с моим братом?

– Почему ты считаешь, что Ризек будет пить успокоительное? – Има перевела взгляд на флакон.

– Он всегда его пьет перед тем, как кого-то убить. Боится не справиться с тошнотой.

Има фыркнула.

– Думай о характере Ризека что хочешь, мне безразлично, – продолжила я. – Но он пил успокоительное в тот день, когда приказал вырезать мой лоскут кожи на потеху публике, и он будет пить его завтра, в преддверии казни Ориэвы Бенезит. Вылей содержимое пузырька в его стакан, Има! Если я проиграю, тебе это ничем не будет грозить, у Ризека нет причин тебя подозревать. Но если ты выполнишь мою просьбу и мой план воплотится в жизнь, мне даже не нужно будет прикасаться к Ризеку, а ты отомстишь, не выходя за него замуж.

Има взяла флакон и недоверчиво осмотрела его. Он был надежно запечатан воском, который Акос взял у меня: таким воском я запечатывала конверты, следуя примеру моих покойных родителей.

– Ладно, – сказала Има.

– Спасибо. Надеюсь, ты будешь осторожна. Нельзя, чтобы ты попалась.

– Не будь наивной, Кайра. Я тщательно взвешиваю каждое слово и каждый взгляд с тех пор, как ты еще под стол пешком ходила. Кстати, не рассчитывай на прощение. Его не будет, по крайней мере, от меня.

– Я не настолько благородна. Уверю тебя, это всего-навсего вопрос мести.

Има ухмыльнулась моему отражению в стекле.

Покинув ее дом, я поспешила назад. Хотелось вернуться в убежище, пока заговорщики не проснулись.

34. Акос

Кайра шла впереди. Ее лицо скрывалось под глубоким капюшоном, защищающим ее от чужих взглядов. Тени прятались под тяжелым длинным плащом.

Она приближалась к амфитеатру, на арене которого недавно едва не рассталась с жизнью. Однако спина девушки оставалась прямой, словно она не направлялась туда, где ее недавно пытались искромсать ножом.

У высоких двойных дверей, ведущих на арену, уже стоял взвод шотетов. Слухи, собранные Сови, знавшей, по выражению Йорека, «всех и каждого», гласили, что сегодня солдат будут награждать за богатую добычу, собранную во время Побывки. Акос ума не мог приложить, что ценного надо было притащить, дабы заслужить подобную честь, но его это особо и не интересовало. В любом случае речь шла о хитрости Ризека, пожелавшего собрать огромную толпу, которая будет наблюдать за казнью Ориэвы Бенезит.

Массивные створки распахнулись. Акоса оглушил рев толпы. Он прищурился от ярких солнечных лучей и попытался рассмотреть трибуны, забитые шотетами.

Казалось, что здесь собрался весь Воа, хотя на самом деле – примерно пятая часть. Остальные наверняка включили свои экраны (казнь должны были транслировать в прямом эфире), если они, конечно, дали себе труд что-то смотреть.

Кайра обернулась. Под капюшоном блеснула серебром дермоамальгама. Девушка кивнула и вновь двинулась вперед.

Толпа ревела, как океан в часы прилива.

Пора.

– Вообще-то, – слышался голос Исэй, – мы даже не обсудили, как мы проникнем в подземелье.

– Я склоняюсь к тому, чтобы без затей разmozжить голову стражника о стену, – заявил Акос.

– Забавно! А вот и наша Одноглазка. Идем.

Вместо того чтобы запоминать имена, Исэй дала заговорщикам прозвища. «Одноглазкой» была, разумеется, Тека. Йорек стал «Егозой», Джайо – «Ухажером», а Сови – «Той, которая не говорит по-тувенски». Последняя кличка оказалась длинноватой, зато и использовалась редко.

Впрочем, заговорщики платили ей тем же. Утром, когда они торопливо

завтракали, поглядывая на маскировочное полотнище, прорванное поплавром Сифы, Акос слышал, как Тека назвала Исэй «Задавакой».

Увидев у входа в амфитеатр Теку и Сизи, Акос направился к ним, стараясь не выпускать Исэй из поля зрения. Все удивились, когда Тека вызвалась помочь им проникнуть в подземную тюрьму. Вряд ли ее волновала Ори, скорее, Одноглазка заинтересовалась идеей Кайры о краже у Ризека его триумфа над судьбой.

– Что ты решил насчет охраны? – спросила Тека.

Она была вся в сером, отсутствующий глаз скрывала прядь золотистых волос. Акос покосился на шотета, стоящего у двери, на которую указала Кайра.

Тяжелая дверь отпиралась металлическим ключом. Вероятно, он лежал в кармане у стражника.

Но пока еще рано размышлять о замках и ключах, одернул себя Акос.

Сейчас следовало решить проблему со стражником. Акос смерил взглядом парня. Лет на пять старше него, широкоплечий и в броне. Рука лежит на рукояти ток-ножа за поясом. Профессионал. Вырубить такого – непросто.

– Справиться с ним я смогу, но будет шумно, – заметил Акос. – Думаю, меня арестуют.

– Тогда примем это как запасной план, – предложила Исэй. – А если его отвлечь?

– Ага, – саркастически откликнулась Тека. – Солдат, которого приставили охранять секретный подземный каземат Ризека Ноавека, покинет свой пост, когда ты помашешь у него перед носом чем-нибудь блестящим. Уверена, парень наплюет на то, что его могут казнить за неповиновение.

– Крикни еще раз погромче «секретный подземный каземат», может, не все вокруг расслышали, – не осталась в долгу Исэй.

Тека что-то недовольно пробурчала в ответ.

Сизи подергала Акоса за рукав.

– Покажи-ка мне свои пузырьки, у меня есть идея.

Акос, куда бы он ни шел, всегда брал с собой запас основных зелий: тонизирующее, успокоительное, снотворное и так далее. Он не представлял, какое из них понадобилось Сизи. Развязав ремешок узкого пена, который был привязан к предплечью, Акос отдал его сестре.

Та перебрала позвякивающие пузырьки и выбрала снотворное. Вытащила пробку, понюхала.

– Очень сильное.

Исэй с Текой продолжали грызться. Из-за чего на сей раз Акос не знал – и знать не хотел, по крайней мере, до тех пор, пока девицы не начнут драться.

– В определенных ситуациях такое снадобье полезно, – туманно пояснил он сестре.

– Сходи, купи какой-нибудь напиток, – Сизи кивнула на тележку под тентом, стоящую на противоположной стороне площади.

Сестра выглядела уверенной в себе, и Акос без лишних вопросов нырнул в людской поток. По шее струился пот. Как и Тека, он накинул поверх брони серый плащ. С точки зрения конспирации это было как мертвому – припарка: Акос оставался самым долговязым в толпе. Тем не менее Акос надеялся, что в сером он не будет так бросаться в глаза и никто не узнает в нем парня, который накануне прилюдно спас Кайру Ноавек.

Тележка была шаткой и кособокой. Оставалось только гадать, каким образом кружки с «вкуснейшим, пряным, духоподъемным напитком, доставленным прямо с Отира» (так утверждал торговец) еще не попадали на мостовую.

Отирианец на ломаном шотетском назвал цену, и Акос кинул ему монетку. У Кайры на побывочном корабле имелся тайник с деньгами, который она мельком показала Акосу однажды утром.

Он прихватил себе немного мелочи, пока Кайра чистила зубы.

Акос принес горячую кружку, кажущуюся маленькой в его лапищах, и вручил Сизи. Та вылила в напиток сонное зелье и молча направилась к стражнику.

– Сомневаюсь, что парень знает тувенский, – пробормотала Тека.

Сизи как ни в чем не бывало улыбкой поприветствовала стражника. На секунду Акос решил, что тот сейчас заорет на девушку, но глаза парня подернулись поволокой, точь-в-точь как глаза Йорека и Джайо вчера.

– Она может говорить хоть по-огриански, – заявил Акос. – Вот так зрелище!

Акос и раньше видел, как токодар Сизи влияет на людей, правда, в те моменты сестра не старалась воздействовать специально. Он и не представлял, насколько мощен дар, когда она пользуется им сознательно. Стражник привалился к стене амфитеатра, на его губах блуждала рассеянная улыбка. Сизи протянула ему кружку с напитком, он взял ее обеими руками и отхлебнул.

Акос начал проталкиваться сквозь толпу. Парень отключится с минуты на минуту, и Акосу надо будет подстраховать Сизи.

Когда Акос добрался до сестры, стражник уже покачивался,

расплескивая отирианское варево. Акос успел придержать его за плечи и аккуратно усадил на утоптанную землю. Тека словно бы невзначай склонилась над ним, обыскивая карманы. Вытащила ключ и, воровато оглянувшись, вставила в замок.

– Заставила же ты нас поволноваться, – бросила Исэй, посмотрев на Сизи.

Та усмехнулась.

Акос оттащил бесчувственного стражника в тень какого-то здания и побежал к остальным, ждущим у двери. За ней оказался технический туннель, откуда пахло помоями и плесенью. Вонь болезненно отозвалась в животе у Акоса. Воздух был тяжелым, душным и влажным. Тека заперла за ними дверь и сунула ключ в карман.

Стоило им войти внутрь, как ссоры и шутки прекратились. В туннеле было тихо, лишь где-то капала вода. Вопли толпы сюда не доносились. Тишина пугала Акоса неизвестностью: как там Кайра, бросила ли уже вызов брату, удастся ли им вытащить Ори...

Туннель смахивал на могилу.

– Кайра сказала продвигаться к центру, – прошептала Исэй. – Но точную дорогу она не помнила, когда ее сюда приволокли – она находилась без сознания.

Но Кайра была не единственной, кто здесь побывал. Акос закрыл глаза, вспоминая ночь, когда Вас вытащил его из постели, ослабевшего от голода и измученного. Акос не знал, сколько дней провел без еды: его просто заперли без всяких объяснений. Сначала желудок скрутило, и он ныл не переставая, а потом он перестал болеть и сдался. В коридоре Вас наградил Акоса щедрыми тумачами, после чего швырнул в поплавок, и они прилетели сюда.

Затем спустились в туннель, пропитанный затхлостью и плесенью.

Акосу казалось, что и темнота здесь была какой-то особенной.

– Я помню, – произнес Акос.

Он весь вспотел, поэтому сорвал плащ, прикрывавший броню, и выбросил его. Воспоминания о подземелье оставались смутными, Акосу совершенно не хотелось возвращаться в то время, когда тело болело, и он чувствовал себя настолько слабым и хрупким, что не держался на ногах.

В туннели их с Васом встретил Айджа. Он взялся за ремешки брони Акоса, и на секунду Акосу стало спокойно: брат не даст ему упасть. Но Айджа потащил его в тюрьму. На пытки.

Стиснув челюсти, Акос поудобнее перехватил нож и пошел вперед. Свернув за угол, заметил охранника и без раздумий ринулся на него.

Толкнул приземистого мужика к стене и двинул под подбородок так, что шотет стукнулся затылком о камень. Почувствовал, как нож царапнул его броню: из ладони стражника метнулся язычок пламени, но сразу потух, едва Акос коснулся руки противника.

Опять стукнул стражника головой о стену. Потом еще и еще, пока глаза у того не закатились и он не начал оседать. По спине у Акоса пробежали мурашки, волосы встали дыбом. Он не стал проверять, жив шотет или нет. Незачем.

Лицо Сизи перекосилось от отвращения.

– Хороший удар, – сказала, вернее, пискнула Исэй.

– Ага, – отозвалась Тека и ногой отодвинула тело шотета, перегородившее проход в следующий коридор. – Сейчас нам, Керезет, будут попадаться самые преданные слуги Ноавека. Не стоит лить по ним слезы.

– А разве я реву? – огрызнулся он, подражая браваре Кайры.

Но у него дрогнул голос. Он сжал губы и молча зашагал дальше. Некогда ему тревожиться о том, что о нем подумает Сизи. Позже, все – позже.

Вскоре туннель разветвился, превратившись в настоящий лабиринт. Акос уже не потел, он дрожал. Коридоры, конечно, не изменились: неровный каменный пол, давящие каменные стены и низкий потолок из серого камня, – Акосу приходилось пригибаться, чтобы не цепляться макушкой. Помойная вонь исчезла, зато запах плесени усилился, сделался удушающим. Акос припомнил, как неотрывно глядел на брата, пока тот тащил его по коридорам. Айджа был коротко острижен, совсем как Ризек.

«Не хочу смотреть, как ты разрушаешь свою жизнь, пытаюсь спасти того, кому это даже не нужно», – сказала ему Кайра.

А ведь он продемонстрировал ей, насколько глубоко пустило корни его безумие! Понятно, почему она так взвилась и рассвирепела. На Кайру было сложно сердиться, но Акос все равно разозлился. Он шел по туннелю и никак не мог успокоиться.

Показавшаяся впереди дверь выглядела необычно на фоне древней каменной кладки. Она была из черного стекла и запиралась на кодовый замок. Кайра написала им список возможных комбинаций, которые, как она пояснила, так или иначе связаны с жизнью ее мамы. Дата рождения, свадьбы и смерти, счастливые номера... У Акоса не укладывался в голове образ Ризека, настолько привязанного к матери, что он запирает замки, используя, к примеру, дату ее рождения.

Вместо того чтобы начать перебирать комбинации, Тека принялась отвинчивать пластину, прикрывавшую механизм. Ее блестящая отвертка напоминала длинную иглу. Она действовала ею как шестым пальцем. Сняв пластину, Тека взялась за какой-то проводок и зажмурилась.

– Э-э-э, Тека...

Сзади раздался шорох. Акос вздрогнул.

– Заткнись, – процедила Тека, берясь за следующий проводок. – А, вот ты где! – На ее губах появилась улыбка, но разговаривала Тека явно не с Акосом. – Иди-ка сюда...

Внезапно свет погас. Осталась гореть только лампа аварийного освещения на углу, такая яркая, что ее свет отпечатался на сетчатке глаз. Дверь распахнулась. За ней обнаружился коридор со стеклянным полом, знакомый Акосу по самым худшим воспоминаниям: брат, не дающий ему подняться, и коленопреклоненная Кайра Ноавек. Бледные полосы аварийного света на полу выглядели прутьями решетки.

Исэй рванула внутрь и побежала по проходу, заглядывая в камеры. Акос двинулся следом, как во сне озираясь по сторонам. Но Исэй уже бежала обратно. Он понял, что она ему скажет еще до того, как она открыла рот.

Ему почудилось, что он с самого начала знал, чем все закончится. Еще с того момента, как увидел в пальцах матери пуговицу и сообразил, с какой легкостью Сифа манипулирует людьми, толкая их навстречу тому будущему, которое ей хотелось заполучить любой ценой.

– Ее нет! – выкрикнула Исэй.

Акос не отводил от нее взгляда. Исэй всегда держала себя в руках. Не дрогнула, узнав, что Ори похитили. Ни на секунду не потеряла самообладания. А сейчас она была на грани истерики.

– Ее нет, Ори здесь нет!

Акос медленно сглотнул. Воздух как будто превратился в густой сироп и с трудом проталкивался в глотку.

Камеры были пусты. Ори пропала.

35. Кайра

Двойные двери амфитеатра распахнулись. Пора. Я в последний раз оглянулась на Акоса. Красные пятнышки на ладонях, – вчера вечером он готовил отвар тихоцвета. Белая полоска шрама на щеке. Морщинка на переносице, из-за которой он всегда казался слишком взволнованным. Проскользнув между чьими-то спинами, пристроилась к взводу солдат, которых собирался награждать Ризек.

Когда меня заметили, мы уже были в туннеле, ведущем на арену. Я держала ток-нож наготове, поэтому даже не вздрогнула.

– Эй, ты! – гаркнул какой-то солдат. – Тебе сюда не...

Взяв его за локоть, я притянула парня к себе, ткнула острием в бедро – под нижним краем брони – и слегка нажала, чтобы он почувствовал укол.

– Дайте мне войти, – громко и четко произнесла я. – И тогда я его отпущу.

– Но это же она! – пробормотал другой солдат, наклоняясь, чтобы лучше рассмотреть мое лицо.

Я проигнорировала его замечание. Стараясь держать парня за броню, чтобы не коснуться кожи, подтолкнула его к выходу из туннеля. Никто не возразил. Их удерживала моя репутация и тени, клубившиеся у горла и запястий.

От яркого света я прищурилась. Рев толпы оглушал. Тяжелые двери с лязгом захлопнулись. На арене находились лишь я и мой заложник. Прочие солдаты сгрудились в туннеле. Над головой гудело силовое поле, от которого во рту сразу появился кислый привкус солефрутов. Каждый мой шаг поднимал облачко пыли.

Здесь я истекала кровью. А другие истекли кровью от моей руки.

Ризек стоял на широком помосте, находившемся посреди трибуны. Рядом с ним завис дрон-усилитель. Рот Ризека был распахнут, похоже, брат собирался что-то сказать, но утратил дар речи, увидев меня.

Оттолкнув заложника, я убрала ток-нож в ножны и сбросила капюшон. Надо отдать Ризеку должное, он быстро пришел в себя и усмехнулся.

– Нет, вы только полюбуйте! Кайра Ноавек собственной персоной. Соскучилась, что ли? Или это новая форма самоубийства для опальных шотетов?

Толпа с готовностью загоготала. На стадионе собрались самые верные последователи Ноавеков. Богатые, здоровые и упитанные шотеты. Они

будут хохотать над любой его фразой, хоть отдаленно смахивающей на шутку.

Один из дронов, дистанционно управляемый кем-то с трибуны, подлетел ко мне, чтобы транслировать мой ответ. Дрон висел в воздухе, подрагивая вверх-вниз, точно чей-то кадык. Медлить нельзя: Ризек вот-вот опомнится и арестует меня. Надо переходить к делу.

Я стянула перчатки, расстегнула душный плащ. Под ним была броня. Мои руки были обнажены, легкий макияж, нанесенный утром Текой, скрыл синяки, так что со стороны казалось, будто я за одну ночь совершенно выздоровела. Дермоамальгама на голове и шее поблескивала в лучах солнца. Она почти прижилась и теперь сильно зудела. Боли я не чувствовала. Это была заслуга не столько зелья Акоса, сколько адреналина, бурлившего в крови.

– Я вызываю тебя на поединок, Ризек!

Из толпы послышались неуверенные смешки. Клевреты не знали, что от них ждет хозяин. Ризеку, однако, стало явно не до смеха, по его лицу обильно заструился пот.

– А я и не подозревал в тебе склонность к театральщине, – наконец произнес он, вытирая верхнюю губу тыльной стороной ладони. – Являешься сюда с заложником, угрожаешь смертью родному брату... Но от тебя можно было ожидать любой жестокости, Кайра.

– Это – не более жестоко, чем избить до полусмерти сестру, записав побои на видео и показывая ролик всем желающим, – парировала я.

– Ты мне – никакая не сестра. Ты – убийца моей матери!

– Тогда спускайся на арену и отомсти за нее! – крикнула я.

Трибуны загудели, шум заплескался в амфитеатре, как вода в стакане.

– То есть ты не отрицаешь, что убила ее? – спросил Ризек.

Я не могла соврать. Я до сих пор помнила все до малейших деталей, как будто это случилось вчера. Помнила, как в раздражении кричу: «Не хочу к новому доктору! Не надо!» А затем хватаю ее руку и передаю ей свою боль.

Так ребенок отталкивает тарелку с невкусной кашей. Боли скопилось слишком много, и мама замертво падает у моих ног. Особенно в память мне врезались ее ладони, прижатые к животу. И то, какой красивой она была даже при смерти.

– Не хочу тратить время на взаимные оскорбления, – сказала я. – Мне нужно завершить начатое, и я не отступлюсь, Ризек. Сегодня я сражусь с тобой на арене, – я вытащила клинок из ножен. – И прежде чем ты начнешь трусливо скулить об отсутствии у меня должного статуса, я отвечу тебе, что

это очень удобная отговорка.

Ризек сжал зубы. Когда мы были детьми, он однажды так сильно скрежетал ими во сне, что резец раскрошился. Пришлось ставить коронку. Иногда я замечала, как у него во рту сияет металл. Прямо напоминание о том, с какой силой Ризек может стиснуть челюсти.

– Ты приговорил меня к гражданской казни, чтобы никто никогда не узнал, что я сильнее тебя. И теперь прячешься за своим тронem, как хнычущий малыш, и взываешь к закону! – Я склонила голову набок. – Но разве кто-нибудь сможет забыть о твоей незавидной судьбе? Судьбе пасть от руки одной из сестер Бенезит? – Я улыбнулась. – Отказываясь ответить на мой вызов, ты подтверждаешь всеобщие подозрения в том, что ты – жалкий слабак.

По толпе прокатились шепотки. Никому еще не удавалось открыто заявить о судьбе Ризека и не поплатиться за свои слова. Последней стала мать Теки, объявившая об этом по корабельному интеркому и позже преданная казни. Солдаты у дверей переминались с ноги на ногу, ожидая приказа взять меня. Но его не последовало.

Ризек ухмыльнулся, оскалив зубы. Он уже не слишком волновался.

– Хорошо, сестренка, я с тобой сражусь. Думаю, ты просто не умеешь нормально разговаривать с людьми.

Нельзя было позволить ему вывести меня из равновесия, но Ризеку это удалось. Меня передернуло от его издевательского тона. Мои тени, мои извечные украшения, завихрились вокруг запястий и шеи.

Казалось, что звуки голоса моего брата привели мой токодар в бешенство.

– С дороги! Я прикончу предательницу! – воскликнул Ризек.

Наверняка у Ризека имелся план. Оставалось только надеяться, что моя стратегия будет лучше.

Ризек спустился на трибуну. Двигался он неторопливо и грациозно, люди перед ним почтительно расступались. Перед тем как выйти на арену, он остановился, и слуга проверил ремешки брони и остроту ток-клинков.

Будь наш бой честным, я бы победила Ризека через несколько минут. Отец учил моего брата искусству жестокости, мать – дипломатии и политическим интригам, мне же была предоставлена абсолютная свобода. Мое одиночество позволило мне превзойти Ризека в воинском искусстве. Ризек знал, что честная драка – не для него.

Значит, он приготовил для меня сюрприз.

Брат выжидал. Он не намеревался сражаться со мной, что, в общем-то, было мне на руку. Если бы все пошло по моему плану и утром Има подлила

содержимое флакона в питье Ризека, он отключился бы прямо посреди завтрака. Однако рассчитать время не представлялось возможным, снотворное действовало на каждого индивидуально. Мне следовало быть готовой к любой гадости, в том числе – к полному провалу.

– Ты тянешь время, – заметила я, в надежде подстегнуть Ризека.

– Я жду подходящий клинок, – Ризек спрыгнул на арену, взметнув пыль, и закатал левый рукав, обнажая знаки убийства.

Один ряд был закончен, и Ризек приступил ко второму: у локтя появились новые отметины. Брат приписывал себе все убийства, совершенные по его приказу, хотя мог и не участвовать в расправе.

Ризек эффектно вытащил ток-нож и воздел руку. Толпа разразилась восторженными криками, от которых у меня помутилось в голове и перехватило дыхание. Ризек не казался ни бледным, ни вялым, каким сделался бы после приема зелья. Напротив, он выглядел сосредоточенным.

Меня так и подмывало метнуться к нему стрелой, выпущенной из лука, кораблем, прорывающимся сквозь атмосферу, но я не двигалась с места.

Ризек тоже не шелохнулся. Мы оба стояли на арене.

– А ты чего медлишь, сестренка? Нервишки сдают?

– Нет. Жду, когда подействует яд, который ты проглотил утром.

Публика ахнула, а на лице Ризека появилось неподдельное изумление. Наконец-то мне удалось его удивить.

– Ты всегда твердил мне, что у меня нет за душой ничего, кроме силы, текущей по моим венам, – произнесла я. – Но я – не орудие пыток и казни, я – единственный человек, которому известно, кто такой Ризек Ноавек! – Я шагнула к брату. – И теперь я могу сказать, что больше всего на свете ты боишься боли. Ты собрал всех этих людей не для того, чтобы чествовать их за успехи в Побывке, но чтобы они стали свидетелями казни Ориэвы Бенезит, – я вложила клинок в ножны и развела руки в стороны. – А еще мне известен твой главный секрет: ты не можешь никого убить, если предварительно не накачаешься транквилизаторами. Поэтому сегодня утром я отравила твое питье.

Ризек машинально схватился за живот, точно тихоцвет мог прогрызть дыру в его кишках.

– Ты ошибся, Ризек, считая, что мои способности включают в себя только токодар и боевые искусства.

Впервые в жизни я сама в это верила.

36. Акос

Воздух подземного каземата был прохладен, но Акос понимал, что Исэй дрожит вовсе не от холода.

– Ваша мать сказала, что Ори будет здесь.

– Наверное, произошло какое-то недоразумение, – прошептала Сизи. – Иногда она не...

Акос не хотел спорить с Сизи и продолжал молчать. Они должны найти Ори. Если ее нет в тюрьме, значит, она находится где-то недалеко от арены, возможно, как раз у них над головами, или на помосте, на котором Ризек пытал собственную сестру.

– Мы теряем время. Надо подниматься и искать ее, – в конце концов произнес он, поразившись силе своего голоса. – Нам пора.

Его решительность победила панику Исэй. Канцлер глубоко вдохнула и повернулась к двери. Внезапно раздались шаги, и через несколько секунд в коридоре появился Вас Кузар собственной персоной...

– Сурукта, Керезет и... а, Бенезит! – Вас скривился. – А ты не столь миленькая, как твоя сестричка. Уж не шотетский ли клинок оставил на тебе эти шрамы?

– Бенезит?! – Тека вытаращилась на Исэй. – Но...

Исэй кивнула.

Сизи привалилась к стене камеры, прижавшись ладонями к стеклу. Быть может, Сизи мысленно перенеслась в свой родной дом и опять смотрит на то, как Вас убивает их отца. Именно это происходило с Акосом после похищения всякий раз, когда он видел Васа. Воспоминания накатывали на Акоса, как волна. Но ведь это уже было в прошлом...

Глаза Васа оставались пустыми и равнодушными, как обычно. Акос с отвращением осознал, что Вас не испытывает к ним ненависти: внутри у стюарда был холод и лед. Легко думать о нем, как о воплощении зла, однако правда заключалась в том, что Вас, по сути, был роботом, выполняющим команды хозяина.

Воспоминания об умирающем отце крутились в голове. Свежая рана. Кровь, яркая, как токотечение в небе. Окровавленное лезвие, которое Вас вытер о штанину, покидая их дом. Мужчина с золотисто-карими глазами, облаченный в отполированную шотетскую броню, не чувствующий боли... если только... если...

Если только Акос до него не дотронется.

Затевать с Васом переговоры он не стал. Не имело смысла. Не раздумывая, Акос направился к стюарду. Под его ботинками скрипел песок, занесенный ими самими на подошвах. Взгляд Васа стал жестким, лицо стюарда озаряли полосы аварийного освещения.

Пульс грохотал у Акоса в висках. Ему хотелось сбежать или хотя бы держаться подальше от Васа, но он упорно шел вперед. Ноздри широко раздувались, казалось, ему не хватало воздуха.

Вас сделал выпад, и Акос отреагировал как жертва: отшатнулся. Недостаточно быстро: нож царапнул броню. Поморщившись от неприятного скрипа, Акос повернулся к противнику. Он должен убедить Васа, что успех близок. Это бы вселило в стюарда самоуверенность. Самоуверенность порождает небрежность, которая может предоставить Акосу шанс выжить.

Глаза Васа смахивали на металлические бляшки, а мускулы напоминали перекрученные канаты. Он вновь занес руку для удара, но вместо того чтобы ткнуть противника ножом, схватил Акоса за предплечье и со всего маху двинул о стену камеры. Затылок Акоса стукнулся о стекло. Перед глазами вспыхнуло. Акос увидел отражение пола в плоском потолке. Ладонь Васа продолжала сжимать его предплечье.

Что же делать? Акос изловчился и схватил стюарда за запястье. Вас не успел даже ткнуть противника ножом. От прикосновения Акоса глаза Васа расширились. Почувствовал боль? Акос попытался двинуть стюарда головой в нос, но тот оттолкнул его.

Акос рухнул на пол, в ладонь впились песчинки. Тека быстро взяла Исэй и Сизи за руки и потащила их прочь. Акос почувствовал облегчение, хотя по шее что-то потекло.

Наверное, пот или кровь. Череп гудел. Вас оказался гораздо сильнее Акоса.

Облизнув губы, Вас подошел к нему и ударил ботинком в бок, прикрытый броней. Потом еще раз – только теперь в челюсть.

Акос закрыл лицо руками и застонал. Он с трудом дышал. Все мысли вылетели из головы.

Вас захохотал. Склонившись над Акосом, схватил за броню и приподнял.

– Передавай привет своему папаше, – прорычал стюард, брызжа слюной.

Акос понял, что нельзя терять ни секунды, и положил ладонь на открытую шею Васа – просто чуть-чуть нажал. Вас удивленно замешкался, на лице появилась гримаса. Он так и застыл, согнувшись от боли, броня

задралась, и над ремнем штанов показалась полоска незащищенной кожи. Не отрывая пальцев от горла Васа, Акос другой рукой вытащил из голенища ботинка нож и вогнал лезвие стюарду под броню, вспарывая внутренности Васа.

Глаза Васа вытаращились, вокруг радужек показались белки. А потом шотет завопил. Он орал, а слезы лились по его физиономии. Акос ощутил на своей ладони горячую кровь. Они с Васом словно приросли друг к другу: нож Акоса застрял в плоти Васа, а руки стюарда сжимали его плечи.

Их взгляды встретились, и Вас повалился на пол. Шотет судорожно всхлипывал.

Прошло немало времени, прежде чем Акос решился пошевелиться. Он должен убедиться, что Вас мертв. Подумал о пуговице в материнской ладони, о своем погибшем отце – и вытащил нож из живота Васа.

Он постоянно думал о том, что однажды убьет Васа Кузара. Это сделалось его навязчивой идеей, которая не оставляла его ни на минуту. В своих мечтах Акос гордо возвышался над трупом Васа, воздев клинок к небу, и кровь врага стекала по его коже, подобно токотечению.

В этих грезах он испытывал триумф, чувствовал себя победителем и мстителем, расквитавшимся с убийцей отца.

Он уничтожит Васа, и тогда душа его отца обретет долгожданный покой.

В этих грезах Акос не вжимался в стену камеры, оттирая ладонь носовым платком. И не дрожал так, что то и дело ронял скомканный лоскут на стеклянный пол.

Мертвый Вас стал каким-то мелким. Кривозубый рот и глаза были приоткрыты. Акос сглотнул поднявшуюся в горло желчь, чтобы не стошнило.

«Ори», – подумал он.

Кое-как добравшись до двери, он побежал.

37. Кайра

Ризек уставился на меня. На его лбу, сразу под линией роста волос, выступили бисеринки пота. Взгляд, обычно пронзительный, затуманился. Уголки рта опустились, на лице появилось странное выражение. Неужели... беззащитности?

– Нет, это ты совершила ошибку, – произнес он чужим, высоким и мягким голосом Айджи.

Складывалось впечатление, что Ризек с Айджей делят одно и то же тело, и на поверхность «выныривает» то один, то другой.

– Ты сама подтолкнула его к этому.

Кого – его?

Гул толпы изменился. Никто не смотрел на Ризека. Головы повернулись к помосту, с которого тот недавно спустился. Теперь там стоял Айджа Керезет, держа нож у горла какой-то девушки.

Я узнала ее. И дело было не в записях похищения, которые крутили со дня нападения на Шиссу. Мне вспомнилась Исэй. Накануне я внимательно наблюдала за тем, как Исэй Бензит разговаривает, смеется, ест...

Но на лице девушки, которую схватил Айджа, не было шрамов. Ориэва Бенезит, сестра-близнец Исэй.

– А вот и клинок! – радостно воскликнул Ризек уже собственным голосом. – Кайра, познакомься с канцлером Туве.

На шее Ориэвы темнели синяки, на лбу был глубокий порез. Наши взгляды встретились, и я поняла, что она не боится за свою жизнь. Ориэва выглядела как человек, который знает, что грядет, и готов встретить неизбежное с гордо поднятой головой. А в курсе ли Ризек, что она вовсе не канцлер? Или Ори сама убедила его в обратном? В любом случае теперь было слишком поздно.

– Ори, она пытается тебя спасти! – крикнула я на тувенском, надеясь, что она меня услышит.

– Туве – это песочница для шотетов, – заявил Ризек. – Моим верным солдатам ничего не стоило проникнуть в их страну и похитить канцлера. Но этим дело не ограничится. Совсем скоро вся планета будет нашей!

Ризек явно подзуживал своих сторонников. Толпа оглушительно взревела, лица шотетов перекосились от маниакального веселья. Тени Тока плотно, будто смирительная рубашка, обвили мое тело. Я поморщилась.

– Что прикажете, шотеты? – продолжил разглагольствовать Ризек,

обращаясь к трибунам. – Должна ли канцлер умереть от руки своего бывшего подданного?

Ори продолжала смотреть на меня. Она не издавала ни звука, хотя дрон упорно кружил у ее головы, едва не натываясь на Айджу – Айджу, который хранил в своей памяти кошмары и комплексы моего брата.

– Смерть! – завопила толпа. – Смерть!

Ризек широко раскинул руки. Он упивался своей властью. Он неспешно повернулся и кивнул. Жажда крови Ори сделалась чем-то осязаемым, она буквально повисла в воздухе.

Ризек широко улыбнулся, умирив толпу.

– Честь решить, когда именно она умрет, я предоставлю Кайре! – произнес он. – Если я паду, если ты немедленно не дашь мне противоядие, то канцлер падет вслед за мной.

– Противоядия не существует, – пролепетала я.

Я могла спасти Ори. Сказать брату правду, которую не открыла никому, даже Акосу, когда тот умолял меня пощадить Ризека ради призрачной надежды вернуть Айджу. Сказать – и тем самым отсрочить казнь.

Я открыла рот, будто надеясь, не прозвучит ли истина сама, безо всякого участия с моей стороны.

Скажи я Ризеку правду, Ори будет спасена, но мы все окажемся запертыми в амфитеатре как в ловушке, окруженные морем сторонников Ризека. Заговорщики проиграют.

Во рту пересохло. Я не могла сглотнуть. Нет, для Ориэвы Бенезит все кончено. Я не могла спасти ее, приговорив остальных, включая настоящего канцлера Туве.

Ризек пошатнулся. Я кинулась вперед, выставив нож. Замахнулась, нанесла удар, и вес его оседающего тела повалил нас обоих. Высоко над нами Айджа Керезет, изможденный, кудрявый и большеглазый, вонзил топор в живот Ори.

И провернул.

38. Акос

Когда Ори упала, Акос услышал леденящий кровь вопль. Ризек, скрестив руки, повалился на бок, его голова безжизненно стукнулась о покрытие арены.

Кайра поднялась на ноги. В ее руке блестел нож. Убила собственного брата и уничтожила последнюю надежду на возвращение Айджы.

Исэй проталкивалась сквозь толпу. На трибунах воцарился хаос. Скрючив, точно когти, пальцы и оскалив зубы, Исэй пробивалась к помосту. Акос выпрыгнул на арену, пробежал мимо Кайры и Ризека, вновь перепрыгнул через ограждение и бросился в людской водоворот. Его толкали, пихали и давили, ногти Акоса до крови расцарапали чью-то кожу, но ему было плевать.

Ори вцепилась в Айджу. С каждым вздохом из ее рта вытекала кровь. Айджа склонился над Ори, и они вместе рухнули на помост.

Лицо Ори исказилось от боли. Акос застыл, не в силах отвести взгляд.

– Прощай, Айджа! – прохрипела Ори, и ее голос, подхваченный дроном, разнесся над амфитеатром.

Акос пригнулся и опять нырнул в толпу. Еще один рывок, еще один, повторял он. Где-то вдалеке плакали дети. Стонала женщина: она ползала под ногами зрителей и просто не могла подняться.

Исэй, добежав до помоста, с рычанием повалила Айджу и начала душить. Тот не сопротивлялся.

Акос остановился. Айджа убил Ори.

Наверное, он заслужил смерть.

– Исэй! – хрипло позвал он. – Исэй, хватит!

Ори потянулась к сестре, хватая пальцами воздух. Только тогда Исэй отшвырнула Айджу и склонилась над Ори. Та прижала ее руку к груди, их глаза встретились.

Ори слабо улыбнулась. И все.

Акос запрыгнул на помост. Одежда Ори вымокла от крови. Исэй не плакала и не кричала. Позади нее распростерся Айджа. Неподвижный, с закрытыми глазами.

Арену накрыла громадная тень. Корабль заговорщиков, ведомый то ли Джайо, то ли Сифой, с оранжевыми, желтыми и красными бортами, прибыл им на выручку.

Тека добралась до контрольной панели, располагавшейся справа от

помоста. Она попыталась открутить кожух, но ее руки тряслись, и отвертка не попадала в прорези винтов. Акос выхватил нож и, просунув острие между экраном и механизмом, надавил. Экран отвалился. Тека, благодарно кивнув, погрузила пальцы внутрь, чтобы обесточить силовое поле.

Ярко вспыхнув напоследок, оно отключилось. Транспортник завис над ареной. В его днище раскрылся люк, опустился трап.

– Исэй! – заорал Акос. – Исэй, уходим!

Исэй бросила на него яростный взгляд. Подхватив Ори под мышки, она потащила сестру к кораблю. Акос попытался ей помочь, но та только рыкнула: «Убери лапы!», и он отступил. Подросла Сизи. На нее Исэй бросаться не стала, и они вместе подняли тело Ори на корабль.

Акос посмотрел на Айджу.

Потряс брата за плечо. Ничего. Прижал пальцы к шее, проверяя пульс. Сердце билось. Айджа дышал.

– Акос! – крикнула ему Кайра с арены.

Она до сих стояла возле тела Ризека.

– Брось эту пададь! – крикнул он ей в ответ, не понимая, почему она не оставит Ризека пожирателям трупов или клевретам Ноавека.

– Нет! – Взгляд ее широко распахнутых глаз был твердым. – Не могу!

Кайра воздела нож над головой. Акос озадаченно пригляделся к острому лезвию. Не может быть!.. Лишь теперь Акос заметил, что нож был чистым. Кайра не втыкала клинок в Ризека.

Но почему Ризек рухнул на арену как подкошенный?

Акосу вспомнился Сузао, падающий лицом в свой суп. И стражник возле входа в амфитеатр – он вообще еле-еле держался на ногах.

Значит, Кайра отравила Ризека?..

Акос знал, что Кайра не только Плеть Ризека или Топор Ризека. Несмотря на ужасное влияние, в ней есть ростки хорошего, и они подобны тихоцветам, расцветающим в Мертвящий час.

Странно, но подобный исход дела не приходил ему в голову.

Кайра пощадила Ризека.

Ради него. Ради Акоса.

39. Кайра

Люк корабля автоматически закрылся. Проверив пульс Ризека, я развязала веревку на его груди. Сердце билось слабо, но это было нормально. Судя по времени, когда подействовало зелье Акоса, и учитывая силу зелья, очнется он не скоро. Я его не заколола, хотя мне пришлось сделать вид, что так оно и есть, на случай, если кто-то приглядится к изображениям, передаваемым дронами.

Когда наступил хаос, Има Зетсивис скрылась. Мгновенно растворилась в толпе.

Хотелось бы мне ее поблагодарить. Впрочем, она «отравила» Ризека, конечно же, не ради меня. У Имы имелись свои веские причины.

Вряд ли мое «спасибо» придется ей по вкусу. Узнав, что я ее обманула, Има возненавидит меня еще сильнее.

Исэй и Сизи склонились над телом Ори. Акос стоял за спиной сестры. Она махнула ему рукой, он подошел и погладил ее пальцы: дар Акоса позволил Сизи заплакать.

– Пусть Ток, текущий сквозь всех и каждого из нас, живых и мертвых, уведет Ориэву Бенезит в царство мира, – прошептала Сизи, накрывая окровавленную руку Исэй своей ладонью. – Да снизойдет на нас, живущих, покой, да поможет нам Ток пройти указанным им путем, не заплутав и не оступившись.

Спутанные пряди волос Исэй прилипли к ее губам. Сизи убрала их за ухо. Я почувствовала, как тепло ее дара разливается в воздухе, успокаивая меня.

– Да будет так, – вымолвила Исэй, заканчивая молитву.

Прежде я никогда не слышала тувенских молитв, хотя знала, что они обращены напрямую к Току, а не к его владыке. Так же молятся в некоторых мелких шотетских сектах. Но шотетские молитвы представляли собой скорее список постулатов, чем просьб. Мне понравилась искренняя неуверенность тувенцев, прямо свидетельствующая о том, что они не знают, будут ли услышаны их мольбы.

Исэй встала, бессильно свесив руки. Корабль резко взлетел, и мы чуть не попадали, потеряв равновесие. Я не беспокоилась, что нас будут преследовать. Отдавать приказы уже некому.

– Ты знал, что Ризек промыл ему мозги, – сказала Исэй, посмотрев на Акоса и кивая на бесчувственного Айджу. – Знал с самого начала.

– Я и не думал, что он способен... – Акос запнулся. – Он любил ее... как сестру.

– Заткнись! – Исэй так сжала кулаки, что у нее побелели костяшки. – Она – моя сестра! И она не принадлежала ни ему, ни тебе и никому другому!

Отвлекаясь на их разговор, я не заметила, как Тека подобралась к Ризеку и ощупала сначала его горло, потом грудь под броней.

– Кайра, – произнесла она, – почему он жив?

Все разом обернулись, назревавшая ссора заглохла. Исэй перевела взгляд с тела Ризека на меня. Я напряглась. В том, как она двигалась и говорила, было что-то угрожающее, как будто у нее внутри находилась сжатая пружина, готовая вот-вот распрямиться.

– Ризек – единственная надежда для Айджи освободиться от злых воспоминаний, – объяснила я ровным тоном. – Пусть поживет. Когда все будет закончено, я с радостью вырву ему сердце.

– Айджа! – Исэй, запрокинув голову, захохотала как безумная. – Зелье, которым ты его опоила, было простым снотворным! Почему ты не призналась и не спасла мою сестру? – Она шагнула ко мне, наступив каблуком на пальцы Ризека. – Ты выбрала иллюзорную надежду! Ты сохранила жизнь предателя и пожертвовала сестрой канцлера, – тихо добавила она.

– Если бы я сказала Ризеку о снотворном, амфитеатр стал бы для нас смертельным капканом. А твою сестру он убил бы в любом случае. Я выбрала путь, который гарантировал спасение нам всем.

– Грязная ложь! – Исэй придвинулась ко мне вплотную. – Ты выбрала Акоса. Не прикидывайся, что у тебя имелись иные мотивы.

– Хорошо, – согласилась я. – Ты или Акос. Я выбрала Акоса, но я ни о чем не жалею.

Это была не вся правда, тем не менее я не врала. Если ей требовалось кого-нибудь ненавидеть, я облегчила ей задачу. Я привыкла к ненависти, особенно со стороны тувенцев.

Исэй отшатнулась.

– Исэй... – начала было Сизи, но та направилась к камбузу и захлопнула за собой дверь.

Сизи вытерла щеки тыльной стороной ладони.

– Поверить не могу, – пробормотала Тека. – Вас мертв, а Ризек жив.

Вас мертв? Я посмотрела на Акоса, но тот отвел взгляд.

– Назови мне хотя бы одну причину, Ноавек, по которой я не должна сейчас убить Ризека, – бросила мне Тека. – И если опять начнешь вещать о

Керезете, я съезжу тебе в челюсть.

– Если ты его убьешь, я перестану с вами сотрудничать, – глухо ответила я, не глядя ей в лицо. – Оставишь в живых – я помогу вам завоевать страну.

– Да? И каким образом?

– Понятия не имею, Тека! – крикнула я, сбросив наконец оцепенение. – Но еще вчера вы прятались в развалинах Воа, а теперь благодаря мне ты стоишь над бесчувственным телом Ризека Ноавека, а Воа повергнут в хаос. Это наводит на кое-какие идеи о моей способности помочь заговорщикам, верно?

Она задумчиво пожевала губу и сказала:

– На нижней палубе есть отсек с прочной дверью. Я брошу его туда, а то еще очухается и кинется на нас. Войны начинались по причинам куда более незначительным, чем эта. Ты не только рассердила некую девицу, ты рассердила целый народ.

В горле у меня застрял комок.

– Ты ведь понимаешь, я ничего не могла сделать для Ори, даже если бы убила Ризека, – возразила я. – Мы оказались в ловушке.

– Я-то понимаю. – Тека вздохнула. – Но Исэй Бенезит тебе не поверит.

– Я поговорю с ней, – подала голос Сизи. – Попробую объяснить. А сейчас ей всего лишь хочется обвинить хоть кого-нибудь.

Сизи сняла куртку, сразу покрывшись мурашками, и набросила ее на тело Ори. Акос наклонился, прикрыл рану на животе девушки. Сизи пригладила Ори волосы и поплелась на камбуз, Акос потащился в грузовой отсек. Походка у него сделалась тяжелой, руки дрожали.

– Давай-ка запрем моего братца понадежней, – обратилась я к Теке.

Айджу и Ризека мы с Текой поместили в разные помещения, сначала одного, затем – другого. Я порылась в сумке, разыскивая пузырек с сонным зельем для Айджи. Непонятно, что с ним творится и почему он без сознания. А если он вдруг очнется и окажется все тем же типом, который убил Ори Бенезит, я бы предпочла не возиться и не нянчиться с ним.

Потом отправилась в пилотскую рубку. В капитанском кресле сидела Сифа Керезет. Она уверенно управляла кораблем. Джайо находился рядом и разговаривал по персоналке с Йореком, который, едва Ризек упал, бросился домой, к матери. Я плюхнулась в кресло, оказавшись по соседству с предсказательницей. Корабль летел высоко, еще чуть-чуть, и мы вырвемся в открытый космос.

– Куда направляемся? – спросила я.

– Будем оставаться на орбите, пока не выработаем план дальнейших

действий, – ответила Сифа. – К шотетам мы, разумеется, не можем вернуться, но и в Туве лететь опасно.

– А что случилось с Айджей? Он впал в кому?

– Нет. Но что с ним произошло, я не знаю.

Сифа смежила веки. Мне стало интересно, не ищет ли она будущее, как навигаторы – звезды? Некоторые люди способны овладеть токодаром, другие становятся его прислужниками. Я никак не могла решить, к какой категории отнести гессианскую прорицательницу.

– Думаю, вы понимаете, что мы потерпели поражение. Вы заверили Акоса, что видения накладываются одно на другое, и когда я сойду с арене с Ризеком, Ори будет в камере. Но вам-то было известно, что это не так! – Я помолчала. – Вы знали, что Акос встретит Васа и у него не останется иного выбора, кроме как прикончить убийцу вашего мужа.

Сифа прикоснулась к экрану навигатора: на черном экране возникла белая линия маршрута. Предсказательница откинулась в кресле, сложив руки на коленях. Какое-то время я ждала, наконец до меня дошло, что отвечать она не собирается. Я решила не давить на Сифу. Моя мать была такой же упрямницей, поэтому я догадалась, что надо сдаться. Тем сильнее удивилась, когда она произнесла:

– Кровь моего мужа требовала отмщения. В будущем Акос сам все поймет.

– Сомневаюсь. Он увидит только то, что его мать манипулирует им, принуждая делать то, что он ненавидит.

– Возможно.

Чернота космоса накрыла корабль бескрайним плащом, и я присмирела. Пустота всегда меня утешала. Я как будто отправилась на Побывку, правда, теперь прощалась с прошлым, а не с местом, которое могла назвать собственным домом. Отсюда трудно было заметить границу между тувенцами и шотетами, и я вновь почувствовала себя в безопасности.

– Пойду-ка проведаю Акоса, – сказала я.

Но прежде чем я встала, Сифа взяла меня за руку и наклонилась ко мне столь близко, что я различила золотисто-карие прожилки в ее темных радужках. Она сморщилась от боли, но руки моей не выпустила.

– Спасибо, – шепнула она. – Догадываюсь, что тебе нелегко было отказаться от мести в пользу милосердия к моему сыну.

– Если бы я воплотила в жизнь наихудшие кошмары Акоса, мои собственные все равно остались бы при мне, – неловко пожала я плечами. – Кроме того, я способна справиться лишь с ограниченным набором

кошмаров.

40. Акос

Шотеты похитили братьев Керезет и перевезли их через Рубеж, но это было только началом. Акос освободился от наручников, украл нож у Кальмева Радикса и зарезал его, но шотеты жестоко избили Акоса, после чего потащили пленников в Воа, к Ризеку Ноавеку. Вниз по склону утеса, по пыльным, продуваемым всеми ветрами улицам, навстречу смерти или тому, что будет хуже смерти. Вокруг галдели люди. Воа пугал и вводил в замешательство.

Когда они брели по короткому туннелю, ведущему к главным воротам поместья Ноаеков, Айджа шепнул Акосу: «Я так боюсь...»

Гибель отца и похищение разбили хрупкую душевную оболочку Айджи, словно скорлупу яйца – и с тех пор на землю беспрестанно сочились слезы. С Акосом же было иначе.

Оказалось, что его скорлупу так просто не разобьешь.

– Я пообещал отцу, что вызволю тебя отсюда, – сказал он Айдже. – И я спасу тебя, Айджа. Я клянусь.

Акос крепко обнял старшего брата за плечи. Они пошли вместе.

Теперь они вырвались на свободу, но вместе больше не были. Акос тащил его силком.

В тесном помещении было неуютно и холодно, зато имелась раковина. Акос разделся по пояс. Рубашку, конечно, не отстирать. Он пустил воду – настолько горячую, насколько мог выдержать, – взял маслянистое мыло и принялся яростно тереть руки. Сунул голову под кран. Солоноватая влага тотчас попала в рот.

Когда вода наконец-то смыла запекшуюся кровь из-под ногтей, Акос позволил себе заплакать.

Весь мокрый, он всхлипывал то ли от ужаса, то ли от облегчения. Разрешил своему горлу издавать невнятное бульканье. Ноющие мускулы вздрагивать от горячей воды.

Когда Кайра спустилась по лестнице и открыла дверь, Акос нетвердо стоял на ногах. Вернее, повис на краю раковины, обхватив руками голову. Девушка окликнула его по имени, и он выпрямился. Их взгляды встретились в треснутом зеркале, висящем на стене. По шее и спине Акоса стекала вода. Он закрыл кран.

Кайра перекинула волосы через плечо. Темные, как космос глаза, потеплели, когда она посмотрела на Акоса. Тени обвинили ее руки,

дотянувшись до ключицы, но они двигались плавно, заторможенно.

– Вас? – спросила Кайра.

Акос кивнул. Ему понравилось, что она не стала произносить пустых слов. Не было ни «Туда ему и дорога!», ни «Ты поступил так, как должен был поступить», ни даже «Все будет хорошо».

Кайра привыкла к аскетизму. Она всегда предпочитала суровую правду. Принадлежала к тому типу людей, которые решительно переломают себе кости, если знают, что новые будут прочнее прежних.

– Ладно, – произнесла она. – Думаю, нам надо найти тебе сухую одежду.

Кайра выглядела усталой, как от тяжелой работы, занявшей целый день. Это было еще одной ее особенностью: нелегкая жизнь подготовила Кайру к трудным ситуациям. Хотя кому-то это могло прийти не по вкусу.

Акос выдернул пробку из раковины, и ржавая вода, изит за изитом, исчезла в сливе. Взял висевшее рядом полотенце, вытерся. Обернувшись, он заметил, что тени заволновались, нервно задвигались вдоль рук и груди. Кайра поморщилась. Да, многое изменилось: токодар уже не отнимал ее жизненную силу.

Новая Кайра получила возможность чуть-чуть дистанцироваться от боли.

Акос поплелся за ней вверх по лестнице, потом – по коридору на склад. Там обнаружили простыни, полотенца и сменная одежда. Акос выудил из стопки вещей рубашку. Она оказалась великовата, но была чистой.

Кайра поднялась на пустую палубу. Корабль лег на орбиту. Рядом с люком Сифа и Тека заворачивали тело Ори в белую простыню. Дверь камбуза оставалась закрытой: Исэй и Сизи пока не выходили.

Акос встал за спиной у Кайры, смотревшей в иллюминатор. Ее завораживало зрелище бескрайней пустоты космоса.

А ему нравились перемигивание звезд, ровное сияние далеких планет, пурпур токотечения.

– Есть шотетское стихотворение, которое я очень люблю, – вымолвила она на чистом тувенском.

Прежде Кайра почти никогда не говорила с ним по-тувенски. Значит, теперь пришло время для тувенского, для его родного языка.

Сейчас Кайра и Акос были на равных. Кайра едва не погибла, пытаясь этого добиться.

Акос наморщил лоб и задумался. Наверное, о человеке можно судить по тому, как он себя ведет, ощущая боль. Кайра, чьи физические страдания

были нескончаемы, хотела пожертвовать жизнью, чтобы освободить Акоса.

Он никогда этого не забудет.

– Его сложно перевести, – продолжила она, – но примерный смысл такой: «Лишь тяжесть на сердце свидетельствует, что справедливость восторжествовала».

– У тебя – отличное произношение, – проговорил Акос.

– Мне нравится, как звучит тувеский, – она дотронулась до горла. – Я сразу начинаю думать о тебе.

Акос взял Кайру за руку, их пальцы переплелись. Тени исчезли, ее смуглая кожа потускнела, но тревога из глаз не ушла. Возможно, если Акос будет сравнивать бездонную космическую пустоту с цветом ее глаз или теплым оттенком ее кожи, ему удастся к ней привыкнуть?

– Справедливость восторжествовала, – повторил он. – Но это лишь только одна из точек зрения.

– Такова и моя точка зрения. А ты, судя по кислому выражению твоего лица, избрал путь вины и отвращения к себе.

– Я хотел его убить. И ненавижу себя за подобные желания, – Акос вздрогнул, взглянув на свои руки, покрытые синяками и царапинами – совсем как лапы Васа.

Кайра помолчала.

– Никто не знает, что правильно в жизни, а что – нет, – ответила она. – Мы лишь делаем то, что в наших силах. И каждый из нас всегда нуждается в милосердии. Сказать, кто меня этому научил? – улыбнулась она. – Ты.

Акос оторопел. Он не представлял, что мог чему-то научить Кайру Ноавек. Зато прекрасно представлял, чем ей придется платить за проявленное милосердие по отношению к Айдже и Ризеку. Кайра сама сделала свой выбор. Вместо выстраданной победы она получила взамен только злобу Исэй и презрение заговорщиков. Но Кайру Ноавек, похоже, не слишком беспокоили такие проблемы. Никто не умел переносить чужую неприязнь так, как Кайра. Временами она словно нарочно подстегивала чужую ненависть.

Акос вздохнул. Он все понимал. Кайра искренне считала, что чем дальше люди будут держаться от нее, тем лучше для них.

– Чего уставился? – спросила она.

– Ты мне нравишься.

– Угу.

– Я имею в виду, ты нравишься мне такой, какая есть. Я не хочу, чтобы ты менялась, – он улыбнулся. – Я никогда не думал о тебе как о чудовище, оружию или... как ты еще себя именovala? Ржавый...

Он не договорил. Ее ладонь прижалась к его губам, не давая произнести слово «гвоздь». Прохладные, чуткие пальцы пробежались по шрамам и кровоподтекам, будто желали их забрать. Он ощутил запах тихоцветов, солефрутов и своего родного дома.

Акос вдохнул аромат ее кожи. Они оба становились смелее: пальцы запутывались в волосах, цеплялись за полы рубашек, находили незнакомые прежде места, – мягкий изгиб ее талии, ямочку на его шее. Тела прижимались друг к другу: грудь к груди и колено к колену...

– Эй, вы двое! – закричала Тека, появляясь на палубе. – Не на публике же!

Кайра резко развернулась и сердито посмотрела на Теку.

Акос знал, что она сейчас чувствует. Ему тоже хотелось большего.

Ему хотелось всего.

41. Кайра

Я спустилась по лестнице, ведущей на склад, где заперли моего брата. Двери были из прочного металла, однако в них имелись вентиляционные отверстия. Я замедлила шаг. Каждый раз, когда корабль вздрагивал, над моей головой мигали лампы.

Отверстия находились на уровне глаз. Я приникла к ним и заглянула в помещение, ожидая увидеть бесчувственного Ризека на полу рядом с бутылками растворителя или кислородными баллонами. Не тут-то было. Сначала я вообще никого не увидела. Судорожно хватала ртом воздух, намереваясь позвать на помощь, но внезапно в поле зрения возник Ризек.

Его силуэт был расчерчен полосами от решетки вентиляционного отверстия.

Глаза оставались мутными, но полными презрения.

– Ты еще трусливее, чем я думал! – прорычал он.

– Мы поменялись местами, Ризек. Оказывается, по эту сторону двери находиться куда интереснее, – заметила я. – Ты только поосторожней, ладно? А то я буду вести себя с тобой так же, как ты раньше поступал со мной.

Подняв руку, я позволила теням ее окутать. Чернильные завитки, как тонкие волоски, оплели мои пальцы. Провела ногтем по решетке, думая о том, как легко было бы сейчас причинить боль Ризеку. Просто открыв дверь. Никто меня не остановит.

– Кто это сделал? – спросил он. – Кто меня отравил?

– Ты ведь знаешь, кто. Я.

– Нет! – возразил Ризек. – После твоей первой попытки меня убить я запер комнатку, где хранились зелья с тихоцветами на ключ! – Он усмехнулся. – Говоря «запер», я имею в виду замок, который открывается кровью Ноаеков. – Ризек сделал многозначительную паузу. – И ты не смогла бы отпереть дверь.

Во рту у меня пересохло, я впилась в Ризека взглядом. У Ризека, разумеется, были записи с системы видеонаблюдения. Наверняка он видел, как я безуспешно возилась с замком. И это, похоже, его не удивляло.

– Что ты имеешь в виду? – тихо спросила я.

– Мы с тобой – не кровные родственники, – отчеканил он. – Ты – не Ноаек. А иначе зачем бы мне эти замки? Их может открыть единственный человек. Я.

Действительно, до той «неудачной попытки убийства» я никогда прежде не пыталась открыть двери, запечатанные кровью Ноавеков.

Вообще-то я даже никогда не заходила в комнаты Ризека по своей воле.

А сейчас Ризек был в своем репертуаре. Он опять интриговал. Что-что, а этим умением он овладел в совершенстве.

– Если не Ноавек, то кто? – спросила я.

– Откуда мне знать? – Он захохотал. – Я рад, что мне удалось лично тебе об этом сообщить. Видела бы ты свою физиономию! Сколько эмоций, Кайра. И когда ты научишься держать свои реакции под контролем?

– Могу сказать то же самое о тебе. Твоя ухмылка с каждым разом становится все менее убедительной, Риз.

– Риз, – он снова засмеялся. – Ты думаешь, что победила, но ты ошибаешься. Вдобавок у меня есть еще один козырь!

В моей душе разыгралась настоящая буря, но я старалась держаться спокойно. Я внимательно разглядывала Ризека – его растянутые в улыбке губы и морщинки в уголках глаз. Искала хоть малейшее сходство и не находила. Ну и что?.. Иногда дети напоминают мать или отца, а иногда – отдаленных родственников, если в них пробуждаются затерянные гены. С равной вероятностью Ризек мог говорить правду, а мог затеять очередную игру. Но я не собиралась доставлять ему удовольствие и болезненно реагировать на его выпады.

– Отчаяние тебе не к лицу, Ризек. Это почти неприлично, – я прижалась кончиками пальцев к отверстиям.

Но следующая фраза Ризека выбила меня из колеи.

– Наш отец, – Ризек запнулся и тут же поправился: – Лазмет Ноавек жив.

42. Акос

Он смотрел в иллюминатор. Слева показалась долька Туве, белая от снега и облаков. Он вспомнил, что шотеты называют планету Урек, что значит «Пустая». С этой высоты действительно ничего не видно, кроме белизны.

Сизи принесла ему чашку чая. Судя по зеленовато-желтому цвету – тонизирующий отвар. Акос пока не слишком преуспел в приготовлении таких, ему в основном приходилось работать с тихоцветами, из которых получалось то снотворное, то обезболивающее. На вкус чай оказался горьковатым, как свежесорванный стебелек, но Акос сразу почувствовал себя лучше.

– Как Исэй? – поинтересовался он.

– Исэй... – сестра нахмурилась. – Надеюсь, мне удалось до нее достучаться сквозь ледяную корку горя. Поживем – увидим.

Акос был уверен: они увидят, да еще как. И наверняка – не то, что ожидают. Он заметил, с какой ненавистью Исэй смотрела на Кайру, стоя возле бездыханного тела сестры.

И вряд ли простой разговор с Сизи сможет ослабить эту ненависть, какими бы теплыми ни были их отношения.

– Но я не сдамся, – добавила Сизи.

– Какое упорство! Вот она – замечательная черта, присущая моим детям, – по лестнице на палубу поднялась мама. – Они настойчивы, а точнее, твердолобы.

Она улыбалась. У мамы странная манера хвалить людей, подумал Акос и задался вопросом, не рассчитывала ли она на его «твердолобость», слишком поздно отправляя их в тюрьму. Или действительно не учла, что Айджа, став оракулом, вмешается в ее планы. Кто знает?..

– Айджа очнулся? – осведомился Акос у матери.

– Очнулся, – вздохнула она. – Но ни на что не реагирует, по-моему, он меня не слышит. Не представляю, что Ори с ним сделала, прежде чем он...

Акос вспомнил Айджу с Ори. Они вцепились друг в друга на том злополучном помосте. Она попрощалась с ним так, словно умереть предстояло ему, а не ей. Затем прикоснулась к нему, и Айджа упал. Что делало с людьми ее прикосновение?

Ори уже никогда не ответит на этот вопрос.

– Надо дать ему время, – продолжила Сифа. – Потом посмотрим,

нельзя ли с помощью Ризека восстановить Айдже память. И у Кайры, конечно, найдется пара-тройка полезных идей.

– Спорю на что угодно, – мрачно добавила Сизи.

Акос отхлебнул чая и немного расслабился. В конце концов, Айджа спасен, Сизи и Сифа живы.

А он чувствовал себя спокойнее, зная, что шотеты, напавшие на его дом и убившие отца, – мертвы. Их знаки были вырезаны на его руке. Ну, или будут, когда Акос нанесет шрам в память о Васе.

Суденьшко продолжало полет, Туве почти скрылась из виду, теперь в иллюминаторе перемигивались звезды да сияла отдаленная планета. Золд, насколько Акос помнил астрономию. Хотя мог и ошибаться, отличником он никогда не был.

Молчание прервала Исэй, покинувшая камбуз. Девушка выглядела лучше, чем два часа назад: волосы стянуты в тугий пучок, окровавленный свитер сменила чистая рубашка. Свои руки Исэй тщательно вымыла.

Она встала на краю палубы.

– Сифа, покиньте орбиту и вбейте в навигатор координаты штаб-квартиры Ассамблеи.

Сифа вернулась в капитанское кресло и бесстрастно произнесла:

– Почему именно туда?

– Они должны убедиться, что я жива, – Исэй смерила ее холодным, оценивающим взглядом. – Кроме того, там найдутся подходящие камеры для Ризека и Айджи, где те и останутся, пока я не решу, что с ними делать.

– Исэй... – начал Акос и замолчал.

Все, что мог, он давно уже сказал.

– Не испытывайте моего терпения, иначе узнаете, что и у него есть границы, – Исэй заговорила как канцлер, а не как девушка, когда-то погладившая его по голове и назвавшая тувенцем. – Айджа – гражданин Туве. С ним будут обращаться так же, как и с прочими. Разве что ты, Акос, пожелаешь объявить себя шотетом. Тогда я буду с тобой обращаться как с мисс Ноавек.

У Акоса не имелось шотетского гражданства, но препираться с ней было себе дороже. Исэй скорбела.

– Не желаю, – ответил он.

– Прекрасно. Маршрут проложен?

Сифа потянулась к экрану навигатора, на котором светились маленькие зеленые буквы, ввела координаты и откинулась на спинку кресла.

– Проложен. Через несколько часов будем на месте.

– А до тех пор ты проследишь, чтобы Ризек и Айджа были под замком, – приказала Исэй Акосу. – И пока я о них слышать не желаю, ясно?

Он кивнул.

– Хорошо. Я буду на камбузе. Сифа, предупредите меня, когда мы будем подлетать к штаб-квартире.

И не дожидаясь ответа, Исэй ушла. Металлическая палуба задрожала под ее каблуками.

– Я предвижу войну. Во всех своих видениях до единого я вижу войну, – произнесла Сифа, ни к кому не обращаясь. – Нас ведет туда сам Ток. Действующие лица меняются, однако итог всегда один.

– Но мы вместе, – Сизи взяла маму за руку, то же самое сделал и Акос.

– Да, сейчас, – Сифа выдавила улыбку.

Сейчас. На миг Акосу показалось, что он что-то почувствовал. Голова Сизи, лежащая у него на плече, мамина улыбка... Он почти услышал, как мерзлые метелки ковыль-травы царапают стекло. Тем не менее улыбнуться не смог.

Корабль заговорщиков улетал прочь от Туве. Акос видел пульсирующий Ток, похожий на туманную реку, текущую по галактике. Он связывал воедино все планеты, и хотя казался неподвижным, каждый человек чувствовал его пение в своей крови. Шотеты считают, что именно Ток даровал им язык и вложил в их души мелодию, которую способны слышать только они. И они были правы. Акос тому доказательство.

Но Акос по-прежнему ощущал лишь тишину.

Акос положил руку на плечо Сизи, и его взгляд упал на знаки. Быть может, как утверждала Кайра, они были знаками потери, но, находясь рядом со своими родными, он вдруг понял, что иногда потерю можно вернуть.

Глоссарий

Альтетахак («путь руки») – стиль шотетского боевого искусства, предназначенный для сильных и крепких телом учеников.

Бенезит – один из трех судьбоносных родов планеты Туве. В каждом поколении их представитель становится канцлером.

Воа – шотетская столица, где обитает большая часть их населения.

Гесса – один из трех главных городов планеты Туве, имеющий несколько более дурную репутацию, чем два других.

Зиватахак («путь сердца») – стиль шотетского боевого искусства, предназначенный для учеников, быстрых как телом, так и разумом.

Изит – мера длины, равная ширине мизинца среднего человека.

Керезет – один из трех судьбоносных родов планеты Туве, живущий в Гессе.

Ковыль-трава – сильнодействующее растение, эндемик Огры. При употреблении провоцирует галлюцинации.

Ледоцветы – единственная полевая культура Туве, неприхотливые растения с разноокрашенными соцветиями и толстым стеблем, каждое из которых обладает особым лечебным или иным свойством. Используются во всей Солнечной системе.

Ноавек – единственный судьбоносный род шотетов, прославившийся вспыльчивым и жестоким нравом.

Осок – самый северный и холодный из трех крупнейших городов Туве.

Отир – вторая от Солнца планета, известная своим богатством и техническим развитием, особенно в области медицины.

Пита – «Водяная планета», чей народ знаменит прагматизмом и успехами в разработке синтетических материалов.

Побывка – ежесезонное путешествие, предпринимаемое шотетами: облет Солнечной системы на огромном звездолете в поисках любых ценных вещей, на которые им указывает Ток.

Сезон – общепринятая мера времени, появившаяся на Пите, где один оборот планеты вокруг Солнца шутливо именуют «сезоном дождей» (дожди на Пите идут непрерывно).

Тепес, или «Пустынная планета», ближе остальных расположена к Солнцу и населена исключительно религиозными людьми.

Тихоцвет – самый известный из так называемых тувенских ледоцветов. Настойка алого тихоцвета ядовита, но, будучи разведенной

водой, служит болеутоляющим и расслабляющим средством.

Ток – природный феномен, а в некоторых случаях – религиозный символ. Ток – это мистическая сила, дарующая людям различные таланты, которую можно использовать в кораблях, машинах, оружии и т. д.

Токодар – считается результатом прохождения Тока через тела людей. Токодар – это совокупность талантов каждого отдельного человека, развивающихся в отрочестве, не всегда, кстати, благоприятных.

Токотечение – визуальный эффект Тока, наблюдаемый в небе. Ярко-окрашенное токотечение струится, охватывая каждую планету Солнечной системы.

Туве – принятое в Ассамблее название планеты и населяющего ее народа. Также известна под наименованием «Ледяная планета». Наряду с тувенцами, там обитают и шотеты.

Урек («Голая») – шотетское название планеты Туве (хотя по отношению к племени туве шотеты употребляют тувенское самоназвание).

Шисса – самый богатый из трех главных городов Туве. Его здания висят над землей «подобно остановившимся каплям дождя».

Эльметахак («путь разума») – забытый ныне стиль шотетского боевого искусства, делающий акцент на стратегическое мышление.

Благодарности

Спасибо, спасибо, спасибо:

моему другу и мужу Нельсону – за «мозговой штурм», чтение моих черновиков и за то, что делит со мной эту невероятно прекрасную жизнь;

моему издателю Кэтрин Теген – за ее полезные замечания, желание, чтобы книга получилась как можно лучше, развитое чутье и доброе сердце;

моему агенту Джоанне Вольпе – за поддержку идеи, общее руководство и уместную откровенность. А кроме того, за чудные подарки, которыми мы с ней обменялись. Я их просто обожаю!

Даниэль Бартон – за терпеливую веру в меня, за помощь и за наши чумовые телефонные разговоры по пятничным вечерам. Кэтлин Ортис – за неустанную и жизнерадостную работу ради того, чтобы эта книга нашла своих читателей по всему миру. Пуйе Шахбазяну – за то, что он хороший человек, за фотографии очаровательных детишек и великолепную интуицию. Всем остальным сотрудникам «Нью Лиф Литерари» за поддержку и замечательную работу над книгами (и фильмами).

Розанне Романелло – за участие, умение планировать все наперед и стимулы, помогающие мне расти. Нелли Куртцманн, Синди Гамильтон, Бесс Брасуелл, Сабрине Аббале, Джен Шоу, Лорен Флауэр, Марго Вуд и Патти Розати – за маркетинг, терпение и гибкость (особенно за СЕТКУ БЕСС!).

Джошу Вайсу, Гвен Мортон, Александре Ракацки, Бренне Францитте и Валери Ши – за их непревзойденные навыки в редактировании и исправлении «ляпов», особенно когда речь идет о логических несоответствиях в литературных мирах.

Андреа Пеппенхаймер, Кэти Фабер, Керри Мойну, Хизер Досс, Дженн Виганд, Фрэн Олсон, Деб Мерфи, Дженни Шеридан, Джессике Абель, Сьюзан Йегер из отдела продаж; Джин МакГинли – за обеспечение субсидиарных авторских прав; Рэнди Розема и Пэм Мур – за их финансовый талант; Кейтлин Гейринг за прекрасные аудиокниги; Лилиане Сан из производственного отдела; Келси Хортон из издательского отдела – за ее тяжелый труд (!!!), доброту и поддержку. Джоэлю Типпи, Ами Райн, Барбаре Фитцсиммонс и Джеффу Хуану – за роскошное оформление книги, лучше которого и пожелать было нельзя. И, разумеется, Брайану Мюррею, Сюзанне Мерфи и Кэйт Джексон – за то, что издательство «Нагрей» стало для меня родным домом.

Маргарет Штоль, рыцарю-джедаю и женщине, которой я стану, когда вырасту, – за заботу о моем интеллектуальном развитии. Саре Энни – за дружбу, вычитку текста и ее нереальную крутость.

Кортни Саммерс, Кейт Харт, Дебре Дризе, Сомайе Дауд, Коди Кеплингер, Эми Лукавич, Фиби Норт, Мишель Крис, Линдси Рот Кулли, Морин Гоо, Каре Томас, Саманте Мабри, Кейтлин Уорд, Стефани Кьюн, Кирстен Хаббард, Лори Девор, Алексис Басс, Кристине Хальбрук, Лейле Остин и Стеф Синкхорн – за их бесконечную поддержку, чувство юмора и честность. Черт возьми, я люблю вас, ребята! Тори Хилл – за нежную заботу об авторах-невротиках. Брендану Рейхсу – за пособничество в моих проделках в Чарльстоне и за то, что придал им определенный стиль.

Всем участникам «ЙелФест» – за то, что они позволяют мне два раза в год составлять невероятные таблицы. А кроме того, в самых отчаянных случаях – моей рубрике «Входящие» – за то, что доказывает: я не одинока в этом мире.

Элис, МК, Карли и всем прочим неписателям в моей жизни – вы поддерживаете мои отшельнические наклонности и напоминаете мне, что работа – это еще не жизнь, а жизнь – не работа.

Спасибо маме, Фрэнку III, Ингрид, Карлу, Фрэнку IV, Кэндис, Дейву, Бет, Роджеру, Тайлеру, Рейчел, Тревору, Тере, Дарби, Эндрю, Билли и Фреду: если в моих романах я одержима идеей важности семьи, то это – благодаря вам.

Каталине – за то, что учит меня драться: теперь сцены драк удаются мне гораздо лучше! Поле – за все замечательные слова, заставившие меня внимательнее следить за собой.

Всем женщинам, которые страдают от хронических болей, – за помощь при создании образа Кайры.

А еще – девочкам-подросткам, удивительным, замечательным и окрыляющим.